

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО

(БАРОНА БРАМБЕУСА).

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

Продается у А. СМИРДИНА сына и К°.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО

IX.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО

(БАРОНА БРАМБЕУСА).

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 1 Мая 1859 г.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

Въ типографіи Безобразова и Ко.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТАГО ТОМА.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

ФИЗИКА. ГЕОЛОГІЯ.

ФИЗИКА.

—

ТЕОРІИ ВЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКАХЪ.

Вступленіе къ статьѣ *«Новѣйшія наблюденія надъ электричествомъ»*.

Ничто столько не вредитъ успѣху положительнаго знанія какъ теоріи, или умозрительныя понятія, о свойствахъ различныхъ дѣятелей природы. Когда мы, съ теоріей въ умѣ, открываемъ новый фактъ, мы никогда не смотримъ на него съ той стороны, съ какой онъ намъ является, но хотимъ непремѣнно найти его согласнымъ съ предвзятымъ понятіемъ о сущности вещества, къ которому онъ относится; и, что̀ всего хуже, хотимъ тотчасъ объяснить его тѣмъ, что̀ уже знаемъ, не думая, что можетъ-быть мы дурно знаемъ это или что между прежнимъ знаніемъ нашимъ и новооткрытымъ фактомъ таится цѣлый рядъ фактовъ, намъ вовсе неизвѣстныхъ. Ни въ одной наукѣ эта опрометчивость, или это несчастіе нашего ума, не дѣлаетъ столько зла какъ въ физикѣ, которая служитъ свѣтиломъ и пособіемъ для множества другихъ наукъ. Здѣсь всякая легкомысленность теоретиковъ порождаетъ длинную цѣпь заблужденій, которыя по-

томъ распространяютъ запутанность и мракъ во многихъ другихъ отрасляхъ знанія. Въ астрономіи, механикѣ, физіологіи, медицинѣ, довѣрчивый испытатель обыкновенно опираетъ свои соображенія на какую-нибудь истину, уже дознанную въ физикѣ, а между-тѣмъ истина эта далеко не дознана; она только предположеніе, выданное за фактъ заносчивостью тѣхъ, которые все объясняютъ; она только благовидная ложь, и на этой-то лжи, въ десяти другихъ наукахъ, основываютъ самые блистательные выводы. Лягушка, кусокъ стекла и магнитъ случайно обнаружили намъ разныя непонятныя явленія. Вмѣсто того, чтобы ограничиться собираніемъ и записываніемъ этихъ явленій, пока не исчерпаемъ ихъ до послѣдней возможности, мы ту жъ минуту принялись объяснять ихъ, и создали для удобства нашего бѣднаго ума три различныя летучія, невѣсомыя жидкости — галванизмъ, электричество и магнитность. Сколько ученій основано было на этихъ трехъ *дѣятеляхъ!* Въ наукахъ положительныхъ, какъ и въ нравственныхъ, есть люди, несмотря на свою ученость, слабоумные и фанатики, которые все принимаютъ за истину и готовы предать себя истязанію за несомнѣнность теоріи, которая удовлетворяетъ ихъ сегодня. Эти ученые живутъ только настоящимъ временемъ и никогда не думаютъ о завтрашнемъ. Для нихъ пословица — «утро вечера мудренѣе» не существуетъ. Такимъ образомъ, три жидкости, галваническая, электрическая и магнитная, превратились въ пламенныя вѣрованія. Между-тѣмъ какъ немногіе осторожные умы изрѣдка изъявляли сомнѣніе

въ основательности наблюденія, боясь, чтобы тутъ не скрывался оптическій обманъ, всѣ остальные смѣло писали теоріи, твердили о трехъ жидкостяхъ и сочетаніемъ ихъ объясняли даже начало міра. Послѣ цѣлаго столѣтія мечтаній, громкихъ разглагольствій, страстныхъ увѣреній въ очевидности дѣла, наконецъ въ наше время, когда уже нашлось довольно значительное количество наблюденій надъ образными проявленіями трехъ жидкостей, мы спохватились, что эти теоріи были преждевременны, что весьма многія явленія общи тремъ мнимымъ дѣятелямъ, и что каждымъ изъ нихъ можно получить, въ извѣстныхъ случаяхъ, одни и тѣ же результаты, которые, слѣдственно, должны принадлежать одному дѣятелю; что мы только не знаемъ еще всѣхъ промежуточныхъ фактовъ, которыми бы могли вполнѣ связать три жидкости, три различныхъ образа проявленія одной и той же силы, въ одну жидкость и одну силу.

Галванизмъ первый исчезъ съ поприща и слился съ электричествомъ, съ-тѣхъ-поръ какъ Вольтовъ столбъ и электрическая машина, употребленные въ дѣло съ бо̀льшимъ искусствомъ, начали производить одинаковыя явленія. Вскорѣ магнитность стала обнаруживать разные феномены, совершенно сходные съ феноменами электричества, и надобно было слить двѣ остающіяся жидкости въ одну: на первый случай составили изъ нея смѣсь подъ названіемъ электромагнитности. Наконецъ, года четыре тому назадъ получили изъ магнита и электрическую искру, которая жестоко потрясла теоріи: свѣтлый умъ Фаредѐ пользуясь

этимъ открытіемъ, успѣлъ связать одною неразрывною цѣпью множество фактовъ, примѣченныхъ другими и почитаемыхъ за несогласимые между собою, и теперь одни только отсталые и староверы упорствуютъ еще въ отдѣленіи магнитности отъ электричества.

Но не должно думать, чтобы мы уже достигли до познанія истины, удостовѣрившись болѣе или менѣе въ тождествѣ трехъ предполагаемыхъ дѣятелей и водворивъ одно *электричество* вмѣсто электричества, галванизма и магнитности. Ганстенъ, собравъ всѣ наблюденія надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки, сдѣланныя доселѣ въ разныхъ точкахъ шара, провелъ на картѣ черты равносильной земной магнитности, и эти черты оказались соотвѣтственными Гумбольдтовымъ линіямъ равносильной теплоты климатовъ: пришлось по-необходимости заключить, что магнитность и теплота (также невѣсомая *жидкость)* должны зависѣть отъ одного и того же начала. Вотъ уже третья жидкость, теплота, сливается съ электричествомъ, и третья прекрасная теорія опрокинута, хотя еще нѣтъ средства согласить всѣхъ явленій теплоты съ извѣстными явленіями электричества. Далѣе: свѣтъ (опять невѣсомая *жидкость),* такъ же какъ и теплота, въ разныхъ случаяхъ производитъ явленія, которыя прежде приписывались исключительно магнитности. Неужели и эта драгоцѣнная жидкость, свѣтъ, уничтожится, и мы будемъ, вмѣсто пяти дѣятелей, имѣть одно только электричество? Моссотти сверхъ-того приписываетъ ему силы тяготѣнія и сцѣпленія, а Mackintosh и самое движеніе. Очень хорошо: электричество, жидкость

летучая, безконечно тонкая, невѣсомая, проникаетъ всѣ тѣла и весь земной шаръ, приводитъ его въ движеніе, связываетъ его съ солнцемъ, является въ магнитѣ и земномъ шарѣ магнитностью, въ живыхъ тѣлахъ галванизмомъ, въ другихъ случаяхъ теплотою и свѣтомъ: какъ оно это дѣлаетъ, мы не знаемъ, но эти протеевы превращенія, эти безконечно разнообразные феномены, по-видимому, относятся къ одному и тому же началу. На этомъ можно было бы остановиться; но вотъ г. Peacock представляетъ очень замысловатую машину для *взвѣшиванія* знаменитой невѣсомой жидкости электрической, а г. Brewster обѣщаетъ сообщить въ нынѣшнемъ году, на съѣздѣ англійскихъ ученыхъ, несомнѣнныя доказательства, что такъ-называемая магнитность земнаго шара, которая дѣйствуетъ на стрѣлку, имѣетъ мѣсто въ *воздухѣ*, а не въ земномъ шарѣ. Тутъ ужъ надо признаться, что нынче менѣе чѣмъ когда-либо можно сказать, чтò такое электричество. Достовѣрно лишь одно — что оно есть и что мы его не понимаемъ; что еще не скоро мы будемъ въ состояніи понять его, и потому должны удерживаться, покамѣстъ, отъ всякихъ теорій, всякихъ умозрительныхъ объясненій, и собирать факты. Когда мы накопимъ два милліона новыхъ наблюденій, тогда быть-можетъ выведемъ изъ нихъ чтò-нибудь путное. Теперь мы въ правѣ сказать только то, что въ природѣ есть какое-то начало — если угодно, жидкость, — а если не угодно, то *свойство* — которое составляетъ основаніе всѣхъ тѣлъ и обнаруживается тысячью удивительными явленіями добровольно, или

когда мы раздражимъ эти тѣла извѣстными средствами. Молнія, искры, свѣтъ, теплота, огонь, таинственные химическіе процессы, развитіе жизни, потрясенія тѣлъ, сцѣпленіе частицъ, образованіе правильныхъ фигуръ, и прочіе бесчисленные феномены, все исторгается изъ непроницаемыхъ тайниковъ матеріи, когда мы взволнуемъ или расшевелимъ въ ней это основаніе, эту душу тѣлъ. Пусть оно будетъ и электричество: названіе ничего не значитъ и ничему не научаетъ.

Быть-можетъ, мы находимся теперь въ точкѣ великаго перелома человѣческаго знанія. Быть-можетъ, изъ этого хаоса понятій истечетъ лучъ яркаго свѣта, который озаритъ намъ путь къ великимъ истинамъ природы. Но, пока это наступитъ, намъ остается только слѣдовать за ходомъ новыхъ наблюденій и открытій, и не спѣшить общими выводами.

1837.

—

СВѢТЪ ДѢЙСТВУЕТЪ ДАВЛЕНІЕМЪ И ЕСТЬ СЛѢДСТВІЕ ТЯЖЕСТИ. ВСЕОБЩЕЕ СІЯНІЕ И ВСЕОБЩЕЕ ПРИТЯЖЕНІЕ.

Всѣмъ нынче извѣстно любопытное открытіе господина Мёзера, который доказалъ, что для полученія дагерротипныхъ картинъ свѣтъ не нуженъ, и что образъ предмета отпечатлѣвается на гладкихъ поверхностяхъ

въ совершенной темнотѣ, если только предметъ достаточно сближенъ съ этими поверхностями. Знаменитый часовой мастеръ Брегѐ сообщаетъ теперь свое собственнее наблюденіе, въ письмѣ къ одному изъ членовъ парижской академіи наукъ. Г. Брегѐ говоритъ, что въ его заведеніи неоднократно было замѣчено, что, въ новыхъ карманныхъ часахъ, которыхъ долго не отпирали, при открытіи задней крышки надпись, находящаяся внутри часовъ, являлась какъ-бы отпечатанною въ обратномъ видѣ на внутренней, полированной сторонѣ крышки. Этому явленію, хорошо извѣстному его часовымъ работникамъ, г. Брегѐ не придавалъ тогда никакой важности. Открытіе г. Мёзера заставило его обратить вниманіе на эти странные отпечатки надписей, не прикасающихся нигдѣ къ внутренней поверхности часовой крышки, и онъ убѣдился, что тутъ происходитъ свѣтописное дѣйствіе безъ всякой явственной помощи свѣта.

Г. Мёзеръ съ другой стороны, не оставилъ своего открытія безъ объясненій: онъ сообщилъ многимъ академіямъ виды свои на этотъ предметъ, и сущность ихъ состоитъ въ томъ, что не одно только солнце сіяетъ само собою въ нашей солнечной системѣ — *всѣ безъ исключенія тѣла сіяютъ*, издаютъ свѣтъ, болѣе или менѣе, такъ же какъ издаютъ теплоту, но мы видимъ сіяніе ихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно довольно сильно, чтобы поражать сѣтчатую оболочку нашего глаза. Извѣстно, что даже и въ солнечномъ свѣтѣ мы видимъ только тѣ лучи, для которыхъ глазъ нашъ довольно чувствителенъ, имен-

но, лучи красный, зеленый, желтый, синій, голубой, оранжевый и фіолетовый, производящіе въ насъ, всѣ вмѣстѣ, чувство бѣлаго свѣта. Риттеръ открылъ, что, рядомъ съ этими видимыми лучами, въ солнечномъ свѣтѣ существуетъ еще множество *лучей невидимыхъ*, о цвѣтахъ которыхъ мы и понятія не имѣемъ. Цвѣта этихъ лучей должны быть или слишкомъ нѣжны для нашего зрѣнія, или слишкомъ сильны, и потому они производятъ въ немъ только ощущеніе темноты, чувство чернаго свѣта, какъ-скоро при нихъ нѣтъ ни одного изъ семи видимыхъ лучей, для которыхъ глазъ нашъ устроенъ. Поэтому можно сказать, что [свѣтъ — коренное свойство всякой матеріи, такъ же какъ и тяжесть; что есть *сила всеобщаго сіянія*, какъ есть сила всеобщаго *притяженія*; и что предметовъ темныхъ не существуетъ въ природѣ: все свѣтится свѣтомъ какого-нибудь цвѣта; все — своего рода солнце, только мы не можемъ сказать какого цвѣта свѣтъ его, когда оно кажется глазу нашему чернымъ и возбуждаетъ въ глазѣ неопредѣленное чувство темноты. Допустивъ это простое правило, которое гораздо разсудительнѣе забытой, и теперь воскрешаемой, ипотезы о *скрытомъ свѣтѣ* тѣлъ, о солнечномъ свѣтѣ, *химически соединяющемся* съ ихъ веществомъ — допустивъ всеобщее сіяніе предметовъ, открытіе г. Мёзера объясняется очень естественно: въ темнотѣ, всякое тѣло, потому именно что оно сіяетъ, можетъ точно такъ же отпечатать свой образъ на гладкой поверхности невидимыми лучами этого сіянія, какъ солнце или предметы, облитые его свѣтомъ, отпечатываютъ

свои образы на гладкихъ поверхностяхъ въ камерѣ-обскурѣ по способу Дагерра: при этомъ разумѣется, что предметъ, сіяющій сильнѣе, отпечатывается всегда на предметѣ сіяющемъ слабѣе. Глядясь въ зеркало, мы каждый разъ дѣйствительно *отпечатываемъ* нашъ образъ въ его веществѣ на-мгновеніе, и, со-временемъ, навѣрное найдено будетъ средство тутъ же утвердить нашу «персону» на поверхности зеркала, какъ найдены уже средства утверждать образы предметовъ и людей, отражающіеся на другихъ поверхностяхъ. Главное дѣйствіе свѣтлѣйшаго предмета на менѣе свѣтлую гладкую поверхность состоитъ, какъ кажется, въ томъ, что лучи его производятъ въ ней легкое движеніе атомовъ ея вещества, такъ-что эти атомы укладываются здѣсь въ другомъ порядкѣ и сохраняютъ его нѣкоторое время; если въ это время подуть на гладкую поверхность какимъ-нибудь паромъ, то онъ ложится въ мѣстахъ, пораженныхъ лучами свѣтлѣйшаго предмета, иначе нежели на остальной части поверхности, и мы получаемъ видимый образъ. Въ этомъ простомъ обстоятельствѣ заключается весь секретъ и дагерротипнаго производства и отпечатковъ, оставляемыхъ на стеклѣ зеркалъ освѣщенными солнцемъ экранами, въ которыхъ бываютъ вырѣзаны узоры. Когда мы пишемъ на зеркалѣ или на ртути какимъ-нибудь тупымъ орудіемъ и, дохнувъ на это мѣсто, ясно видимъ всю надпись, мы дѣлаемъ именно то же самое, что̀ дѣлаютъ лучи свѣта — давленіемъ орудія перемѣшиваемъ атомы стекла или ртути на ихъ поверхности, сообщаемъ имъ другой порядокъ, и

паръ ложится здѣсь иначе чѣмъ въ нетронутыхъ мѣстахъ.

Отсюда — простой логическій выводъ: дѣйствіе всякаго свѣта не что̀ иное какъ *давленіе.* Это — слѣдствіе тяжести, тяготѣніе. Солнце, притягивая къ себѣ планеты, въ то же время, своей тяжестью, давитъ ихъ, давитъ насъ, и самыя тяжелыя линіи этого давленія суть *видимые лучи* его, которые производятъ въ насъ ощущеніе свѣта и его цвѣтовъ. Но какъ это давленіе извергается, мы не знаемъ и, вѣроятно, никогда знать не будемъ.

1842.

—

ОБЩІЙ ВЫВОДЪ СУЩНОСТИ ГАЛЬВАНИЧЕСКИХЪ ТОКОВЪ, ЭЛЕКТРИЧЕСТВЪ, ХИМИЧЕСКИХЪ СРОДСТВЪ, КРИСТАЛЛИЗАЦІИ, СВѢТА, ТЕПЛОТЫ, И ПРОЧАЯ.

По поводу галваническихъ батарей де-ла-Рива, Бунзена и Грова.

Цинкомъ, чугуномъ, или другимъ легко окисляющимся металломъ, поглощается изъ раствора кислородъ, и изъ того же раствора отдѣляется водородъ: значитъ, вода раствора самымъ простымъ химическимъ процессомъ приводится въ разложеніе; это *разложеніе,* сообщая вибраціонныя волненія частицамъ окружающихъ тѣлъ, разлагаетъ потомъ воду и разные другіе составы, возбуждаетъ теплоту, производитъ свѣтъ,

и прочая, и прочая. Это, согласитесь, удивительно какъ похоже — похоже какъ двѣ капли воды — на простое броженіе, простое разложеніе органическихъ тѣлъ, или гніеніе, простое *медленное горѣніе*, которое также сопровождается освобожденіемъ теплоты, а иногда и свѣта. Тутъ именно происходитъ *медленное горѣніе воды.* Теплота, свѣтъ, волны вибрацій, называемыхъ «галваническимъ токомъ», все это — явленія, возникающія изъ медленнаго горѣнія воды. Электрическая искра должна быть не что̀ иное какъ воспламененіе элементовъ воды, водорода и кислорода, выталкиваемыхъ этими вибраціями самаго вещества «хорошихъ проводниковъ» мнимаго электричества; воспламененіе чистѣйшаго «гремучаго воздуха». Что̀ тогда можетъ происходить при электро-химическихъ разложеніяхъ тѣлъ? Невѣсомой жидкости тутъ вовсе не видно: видѣнъ только механическій процессъ дрожательнаго движенія частицъ вещества, возбуждающаго медленное горѣніе воды; распространенія этого движенія такого же рода вибраціями и ихъ волнами по проволокѣ; и, наконецъ, болѣе или менѣе *унисоннаго* съ ними вибрированія атомовъ тѣлъ, вводимыхъ въ кругъ этихъ вибраціонныхъ волнъ, которыя, раскачивая атомы, расталкивая ихъ, расторгая прежнюю связь между ними, разлагаютъ ихъ на составныя части, то есть, даютъ атомамъ свободу групироваться иначе. Если у проволоки, идущей отъ цинка, отъ кислороднаго полюса, собираются кислоты, если тутъ струится кислородный газъ, такъ это оттого, что атомы ихъ вибрируютъ унисонно съ вибраціями атомовъ кислорода,

съѣдающаго цинкъ въ другомъ концѣ проволоки. Процессъ тотъ же, что̀ въ двухъ резонансовыхъ доскахъ, соединенныхъ хорошо вибрирующимъ тѣломъ: тамъ завибрировало ut — и тутъ отзываются вибраціи ut. И естественнымъ слѣдствіемъ такого явленія будетъ то, что у проволоки, сообщающейся съ водороднымъ полюсомъ, станутъ собираться элементы, вибрирующіе унисонно съ вибраціями водорода банки, именно, щелочи и самый водородъ; что они будутъ отогнаны туда сильнѣйшими вибраціями кислорода, вещества гораздо плотнѣе водорода; что этотъ отгонъ составитъ какъ-бы октавное отраженіе съ вибраціями кислороднаго полюса. Смѣшныя выраженія *полюсъ положительный, полюсъ отрицательный*, уже многими оставлены: но тѣла электро-положительныя и электро-отрицательныя еще процвѣтаютъ, а такихъ тѣлъ быть не можетъ въ природѣ. Можно допустить только — *тѣла вибрирующія унисонно съ кислородомъ*, и *тѣла вибрирующія унисонно съ водородомъ*. Долженъ же существовать общій фактъ въ природѣ, фактъ, служащій основаніемъ всѣхъ явленій вещества. Звукъ — слѣдствіе вибрацій, говорите вы. Ну, такъ и все прочее — слѣдствіе вибрацій. Природа, которой законъ и сущность — единство и простота, не можетъ же содержать на жалованьѣ цѣлой канцеляріи старшихъ и младшихъ силъ: одна общая сила должна служить ей рычагомъ ко всѣмъ явленіямъ жизни, органической и неорганической. Эта сила — вѣчная вибрація всего, и солнце, въ нашей системѣ, очевидно, главный центръ ея. Обо всемъ этомъ мы поговоримъ вскорѣ въ дру-

гомъ мѣстѣ, когда будемъ имѣть дѣло съ солнцемъ, которое нужно разобрать критически. Между-тѣмъ замѣтимъ, что всякая вибрація предполагаетъ двѣ вещи—распространеніе вибрацій волнообразно, и гармоническія отраженія между волнами. Что это такъ, доказательство — звукъ. Съ гармоническими вибраціями связаны плоды ихъ, формы. Доказательство — звуковыя фигуры покойника Хладни. Тутъ-то и основаніе кристаллизаціи и всякой правильной формы. Разсматривая природу съ этой простѣйшей и самой естественной точки зрѣнія, окажется, безъ большаго напряженія мудрости, что химическія сродства должны подходитъ подъ правила звуковыхъ аккордовъ — октавъ, квинтъ, терцій, малыхъ септимъ, и такъ далѣе. Если свѣтъ распространяется тоже волнами вибрацій, въ чемъ, кажется, и сомнѣваться невозможно, хотя нынѣшняя теорія свѣтоваго волненія ужасно смѣшна по своей односторонности, то цвѣтамъ призмы нельзя быть ничѣмъ другимъ какъ *гаммою свѣтовыхъ тоновъ*: должно же наступить время, когда мы, существа здравомыслящія, перестанемъ вѣрить такимъ нелѣпостямъ какъ-напримѣръ предположеніе, будто бѣлый лучъ солнца состоитъ изъ *пучка семи разноцвѣтныхъ нитокъ* свѣта, и будто кусокъ треугольнаго стекла въ состояніи *разложить* свѣтъ, который между-тѣмъ признается не тѣломъ, а только явленіемъ. *Разложеніе* вибрацій: ужасъ, какъ это умно! Не проще ли было бы сообразить то, что въ призмѣ мы представляемъ вибраціямъ эѳира, свѣторода, чего угодно, *три* вибрирующія поверхности, три резонан-

совыя доски одинаковой плотности, которыя необходимо и должны произвесть три гармоническіе отголоска—тонъ, его квинту и его терцію, разумѣется, съ октавой. Считайте цвѣта призмы: голубой цвѣтъ—пятый отъ краснаго, основнаго: его квинта; желтый—третій отъ краснаго: его терція, фіолетовый, состоитъ изъ слiянія седьмаго цвѣта, синяго, и восьмаго, краснаго: этотъ восьмой красный, неявственный — не чистая ли октава того краснаго, перваго и густаго? и всѣ четыре вмѣстѣ не составляютъ ли такого же полнаго, правильнаго *аккорда вибрацій*, какъ и въ звукѣ? Но объ этомъ послѣ. Нужны болѣе положительныя доказательства.

Теплота, въ такомъ случаѣ, будетъ просто—сумма живыхъ силъ всѣхъ различныхъ вибрацій, возбуждаемыхъ въ веществѣ солнцемъ или нами. Но и объ этомъ послѣ. Это только для памяти.

1842.

—

ТЕПЛОТВОРНЫЕ, СВѢТОТВОРНЫЕ, И ХИМИЧЕСКІЕ ЛУЧИ ПРИЗМОВОЙ РАДУГИ.

Надо замѣтить прежде всего, что мы никогда не допускали *существованія* такихъ лучей въ радугѣ, и если порой термины эти здѣсь употреблялись, то не иначе какъ въ видѣ принятыхъ техническихъ терминовъ: предполагаемыя различія между лучами *тепло-*

творными (краснымъ и оранжевымъ), *свѣтотворными* (желтымъ и зеленымъ) и *химическими* (голубымъ, синимъ и фіолетовымъ) всегда казались намъ мечтательными, происходящими просто отъ обманчиваго способа производства опытовъ съ ними. Въ статьѣ о свѣтописи на бумагѣ было показано, что въ нѣкоторыхъ составахъ, самыя сильныя химическія измѣненія производятъ красный свѣтъ, а не голубой, или его оттѣнки, синій и фіолетовый, исключительно называемые въ физикахъ *химическимъ лучомъ*. Послѣ Себека, и до Себека, нерѣдко замѣчали также, что не всегда красный свѣтъ — самый теплый изъ всѣхъ семи свѣтовъ призмовой радуги: въ нѣкоторыхъ случаяхъ самымъ теплымъ оказывался, то оранжевый, то зеленый, то голубой или синій; но, принявъ, однажды, названія «лучи *теплотворные*», лучи *свѣтотворные*», за факты, теоретики не хотѣли обращать вниманія на эти исключительные случаи. Г. Меллони однакожъ думалъ иначе: по его убѣжденію, такіе случаи доказывали, напротивъ, что теорія должна быть ложна, и дѣйствительно, онъ теперь находитъ, что замѣчаемая разница въ температурѣ цвѣтныхъ лучей радуги зависитъ просто отъ величины и положенія термоскопа. Донынѣ термоскопъ ставили слишкомъ далеко отъ призмы, въ такомъ разстояніи, гдѣ ряды цвѣтныхъ свѣтовъ, разстилаясь одни надъ другими, производятъ настоящую кашу теплотворныхъ дѣйствій, въ которой нельзя узнать, что̀ которому лучу принадлежитъ. Но если опытъ сдѣланъ правильно, въ узкомъ мѣстѣ призмовой радуги, по направленію нормальной линіи и съ такимъ термоско-

помъ, который можно достаточно приблизить къ призмѣ, то всѣ лучи оказываются *одинаково теплыми*. Если ихъ пропускать сквозь стекла или жидкости, окрашенныя бурымъ или сѣрымъ веществомъ, которое одинаково измѣняетъ всѣ лучи, то они рѣшительно теряютъ столько же свѣта какъ и теплоты. Съ другой стороны, надо замѣтить, что теплота всякихъ лучей зависитъ совершенно отъ тѣла, на которое они падаютъ или сквозь которое проходятъ; и результатъ всего этого — тотъ, что *видимость* или *степень видимости*, степень дѣйствія на наше зрѣніе, словомъ, сила удара луча, составляетъ единственное отличительное свойство цвѣтныхъ лучей призмы и единственное коренное различіе между ними, а всѣ прочія различія — слѣдствіе ошибочнаго способа, по которому опыты досслѣ производились.

Паденіе такого великолѣпнаго открытія, какимъ почиталось открытіе, въ бѣломъ лучѣ солнца, тайнаго существованія отдѣльныхъ лучей свѣтотворныхъ, теплотворныхъ и химическихъ, ужасно огорчительно для нашего ума. Многое еще изъ того, что̀ теперь составляетъ нашу мудрость, что̀ дѣлаетъ насъ великими въ собственныхъ глазахъ, падетъ подобно этому открытію. Падетъ и самое *разложеніе* бѣлаго луча на семь цвѣтныхъ лучей. Падутъ электричество, гальванизмъ, магнитизмъ, теплотворъ, химизмъ. Падетъ наконецъ и *притягательная* сила солнца, на которой все теперь основано. Окажется, что̀ — ларчикъ просто открывался. Окажется, что все это — простыя, механическія, неизбѣжныя слѣдствія одного общаго свой-

ства атомовъ матеріи, которое всѣ мы видимъ и знаемъ, но на которое не обращаемъ вниманія, потому-что оно слишкомъ просто. Когда падетъ вся нынѣшняя наша мудрость, тогда мы будемъ гораздо мудрѣе нынѣшняго. Но черезъ сколько должны мы еще пройти заблужденій и обмановъ, которые будутъ всѣ казаться намъ великими открытіями, истинами, фактами, пока достигнитъ до этого конечнаго знанія!

1843.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО — НЕ ЖИДКОСТЬ, А МЕХАНИЧЕСКАЯ СИЛА ТѢЛЪ.

Г. Грове читалъ въ засѣданіи Лондонскаго Королевскаго Общества ученыхъ, седьмаго февраля 1845 г., разсужденіе, въ которомъ онъ старался изложить сущность множества опытовъ и наблюденій, доказывающихъ, что безсмысленный терминъ *жидкость* или, какъ иные говорятъ еще — «*невѣсомая* жидкость», долженъ быть изгнанъ изъ науки, когда рѣчь идетъ объ электричествѣ. Оно положительно — механическая сила. Силы нельзя ни создать ни уничтожить, потому-что *сила — тяжесть*. Другой силы, въ вещественной природѣ, нельзя ни умомъ постигнуть, ни опытомъ осязать. Поэтому, сколько «силы» есть въ данномъ тѣлѣ, столько и всегда ея будетъ, пока тѣло сохранитъ свою полноту и свое коренное устройство: сила можетъ только быть разбитою на части, разложиться на различныя дѣйствія, или второстепенныя силы, которыхъ сумма всегда равна первоначальной силѣ. Ко-

гда сила производитъ движеніе, количество этого движенія совершенно равно количеству употребленной силы. Когда она производитъ движеніе и треніе вмѣстѣ, сумма движенія и тренія опять равны употребляемой силѣ: треніе не что иное какъ часть полнаго движенія, отдѣленная отъ его итога и измельченная до безконечности. Вертя колесо электрической машины, мы производимъ *движеніе* и *треніе*, два дѣйствія, двѣ второстепенныя силы, которыхъ сложность равна первоначальной силѣ: эти двѣ второстепенныя силы разбиваются опять на новыя дѣйствія, разлагаются на новыя механическія силы, на силы третьяго порядка именно, на электричество, свѣтъ, теплоту, химическое разъединеніе и соединеніе атомовъ, и сумма всѣхъ этихъ дѣйствій, всѣхъ новыхъ силъ, какъ г. Грове доказываетъ, всегда равна суммѣ движенія и тренія, которыя равны употребленной силѣ. Точно такимъ же образомъ горящая свѣча разлагается сперва на угольную кислоту и водородный газъ, а тѣ даютъ свѣтъ, теплоту и электрическія явленія: сумма этихъ веществъ и этихъ силъ равна свѣчѣ, и если бы собрать ихъ въ одно цѣлое, была бы опять свѣча. Въ числѣ опытовъ, представляемыхъ г. Гровомъ въ подтвержденіе его идеи, мы замѣтимъ слѣдующее. Цвѣта, которые электричество производитъ на металлахъ, въ точности — тѣ же, какіе производитъ и сильная теплота: образчики такихъ цвѣтовъ знаменитый физикъ показывалъ обществу въ томъ же засѣданіи. Электричество дѣйствуетъ не иначе какъ механическимъ отторженіемъ и передвиженіемъ атомовъ, подобно теплотѣ и другимъ

силамъ: разгорячая до-бѣла желѣзо электрическимъ токомъ въ азотномъ газѣ подъ стеклляннымъ колпакомъ, можно видѣть, что внутренность колпака покрывается тонкимъ слоемъ этого металла, хотя взвѣсивъ потомъ кусокъ желѣза, употребленнаго въ опытѣ, нельзя открыть никакой убыли. Этотъ опытъ приводитъ г. Грове къ разбору извѣстнаго явленія при образованіи электрическаго свѣта между кусками угля: давно замѣчено, что частицы одного уголька переносятся токомъ на другой и, слѣдовательно, токъ дѣйствуетъ здѣсь только какъ простая двигательная сила. При этомъ случаѣ г. Грове замѣчаетъ еще, что неосновательно полагаютъ, будто электрическій свѣтъ между углями бываетъ сильнѣе въ безвоздушномъ пространствѣ или, такъ-называемой, пустотѣ: напротивъ, чѣмъ совершеннѣе пустота, тѣмъ слабѣе этотъ свѣтъ; онъ только удается лучше подъ снарядами, лишаемыми воздуха, потому-что тогда, для удобства, пропускаютъ токъ перпендикулярно къ землѣ и свѣтъ не принимаетъ вида дуги, образующейся всегда между угольками, поставленными горизонтально въ воздухѣ: въ этомъ положеніи воздухъ поднимаетъ пламя въ срединѣ и, выгибая свѣтъ дугою, уменьшаетъ блескъ его. Но если угольки стоятъ въ перпендикулярномъ направленіи, то въ воздухѣ электрическій свѣтъ несравненно сильнѣе чѣмъ въ пустотѣ, и г. Грове, употребивъ батарею въ сто банокъ, извѣстныхъ подъ его именемъ, получилъ такое яркое освѣщеніе, что фасады ближайшихъ зданій озарялись имъ въ ночное

время совершенно какъ полуденнымъ солнцемъ среди лѣтняго дня.

Но сто банокъ Грове — снарядъ слишкомъ дорогой и въ постройкѣ и въ употребленіи. Всѣ донынѣ извѣстные въ физикѣ снаряды для производства электрическихъ токовъ никуда не годятся въ примѣненіи къ житейскимъ потребностямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что освѣщеніе газомъ рано или поздно должно уступить мѣсто освѣщенію электрическому; каждый это чувствуетъ: но какъ осуществить то, что̀ мысль предвидитъ? какъ рѣшить задачу, которою требуется—получить дешево и безхлопотно, токъ сильный, постоянный и ровный? По нашему мнѣнію, надо прежде всего оставить всѣ физическія банки и батареи: изъ этихъ грязныхъ игрушекъ никогда не будетъ прока. Надо прибѣгнуть къ *земному гальванизму*. Кому нуженъ хорошій электрическій токъ, для какого бы то ни было употребленія, тотъ можетъ учредить его у себя однажды навсегда, то есть на очень долгое время, за нѣсколько цѣлковыхъ и вотъ незатѣйливый планъ этой чудной батареи: выройте возлѣ дома, въ которомъ живете, двѣ ямы въ землѣ: въ одну насыпьте куль коксу (пережженнаго каменнаго угля), и заройте въ немъ конецъ толстой и длинной мѣдной проволоки, а въ другую помѣстите большую цинковую доску, въ два или три квадратныхъ фута поверхности, прикрѣпивъ къ ней конецъ другой такой же проволоки. Обѣ эти проволоки можно ввести въ комнату черезъ окошко и будетъ безпрерывный, ровный токъ. Если умножите число ямъ съ коксомъ и цинковыми досками, то

возникнетъ токъ, силою равный тому, какой даютъ пятнадцать или двадцать банокъ Грове. Этимъ токомъ, полнымъ или разбитымъ на части, можно будетъ разлагать химическіе составы, осаждать мѣдь на формы, золотить, приводить въ движеніе магнитныя колеса, зажигать яркій свѣтъ между двумя острыми углями, и прочая и прочая. Поставьте теперь столбъ на улицѣ; на столбу утвердите стеклянный шаръ съ весьма простымъ, уже придуманнымъ механизмомъ для ровнаго поддерживанія угольковъ въ надлежащемъ другъ отъ друга разстояніи; вокругъ столба выройте двадцать, пятьдесятъ, сто — если нужно — ямъ, для кокса и цинковыхъ досокъ, и электрическое освѣщеніе городовъ окажется самымъ легкимъ и дешевымъ практическимъ дѣломъ.

1845.

—

ТЯЖЕСТЬ И ДВИЖЕНІЕ.

По поводу *Лекцій популярной астрономіи*, С. Зеленаго. 1844.

Мысль о вращеніи земли на своей оси и о теченіи ея вокругъ солнца, равно какъ и мысль о томъ, что каждая звѣзда — солнце и центръ отдѣльнаго планетнаго міра, кажутся намъ новыми и смѣлыми потому только, что онѣ еще недавно воскрешены и доказаны Коперникомъ и Ньютономъ, послѣ тысячи лѣтъ совершеннаго забвенія. Эти факты древни какъ сама астрономія.

Пиѳагоръ вывезъ ихъ вмѣстѣ съ ученіемъ о звукѣ, принятомъ и нынче наукою, изъ Египта, и его послѣдователи всегда придерживались этой теоріи, которая, по-видимому, составляла одну изъ важнѣйшихъ тайнъ мистерій Ѳивъ и Мемфиса. Таинственность, которою Пиѳагорейцы, по примѣру египетскихъ жрецовъ, окружали извѣстныя имъ физическія и метафизическія истины, лишила насъ познанія доказательствъ, служившихъ имъ основаніемъ въ этомъ дѣлѣ. Древніе писатели другихъ философскихъ сектъ знали только поверхностно и по наслышкѣ о теоріи Пиѳагора: оттого идея, заимствованная имъ въ египетскихъ храмахъ подъ клятвенными обязательствами, казалась этимъ писателямъ несообразною съ здравымъ смысломъ, и они относили ее къ странностямъ учителя. Они только бѣгло и легко упоминаютъ объ ней въ дошедшихъ до насъ твореніяхъ, набожные — съ уваженіемъ, приличнымъ вопросу, касающемуся таинствъ, а вольнодумцы и люди, жертвовавшіе предразсудкамъ народной вѣры — съ явными насмѣшками надъ Пиѳагоромъ и его «съумасбродными» понятіями о движеніи Земли и стояніи Солнца-Аполлона. Эти прославленные мудрецы, наши учители, которыхъ генію мы поклоняемся, такъ мило подшучивали со всѣхъ сторонъ надъ неподвижностью солнца, что идея, достойная всего ихъ вниманія, сдѣлавшись совершенно смѣшною, была наконецъ забыта вмѣстѣ съ пиѳагореизмомъ, и когда Коперникъ возобновилъ ее, она встрѣтила еще сильное сопротивленіе и въ новомъ мірѣ, почерпнувшемъ мудрость свою изъ книгъ при возрожденіи наукъ на Западѣ. Впрочемъ,

можетъ-быть, мы и несправедливо обвиняемъ греческихъ и латинскихъ философовъ, которыхъ сочиненія достигли новѣйшаго времени, въ легкомысленности по этому важному вопросу, похожей довольно на тупоуміе: каждая школа, кромѣ *внѣшняго*, писаннаго ученія, имѣла въ древности еще *внутреннее*, изустное: въ книгахъ излагалось только то, что̀ могъ читать всякій, даже непосвященный, а всѣ положенія наукъ, сколько нибудь противныя господствующей народной вѣрѣ, составляли какъ-бы преданія школъ и предметъ дружескихъ разсужденій между учителемъ и его послѣдователями. Вотъ почему даже тѣ, которые, подобно Цицерону, съ удивленіемъ говорили о Пиѳагорѣ и на его солнечную теорію намекали безъ всякихъ насмѣшекъ, никогда не позволяли себѣ входить въ сочиненіяхъ своихъ въ разборъ его доказательствъ или просто сказать читателямъ, на чемъ она основывалась. Легко можетъ статься, что даже смѣявшіеся въ книгахъ, въ угоду толпѣ, надъ шарообразностью земли и надъ двойнымъ движеніемъ ея на оси и около солнца, признавали эти истины въ душѣ и въ ученыхъ бесѣдахъ. Зная духъ глубокой религіозности древнихъ извѣстныхъ намъ писателей и удивительную осторожность ихъ во всемъ, что сколько-нибудь относилось къ предметамъ таинствъ, смѣшно даже принимать, какъ это до-сихъ-поръ водилось, ихъ писанныя мнѣнія въ буквальномъ значеніи словъ, которыя они употребляли въ книгахъ, и основывать на нихъ выводы о точной мѣрѣ познаній ихъ авторовъ и, вообще, языческаго міра. Одно только ясно и вѣрно въ этомъ случаѣ: именно, что неподвиж-

ность солнца и двойное движеніе земли — понятіе, чрезвычайно древнее между людьми; что оно существовало еще у Египтянъ, въ цвѣтущія времена ихъ жреческаго сословія; что оттуда оно принесено было Пиѳагоромъ съ предосторожностями тайны на классическую почву, гдѣ, по несчастію, легкомысленность, суевѣріе и тщеславная сомонадѣянность Грековъ, совершенно неспособная оцѣнить столь высокую истину обратили ее въ смѣхъ и отсрочили величайшее торжество ума человѣческаго на цѣлыя двѣ тысячи лѣтъ; и что, наконецъ, Греки не только не *способствовали успѣхамъ астрономіи*, какъ принято у насъ повторять безъ критики во всѣхъ книгахъ, но еще составили собою и своимъ народнымъ характеромъ на все это время непреодолимую преграду ея прямому и полезному развитію, которое могло бы быть необъятно, если бы они съ самаго начала въ-состояніи были возвыситься до великой мысли, сообщенной имъ философомъ-путешественникомъ, и приняли ее тотчасъ въ основаніе для своихъ наблюденій. Пора, право, оставить эти безсмысленные возгласы въ честь греческому генію, который будто-бы все изобрѣлъ, все создалъ, и принять въ болѣе точномъ смыслѣ, признаніе Платона — что Греки все заимствовали у такъ-называемыхъ «варваровъ»: по народному своему тщеславію, Платонъ прибавляетъ — *но мы все усовершенствовали*; но въ этомъ онъ обманываетъ себя произвольною лестью, потому-что искусства и въ-особенности, скульптура, какъ мы нынче видимъ, находились уже у Ассиріянъ въ совершенствѣ, не уступающемъ аѳинскому, а въ астрономіи

Греки рѣшительно сдѣлали страшный шагъ назадъ. Вотъ что̀ скорѣе заслужило бы быть тщательно разобраннымъ въ намекахъ древнихъ писателей о проповѣдуемой Пиѳагоромъ теоріи солнечной системы, и на что̀ вовсе не обращаютъ вниманія: тѣ, которые принимали неподвижность солнца и движенія земли, должны же были на чемъ-нибудь основываться!.... Какія могли быть ихъ доказательства? Что̀ привело ихъ къ подобному заключенію? Какъ они объясняли себѣ подобное устройство міра? Изъ какой точки выходили, чтобы достигнуть такого вывода? Всѣ эти вопросы чрезвычайно любопытны, и если бы предложено было разрѣшить ихъ удовлетворительно, то, вѣроятно, пришлось бы согласиться, что у древности былъ непремѣнно свой Коперникъ, что Іоганнъ Кеплеръ и Исаакъ Ньютонъ — только повторительныя проявленія въ человѣчествѣ неизвѣстныхъ Кеплера и Ньютона ассирійскаго или египетскаго, и что эти люди очевидно или опирались въ своихъ разсужденіяхъ о небесныхъ тѣлахъ на тѣ же самыя начала, которыя и намъ служатъ руководствомъ въ дѣлѣ, или не бывъ увлечены и ослѣплены фантасмагоріей усовершенствованныхъ математическихъ формулъ, проникли-было еще далѣе насъ въ тайны природы и счастливо отгадали всеобщаго ея дѣятеля — одну простую повсемѣстную причину или силу, отъ которой зависятъ и тяжесть, и движеніе, и свѣтъ, и теплота, и электричество, и звукъ, и всѣ прочія физическія явленія природы. Это послѣднее вѣроятнѣе всего, если вспомнишь, что въ египетскихъ таинствахъ солнечный свѣтъ связывался въ мемноновской статуѣ со

звукомъ, который и Пиѳагоръ, ученикъ Египтянъ, какъ извѣстно, объяснялъ вибраціонными волненіями.

Мы говоримъ объ этомъ вовсе не для того, чтобы противорѣчить автору, который, по принятому обычаю, исчисляетъ преувеличенныя заслуги Грековъ въ астрономіи, не обращая вниманія на непростительную вину ихъ передъ наукою въ томъ, что они не умѣли понять Пиѳагора и убили насмѣшками богатѣйшую идею древняго міра. Разсужденіе наше имѣетъ только цѣлью показать, что не все придуманное новѣйшею наукою такъ великолѣпно и несомнительно, какъ мы въ тщеславіи нашемъ обыкновенно воображаемъ, и что, очевидно, есть въ природѣ другіе способы дойти прямѣе до истинъ, которыя Ньютонъ научилъ насъ отыскивать посредствомъ законовъ тяготѣнія и сопряженныхъ съ ними вычисленій. Противъ Ньютоновой теоріи существуютъ три страшныя возраженія, которыхъ ничѣмъ нельзя опровергнуть: одно изъ нихъ давно извѣстно и состоитъ въ затрудненіи придумать силу, дающую первый зародышъ и первый толчокъ небеснымъ шарамъ въ присутствіи центральной *притягательной* силы. Два другія возраженія донынѣ не многимъ только приходятъ въ голову. Во-первыхъ, при объясненіи движенія планетъ тяжестью, нужно предположить *два* первоначальныя движенія, одно *прямолинейное*, къ центру солнца, или такъ-называемую центростремительную силу, другое, также *прямолинейное*, удаляющее планету отъ центральнаго шара, силу центробѣжную и, тогда круговое теченіе планетъ около солнца выводится какъ результатъ сложнаго дѣйствія

этихъ двухъ дниженій, а между-тѣмъ вовсе не доказано, и ничѣмъ нельзя доказать, чтобы въ природѣ существовало гдѣ-либо *движеніе прямолинейное*, или чтобы матерія обладала какимъ-нибудь свойствомъ, способнымъ придать ему силу добровольно двигаться по прямой линіи. Во-вторыхъ, тяжесть, сама по себѣ, не что̀ иное, какъ *движеніе*. Новѣйшая астрономія добродушно увѣряетъ себя, что *тѣло движется, потому-что оно тяжело*, не примѣчая, что еще съ бо̀льшею вѣроятностью можно сказать на оборотъ: *тѣло тяжело, потому-что оно всегда движется*. Какъ-скоро движеніе и тяжесть — одно и тоже, Ньютоново *объясненіе* ничего не объясняетъ. О Коперникѣ мы не говоримъ: великая заслуга его состоитъ преимущественно въ томъ, что онъ первый изъ новѣйшихъ умѣлъ постигнуть величіе мысли, приписываемой Греками Пиѳагору и осмѣянной ими. Безъ Ньютона, который представилъ на нее свое знаменитое *объясненіе*, выведши на сцену тяжесть, эта чудная мысль была бы до-сихъ-поръ оспариваема, и Тихонъ Браге, навѣрное, считалъ бы за собою столько горячихъ послѣдователей какъ и Коперникъ, нашедшій себѣ приверженцевъ въ Галилеѣ и Кеплерѣ. Настоящій *творецъ* нынѣшней планетной теоріи, а не простой воскреситель, безспорно, Ньютонъ. Но что̀ *объяснилъ* онъ намъ? Ничего! Ньютонъ научилъ насъ только способу изучать законы движенія или, все-равно, тяжести; но почему тѣла движутся въ небесномъ пространствѣ или, другими словами, почему они тяжелы, остается по-прежнему загадкою, къ разрѣше-

нію которой, конечно, ближе были древніе безъименные Ньютоны, если они дошли до той же планетной теоріи безъ игры словъ, *безъ тяжести*, безъ переименованія движенія въ тяготѣніе или притягательную силу. Геній Ньютона между-тѣмъ великъ, потому-что путь, указанный имъ, совершенно вѣренъ практически: какъ тяжесть просто — движеніе, то свойства того и другаго совершенно одинаковы, и мы, изучая законъ тяжести на землѣ, подъ рукою, узнаемъ настоящіе всемірные законы движенія, хоть и по-прежнему остаемся въ полномъ невѣжествѣ насчетъ причины тяжести или движенія, которую нужно еще отъискать въ какой-то донынѣ неизвѣстной или непримѣченной нами силѣ. Вотъ уже Сиріусъ движется кругообразно безъ видимаго центральнаго шара, и ему не на кого тяготѣть, не-кѣмъ притягиваться. Вотъ уже и другія звѣзды начинаютъ шевелиться подъ прилежными телескопами астрономовъ, и этихъ движеній нельзя объяснить тяжестью! Солнце движется также, и вѣроятно описываетъ кругъ въ пространствѣ подобно Сиріусу, не имѣя для себя огромнаго массивнаго центра. Чѣмъ тщательнѣе и долѣе будутъ дѣлаемы наблюденія надъ звѣзднымъ міромъ, тѣмъ болѣе станетъ открываться фактовъ, приводящихъ въ-тупикъ, или въ ипотезный бредъ тѣхъ, которые полагаютъ, будто сказавъ—*тяжесть,* они уже все разгадали и разрѣшили. Нѣтъ, далеки мы еще отъ познанія настоящей причины, заставляющей небесные шары вращаться и течь въ пространствѣ! Но, на первый случай, тяжесть, то есть движеніе земныхъ тѣлъ къ землѣ, стремленіе ихъ присоединить-

ся къ массѣ нашей планеты, когда они отъ нея оторваны, можетъ своими доказанными свойствами служить намъ хорошимъ руководителемъ къ познанію свойствъ большихъ планетныхъ движеній и къ вѣрному ихъ вычисленію.

Посмотримъ теперь ученіе, принятое въ настоящее время ньютонистами, объ участіи, принимаемомъ въ дѣлѣ *тяжестью*, или такъ-называемымъ «тяготѣніемъ». Ученіе это не совсѣмъ Ньютоново: оно значительно преувеличено и перетолковано горячими последователями великаго человѣка, которые сочли излишнимъ удерживаться въ границахъ его геніяльной осторожности въ выраженіяхъ. *Законы тяжести* Ньютонъ принималъ только какъ точку сравненія, при объясненіи планетныхъ движеній. *Притягательная сила* была у него только временное названіе неизвѣстной дѣйствующей въ этомъ случаѣ силы. Онъ положитсльно предостерегалъ — не принимать этихъ словъ въ буквальномъ ихъ значеніи. Но послѣдователи, къ пылу восторга, давно забыли все это: они заставляютъ небесные шары двигаться безъ церемоніи простымъ свойствомъ *тяжести*, и *притягательную силу* принимаютъ за что-то дѣйствительно тянущее, вытягивающее, притягивающее, дотого, что при помощи этой чудной силы, доказанной будто бы Ньютономъ, Лаграндж съ большимъ успѣхомъ вытянулъ и лунный шаръ въ грушу, которой тонкій конецъ намъ не виденъ только потому, что всегда обращенъ къ солнцу и никогда къ землѣ не поворачивается. Въ этомъ отношеніи и авторъ «Лекцій популярной астрономіи», по общему примѣру нынѣшнихъ писателей, употре-

бляетъ весьма неточное выраженіе, утверждая, будто «безпрестанныя размышленія и безпрерывный трудъ привели Ньютона къ блестящему *открытію закона всеобщаго тяготѣнія*». Отъ такого открытія самъ Ньютонъ защищался словами, которыя по другому случаю были уже приведены въ «Библ. для Чт.»: онъ открылъ только *сходство законовъ движенія небесныхъ тѣлъ съ законами движенія падающей на землѣ тяжести, или тяготѣнія*, а какъ это движеніе тяжести можетъ быть слѣдствіемъ нѣкотораго рода *притяженія* земли, то, по его мнѣнію, подобное *притяженіе* дозволительно *предположить* и въ солнцѣ относительно къ планетамъ. «Эта *тайна* движенія небесныхъ тѣлъ въ пространствѣ и малѣйшихъ атомовъ на землѣ», продолжаетъ краснорѣчивый авторъ..... Онъ не щадитъ красокъ для эффекта картины. Увы! *тайна движенія* никому еще неизвѣстна и, вѣроятно, навсегда останется тайною для человѣка.

Если мы рѣшимся сдѣлать какой-нибудь упрекъ прекрасной книгѣ г. Зеленаго, то онъ преимущественно будетъ состоять въ томъ, что авторъ не всегда ясно отдѣляетъ астрономическій романъ и продѣлки математическаго остроумія отъ основныхъ астрономическихъ истинъ, доказанныхъ опытомъ многочисленныхъ наблюденій, и съ одинаковымъ жаромъ убѣжденія излагаетъ читателямъ какъ Коперниковы, Кеплеровы и Ньютоновы законы, такъ и грёзы позднѣйшихъ математиковъ, старавшихся насильно, съ великими хитростями, подвести всю небесную математику подъ одинъ общій законъ *тяжести* и *тяготѣнія*. Такъ, напримѣръ,

Лапласова теорія морскихъ приливовъ и отливовъ, которая не стоитъ даже и названія романа, настоящій математическій фокусъ-покусъ, очень ловкій, но ослѣпляющій только довѣрчивыхъ энтузіастовъ, выдается въ «Лекціяхъ популярной астрономіи» за положительную истину, и слѣдствія этой теоріи принимаются въ другихъ мѣстахъ, безъ всякой оговорки, за несомнѣнные факты. Въ положительныхъ наукахъ, недостаточно того, чтобы числа, выведенныя à priori изъ допущенной ипотезы, согласовались болѣе или менѣе съ наглядными результатами опытовъ: ипотеза отъ этого еще не получаетъ названія *истины;* она можетъ только быть причислена къ *вѣроятностямъ* и должна всегда быть выдаваема за простую вѣроятность, за остроумно придуманное сближеніе, которому, по наружности, числа не противорѣчатъ. Вѣкъ нашъ, надобно помнить — вѣкъ математическаго разврата, година кромѣшной тьмы чиселъ, пробившая на часахъ Ньютона и попутавшая насъ на цѣлыя сотни годовъ. Злоупотребленіе чиселъ — бичъ девятнадцатаго столѣтія. На землѣ и на небѣ мы съ наслажденіемъ обманываемъ себя числами, кутя на-пропалую денежными и умственными силами въ ихъ губительномъ чаду. Въ хорошо составленномъ проектѣ все, кажется, отлично вычислено и строго обдумано, но когда дѣло поступаетъ въ исполненіе, творецъ чуднаго плана и его восторженные послѣдователи обыкновенно банкрутятся. Обманчивость чиселъ въ рукахъ промышленыхъ прожектёровъ пошла въ пословицу. Но что̀ такое математики, примѣняющіе аналитическія формулы и свое

остроуміе къ астрономіи? Развѣ они не тѣ же *прожектёры?* Они, просто, обработываютъ проекты для небесной механики, составляютъ планы для явленій солнечной системы, и эти проекты, эти планы пользуются славою между нами только потому, что нельзя сказать академическому прожектёру: «На! вотъ тебѣ земной шаръ, луна и притягательная сила: возьми ихъ, и произведи мнѣ морской приливъ вдругъ на обѣихъ сторонахъ шара, а не произведешь, такъ потеряешь кресла въ академіи». Если бы можно было сдѣлать такое предложеніе, навѣрное, всѣ Лапласы, Лагранджи, Поассоны, Коши, Гамильтоны, Гауссы тотчасъ бы объявили, что они только тѣшились числами, отъ нечего дѣлать, для забавы рода человѣческаго, за успѣхъ своихъ плановъ явленій на практикѣ никакъ не отвѣчаютъ и на этомъ условіи за дѣло не берутся. Многіе вовсе не примѣчаютъ, и даже не догадываются, что числительное искусство дѣйствуетъ совершенно одинаково, куда бы оно ни бросилось, и въ промышлености и въ наукахъ, и что вся разница между его дѣйствіями на двухъ различныхъ поприщахъ состоитъ только въ возможности или невозможности удостовѣриться на дѣлѣ въ основательности чиселъ, искусно подведенныхъ на бумагѣ. Мы не говоримъ, чтобы, при популярномъ изложеніи науки, передъ свѣтскими слушателями, передъ разсѣянными читателями, нужна была та математическая точность выраженій, которой требуютъ во всемъ умы серіозные и положительные, чтобы никакое преувеличеніе не проливало на сухость отвлеченныхъ изслѣдованій мерцанія извѣстнаго поэ-

тическаго колорита, такъ сильно дѣйствующаго на воображенiе всякаго человѣка, живущаго болѣе чувствомъ чѣмъ логикою; но между истиною и вѣроятностью — цѣлая бездна, между фактомъ и возможностью — цѣлый умъ человѣческiй. Оглядчивость на человѣческую слабость и добровольныя заблужденiя, дѣла не портитъ. Изъявленiе осторожнаго сомнѣнiя не можетъ уменьшить ни досгоинства, ни занимательности ученыхъ вопросовъ.

1845.

—

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, МАГНИТНОСТЬ, СВѢТЪ И ТЕПЛОТА — ОДНО И ТОЖЕ.

Англiйскiе журналы извѣщаютъ, что профессоръ Фареде сообщилъ Королевскому Обществу Ученыхъ въ Лондонѣ извѣстiе объ открытiи факта, который должно почитать прямымъ и положительнымъ доказательствомъ того предположенiя, что электричество, магнитность, свѣтъ и теплота — одно и то же явленiе: поляризованный лучъ свѣта можетъ быть отклоненъ галваническимъ токомъ и получить круговращательное движенiе между двумя полюсами магнита, и наоборотъ: круговращательныя электро-магнитическiя движенiя могутъ быть произведены простымъ лучомъ свѣта. Въ скоромъ времени мы, конечно, узнаемъ открытiе это въ бо́льшей подробности.

Разрѣшенiе ипотезы о тождественности электричества, магнитности и теплоты со свѣтомъ посредствомъ

неоспоримаго физическаго доказательства, въ высшей степени интересно для науки: если вопросъ рѣшится въ пользу этой тождественности, такъ значитъ — электричества въ природѣ нѣтъ и такого дѣятеля въ ней никогда не существовало: всѣ чудныя вліянія, которыя мы ему приписывали, все его могущество, были только мечты нашего воображенія, и самое слово «электричество» должно быть уничтожено. Какъ-скоро электричество и свѣтъ одно и то же, а свѣтъ не что̀ иное какъ вибрація атомовъ матеріи, ихъ коренное свойство приходить въ качательное движеніе отъ толчковъ, сотрясеній, гнету, и прочая, то и электричество — вибрація атомовъ, и магнитность — вибрація атомовъ, и теплота — вибрація атомовъ, и химическое дѣйствіе, и произведеніе формъ, и жизнь, и движеніе или тяжесть, все — вибрація, и другихъ силъ, кромѣ атомической вибраціи, въ природѣ не имѣется. По случаю этого вопроса мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи, произнесенной извѣстнымъ профессоромъ Деларивомъ при открытіи засѣданій на послѣднемъ съѣздѣ швейцарскихъ естествоиспытателей. Авторъ, разсказавъ, какими путями убѣдились физики, что магнитность и электричество — одна и та же сила, что между ними нѣтъ никакой разницы, что замѣчаемыя различія были только плоды неполноты опытовъ и неточности наблюденій, продолжаетъ:

«Покоренный электричествомъ, магнитизмъ исчезъ изъ физики. Но это завоеваніе не дешево стоило побѣдителю, потому-что оно потрясло въ самыхъ основаніяхъ теоріи электричества, даже и тѣ, которыя

считались неподлежащими сомнѣнію, и магнитизмъ, слившись съ электричествомъ, придалъ ему совершенно новую физіономію.

«Теплотворъ и свѣтъ уже съ давняго времени представляли многія точки довольно тѣснаго соприкосновенія съ электричествомъ. Прекрасные опыты Деви, который доказалъ присутствіе теплотвора и свѣта въ электрическомъ токѣ, вліяніе температуры на развитіе электричества въ нѣкоторыхъ случаяхъ и именно при образованіи нѣкоторыхъ кристалловъ — факты, уже пріобрѣтенные наукою. Но нужно было явленіе болѣе общее и Сѣбекъ открылъ его въ 1823 году, показавъ, что и одинъ теплотворъ можетъ развивать электричество. Беккрель вскорѣ распространилъ и обобщилъ первые результаты, полученные Сѣбекомъ: онъ доказалъ, что распространеніе теплоты всегда сопровождается развитіемъ электричества, и связалъ это развитіе съ самыми существенными свойствами тѣлъ въ теплотворномъ отношеніи.

«Между-тѣмъ какъ Беккрель изучалъ такимъ образомъ соотношенія между электричествомъ и теплотою, два итальянскихъ физика воспользовались открытіемъ Сѣбека для усовершенствованія теоріи теплотвора. Нобили и Меллòни нашли въ термо-электрическомъ столбѣ инструментъ, который, по своей чувствительности и быстротѣ указаній, несравненно превосходнѣе всѣхъ извѣстныхъ термоскоповъ и термометровъ. При помощи этого инструмента, Меллòни открылъ въ лучахъ теплоты столько же и, можетъ-быть, еще болѣе разнородныхъ составныхъ частей, чѣмъ

въ бѣломъ свѣтѣ, и показалъ въ теплотворныхъ лучахъ разныя свойства, сходныя съ свойствами лучей свѣта. По нѣжности своихъ приборовъ и опытовъ, онъ открылъ въ лучахъ теплотвора разнородность, подобную той, которую наше зрѣніе ощущаетъ въ лучахъ свѣта и которую мы называемъ цвѣтами, но которую наше осязаніе, не столь совершенное какъ зрѣніе, не можетъ само собою ощущать въ лучахъ теплоты.

«Оптика, которая всегда была болѣе обработана чѣмъ прочія части физики, потому-что она независимѣе другихъ, тоже извлекла пользу изъ электричества. Она уже открыла въ электрическихъ искрахъ и токахъ родъ свѣта, который показалъ намъ, что̀ такое долженъ быть свѣтъ солнца и постоянныхъ звѣздъ. Фосфорность, источникъ свѣта, который такъ долго казался таинственнымъ для науки и воображенія, благодаря опытамъ Беккреля, теперь тоже относится къ электрическому свѣту.

«Есть одна часть физики, которая долгое время была отдѣльна отъ электричества, а нынѣ тоже соединилась съ нимъ; я говорю о физикѣ атомовъ. Обнимая въ своемъ обширномъ кругѣ все, что̀ касается до вѣсомаго вещества, до образа расположенія атомовъ, которыхъ группировка составляетъ тѣла, изученіе относительнаго движенія этихъ частицъ или, какъ говорится, ихъ вибраціоннаго движенія — физика атомовъ уже извлекла изъ явленій теплоты и свѣта, способы анализа, которыми и воспользовалась. Но самыми существенными своими усовершенствованіями она обязана пособіямъ, которыя Саваръ извлекъ изъ аку-

стики, пользуясь звуками, сопровождающими вибраціонное движеніе. Явленіе электрической проводимости, перенесеніе атомовъ посредствомъ электрическихъ искръ и токовъ, нѣкоторыя любопытныя движенія, замѣчаемыя въ жидкостяхъ, подвергнутыхъ электрическому току, уже показали связь между электричествомъ и физикою атомовъ. Эта связь чрезвычайно усилена теперь открытіемъ вибраціоннаго движенія, производимаго, въ твердыхъ тѣлахъ, прикосновеніемъ или простымъ вліяніемъ электрическихъ токовъ. Это движеніе, которое обнаруживается происходящимъ притомъ звукомъ, очевидно доказываетъ, что электричество зависитъ отъ способа расположенія атомовъ. Всякое тѣло, передавая электрическій токъ, претерпѣваетъ совершенное измѣненіе въ своемъ атомическомъ сложеніи, измѣненіе, которое иногда бываетъ постояннымъ и тогда принимаетъ названіе магнитности и всегда можетъ измѣниться въ звукъ. Такимъ образомъ явленія, замѣчаемыя при прохожденіи электрическаго тока сквозь тѣла, не что̀ иное какъ свойства, принадлежащія этимъ тѣламъ, свойства незамѣтныя при обыкновенномъ состояніи равновѣсія атомовъ и проявляющіяся при каждомъ потрясеніи, потому-что оно придаетъ атомамъ иное расположеніе.

«Ни одна часть физики не можетъ теперь отдѣлиться отъ электричества, которое великому Ньютону казалось едва заслуживающимъ вниманія и которое, лѣтъ сто назадъ, ограничивалось только нѣсколькими отдѣльными фактами. «Слогъ — весь человѣкъ», сказалъ одинъ литераторъ-философъ; еще справедливѣе можно

сказать: «электричество—вся химія». И дѣйствительно, во всей химіи нѣтъ ни одного явленія, въ которомъ бы электричество не являлось какъ причина или какъ дѣйствіе.

«Геологія, такъ же какъ и минералогія, извлекла пользу изъ открытій по части электричества. Уже Дѣви, въ концѣ превосходныхъ записокъ, въ которыхъ онъ, изучивъ химическія дѣйствія электричества, излагалъ способъ разложенія щелочей и земель, сообщалъ свою догадку, что образованіе слоевъ, изъ которыхъ состоитъ земля, и явленія, происходящія на ея поверхности, можно объяснить дѣйствіемъ воздуха и воды на металлическія основанія, которыя онъ открылъ при помощи электричества, и изъ которыхъ, по его предположенію, должно состоять ядро земли. Эти идеи неразъ были опровергаемы, неразъ снова принимаемы; онѣ дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ несовершенны и неполны, но между-тѣмъ и понынѣ еще служатъ средствомъ къ объясненію многихъ явленій и между прочимъ явленія земнаго магнитизма. Предполагая даже, что то, что называется *электричествомъ*, не принимало никакого участія въ образованіи кристаллическихъ скалъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ теплотвору, ни въ осадковыхъ пластахъ, производимыхъ водою, нельзя не приписать ему измѣненій, которыя претерпѣваютъ эти скалы и пласты, безпрерывно подверженные химическому дѣйствію внѣшнихъ дѣятелей, и присутствіе нѣкоторыхъ веществъ въ слояхъ, которымъ они, по происхожденію своему, совершенно чужды. Опытами въ маломъ видѣ, Бек-

крель недавно показалъ всѣ явленія, которыя могутъ быть произведены электрическимъ дѣйствіемъ, происходящимъ отъ химической реакціи, производимой на почву веществами, распространенными по поверхности земнаго шара, воздухомъ, прѣсною и соленою водою. Потомъ, примѣняя эти факты къ геологіи, онъ показываетъ, что подобныя же дѣйствія безпрестанно происходятъ въ большомъ видѣ на землѣ и, слѣдственно, должны современемъ породить случайные продукты, находимые посреди вулканическихъ скалъ и осадочныхъ пластовъ.

«Но оставимъ геологію, чтобы не попасть въ западню, которую эта наука разставляетъ тѣмъ, кто ею занимается, то есть, чтобы не пуститься въ безконечныя ипотезы. Перейдемъ къ царству органическому и посмотримъ, какую роль играетъ электричество въ физіологіи.

«Открытіе лейденской банки ознаменовалось физіологическимъ фактомъ, именно, страшнымъ потрясеніемъ, которое почувствовали первые наблюдатели, разрядивъ ее. Первымъ галваническимъ опытомъ было также дѣйствіе физіологическое, именно судорожное подергиваніе лягушки, замѣченное знаменитымъ Гальвани. Послѣ этихъ двухъ открытій, ученые стали смотрѣть на жизнь какъ на результатъ электричества.

«Правда, соотношенія между явленіями физіологическими, весьма многочисленны, но эти отношенія еще недостаточно опредѣлены. Замѣчательно, что изъ всѣхъ приложеній электричества всего болѣе занимались приложеніемъ его къ физіологіи, а донынѣ оно произ-

вело результатовъ менѣе чѣмъ всѣ другія. Всѣ идеи, которыя сначала составили-было себѣ о вліяніи электричества на нервную систему и объ электрическихъ дѣйствіяхъ нервовъ, теперь не утверждены, а потрясены. Послѣдніе опыты Маттеуччи заставляютъ думать, что образованіе электричества у животныхъ есть скорѣе слѣдствіе химическихъ дѣйствій и возвышенія температуры, чѣмъ прямое дѣйствіе нервнаго вліянія. Остаются однакожъ электрическія рыбы, у которыхъ это вліяніе очевидно. Но я, какъ и Маттеуччи, расположенъ думать, что электро-физіологическія явленія относятся не прямо къ нервамъ, а скорѣе къ мускуламъ.

«Медицина, которая тоже многаго надѣялась отъ употребленія электричества, такъ же какъ и физіологія, не извлекла изъ него всего, чего ожидала, потому-что электричество постоянно дѣйствовало какъ возбудительное средство, которое скорѣе дѣйствуетъ на мускулы, чѣмъ на нервы. Однако жъ въ послѣднее время употребленіе электрическихъ токовъ въ мѣстномъ параличѣ, произвело удовлетворительные результаты; но донынѣ оно не оказывало никакого вліянія на болѣзни, которыхъ мѣсто въбольшихъ нервныхъ центрахъ.

«Я говорилъ только о животной физіологіи; но растительная физіологія, которую донынѣ еще мало изучали въ этомъ отношеніи, также представляетъ нѣсколько соотношеній съ электричествомъ. Образованіе электричества при произрастеніи есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и онъ даже заставилъ многихъ отличныхъ физиковъ думать, что отсюда происходитъ

и атмосферическое электричество, что впрочемъ, невѣроятно. Вліяніе того, что называется электричествомъ, на растительность, не будетъ подлежать сомнѣнію тогда только, когда посредствомъ длиннаго ряда многочисленныхъ и разнообразныхъ опытовъ будетъ доказано, что другія причины, которыхъ вліяніе устранить очень трудно, не содѣйствовали происхожденію замѣченныхъ результатовъ. Очень вѣроятно, что дѣйствіе электричества можетъ ускорять, возбуждать растительность, хотя бы даже только тѣмъ, что облегчаетъ химическія дѣйствія, сопровождающія растительную жизнь и благопріятствующія ей; но можетъ ли оно само собою производить тѣ же самыя дѣйствія? Это нисколько не доказано. Говорятъ, что теперь въ Шотландіи дѣлаются въ большомъ видѣ опыты обращенія электричества, которымъ атмосфера постоянно наполнена, на удобреніе земли. Подождемъ, пока эти опыты представятъ положительные результаты и не станемъ, по нѣсколькимъ первымъ успѣхамъ, принимать ипотезу за доказанную истину».

1846.

—

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ТОКИ, ПРОИЗВОДИМЫЕ ЗВУКОВЫМИ ВИБРАЦІЯМИ.

Каждый день болѣе и болѣе приближаетъ насъ къ той эпохѣ, когда названій электричества, галванизма и магнита не станетъ въ языкѣ науки и они будутъ замѣнены простымъ и яснымъ выраженіемъ: *вибрація атомовъ*.

Въ «Библ. для Чт.» давно и неоднократно, когда еще не думали о связи электричества со звукомъ, изъявляемо было мнѣніе, что электричество будетъ произведено звукомъ и наоборотъ, звукъ электричествомъ, что и въ звукѣ и въ электричествѣ дѣйствуетъ одна и та же сила, что въ природѣ нѣтъ отдѣльной силы ни жидкости для произведенія явленій электричества, галванизма или магнитности, и что, наконецъ, всѣ эти явленія, такъ же какъ и колебанія издающей звукъ струны, суть простое слѣдствіе *механическихъ толчковъ атомовъ*, *приведенныхъ въ вибрацію*, и совершаются по общимъ законамъ вибрацій, безъ всякаго особеннаго чуда. Человѣкъ знаетъ одну только *механическую силу* въ природѣ, которая въ состояніи *производить формы*: это — вибрація атомовъ, обнаруживающаяся для насъ вибраціей поверхностей, изъ чего между прочимъ возникаетъ звукъ. Чтобы поверхность тѣла могла вибрировать и производить формы, которыхъ весьма небольшая часть давно извѣстна подъ названіемъ «фигуръ Хладни», нужно непремѣнно, чтобы всѣ атомы этого тѣла вибрировали и чтобы въ массѣ ихъ образовались точно такія же формы, какія показываетъ песокъ, разсыпанный по поверхности. И доселѣ еще не обращаютъ всего должнаго вниманія на это важное и чудное, но между-тѣмъ совершенно простое, чисто-механическое свойство вибрирующихъ атомовъ *производить формы въ матеріи изъ матеріи же*, по своимъ неизбѣжнымъ, математически вѣрнымъ и постояннымъ законамъ. Между-тѣмъ сила, творящая формы, явственно должна быть основная, и об-

щая единственная самобытная сила природы, которая только то и дѣлаетъ, что творитъ формы. Не удивительно ли, и не просто ли: стóитъ лишь дать *толчокъ* одному атому матеріи, чтобы всѣ атомы той же матеріи пришли мгновенно въ качательное движеніе посредствомъ сообщенія этого толчка другъ другу, и чтобы въ матеріи мгновенно образовалась изъ нея же *форма*, свойственная роду толчка и внутреннему расположенію атомовъ? Все въ природѣ *толкается* милліонами различныхъ образовъ, слѣдовательно, все вѣчно вибрируетъ милліонами различныхъ родовъ вибрацій, и все безпрестанно производитъ милліоны различныхъ формъ. Сцѣпленіе и разъединеніе атомовъ, другими словами, сложеніе и разрушеніе формъ или такъ-называемое *химическое дѣйствіе*, не могутъ быть слѣдствіемъ ничего другаго, какъ только той же вибраціи атомовъ, точно такъ же какъ и другія явленія или предполагаемыя силы, электричество, галванизмъ, магнитность, свѣтъ, теплота, и прочая. Здѣсь всегда тщательно были записываемы всѣ факты, болѣе или менѣе явственно подтверждающіе эту простую мысль, которой не должно смѣшивать съ давно предлагаемою мыслью о вибраціи эѳира: самый эѳиръ — предположеніе, а предположеній на предположеніе дѣлать не стóитъ. Мы говоримъ, просто, о вибраціи атомовъ земныхъ тѣлъ, о той вибраціи, которая, происходя внутри тѣлъ, чувствамъ нашимъ обнаруживается на ихъ поверхности, сотрясающейся, колеблющейся и волнующейся. Можно напомнить — опытъ профессора Деларива, который замѣтилъ, что когда сильный элек-

трическій токъ проходитъ по упругой проволокѣ, эта проволока начинаетъ вибрировать, иногда примѣтно для глаза. Впослѣдствіи указано здѣсь было на недавнее открытіе, что магнитностью можно привести упругіе металлическіе пруты въ такую сильную вибрацію, что они издаютъ явственный звукъ и, именно, ту же самую ноту, которую вы получите изъ нихъ посредствомъ грубаго механическаго толчка, или удара молоткомъ. Нынче г-да Эрманнъ и Sullivan, одинъ въ Европѣ, а другой въ Америкѣ, въ одно и то же время удостовѣрились, что звучащіе отъ простыхъ ударовъ металлическія струны и прутья обнаруживаютъ присутствіе электрическихъ токовъ во время продолженія звука и дѣйствуютъ на магнитную стрѣлку точно такъ же, какъ галваническіе приборы. Разумѣется, что отъ *невѣсомыхъ жидкостей* не скоро откажутся: трудно разстаться съ любимыми теоріями. Едва извѣстіе объ этихъ открытіяхъ распространилось, какъ уже многіе пытаются объяснять эти токи *теплотою*, возбужденною яко-бы въ струнахъ и прутьяхъ ударами и сотрясеніемъ, какъ-будто теплота не можетъ сама быть родомъ вибраціи атомовъ, доведенной до особеннаго напряженія. Вскорѣ еще окажется, и это неизбѣжно, что вибраціи можно изолировать, что имъ можно дать извѣстное направленіе, такъ, чтобы онѣ образовали токъ, что ихъ можно нагнать въ тѣло такъ, что это тѣло съ приближеніемъ къ нему руки произведетъ *ударъ*, толчокъ, который будетъ не что̀ иное какъ сумма всѣхъ толчковъ вибрирующихъ атомовъ, вдругъ остановленныхъ въ качаніи своемъ

прикосновенiемъ руки къ одному или нѣсколькимъ изъ нихъ, и прочая, и прочая.

1846.

—

О НОВѢЙШИХЪ ОТКРЫТIЯХЪ ФАРЕДѢ.

«Давно уже раздѣлялъ я, говоритъ знаменитый англiйскiй физикъ, со многими естествоиспытателями мнѣнiе, что различные виды, подъ которыми обнаруживаются намъ силы, дѣйствующiя въ веществѣ, происходятъ изъ одного общаго начала, или, другими словами, они находятся въ такомъ прямомъ соотношенiи и въ такой взаимности, что могутъ быть обращаемы одинъ въ другой и имѣютъ нѣкоторую однозначительность въ способѣ проявленiя. Въ новѣйшее время представлено уже довольно доказательствъ такого обращенiя (convertibility), и положено начало опредѣленiю равнозначительности. Съ этими убѣжденiями были разсматриваемы явленiя свѣта и сдѣланы усилiя открыть прямыя отношенiя между свѣтомъ и электричествомъ и ихъ взаимное дѣйствiе на тѣла, подверженныя влiянiю этихъ обѣихъ силъ, но послѣ многихъ усилiй нельзя еще было достигнуть до какихъ-нибудь положительныхъ заключенiй. Подобныя неудачи однако жъ не могли поколебать моего сильнаго убѣжденiя, основаннаго на философскихъ соображенiяхъ, и я снова пришелъ точнымъ путемъ опыта къ изысканiю, которое показало наконецъ возможность магнитизированiя или электризованiя лучей свѣта и освѣщенiя линiй магнитнаго дѣйствiя».

Эти слова составляютъ какъ-бы введеніе въ первый изъ трехъ замѣчательныхъ мемуаровъ, изданныхъ въ 1846 году, г. Фаредѐ подъ заглавіемъ: Experimental Researches in Electricity; — On magnetization of Light and the Illumination of Magnetic Lines of Force; — On new Magnetic Actione, and on the Magnetic Condition of all Matter.

Мы постараемся вкратцѣ познакомить нашихъ читателей съ главными слѣдствіями этихъ ученыхъ изысканій, и для бо̀льшей ясности сдѣлаемъ нѣкоторыя предварительныя замѣчанія. Извѣстно, что лучъ свѣта, идущій прямо отъ свѣтящагося предмета, отразившись однажды о̀тъ какой-нибудь поверхности, можетъ отражаться потомъ и отъ другой поверхности, и безпрепятственно проходитъ черезъ какое-нибудь прозрачное тѣло. Эти явленія случаются обыкновенно, или въ бо̀льшей части случаевъ. Но если лучъ отра́зится подъ нѣкоторымъ угломъ, различнымъ для различныхъ отражающихъ тѣлъ, или, если лучъ проходя черезъ особаго рода прозрачныя тѣла, называемыя кристаллами, вступаетъ туда по нѣкоторому опредѣленному направленію, то̀ онъ теряетъ возможность отражаться въ другой разъ, или отражается не иначе какъ только при нѣкоторыхъ углахъ. Онъ теряетъ также возможность вновь переходить черезъ прозрачныя тѣла, или переходитъ только исключительно по нѣкоторымъ особеннымъ направленіямъ. Черезъ такое отраженіе и пропусканіе свѣта черезъ прозрачные кристаллы, лучъ получаетъ новыя свойства, и это измѣненіе называется поляризаціею, а самый лучъ, претерпѣвшій измѣненіе — поляризованнымъ лучомъ.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ Фаредѐ старался показать отношенiе явленiй магнитизма къ поляризованному свѣту. Снарядъ, употребленный этимъ остроумнымъ физикомъ, состоялъ изъ сильнаго электромагнита, или большой полосы мягкаго желѣза, согнутой въ видѣ подковы, на которую навивается въ нѣсколько рядовъ по одному направленiю проволока красной мѣди, обмотанная шелкомъ и проводящая гальанический токъ, то есть соединенная съ концами гальанической батареи. Какъ-скоро батарея приходитъ въ дѣйствiе, мягкое желѣзо получаетъ сильный магнитизмъ, такъ что оно въ состоянiи бываетъ поддерживать весьма тяжелые куски желѣза. Но стòитъ только прекратить въ проволокѣ движенiе галваническаго тока, то есть разобщить ее съ батареею, и тотчасъ магнитизмъ окруженнаго проволокою желѣза уничтожается. Между концами подковообразной полосы электромагнита помѣщалось вещество, черезъ которое долженъ былъ проходить поляризованный свѣтъ и совершаться на него влiянiе силы магнитизма. Для этой цѣли можно было выбрать много различныхъ веществъ, но ни одно изъ нихъ не представляетъ желаемыхъ явленiй въ такой ясности, какъ стекло, описанное г. Фаредѐ, за семнадцать лѣтъ назадъ, и заключающее въ своемъ составѣ нѣсколько свинцу. Лучъ свѣта Аргантовой лампы поляризованъ былъ въ горизонтальной плоскости черезъ отраженiе отъ стекляннаго зеркала, и пропущенъ потомъ черезъ такъ-называемую главную Николеву трубку (Nichol's eye piece), или трубку, заключающую въ себѣ двѣ призмы

двояко преломляющаго известковаго шпата, которыя приличнымъ образомъ отшлифованы и склеены между собою помощію прозрачнаго канадскаго бальзама. Концы электромагнита были раздѣлены между собою почти на два дюйма и такъ расположены, что направленіе поляризованнаго луча, идущаго по длинѣ стекла, совпадало съ направленіемъ дѣйствія магнитной силы. Глазная трубка поворачивалась около горизонтальной оси и чрезъ нее легко было разсматривать явленія свѣта, совершающіяся вдоль стекла, заключеннаго между концами электромагнита.

До-тѣхъ-поръ, пока не возбуждался магнитизмъ, ничего особеннаго не представлялось, и казалось всеравно, проходилъ ли лучъ через стекло, или черезъ воздухъ, воду и другое какое-нибудь подобное прозрачное вещество, такъ, что если глазная трубка первоначально приведена была въ такое положеніе, при которомъ поляризованный свѣтъ уничтожается, или при которомъ производимое имъ изображеніе становится невидимымъ, то при этомъ не замѣчалось никакой разности, оставалось ли стекло между концами электромагнита, или было отнимаемо прочь. Но какъ скоро возбуждался магнитизмъ, исчезнувшее изображеніе становилось замѣтнымъ, и его можно было видѣть во все время, въ которое сила магнитизма поддерживалась. Съ уничтоженіемъ же этой силы и самое изображеніе исчезало. Такія явленія можно было повторять по произволу и они всегда сопровождались въ такой послѣдовательности, въ какой находятся причина съ ея дѣйствіями. При тѣхъ же обстоятель-

ствахъ стоило только повернуть глазную трубку около ея оси на нѣкоторый ея уголъ, чтобъ исчезнувшія изображенія вновь показались, и на оборотъ. Что̀ касается до зависимости между упомянутыми явленіями, то Фаредѐ замѣчаетъ, что вліяніе магнитизма тогда только чувствительно, когда направленіе полярнаго свѣта паралельно съ линіями, по которымъ дѣйствуетъ магнитная сила, но когда эти направленія между собою перпендикулярны, тогда ничего не обнаруживается.

Не входя въ дальнѣйшія разсмотрѣнія этихъ явленій, скажемъ только, что они въ высшей степени занимательны для физиковъ. Спрашивается однакожъ, въ самомъ ли дѣлѣ представляется намъ непосредственное вліяніе магнитной силы на явленія свѣта? На этотъ вопросъ трудно отвѣчать положительно. Нѣкоторые изъ знаменитыхъ физиковъ, говорившихъ объ открытіи Фаредѐ, полагаютъ, и, кажется, съ большою вѣроятностію, что измѣненія, претерпѣваемыя въ этомъ случаѣ поляризованнымъ свѣтомъ, скорѣе зависятъ отъ нѣкоторой перемѣны въ расположеніи частицъ матеріи стекла, подобной, напримѣръ, той перемѣнѣ, которая замѣчается, когда стеклу черезъ сжиманіе, или накаливаніе и быстрое охлажденіе сообщаютъ разную плотность по различнымъ направленіямъ. Черезъ это стекло получаетъ также свойство оказывать замѣтное вліяніе на проходящій чрезъ него полярный свѣтъ.

Въ послѣдней изъ приведенныхъ нами трехъ записокъ великаго англійскаго физика, онъ изслѣдываетъ новыя магнитныя дѣйствія и говоритъ о магнитномъ состояніи всякаго вещества. Здѣсь встрѣчаемъ мно-

жество превосходныхъ опытовъ, но множество также и предположеній, хотя очень остроумныхъ, однако еще не доказанныхъ. Честь и слава тому, кто въ этихъ трудныхъ задачахъ достигаетъ по-крайней-мѣрѣ до заключеній достойныхъ вѣроятія.

1846.

—

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВУКИ.

Феноменъ, примѣченный въ послѣдніе годы и сначала не обратившій на себя вниманія физиковъ, ослѣпленныхъ теоріей электричества какъ *невѣсомой жидкости*, съ каждымъ новымъ опытомъ получаетъ бо̀льшее и большее значеніе въ наукѣ; мы говоримъ о вибраціи, явственной даже для простаго глаза, упругихъ проволокъ, по которымъ проходитъ электрическій токъ, и о произведеніи звуковъ ими, какъскоро концы ихъ укрѣплены на резонансовой доскѣ. Явственное дрожаніе упругой проволоки во время прохожденія по ней такъ-называемаго тока, было примѣчено впервые г. Деларивомъ въ Женевѣ, года три тому назадъ, и мы тщательно записывали всѣ подобныя наблюденія, потому-что есть способъ понимать электричество гораздо проще и чище нежели какъ понимаютъ его донынѣ, а именно, что *электричества* въ природѣ нѣтъ никакого, быть не можетъ и, логически, быть не должно—потому-что, здравымъ смысломъ допустить невозможно, чтобы въ природѣ находилась такая сила, отдѣльная и самостоятельная, которой бы свѣтъ не примѣтилъ до восемнадцатаго сто-

лѣтія, мудрѣйшаго изъ всѣхъ столѣтій. Восемнадцатое столѣтіе, навѣрное, ошиблось и воображеніе наше должно блуждать, среди призраковъ глазнаго обмана, въ мракѣ пустой теоріи, поддерживаемой тщеславными самолюбіями. Тутъ должно быть что-то другое, а не электричество—именно ничего особеннаго—дѣло давно извѣстное человѣку—то же самое дѣйствіе, которое производитъ и боль, и удовольствіе, и звукъ, и все на свѣтѣ—сотрясеніе и вибрація атомовъ тѣла, которые, какъ извѣстно, не прикасаются другъ къ другу, раздѣлены между собою промежутками, какъ бы повѣшены въ пространствѣ, колеблются или вибрируютъ безпрестанно и могутъ быть треніемъ, ударомъ и другими сотрясеніями доводимы до колебаній чрезвычайно быстрыхъ и сильныхъ, которыхъ свойства мы не угадывали. Нельзя ли понять электричества такъ: всѣ мнимыя электрическія явленія суть просто явленія *механической силы вибрирующихъ атомовъ тѣла*, сотрясеннаго какимъ-нибудь образомъ, какъ и въ звукѣ—если угодно, какъ и въ оплеухѣ. Электрическій ударъ не что̀ иное какъ извергающаяся на предпоставленное препятствіе сумма живой силы движеній всѣхъ вибрирующихъ атомовъ тѣла, подвергаемаго тренію или другимъ операціямъ, побуждающимъ ихъ къ живѣйшему и болѣе напряженному колебанію въ массѣ этого тѣла—въ томъ числѣ и химическимъ,—такъ, что ударъ изъ электрическаго проводника или изъ лейденской банки отличается только степенью напряженія атомической вибраціи проводника отъ удара, который получаете вы, приближая палецъ къ струнѣ, вибрирую-

щей отъ сотрясенія молоткомъ. Палецъ вашъ — препятствіе, предпоставленное колебанію атомовъ струны; вы получаете чуствительный ударъ, котораго сила равна суммѣ живой силы всѣхъ колебаній атомовъ сотрясенной струны. Вабрація атомовъ въ струнѣ вдругъ останавливается и переходитъ въ васъ: если бы вы были поболѣе упруги и стояли на резонансѣ, вы издали бы всѣмъ тѣломъ своимъ звукъ, который остановили въ струнѣ, то есть, атомы вашего тѣла ощутительно для уха, и даже для глазъ, вибрировали бы точно такъ же, какъ вибрировали атомы струны, передавшей вамъ съ ударомъ свои вибраціи. Ничего другаго не происходитъ и въ предполагаемомъ дѣйствіи электричества: когда вы изолированы — а грубыя и слабыя звучныя вибраціи можно изолировать по тому же способу какъ и тонкія, сильныя вибраціи, прозванныя «электричествомъ»; резонансовая доска, собственно тѣло, изолирующее звуковыя вибраціи атомовъ; вибраціи эти, кромѣ-того, скопляются въ извѣстныя мѣста по вашему произволу, сообщаются изъ тѣла въ тѣло на неопредѣленныя пространства, ходятъ круговыми и спиральными путями, измѣняютъ и расторгаютъ форму веществъ, совершенно какъ и электрическія — когда васъ электризуютъ, атомамъ вашего тѣла только передаютъ и стараются накопить въ массѣ ихъ вибраціи, возбужденныя треніемъ въ стеклѣ машины и переданныя проводнику посредствомъ приближенныхъ къ нему острыхъ иголокъ, которыя удивительно скоро приходятъ въ вибрацію за приближеніемъ къ вибрирующему тѣлу, какъ то извѣстно всякому органному мастеру, хотя и неизвѣ-

стно физикѣ. Стекло электрической машины—струна; и вы трете его точно такъ же, какъ трете струну смычкомъ. Треніе возбуждаетъ въ атомахъ тѣла колебанія или вибрацію, посильнѣе той, которая свойственна имъ, когда тѣло находится въ кажущемся спокойствіи: собственно же оно *никогда* не находится въ спокойствіи и атомы его вибрируютъ всегда, вѣчно, производя въ обыкновенныхъ случаяхъ то, что̀ мудрецы называютъ «удѣльною теплотой» этого тѣла. Усиленіе колебанія атомовъ въ тѣлѣ заставляетъ ихъ удаляться другъ отъ друга на болѣе значительные промежутки, и *тѣло удлиняется.* Если это струна или срѣзанная поверхность, прикасающаяся къ тѣлу, не оказывающему ему сильнаго сопротивленія, напримѣръ къ воздуху, то на наружной сторонѣ его образуются *волненія*, ондуляціи; но въ сферѣ неопредѣленнаго пространства и равномѣрной плотности, какова должна быть сфера эѳира, ондуляцій быть не можетъ: такой вещи здравымъ разсудкомъ понять нельзя, не разрѣзавъ этой сферы по поламъ, и ондуляціонная теорія на этотъ счетъ находится въ явномъ заблужденіи. Но возвратимся къ машинѣ. Треніемъ вы возбудили въ атомахъ стекла усиленную вибрацію, которая, натурально, приводитъ въ такую же вибрацію атомы воздуха, натираемаго въ свою очередь стекломъ, которые опять передаетъ ее иголкамъ, которыя распространяютъ ее далѣе въ проводникѣ, который, если вы не отдѣлите его отъ земли, пошлетъ ее далѣе, въ землю, и явленія ни какого не будетъ. Но вы изолируете проводникъ. Это дѣлаете вы для того, чтобы *нагнать* въ него вибрацій изъ стек-

ла, заставить атомы поверхности его и атомы ближайшаго къ ней воздуха сильно и весьма быстро вибрировать и волноваться. Тогда приблизьте палецъ къ нѣсколькимъ, такъ расшевелившимся атомамъ, и остановите ихъ колебанія: всѣ колеблющіеся атомы мгновенно толкнутся объ атомы остановленные, всѣ вдругъ остановятся, и вы получите въ палецъ ударъ, котораго сила будетъ равна суммѣ живой силы колебаній всѣхъ расшевелившихся атомовъ. Чемъ больше поверхность проводника, тѣмъ болѣе будетъ атомовъ свободно и сильно вибрирующихъ, и тѣмъ сильнѣе окажется общій ихъ ударъ. Это—какъ и въ звукѣ: чѣмъ обширнѣе резонансовая доска, тѣмъ болѣе свободныхъ атомическихъ вибрацій у ея поверхности, и тѣмъ громче звукъ—и тѣмъ сильнѣе, въ то же время, ударъ этой доски, если вы къ ней прикоснетесь. Но этого мало: звука вы не произведете, если натирающаго тѣла не устроите такъ, чтобы оно не вибрировало само, или не отведете вибрацій его въ сторону. Вибрирующею струною играть нельзя по другой струнѣ вибрирующей—вибраціи встрѣтятся, столкнутся, произойдетъ интерфренція и послѣдуетъ спокойствіе, молчаніе. Если атомы волосковъ въ смычкѣ вибрируютъ отъ тренія ихъ объ струну и сообщаютъ вибраціи свои атомамъ дерева, служащаго имъ оправою, такъ зато дерево держите вы въ рукѣ, которая отводитъ эти вибраціи въ сторону—посылаетъ ихъ чрезъ подошву сапоговъ вашихъ въ землю—и нѣтъ противозвучія, нѣтъ *ноты отрицательной*, вибрирующей въ противоположную сторону и которой столкновеніе съ *нотою положи-*

тельною, съ вибраціей струны, уничтожило бы непремѣнно весь звукъ. Если вы не отведете вибрацій смычка въ сторону, если допустите ему свободно вибрировать и доставите еще резонансъ, такъ смычокъ издастъ ноту свою, а струна перестанетъ звучать: раздастся нота, противозвучье, нота отрицательная, смычковая, вмѣсто положительной, струнной. Каждый, кто только знаетъ электрическую машину, увидитъ ясно, понявъ теорію смычка и струны, что приборъ, натирающій стекло машины, которое въ точности представляетъ струну, тогда какъ проводникъ играетъ роль резонанса, а рядъ иголокъ—роль подставки—что этотъ приборъ тотъ же смычекъ, и что тутъ рѣшительно не происходитъ ничего магическаго или мудренаго. Положительное электричество—нота стекла и проводника—инструмента—струны и резонанса вмѣстѣ; а отрицательное—нота натирающаго прибора и того же проводника или резонанса, прибавленнаго къ нему—противозвучіе этой ноты—результатъ собственныхъ вибрацій натирающаго прибора, возбуждаемыхъ въ немъ стекломъ машины, принявшимъ на себя прежнюю его должность натирателя.

Мѣста здѣсь нѣтъ распространяться о примѣненіи этого способа понимать электрическое дѣйствіе къ прочимъ извѣстнымъ явленіямъ электричества. Оно повсюду и во всѣхъ случаяхъ совершается такъ же просто и легко, какъ и въ разобранномъ здѣсь случаѣ. Но не стоитъ труда заниматься дальнѣйшими примѣненіями. Каждый сдѣлаетъ ихъ про себя, если логика его не дорожитъ *невѣсовыми жидкостями*. Въ противномъ случаѣ, въ умѣ его возникнутъ такія возра-

женія, которыя напрасно было бы опровергать, потому-что они до безконечности подкрѣплялись бы любовью къ привычнымъ идеямъ и упрямствомъ ученаго тщеславія. Лучше подождать до того времени, когда остатки невѣсомыхъ жидкостей испарятся изъ умовъ.

Конецъ концовъ—тотъ, что по всегдашнему мнѣнію «Библ. для Чт.», журнала, который объ электричествѣ давно придерживается въ душѣ той теоріи, что электричества нѣтъ въ природѣ, что оно вовсе ненужно, что все на свѣтѣ дѣлается толчками, результатомъ вѣчныхъ и безконечно разнообразныхъ колебаній атомовъ вещества, единою и всеобщею силою природы, производящею и явленія и формы по законамъ чиселъ. Звукъ можетъ быть произведенъ электричествомъ и, наоборотъ, электричество можетъ быть произведено звукомъ, и вся разница между этими двумя явленіями—степень быстроты и величины атомическихъ вибрацій, которыя, въ другихъ степеняхъ напряженія, даютъ теплоту, свѣтъ, магнитизмъ, симпатіи и прочее. Первое оправдалось въ послѣднее время. Второе оправдается. Мнимое электричество своимъ мнимымъ теченіемъ уже производитъ звучныя вибраціи.

Но точно ли электричество дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ черезъ усиленіе вибрацій атомовъ тѣла, черезъ сообщеніе колебаніямъ ихъ бо̀льшихъ размѣровъ?

На это мы находимъ отвѣтъ въ послѣднихъ опытахъ господина Вартгейма надъ электрическими звуками: по его выводамъ, электрическій токъ, пробѣгающій по проволокѣ, *удлинняетъ ее*, дѣйствуя во всей точности какъ ударъ.

Болѣе и ненужно: какъ скоро тѣло въ электрическомъ состояніи удлинняется, такъ оно должно произвесть звукъ, если концы его укрѣплены на резонансѣ. Всякое электризуемое тѣло находится, слѣдственно, въ состояніи вибрирующей струны, и всѣ его явленія могутъ объясниться особеннымъ, напряженнымъ колебаніемъ атомовъ этого тѣла. Участіе эѳира тутъ вовсе ненужно. Атомы каждаго тѣла въ состояніи произвесть все одни, своими собственными колебаніями: стòитъ только возбудить ихъ до приличной случаю степени. Сложная сила этихъ безконечно мелкихъ движеній невообразима. Почти невѣроятно, что тоненькій и слабый кларнетный язычекъ, прижатый крѣпкимъ желѣзнымъ винтомъ со всею силою мужчины, когда приведешь его въ звучную вибрацію, въ короткое время отпихаетъ этотъ винтъ назадъ.

Ударяйте или натягивайте ночью, въ темнотѣ, одну изъ самыхъ высокихъ струнъ фортепіано съ такою силою, чтобы струна лопнула: разорванная струна будетъ довольно горяча—всякая напрягаемая струна разгорячается,—и въ разрывѣ мелькнетъ искорка. Вы получите вдругъ звукъ, теплоту, свѣтъ и электричество. Если бы можно было въ это мгновеніе поднесть электрометръ къ струнѣ, магнитная стрѣлка непремѣнно пришла бы въ движеніе: тутъ было бы дѣйствіе такъ-называемое термоэлектрическое.

1848.

—

МНѢНІЕ ПРОФЕССОРА ГРОВА ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ.

Изложивъ неопровержимыя доказательства того, что электрическій огонь не есть горѣніе, то есть процессъ химическаго соединенія кислорода съ разлагающимся тѣломъ, потому-что онъ можетъ существовать и въ безвоздушномъ пространствѣ и безъ всякаго химическаго разложенія тѣла; что это, собственно, только проявленіе быстраго движенія атомовъ, отторгающихся отъ оконечности проводника, знаменитый англійскій физикъ продолжаетъ: «Послѣднее и «самое убѣдительное доказательство этой системы «представляетъ намъ электрическій огонь, являющійся «на оконечности *желѣзнаго* проводника: магнитное «свойство желѣза заставляетъ атомы его дѣйствовать «въ видѣ вращательнаго движенія, когда по немъ про- «ходитъ электрическій токъ, и мы видимъ, что и «электрическій огонь на оконечности желѣзнаго про- «водника вращается также, слѣдовательно, это — не «горѣніе, а простое движеніе атомовъ желѣза, отдѣ- «ляющихся отъ его массы на одномъ полюсѣ и пе- «реходящихъ на другой. Эту идею старался я раз- «вить передъ вами во многихъ случаяхъ втеченіи мо- «его курса, и прошу васъ, милостивые государи, не «почитать ее за легкомысленное предположеніе. Если, «съ перваго взгляда, она не объясняетъ вамъ нѣко- «торыхъ явленій электрическаго огня, при ближайшемъ «и безпристрастномъ разборѣ вы увидите, что всѣ ка- «жущіяся противорѣчія ея съ фактами исчезаютъ или, «по-крайней-мѣрѣ, далеко не такъ непреодолимы какъ

«несогласіе этихъ же фактовъ съ другими теоріями «электричества. По мнѣ, *ипотеза о существованіи «матеріи безъ вѣса влечетъ за собою убійственныя «возраженія противъ ученія объ электричествѣ «какъ жидкости, тогда какъ всѣ несообразности «уничтожаются, какъ скоро электричество мы «признаемъ силою, а не матеріей.* Силою же я на-«зываю явленія, обнаруживающіяся при столкновеніи «движенія съ преградою, старающеюся представить «ему сопротивленіе».

То же самое, другими словами, сказано у насъ въ предъидущей статьѣ. Объясненіе электрическихъ явленій, которое тамъ представлено, основывается на той коренной мысли или истинѣ, что раскаченныя усиленною вибраціей атомы проводника отходятъ отъ его первобытной поверхности, и образуютъ около нея какъ-бы атмосферу вибраціонныхъ движеній, въ родѣ того, что̀ мы видимъ около вибрирующей струны. Въ этомъ — источникъ удара и его силы. Когда атомы проводника рѣшительно отъ него отрываются и переходятъ съ его вибраціями въ другое тѣло, въ мгновеніе этого перехода являются огонь и свѣтъ отъ внезапнаго и чрезвычайнаго учащенія колебаній атомовъ, ударяющихся въ преграду, предпоставленную ихъ свободнымъ и довольно длиннымъ раскатамъ въ пространствѣ.

1848.

ГЕОЛОГІЯ.

—

ОПЫТЫ НАДЪ ТЕРМОМЕТРОМЪ ПОДЪ ЗЕМЛЕЮ.

Прежнія наблюденія заставили геологовъ принять правиломъ, что внутренняя температура земли усиливается однимъ градусомъ стоградуснаго термометра на каждыя 9 или 14 саженъ. На этомъ основана теорія о бѣло-каленомъ состояніи ядра земнаго шара. Однако эти наблюденія подтверждались не вездѣ одинаково, и нынче опыты, дѣланные надъ термометромъ въ весьма значительной глубинѣ, представили результатъ не совсѣмъ согласный съ прежними заключеніями. Шатха, которую роютъ въ монквинмоутской ломкѣ каменнаго угля, близь Сундерлана, достигла глубины, до которой не доходили еще ни въ одномъ рудникѣ въ Англіи. Доселѣ самою глубокою шахтою тамъ была пирская, въ 1,470 футовъ (210 саженъ) подъ землей, изъ которыхъ только 1,150 футовъ (166 саженъ) ниже поверхности моря, а дно монквинмоутской шахты находится теперь уже въ 1,500 футахъ (214 саженъ) ниже уровня океана и въ 1,600 (229 саженъ) подъ поверхностью земли. Нѣсколько ученыхъ спускались въ послѣднее время въ этотъ руд-

никъ и произвели барометрическія и термометрическія наблюденія, которыхъ подробности весьма любопытны.

Стоградусный термометръ, помѣщенный въ верху шахты, въ 22 саженяхъ надъ поверхностью моря, показывалъ 12^0 тепла, а внесенный въ одну изъ новыхъ штольнъ упалъ до 0, или точки замерзанія. Въ этомъ рудникѣ устроено четыре новыя штольны; для наблюденія избрали глубочайшую изъ нихъ, длиною въ двадцать двѣ верги и шириною въ двѣ, къ началу которой проводима была струя воздуха, назначенная для возобновленія атмосферы въ рудникѣ. Температура воздуха при началѣ шахты была 17^0, близъ дна почти 19^0, а въ штольнѣ, нѣсколько повыше струи воздуха, 20^0. Отломали кусокъ угля, и въ мѣсто, которое занималъ онъ, вставили тотчасъ два термометра, которыхъ шарики были тщательно покрыты пылью: они вскорѣ стали показывять 19^0, Въ концѣ штольны скопилось немного воды: температура ея въ одиннадцать часовъ была 21^0, а черезъ три часа послѣ того въ $19^1/_2$ градусовъ. Термометръ былъ зарытъ на 18 дюймовъ ниже почвы и около десяти вергъ отъ начала штольны: минутъ черезъ сорокъ онъ показывалъ $19^1/_2$ градусовъ. Другой термометръ, погруженный точно такъ же въ самомъ концѣ штольны, показывалъ черезъ то же время 21^0. Наконецъ третій термометръ зарыли еще глубже; черезъ нѣсколько времени онъ показалъ 22^0. Два термометра чрезвычайно чувствительные, погруженные въ воду, образуемую теченіемъ газовъ, показывали тем-

пературу постоянно измѣнявшуюся отъ 21° до 22°. Наконецъ термометръ, зарытый въ яму въ два съ половиною фута, находящуюся въ другой штольнѣ и замазанную глиною, длятого, чтобы не допускать въ нее атмосфернаго воздуха, показалъ черезъ двое сутокъ тоже почти 22°. Словомъ, эти опыты представили только три градуса разницы между теплотою слоевъ въ началѣ шахты и въ концѣ ея, на протяженіи слишкомъ двухсотъ саженъ внутрь земли. Если принять самое высокое количество прежнихъ выводовъ, то есть четырнадцать саженъ глубины, мѣрою усиленія температуры на одинъ градусъ, разница долженствовала бъ простираться здѣсь до пятнадцати градусовъ. Этотъ и другіе подобные случаи заставляютъ, кажется, согласиться, что постепенное усиленіе внутренней температуры земли не есть фактъ всеобщій, но что онъ бо̀льшею частію зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

1835.

—

ТЕМПЕРАТУРА ЗЕМНАГО ШАРА.

Въ ученомъ свѣтѣ есть теоріи, чрезвычайно странныя, а между-тѣмъ всѣ имъ вѣрятъ. Такова напримѣръ теорія, которая увѣряетъ насъ въ нижеслѣдующемъ: такъ какъ, роясь въ корѣ земнаго шара, мы находимъ, что температура на каждыхъ почти пятнадцати саженяхъ возвышается однимъ градусомъ, то изъ

этого будто бы слѣдуетъ, что въ извѣстной глубинѣ наша земля должна горѣть, а центръ земнаго шара находится въ состояніи бѣло-каленія или даже расплавленномъ видѣ. Приверженцы этой теоріи забываютъ, что такое возвышеніе температуры легко можетъ существовать въ одной только корѣ земнаго шара и въ извѣстной глубинѣ прекращаться, такъ, что въ остальной части земли температура будетъ ровная и умѣренная. Такъ точно тѣло наше на поверхности холоднѣе, чѣмъ въ одной или двухъ линіяхъ подъ кожею, а въ остальныхъ частяхъ температура ровна, или измѣняется только, и то немного, въ нѣкоторыхъ внутреннихъ органахъ, одаренныхъ бо̀льшею противъ другихъ дѣятельностью. Чтобы остановить отчаянные порывы раскаленнаго воображенія геологовъ, надобно тщательно собирать всѣ факты, доказывающіе, что это мнимое постоянное вызвышеніе температуры во внутренности земнаго шара можетъ измѣняться, и дѣйствительно измѣняется, отъ свойства разныхъ тѣлъ, изъ которыхъ иныя значительно холоднѣе другихъ, хотя и заключаются во внутренности земли. Вотъ два новыхъ вывода, которые заслуживаютъ довѣрія.

Г. Henwood, спускаясь въ корнвальскіе рудники проникалъ въ разныя глубины отъ 30 до 240 саженъ, и дѣлалъ множество опытовъ для опредѣленія температуры разныхъ камней или источниковъ, которые изъ нихъ вытекаютъ. Эти опыты, которые г. Henwood производилъ нѣсколько сотъ разъ, показываютъ, что гранитъ, лежащій въ одинаковой глубинѣ съ шиферами, всегда 13°9′ Фаренгейтова термометра

холоднѣе шифера; сверхъ-того температура измѣняется въ шиферѣ не такъ быстро какъ въ гранитѣ: въ первомъ она повышается 1^0 на 69, а во второмъ 1^0 на 65 саженяхъ.

Г. Fox двадцать лѣтъ уже занимается измѣреніемъ температуры въ главныхъ рудникахъ графства Корнвальскаго и Дивоншейрскаго; онъ нѣсколько разъ уже объявлялъ частные результаты, полученные въ отдѣльныхъ рудникахъ, но только нынче соединилъ въ одной таблицѣ всѣ наблюденія, которыя сдѣлалъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Эта таблица напечатана въ декабрской книжкѣ «Philosophical Magazine», 1837; изученіе ея весьма назидательно и заставитъ еще болѣе сомнѣваться въ истинѣ нѣкоторыхъ общепринятыхъ мнѣній о возвышеніи температуры во внутренности земнаго шара. Напротивъ, есть причины думать, что температура постоянно возвышается только до извѣстной глубины, а тамъ начинаетъ точно также понижаться. Шарики термометровъ были углубляемы въ камень, погружаемы въ воду рудниковъ или въ источники, выбѣгающіе изъ разщелинъ. Изъ всѣхъ этихъ опытовъ видно, что прогрессія возвышенія температуры не совсѣмъ правильна, и что это возвышеніе уменьшается однимъ Фаренгейтовымъ градусомъ на всякія семь саженъ углубленія, такъ, что на извѣстной глубинѣ возвышеніе должно превратиться въ рѣшительное пониженіе противъ температуры среднихъ слоевъ.

1838.

—

ДРЕВНІЕ ПЕРЕВОРОТЫ ЗЕМНАГО ШАРА.

Напоминать ли читателямъ, какія смѣлыя и блистательныя теоріи возникли и доселѣ процвѣтаютъ въ ученомъ свѣтѣ по поводу открытія въ Европѣ и Сибири костей слоновъ и мамонтовъ и окаменѣлыхъ пней пальмовыхъ? Чтобы объяснить предпотопное существованіе въ этихъ странахъ нѣсколькихъ видовъ растеній и животныхъ, которыхъ породы принадлежатъ нынче только тропическимъ климатамъ, съ перваго раза не придумали ничего проще, какъ предположить паденіе кометъ на землю, замѣшательства въ равновѣсіи ея шара, внезапныя перемѣщенія океановъ и самыхъ полюсовъ, превратившія вдругъ материки въ моря, теплыя страны въ холодныя. Дерзость этихъ теорій не могла не поражать людей болѣе разсудительныхъ, хотя и ослѣпила глаза ученой толпы. Сомнѣнія, правда очень робкія, стали мелькать въ разныхъ пунктахъ. Нѣкоторые ученые изъявили мнѣніе, что можно читать нѣсколько иначе исторію земли, открытую знаменитымъ Кювіе на древнихъ слояхъ нашего шара. Г. Лейелль старался и довольно успѣшно, объяснить предполагаемый переворотъ въ климатахъ постоянными перемѣнами, которыя безпрерывно, хотя непримѣтно, совершаются на поверхности нашей планеты, и постепеннымъ перемѣщеніемъ морей и материковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, баронъ Брамбеусъ въ одномъ изъ своихъ «Фантастическихъ путешествій» излилъ на эти теоріи потокъ непочтительныхъ насмѣшекъ, которыя, конечно, не были у насъ

поняты, потому-что даже его критики горько соболѣзновали о томъ, что онъ смѣется надъ величайшими подвигами ума человѣческаго — что онъ, *якобы*, смѣется надъ всѣмъ. Съ-тѣхъ-поръ однако жъ звѣзда блестящихъ теорій относительно великихъ переворотовъ земнаго шара очень померкла, и нынче каждый день уже приноситъ намъ новыя и сильныя возраженія противъ нея. Мы уже говорили, такимъ образомъ г. Беббеджъ объясняетъ, посредствомъ движеній внутренней теплоты шара, возвышеніе и пониженіе материковъ: его мысль, кажется, сильно поразила естествоиспытателей своей простотою и вѣроятностью. Что̀ касается до видовъ тропическихъ породъ животныхъ, находимыхъ въ старой почвѣ Европы и Сибири, то можно было бы еще проще истолковать это явленіе, предположивъ, что эти виды, по особенному свойству своей природы, могли переносить стужу и удобно жили въ холодныхъ климатахъ, хотя нынѣшніе ихъ собратья любятъ нѣжиться въ жаркомъ поясѣ. Не трудно было бы представить историческія вѣроятности, что напримѣръ верблюды водились за тысячу лѣтъ около нынѣшней Москвы: Венгерцы, которые вышли отсюда, вели съ собою цѣлые обозы этихъ животныхъ. Теперь верблюдъ не выноситъ климата средней Россіи; но это южный верблюдъ, а не та порода, которая была извѣстна у Венгерцевъ и впослѣдствіи перевелась. Баронъ Гумбольдтъ пишетъ изъ Франкфурта къ г. Араго́, что г. Рюппель видѣлъ въ Абиссиніи слоновъ и обезьянъ на горныхъ плоскостяхъ по-крайней-мѣрѣ въ девять тысячъ футовъ надъ моремъ.

Средняя температура этихъ плоскостей не могла быть выше 11° градусовъ Реомюра, и этимъ фактомъ, говорятъ баронъ Гумбольтдъ и г. Араго̀, можно бы объяснить, не прибѣгая къ переворотамъ земнаго шара, древнее существованіе этихъ животныхъ въ болѣе сѣверныхъ климатахъ, какъ напримѣръ во Франціи, гдѣ находятъ ихъ остатки. Сверхъ-того, г. Рюппель видѣлъ градъ въ такихъ краяхъ, гдѣ грозы никогда не бываетъ. Это обстоятельство можетъ быть очень полезно для опроверженія мудреной теоріи образованія града, въ которой до-сихъ-поръ приписывали важную роль электричеству.

Вотъ еще одинъ фактъ, относительно внезапнаго возвышенія материковъ безъ содѣйствія переворотовъ. Г. Араго̀ доноситъ, что на островѣ св. Маріи земля поднялась въ одномъ мѣстѣ на десять футовъ: всѣ окрестные ручьи перемѣнили направленіе. Это случилось прошедшею осенью.

1836.

—

СОВЕРШЕНІЕ ВЕЛИКИХЪ ПЕРЕВОРОТОВЪ НА ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ ПРИ НАШИХЪ ГЛАЗАХЪ.

Двѣ противоположныя теоріи господствуютъ нынѣ въ геологіи относительно къ происхожденію примѣчаемаго въ земной корѣ опрокинутаго и изломаннаго положенія слоевъ: одна утверждаетъ, будто эти *великіе* перевороты произошли внезапно, отъ вулканическихъ

сотрясеній и подземныхъ огней, съ шумомъ, громомъ и страшными несчастіями; по мнѣнію другой, природа не употребляетъ такихъ насильственныхъ средствъ: всѣ вообще, даже и самыя важныя, измѣненія въ поверхности шара совершаются тихо, постепенно, непримѣтно; горы поднимаются и опускаются, моря переливаются и обходятъ всю планету, слои земной коры ломаются и опрокидываются, каменныя породы превращаются однѣ въ другія, безпрерывно, при нашихъ глазахъ, но такъ медленно и спокойно, что мы не видимъ этихъ великихъ преобразованій, которыхъ конечные результаты ужасаютъ насъ своей огромностью послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій. Эта теорія, безспорно, согласнѣе и со здравымъ смысломъ и съ общимъ ходомъ дѣлъ въ природѣ, чѣмъ фантастическое ученіе, которое, для объясненія каждаго подобнаго послѣдствія, расплавляетъ земной шаръ въ тиглѣ, растворяетъ въ стаканѣ воды, приводитъ все въ хаотическое броженіе и играетъ въ потопы, вулканы, взрывы, перевороты, какъ въ шашки. Съ-тѣхъ-поръ какъ допустили мысль, и убѣдились опытами, что чрезвычайно слабое, тихое, но постоянное дѣйствіе какой-нибудь силы можетъ, послѣ долгаго времени, быть причиною величайшихъ физическихъ измѣненій, вниманіе наблюдателей обратилось на признаки подобныхъ явленій въ формѣ земной поверхности и многіе любопытные факты стали обнаруживаться въ подкрѣпленіе вѣчной тишины и безмятежности природы, на зло геологическимъ революціонерамъ. Одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ этого рода случаевъ замѣченъ въ началѣ

нынѣшняго года въ Гирфордскомъ графствѣ, въ Англіи, и описанъ въ «Hereford Times». Въ Дорнингтонскомъ приходѣ, большое пространство земли, слишкомъ три англійскихъ акра, съ камнями, утесами и сорока огромными дубами, непримѣтно соскользнуло, съ холма Dadnor's Hill, въ лежащую возлѣ долину, саженъ на сто отъ прежняго мѣста. Въ нынѣшнемъ своемъ положеніи, этотъ пластъ земли, съѣхавшій отъ сырой погоды и дождей, представляетъ самое фантастическое зрѣлище переломанныхъ и на ребро поставленныхъ слоевъ, опрокинутыхъ утесовъ, темныхъ пещеръ, и такъ далѣе. Деревья, одни, кажется, растутъ внизъ, другія остались въ естественномъ положеніи, иныя вырваны съ корнемъ. Черезъ нѣсколько столѣтій все это будетъ занесено землею и, если тогдашніе геологи станутъ здѣсь рыться — какимъ торжественнымъ доказательствомъ страшнаго, внезапнаго, всеобщаго сотрясенія планеты сдѣлается для нихъ темная деднорская долина! Между-тѣмъ окрестные жители слышали только легкій трескъ въ почвѣ за нѣсколько времени до этого происшествія, когда пластъ, подмытый водою, начиналъ терять равновѣсіе и медленно отторгаться отъ своего основанія.

1844.

—

ВНУТРЕННІЙ ОГОНЬ ЗЕМНАГО ШАРА И ВОЗДУШНЫЕ КАМНИ.

Не ожидайте никакого любопытнаго открытія. Мы и не думаемъ говорить о внутреннемъ огнѣ или камняхъ, слетающихъ съ неба. Намъ желательно только извѣ-

ситъ объ отчаяніи, о стонахъ и вопляхъ ученыхъ мужей, вѣрившихъ всю жизнь свою въ то, что земля внутри накалена до-бѣла, расплавлена до жидкости, подъ этой застывшей и отвердѣвшей коркой, на которой мы витаемъ, и принужденныхъ теперь отказаться отъ своихъ убѣжденій, отъ прекрасныхъ книгъ, написанныхъ ими на основаніи *внутренняго жара*, отъ славы мудрецовъ, пріобрѣтенной посредствомъ этихъ книгъ — или по-крайней-мѣрѣ понизить свой магистральный тонъ — потому-что теорія внутренняго жара, такъ хорошо доказанная, такая истинная, такая несомнѣнная, рѣшительно *выходитъ изъ моды*. Забавнѣе всего — сѣтованіе г. Д'Омаліуса въ Брюсселѣ. Этотъ почтенный геологъ совершенно неутѣшенъ. Сердце у него разрывается. *Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ*, говоритъ онъ, *теорія внутренняго жара была господствующей; все* объяснялось ею превосходно; тотъ, кто не подчинялся ей, былъ почитаемъ невѣждою и осмѣянъ; было единство; наука процвѣтала и пользовалась уваженіемъ. А теперь что?.... Геологи бросились, кто къ *земной оси*, кто къ *современнымъ причинамъ*. Тѣ провозглашаютъ, что положеніе земной оси многократно измѣнялось, и что оно-то произвело на земномъ шарѣ тѣ перевороты, которыхъ слѣды и доказательства представляетъ намъ вся поверхность земли. Другіе говорятъ: неправда! въ порядкѣ вселенной все правильно, прочно и неизмѣнно; переворотовъ никакихъ не бывало и быть не могло; все, что ни сдѣлалось, сдѣлалось тихо и аккуратно, и теперь еще, при насъ, продолжаетъ дѣ-

латься; *мы* этого не примѣчаемъ, но потомки наши, черезъ многія тысячелѣтія, примѣтятъ, и убѣдятся; море и теперь движется, тихо пожирая материки въ одной сторонѣ, и обнаруживая дно свое въ другой; оно можетъ такъ обойти весь шаръ земной; отъ положенія морей зависятъ климаты: они и теперь непостоянны; воды дождевыя и теперь подмываютъ и разрушаютъ скалы: однѣ горы отъ этого понижаются и современемъ исчезнутъ, другія возвышаются и будутъ еще выше; одни пласты непримѣтно наклоняются сюда, другіе туда, и эти слабыя, медленно дѣйствующія *современныя намъ причины* производятъ, безъ всякихъ переворотовъ, тотъ видъ хаоса, безпорядка, взрывовъ и изломовъ въ наслоеніи земной коры, который васъ поражаетъ; ипотеза внутренняго жара не нужна, когда все объясняется одною продолжительностью того, что̀ при глазахъ нашихъ происходитъ; ваши волканы и волканизмы — пустяки: это — слѣдствія химическихъ дѣйствій, совершающихся въ верхней части земной коры, воспаленія кожи шара, ничтожные прыщики, о которыхъ и говорить не стоитъ, Я прощаю, продолжаетъ г. Д'Омаліусъ, осистовъ. тѣхъ, которые по произволу шевелятъ земной осью для объясненія измѣненій, замѣчаемыхъ въ наружности планеты; они по-крайней-мѣрѣ допускаютъ *перевороты*, и притомъ же они — добрые люди: сознаются, что прибѣгаютъ къ ипотезѣ. *Но деспотизмъ господъ, вооруженныхъ современными причинами, невыносимъ — рта раскрыть не позволяютъ! — перевороты уничтожаютъ! — обращаютъ въ посмѣшище*

всякаго, кто заикнется о внутреннемъ жарѣ или находитъ удобнымъ опереться на правдоподобную ипотезу. Послѣ чего, г. Д'Омаліусъ начинаетъ торжественную похвалу внутреннему жару, исчисляя всѣ его преимущества и заслуги.

Г. Шафгейтль, съ своей стороны, не можетъ сладить въ Мюнхенѣ съ воздушными камнями. Лапласъ утверждалъ, что они падаютъ изъ жерлъ волкановъ луны, и вычисленіями показывалъ возможность этого. Бергманъ и Хладни принимали ихъ за капельныя планеты, текущія въ пространствѣ вселенной самостоятельно, подобно нашей землѣ, и опрокидывающіяся отъ времени до времени на ея поверхность. Аристотель, Глауберъ, Лавоазіе, Вольта, Морре, Ренольдсъ, Дальтонъ, Деви, Фишеръ, Эгенъ, Иделеръ, доказываютъ, что воздушные камни образуются въ нашемъ же воздухѣ, преимущественно изъ желѣза, въ немъ раствореннаго, и весьма справедливо названы воздушными. Г. Шафгейтль разбираетъ эти три способа объясненія ихъ загадочнаго начала и, находя всѣ три рѣшительно невозможными, предоставляетъ воздушные камни суду Божію.

1847.

—

СКАЛА ИЗЪ НАЛИВОЧНЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

Извѣстный своими открытіями въ микроскопическомъ мірѣ г. профессоръ Эренбергъ пишетъ изъ Берлина къ г. Броньяру, что онъ сдѣлалъ новое открытіе, удивительнѣе всѣхъ прежнихъ. По наблюденіямъ знаме-

нитаго естествоиспытателя, скалы и утесы образовались весьма страннымъ образомъ: онѣ цѣликомъ составлены изъ бренныхъ остановъ наливочныхъ животныхъ, которыхъ вы можете превосходно различить, посмотрѣвъ на скалу въ микроскопъ. «Скалы, однороднаго состава, говоритъ г. Броньяръ, не слишкомъ твердыя, легко разсыпающіяся въ песокъ, даже ископаемыя, плотныя, которыя кажутся какъ-бы вылитыми изъ одного кремнистаго вещества, состоятъ единственно изъ останковъ или, точнѣе, скелетовъ тѣхъ безконечно-малыхъ животныхъ, которыхъ тысячи живутъ въ каплѣ воды или уксусу, особенно изъ породъ bacсilaria, coconema, gomphonema, synedra, gaillonella. Эти останки, совершенно различаемые помощію микроскопа, сохранили видъ незримыхъ окаменѣлыхъ труповъ всѣхъ этихъ наливочныхъ животныхъ; вы ихъ видите такъ чисто какъ на вашей ладони, и каждый можетъ сравнить ихъ съ живыми породами, которыя нарисовалъ г. Эренбергъ въ своихъ сочиненіяхъ». Г. Эренбергъ, по своей страсти къ этимъ крошечнымъ чудовищамъ, вскорѣ откроетъ, что и человѣкъ составленъ весь изъ наливочныхъ!

1836.

—

ИНФУЗОРІИ ВЪ КАМЕННЫХЪ ПОРОДАХЪ, НАЗЫВАЕМЫХЪ ВУЛКАНИЧЕСКИМИ.

Какъ извѣстно, вулканическими породами геологія называетъ каменныя массы, которыя, по ея мнѣнію,

образовались черезъ огонь, содержащій яко бы внутренность земнаго шара въ состояніи расплавленной лавы. Разумѣется, что инфузорій тутъ не должно быть. Однакожъ г. Эренбергъ уже прежде нашелъ-было остатки микроскопическихъ животныхъ въ нѣкоторыхъ изъ такихъ камней, именно въ ирландскомъ кремнѣ и охотской землѣ, которую туземцы употребляютъ въ пищу и которая очень похожа на разсыпавшуюся въ пыль пемзу, на произведеніе, какъ говорятъ въ геологіи, въ высшей степени огненное, вулканическое. Въ послѣднее время, г. Эренбергъ, разсматривая такъ-называемыя вулканическія породы возвышеній Гохзиммера, близъ Лаахенскаго Озера, открылъ тридцать два рода инфузорій въ тамошнемъ туфѣ. Въ чистой пемзѣ каммербюльской и въ траппѣ или туфѣ «вулканическомъ» брультальскомъ найдены имъ также скорлупки микроскопическихъ животныхъ. Въ американскихъ пемзахъ тоже много инфузорій, но не во всѣхъ: въ нѣкоторыхъ едва примѣтны одни только ихъ остатки, а въ иныхъ и ничего различить нельзя. Зато перувіанскій порфиръ, изъ окрестностей волкана Арекипы, состоитъ весь изъ труповъ незримыхъ животныхъ, такъ же какъ и многіе кварцы.

—

МИКРОСКОПИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ Г. ЭРЕНБЕРГА НАДЪ ВИЗИТНЫМИ БИЛЕТАМИ.

Это заглавіе похоже на шутку либо на эпиграмму. Между-тѣмъ оно ни то ни другое. Оно изображаетъ очень серіозное ученое изслѣдованіе и имѣетъ тѣсную

связь съ великими открытіями знаменитаго берлинскаго естествоиспытателя. — Какъ! неужели г. Эренбергъ открылъ инфузоріи и въ визитныхъ билетахъ? — Точно такъ. Къ нему прислали въ новый годъ множество билетовъ съ поздравленіемъ, и онъ, вмѣсто того чтобы бросить въ каминъ всѣ эти невинныя свидѣтельства усерднаго упражненія человѣковъ въ лицемѣрствѣ, призналъ за лучшее извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу для науки. Ученый человѣкъ умѣетъ всѣмъ пользоваться. Не только эти лоскутки бумаги, покрытой слоемъ мелко истертаго и отполированнаго мѣлу, сдѣлались для него предметомъ любопытнаго наблюденія, но и стѣны собственной его квартиры. Гостиная его была выклеена для праздника прекрасными новыми обоями: примѣтивъ, что они расписаны тоже мѣловою краскою, онъ отодралъ отъ стѣны кусокъ этихъ обоевъ къ крайней досадѣ мадамъ Эренбергъ, и положилъ его, вмѣстѣ съ билетами, подъ микроскопъ, увеличивающій предметы въ триста діаметровъ. Новый міръ чудесъ вдругъ открылся глазамъ его на визитныхъ билетахъ и на стѣнныхъ обояхъ, тамъ, гдѣ невѣжественное зрѣніе обыкновенныхъ людей видитъ только безсмысленные узоры и гравированныя собственныя имена. Эти блестящія карточки, эти глазированныя бумаги, представили ему чудную, удивительно красивую мозаику окаменѣлыхъ кораллородныхъ животныхъ незримой для простаго глаза величины — мозаику, говоритъ, онъ, въ тысячу разъ плѣнительнѣе этихъ узоровъ, въ милліонъ разъ замысловатѣе всѣхъ этихъ именъ. Несмотря на полировку, несмотря

на крайнее измельченіе частицъ мѣлу подъ тяжелымъ камнемъ краскотера, эти животныя сохранили въ цѣлости свои формы. Какова же должна быть мелкость живыхъ существъ, изъ накопленія которыхъ природа образовала эти исполинскія толщи европейскаго мѣлу! И какую массу жизненныхъ силъ употребила она для образованія такихъ огромныхъ толщъ! Наипочтеннѣйшимъ плутонистамъ, повторяющимъ на-обумъ verba magistri съ прибавкою надлежащаго количества своихъ огне-строительныхъ догадокъ, онѣ кажутся однородными массами осажденнаго минеральнаго вещества, и между-тѣмъ онѣ — только вѣковыя кладбища безчисленныхъ милліоновъ нѣкогда живыхъ существъ. Общее, и совершенно равнодушное, замѣчаніе: если бы всякій, кто начинаетъ писать о геологіи, сперва положилъ свою визитную карточку подъ микроскопъ — предполагая, что онъ умѣетъ съ нимъ обращаться — то нѣтъ сомнѣнія, что на земномъ шарѣ было бы гораздо менѣе безвидныхъ компиляцій, которыя только умножаютъ число книгъ, а науки не подвигаютъ впередъ ни на волосъ.

—

ЗАПРУЖЕНІЕ УСТЬЕВЪ РѢКЪ ИНФУЗОРІЯМИ.

Инфузоріи — повсюду! Вскорѣ, право, житья не будетъ на свѣтѣ отъ инфузорій. Рѣки обмелеваютъ, устья заваливаются, и если придетъ время, что внутреннее судоходство прекратится на землѣ, причиною этого несчастія будутъ однѣ инфузоріи, эти крошечныя, не-

зримыя существа, которыхъ г. Эренбергъ, съ своимъ безжалостнымъ микроскопомъ, находитъ повсюду, даже въ камняхъ *огненнаго образованія*, какъ говорятъ геогносты. Каждая песчинка на днѣ морскомъ, по его свидѣтельству — кладбище тысячи этихъ животныхъ. Изучая теперь пески рѣки Эльбы, которой мели увеличиваются въ страшномъ содержаніи, онъ находитъ въ нихъ цѣлыя горы морскихъ инфузорій. Онѣ проникаютъ въ рѣки гораздо далѣе чѣмъ вода морскихъ приливовъ. Въ устьяхъ, гдѣ господствуютъ приливы, рѣчной песокъ состоитъ весь изъ морскихъ инфузорій, которыхъ прѣсная вода убиваетъ огромными массами. Далѣе, количество ихъ начинаетъ постепенно уменьшаться, такъ, что верстъ за двѣсти отъ устьевъ онѣ попадаются очень рѣдко, но еще въ половинѣ этого разстоянія морскія инфузоріи составляютъ еще четверть массы рѣчнаго и прибрежнаго песку.

ЖИВОТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ НЫНѢШНЯГО МОРСКАГО ПЕСКУ.

Проникая съ своимъ чудеснымъ микроскопомъ глубже и глубже въ міръ ископаемыхъ инфузорій и другихъ незримыхъ животныхъ, и занимаясь будто-бы зоологіей, г. Эренбергъ рѣшительно создаетъ новую геогенію и опрокидываетъ всѣ нынѣшнія системы объ образованіи земли и происхожденіи составныхъ частей ея. Изслѣдованія его ведутъ болѣе и болѣе къ мысли, которую мы уже предложили однажды въ «Библ. для Чт.», что вся такъ называемая «матерія» есть только

результатъ, продуктъ или, правильнѣе, *отдѣленіе* (sécrétion) *органической жизни*, и что ипотеза первобытной матеріи — основаніе грубой философіи прошедшаго вѣка — вещь несбыточная и противная прямому наблюденію нашего столѣтія. Сама даже матерія есть ипотеза, мечта, лишенная всякихъ доказательствъ: никто не видалъ матеріи; вещества, которыя можемъ осязать чувствами, ощущать прикосновеніемъ и которыя навели людей на идею «матеріи», суть уже различныя перегонки и переработки органической жизни, бренные останки и прахъ прежнихъ живыхъ существъ, перешедшіе въ состояніе минераловъ. Ничто не подкрѣпляетъ такъ сильно этой мысли, чрезвычайно правдоподобной въ нынѣшнемъ состояніи наблюденія, какъ послѣднее разсужденіе г. Эренберга о морскомъ пескѣ, Въ февралѣ мѣсяцѣ онъ читалъ, въ Берлинской Академіи наукъ, записку, въ которой старается убѣдить прямымъ наблюденіемъ, что весь нынѣшній морской песокъ — произведеніе нынче же живущихъ въ морѣ весьма мелкихъ многокамерныхъ животныхъ. Этотъ фактъ доказанъ теперь до осязательной очевидности, и г. Эренбергъ, который прежде самъ былъ другаго мнѣнія о морскомъ пескѣ, принужденъ перемѣнить свой образъ мыслей послѣ наблюденій и опытовъ надъ различными песками морей обоихъ полушарій. Песокъ этотъ — несомнѣнно продуктъ незримыхъ улитокъ: круглыхъ, винтообразныхъ и даже прямыхъ многокамерныхъ, каковы Sorites orbiculus, Rotalia и Cristellaria, похожія на аммонитовъ и корабликовъ, Nodosaria и Cristellaria, и прочая; существъ съ извест-

ковыми и кремнеземными скорлупками. Всякая песчинка — *гробница* или комокъ нѣсколькихъ десятковъ такихъ животныхъ, склеившихся и сбитыхъ вмѣстѣ, но которыхъ можно раздѣлить. Распустивъ ихъ скорлупки въ кислотахъ, г. Эренбергу удалось получить ихъ мертвыя, засохшія тѣла: въ этихъ тѣлахъ онъ нашелъ даже мертвыхъ инфузорій, которыя служили имъ пищею за минуту передъ смертію. При помощи хорошаго микроскопа очень легко удостовѣриться всякому еще и въ томъ, что эти многокамерныя животныя, круглыя и винтообразныя — существа не простыя, или одинокія, но сложныя массы полиповъ, состоящія изъ многихъ существъ, расположенныхъ въ видѣ розетокъ.

Не нужно много объяснять прямаго слѣдствія для геологіи изъ подобнаго открытія. Всѣ каменныя породы, изъ которыхъ наслоена кора земнаго шара, составились изъ песку, осаждаемаго водами: поэтому вся земная кора — произведеніе животной жизни, плотная могила существъ органическихъ. Извѣстно, что кремнеземъ составляетъ значительную часть гранита, а кремнеземъ — тоже животный продуктъ. Слѣдственно и граниты, и всѣ такъ-называемыя плутоническія каменныя породы, обязаны своимъ началомъ органической жизни?.... Впрочемъ, извѣстно, что г. Braconnot, при химическомъ разложеніи гранита, года три тому извлекъ изъ него эмпиревматическое масло и другія органическія вещества. Мы не хотимъ отъ гранита восходить далѣе, то есть глубже: этимъ путемъ какъ разъ дошли бы мы до заключенія, что въ центрѣ зем-

наго шара лежитъ первая инфузорія, которая жила въ нашихъ подлунныхъ странахъ.

1839.

—

НОВАЯ БѢДА ВЪ ГЕОЛОГІИ.

Charpentier и Agassiz испортили у бѣдной геологіи много крови своими ледниками. Но могла ли она ожидать, что въ то же время другой капитальный столбъ ея модныхъ теорій вдругъ обрушится ей на голову!.... Классификаціи ископаемыхъ животныхъ по эпохамъ мірозданія угрожаетъ страшная суматоха. Доказано и принято, что въ такую-то эпоху водились такія-то породы животныхъ, которыя потомъ вымерли, чтобы уступить мѣсто другимъ породамъ, другимъ видамъ, представителямъ новаго періода въ возрастѣ планеты, и находятся теперь только въ ископаемомъ видѣ.

Древнія Ликія и Фригія начали въ послѣднее время привлекать къ себѣ вниманіе англійскихъ путешественниковъ. Болѣе сорока разрушенныхъ городовъ найдено въ этой неизвѣстной полосѣ Малой Азіи: ихъ развалины, надписи и барельефы представились новымъ кладомъ классическимъ антикваріямъ, которые теперь съ восторгомъ разбираютъ эти остатки безвѣстной образованности, нѣкогда спорившей о древности съ египетскою. Въ мірѣ туристовъ только и рѣчи что о Ликіи и Фригіи. Увлеченный общимъ стремленіемъ, г. Forbes отправился туда же, для наблюденій надъ природою столь любопытной страны. Вотъ нѣсколько

мѣстъ изъ писемъ этого естествоиспытателя, напечатанныхъ въ англійскихъ журналахъ: «Въ проѣздъ мой «черезъ Архипелагъ, я старался повсюду проникнуть «до дна морскаго, какая бы ни была глубина моря.... «Мнѣ удалось добыть множество морскихъ живот-«ныхъ изъ глубины, доселѣ неизвѣстной, въ тысячу «двѣсти футовъ, и болѣе. Грунтъ на такихъ глуби-«нахъ весьма однообразенъ, и состоитъ изъ бѣлаго «осадка, вѣроятно, значительной толщины. Въ тысячѣ-«двухъ-стахъ футахъ, нашелъ я множество живот-«ныхъ мягкотѣлыхъ, кольчатыхъ, черепокожныхъ «крылоногихъ, и прочая. Зоофитовъ — бездна.... Я по-«лагаю, что эти изслѣдованія прольютъ новый свѣтъ на «геологію. До-сихъ-поръ не заглядывали такъ глу-«боко въ море: между-тѣмъ въ тычячѣ футовъ подъ «его поверхностью живутъ еще донынѣ породы живот-«ныхъ, почитаемыя угасшими.... Удивительное дѣло: «*самыя характеристическія раковины этихъ без-«вѣстныхъ пропастей суть именно тѣ, которыя «доселѣ попадались только въ ископаемомъ видѣ и «признаются представителями другихъ геологиче-«скихъ эпохъ*.... Коротко сказать, мои открытія въ «*морской* геологіи ужасно меня самого изумили; все «вышло совершенно наперекоръ нынче принятымъ тео-«ріямъ и моимъ ожиданіямъ».

1842.

—

ГЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИПОТЕЗЫ.

По поводу сочиненія: *Палеонтологія Россіи*, доктора Эд. Эйхвальда. 1854.

Многія изъ новѣйшихъ наукъ были бы совершенно популярными, если бы назывались понятно для всякаго. Какое милое и занимательное знаніе — знакомство съ угасшими существами первобытнаго міра! Между-тѣмъ, закутанное въ страшные псевдо-греческіе термины, оно очень мало привлекаетъ къ себѣ вниманіе образованнаго класса, который не любитъ и боится педантства. *Палеонтологія, ориктофитологія, ориктозоологія* могли бы въ Россіи называться по-русски, съ большою для себя выгодою. Эти слова значатъ: рѣчь о древнихъ существахъ — объ ископаемыхъ растеніяхъ — ископаемыхъ животныхъ. А эта «рѣчь о древнихъ существахъ», это древносущесловіе или *палеонтологія* — нераздѣльная часть «рѣчи о древней землѣ» или такъ-называемой *геологіи*. При всемъ уваженіи къ этой великолѣпной наукѣ, нельзя не сознаться, что она очень плохо названа. Кажется, что «описывать» и «изображать словами» значитъ логически одно и то же. А между-тѣмъ *землеписанію* (географіи) произвольно велѣно значить — рѣчь о наружности земли, о томъ, чтò видишь, а *землесловію* (геологіи) — рѣчь о внутренности земли, о томъ, чего не видишь. Чтò если бы *геологія* прозвалась бы напримѣръ *геософіей*, то есть землемудріемъ?

Несмотря на неопредѣлительность своего названія, геологія, при помощи палеонтологіи, открыла удиви-

тельныя вещи: въ Россіи нѣкогда росли не березы, но пальмы, и водились не медвѣди, а слоны и носороги; хлѣба не сѣяли, потому-что стоило только взлѣзть на хлѣбное дерево, толщиною саженъ десяти въ окружности, устроить себѣ на немъ изъ банановыхъ листьевъ гостиную, столовую и спальню, и тамъ жить; гутта-перча для гребенокъ, галошъ, тарелокъ, чашекъ, умывальныхъ и другихъ приборовъ, была ни почемъ — не то что теперь, два рубля съ полтиною за фунтъ; и ученый докторъ Эйхвальдъ доказываетъ неопровержимо, что зимою и лѣтомъ наслаждались повсюду, отъ Москвы до самаго полюса, температурою ровною, здоровою, немножко жаркою, какъ теперь на Борнео, Суматрѣ и въ другихъ мѣстахъ около экватора, не совершенно отрадною, такъ какъ солнце было тогда устранено отъ распоряженія климатами. Лучи его считались недѣйствительными. Россія, какъ и вся земля, нагрѣвалась тогда не сверху, а снизу, огромною голландскою печкою, устроенною внутри земнаго шара. Слѣдовательно, все росло и преуспѣвало съ бо́льшею силою, въ этой натуральной оранжереѣ. Словомъ, это былъ огромный зимній садъ. Кому не любопытно познакомиться съ такимъ чудным прошедшимъ родной Руси нашей и не узнать, почему пальмы не растутъ теперь по Волгѣ!

Славное званіе перваго постояннаго и систематическаго геолога и палеонтолога Россіи принадлежитъ, безспорно, профессору и академику, доктору Э. И. Эйхвальду. Лѣтъ тридцать сряду усердно онъ путешествуетъ, ломаетъ камни, наблюдаетъ, описываетъ.

Въ двадцатыхъ годахъ предпринималъ онъ путешествіе къ Кавказскимъ Горамъ и Каспійскому Морю, и, между-прочимъ, вывезъ оттуда чудесное открытіе, котораго логическія послѣдствія, какъ кажется, не вполнѣ имъ самимъ оцѣнены. Знаменитый нашъ геологъ удостовѣрился, что дѣло истребленія разныхъ органическихъ формъ совершается и теперь тихо, непримѣтно, но безпрерывно, въ природѣ; слѣдовательно, рядомъ съ нимъ и также безпрерывно должно производиться дѣло образованія новыхъ породъ, черезъ постепенное измѣненіе старыхъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе приличной пищи и другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ «Зологіи» своей, изданной въ 1829 году, докторъ Эйхвальдъ описалъ настоящихъ и ископаемыхъ животныхъ Россіи, а въ 1840 г. явился опытъ его о первобытномъ мірѣ Россіи. Въ этомъ и въ другихъ сочиненіяхъ опредѣлилъ онъ каменныя породы Петербургской, Эстляндской и Подольской губерній за граувакковыя формаціи, Лифляндской и и Новгородской — за формаціи древняго краснаго песчаника и горнаго известняка, Виленской — за юрскую, Волыно-Подольскую и Царства Польскаго — за молассовую, и эти опредѣленія останутся, не смотря на вторженіе модныхъ англійскихъ системъ, которыя ничего не опредѣляютъ. Словомъ, геологическіе и палеонтологическіе подвиги ученаго академика огромны, блистательны, неоспоримы: дѣльнымъ трудомъ заслужилъ онъ славу и авторитетъ, которыми пользуется между любителями ископаемаго міра. Тѣмъ любопытнѣе знать конечныя заключенія, которыя вывелъ онъ

изъ этихъ обширныхъ и тщательныхъ розыканій, посмотрѣть теорію, на которой остановился.

Было, говоритъ онъ, время, когда нынѣшнія обширныя и цвѣтущія равнины Россіи находились подъ водою. Первыми обитателями этого огромнаго океана были морскія растенія, кораллы, раки, раковинныя животныя, рыбы.

Какъ естествоиспытатель, онъ, вмѣстѣ съ прочими, принужденъ удивляться, что на сѣверѣ Россіи, Азіи и Америки встрѣчаются остатки разныхъ тропическихъ видовъ растеній и животныхъ, напримѣръ, пальмъ и деревистыхъ папоротниковъ, то-есть такихъ существъ, которыя, въ дикомъ состояніи, думаетъ онъ, *могутъ жить только въ жаркомъ климатѣ.* Равнымъ образомъ поразительно постоянное нахожденіе нынѣ исчезнувшихъ раковинъ, гроша аполлонова и трубочника бородавчатаго, только въ самыхъ нижнихъ, то-есть самыхъ древнихъ осадочныхъ пластахъ земной коры, и нахожденіе костей слона первороднаго (мамонта) и носорога ветхаго только въ новѣйшихъ или высшихъ пластахъ. Притомъ же кости эти разбросаны близъ Ледовитаго Моря, гдѣ слѣда нѣтъ обширныхъ тучныхъ луговъ, которые ученый авторъ почитаетъ необходимыми для питанія этихъ колоссовъ. Эти и подобныя черты убѣждаютъ его въ коренномъ *измѣненіи климатовъ* планеты вслѣдствіе *происходившихъ на ней физическихъ переворотовъ.*

Различные виды морскихъ животныхъ, послѣ своей смерти, были погребены въ глинистыхъ, песчаныхъ или известковыхъ пластахъ, осѣвшихъ изъ морской

воды, которая, полагаетъ онъ, содержала въ себѣ въ то время *гораздо больше землистыхъ веществъ, чѣмъ нынѣшняя вода океана, потому-что теплота первобытнаго моря была несравненно выше* нынѣшнихъ океановъ, окружающихъ *простывшую поверхность земли; слѣдовательно*, вода тогдашняго океана могла растворять много минеральныхъ частей и, *сверхъ того, содержала въ себѣ значительное количество углекислоты.*

Доказательствомъ всеобщаго распространенія по земному шару *одного и того же моря* служитъ автору нахожденіе на различныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ однихъ и тѣхъ же видовъ окаменѣлостей, въ самыхъ древнихъ пластахъ обоихъ полушарій. Кромѣ этихъ морскихъ осадковъ были еще и другіе, образовавшіеся уже впослѣдствіи, черезъ осажденіе неорганическихъ веществъ изъ воды рѣкъ, протекавшихъ по первобытнымъ островамъ или материкамъ; повсемѣстное нахожденіе въ горномъ известнякѣ остатковъ однихъ и тѣхъ же растеній показываетъ доктору Эйхвальду, что и развитіе флоры первобытныхъ острововъ зависѣло отъ *одинаковаго повсюду* климата. Первые острова, вышедшіе на уровень океана, представляли голыя гранитныя скалы, подобныя тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ теперь въ Финляндіи; а финляндскія горы, въ прежнее время, были не болѣе какъ подводными камнями первобытнаго океана, вблизи которыхъ жили чудовищные кораллы, раковины, раки, виды которыхъ совершенно исчезли изъ ряда органическихъ существъ. Подобные ископаемые остат-

ки находятся теперь въ окрестностяхъ Царскаго Села въ синей глинѣ или въ грауваккoвомъ песчаникѣ, но чаще, въ слѣдующихъ за нимъ слояхъ хлористаго и мергельнаго известняковъ, лежащихъ горизонтально и покрывающихъ другъ друга, въ порядкѣ медленнаго и постепеннаго осажденія изъ воды этого всеобщаго океана.

Состояніе, въ которомъ находятъ органическіе остатки въ слояхъ земной коры, справедливо замѣчаетъ авторъ, бо̀льшею частью зависитъ отъ ихъ устройства: нѣкоторыя части животныхъ, напримѣръ створки раковинъ, по своей твердости, такъ совершенно уцѣлѣли, что ясно можно видѣть не только наружное, но и внутреннее ихъ очертаніе, даже тончайшія кости или мельчайшія чешуи рыбъ: все такъ хорошо сохранилось, что легко опредѣлять виды этихъ исчезнувшихъ существъ. Каменныя породы, по мѣрѣ отвердѣванія, хоронили въ себѣ не только твердыя, но и мягкія части животныхъ или растеній; такимъ-образомъ находятъ хорошо сбереженными даже внутренности рыбъ и кожистые стебли морскихъ водорослей. Нерѣдко янтарь, или отвердѣлая смола древнихъ хвойныхъ деревъ, облекала насѣкомыхъ такъ плотно, что до-сихъ-поръ уцѣлѣли ихъ усики и тончайшія ножки; даже мерзлая почва береговъ Ледовитаго Моря отлично хранитъ въ себѣ огромныхъ мамонтовъ, съ кожею и всѣми внутренностями, въ такомъ свѣжемъ состояніи, что шерсть, кровь и мясо ихъ мы видѣли, хотя прошли многіе вѣка отъ *внезапной* ихъ смерти.

Отъ всѣхъ мѣстныхъ перемѣнъ во всеобщемъ океанѣ доктора Эйхвальда и, потомъ, отъ перемѣнъ въ рѣкахъ его материковъ, произошли разные осадки, заключившіе въ себѣ очень много морскихъ, озерныхъ и прѣсноводныхъ животныхъ и растеній: они лежатъ теперь на различныхъ горизонтахъ земной коры и, болѣе или менѣе, различаются отъ нынѣ живущихъ; оттого они называются «первобытными».

Всѣ средства къ пріобрѣтенію хорошихъ свѣденій привели ученаго наблюдателя къ заключенію, что исторія планеты раздѣляется, подобно ея политической исторіи, на три главные періода: древній, средній и новый. *Каждый изъ этихъ періодовъ имѣлъ свой собственный и отличительный климатъ, отъ котораго зависѣло распредѣленіе животныхъ и растеній по земному шару вообще, и по нынѣшнимъ губерніямъ Европейской и Азіятской Россіи въ частности.*

Древній періодъ, во время граувакковыхъ, горноизвестковыхъ и мѣдисто-сланцеватыхъ осадковъ, отличался, по убѣжденію его, *одинаковой температурою по всему земному шару*, какъ *слѣдствіемъ центральнаго жара земли, который, отъ постепеннаго охлажденія оцѣпенѣвшей коры, безпрестанно повсюду лучисто распространялся. Тогдашній климатъ на полюсахъ былъ такъ же тепелъ какъ и подъ тропиками.* Поэтому морскія животныя всеобщаго океана, сухопутныя растенія первыхъ острововъ, земноводныя животныя древняго материка, одинаково распространялись по одаленнымъ странамъ, не заботясь

о томъ, что мы теперь называемъ сѣверомъ, югомъ, или географической широтою. Оттого и всѣ древніе осадки одинаково и ровно распредѣлены по сѣвернымъ и южнымъ странамъ Россіи, и животныя древнихъ осадковъ Алтайскаго и Уральскаго Хребтовъ мало различаются отъ ископаемыхъ видовъ береговъ Балтійскаго Моря и Подольской Губерніи, гдѣ эти древніе осадки покрыты болѣе новыми пластами средняго періода. Конечно, было бы другое, гораздо простѣйшее и совершенно натуральное средство объяснить это общее распространеніе по самымъ *древнимъ* пластамъ земной коры извѣстнаго числа однѣхъ и тѣхъ же — собственно, *почти* однѣхъ и тѣхъ же — ископаемыхъ формъ органическихъ, какія теперь пользуются жизнью и здравіемъ только между тропиками: стоило бы только допустить, что въ одну изъ древнихъ эпохъ эти немногія формы были повсемѣстны, что ими началась жизнь повсюду, но что эти формы подъ сѣверными широтами долго не выдержали — пропали мало-по-малу отъ холоду, а сохранились до нашихъ временъ только въ тропическихъ странахъ, подобно тому какъ и зубръ, проживъ тысячелѣтія на сѣверѣ, не можетъ долѣе вынести нашей стужи и всѣми мѣрами старается прекратить родъ свой на сѣверѣ. Но ученый нашъ палеонтологъ предпочитаетъ ипотезу болѣе великолѣпную, по правдѣ сказать—немножко устарѣлую и готовящуюся уже въ ископаемыя, да все-таки пріятную нѣкоторымъ ученымъ фантазіямъ, а именно, что земной шаръ нѣкогда горѣлъ, былъ накаленъ до̀-бѣла внутреннимъ огнемъ, расплавленъ какъ

стекло въ горнѣ; потомъ сталъ простывать сверху, отчего образовалась твердая земная кора, и теперь еще продолжаетъ простывать, утолщая эту кору; послѣ чего, вода, носившаяся въ видѣ паровъ въ атмосферѣ, осѣла на холодную кору, какъ на окошечное стекло, и покрыла его всеобщимъ океаномъ; а мало-по-малу изъ этого океана вынырнули, вслѣдствіе какихъ-то переворотовъ, острова и материки. Но земля, въ первый или древній періодъ своей исторіи, была еще такъ горяча, что климатъ полюсовъ не различался отъ климата тропиковъ, и потому животныя *и растенія, которыя мы привыкли называть тропическими*, могли жить и въ Россіи, какъ то доказывается ихъ остатками въ самыхъ *древнихъ* слояхъ нашей почвы. Разумѣется, то, что̀ въ геологіи принято называть *древностью* слоя, можетъ очень удобно быть названо и иначе; да если словъ не принимать за факты, то нѣтъ возможности составить никакой теоріи, а безъ теоріи наукѣ быть нельзя. Изъ теоріи принятой ученымъ докторомъ Эйхвальдомъ, выводилось бы скорѣе то заключеніе, что грошъ аполлоновъ и трубочникъ бородавчатый—коренныя сѣверныя животныя и особенные любители холоду, хотя мы и привыкли *называть ихъ тропическими*. Когда на полюсахъ было отъ внутренняго огня такъ жарко, какъ теперь между тропиками отъ солнца, то подъ экваторомъ и по близости его, гдѣ вмѣстѣ дѣйствовали со страшною силою и внутренній жаръ и отвѣсные лучи солнца, море неизбѣжно клокотало крутымъ кипяткомъ. Никакіе раки, никакіе раковины и кораллы, вѣрно

не соглашались жить въ кипяткѣ: они предпочитали отрадную теплоту климата Самоѣдовъ и Чукчей, и тропическія страны были совершенно безжизненны. По законамъ вращательной силы, расплавленное вещество внутренности планеты стремилось все къ экватору съ ужаснымъ напряженіемъ и должно было долго, очень долго накаливать эти страны до нестерпимой степени, удерживая животныхъ на сѣверѣ. Когда, наконецъ, подъ экваторомъ стало, сравнительно, холодно, грошъ аполлоновъ и комп. удалились съ сѣвера въ эти холодныя области, тѣмъ болѣе, что моря около полюсовъ могли современемъ принять названіе «Ледовитыхъ». Слабая сторона теоріи одного всеобщаго, вездѣ одинаковаго климата, заключается въ томъ, что эта одинаковость логически невозможна, даже и по тѣмъ мечтательнымъ ипотезамъ, на которыя опирается она какъ на факты.

Но воротимся къ періодамъ земной исторіи. Это романъ науки. Да романы—вещь такая занимательная! *Средній періодъ* уже не могъ похвастаться такимъ всеобщимъ распространеніемъ однѣхъ и тѣхъ же породъ животныхъ и растительныхъ. Внутренній огонь планеты значительно уменьшился. Солнце стало принимать землю въ свое исключительное вѣданіе и владѣніе и учреждать пагубныя различія въ климатахъ, смотря по градусамъ широты. Авторъ всю вину приписываетъ неловкости солнца. Онъ думаетъ, что во время тріасовыхъ, юрскихъ и мѣловыхъ осадковъ, распространеніе животныхъ и растеній не было такое всеобщее, какъ въ древнемъ періодѣ, *потому-что*

на полюсахъ и подъ высокими широтами теплота климата значительно уменьшилась: фауна и флора сильно измѣнились. Морскія животныя этого періода уже не доходили до крайнихъ сѣверныхъ странъ, но оставались въ южныхъ широтахъ: *тропическая фауна на полюсахъ* совершенно прекратилась и оттого ископаемыя животныя открываются особенно по южнымъ и среднимъ губерніямъ Россіи. Изрѣдка морскіе пласты встрѣчаются еще въ сѣверныхъ странахъ Уральскаго хребта или на берегу Ледовитаго Моря, *въ доказательство, что земной шаръ отличался своею внутреннею теплотою еще и во время этого періода, вдоль огромныхъ трещинъ, изъ которыхъ впослѣдствіи поднялся Уральскій Хребетъ.* Мѣловые же пласты находятся только въ южной Россіи или на Кавказѣ и не занимаютъ такого обширнаго пространства какъ юрскіе.

Наконецъ новый періодъ получилъ, по ученію автора, климатъ еще болѣе зависимый отъ солнца и отъ широты мѣста. Море, перешедшее въ болѣе узкія границы, оставило молассовые осадки въ однѣхъ южныхъ губерніяхъ Россіи, тамъ, гдѣ Черное Море нынѣ составляетъ послѣдній остатокъ первобытнаго океана.

О томъ, что сухія почвы, по которымъ мы ходимъ, находились нѣкогда подъ водою и были, даже неоднократно, дномъ морскимъ, никто не станетъ спорить. Но вопросъ состоитъ въ томъ, какъ это могло происходить натурально и правдоподобно. Ученый нашъ палеонтологъ погружаетъ землю всю вдругъ, еще го-

рячую, въ океанъ. Никакое благоразуміе не позволяетъ хвалить мѣръ очевидно насильственныхъ: ими ничего нельзя объяснить. Для объясненія волкановъ, или возрастанія температуры по мѣрѣ углубленія въ слои земной коры, не нужно прибѣгать къ плавкѣ планеты и внутреннему огню. Волканы, это болѣзнь кожи ея, сыпь, иногда прыщи, воспаленія мѣстныя и проходящія, для которыхъ и мѣста, и матеріяловъ, и причинъ слишкомъ достаточно накоплено въ предѣлахъ одной коры земной. Такъ точно и для объясненія напластованія этой коры, и окаменѣлостей, погребенныхъ въ ея пластахъ, нѣтъ ни малѣйшей необходимости наводнять всю землю вдругъ океаномъ. Довольно допустить вещь, неизбѣжную во всѣхъ равновѣсіяхъ, сопряженныхъ съ движеніемъ; допустить разницу, самую ничтожную — разницу на одинъ волосъ — между равновѣсіемъ трехъ составныхъ частей планеты: сухой массы, воды и воздуха; и при вращеніи шара отъ запада къ востоку, вода — море — океанъ — отставая отъ этого движенія каждый разъ на одинъ волосъ, будетъ отступать все далѣе и далѣе въ противную сторону, и вѣчно обходить планету отъ востока къ западу, непримѣтно ни для одного изъ ея жителей, но ровно, правильно и вѣрно. Это, разумѣется, случится, если перевѣшиваетъ сухая масса; если же вода, то море будетъ наступать на сушу отъ запада къ востоку, вращаясь скорѣе суши, и также обходить шаръ, скользя по немъ тихо, но безпрерывно. Передъ извѣстными преградами, это правильное отступаніе или наступаніе моря можетъ испытывать остановки, мѣст-

ныя и даже продолжительныя, но въ общей сложности тысячелѣтій обращеніе воды около сухой земной массы совершится, и каждое мѣсто поочередно будетъ дномъ морскимъ, напластуется самыми глубокими, средними и верхними формаціями, и вынырнетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ преграды эти будутъ прорваны, разрушены силою, и сдѣлаются частныя наводненія; но это изъятіе изъ правила, а не основной образъ дѣйствія. Чудеса палеонтологическія, осажденіе *древнихъ*, *среднихъ* и *новыхъ* формацій, исчезаніе видовъ, очередованіе породъ, будутъ происходить одновременно, въ наши годы, при нашихъ глазахъ, и мы ничего не увидимъ, особенно въ очки нашихъ теорій.

Твердость каменныхъ породъ или сухихъ массъ земныхъ — понятіе очень относительное: твердымъ мы называемъ то, что̀ не такъ мягко какъ наши пальцы, которые однако не мѣрило для природы. То, что̀ для насъ твердо и хрупко какъ сталь, для нея мягко и упруго какъ резинка. Полоска стали, въ палецъ толщиною и четверть аршина длиною, ужасно тверда; но полоса стали аршинъ въ десять длины при той же толщинѣ мягка какъ вѣточка, гнется, волнуется. Несмотря на свою высокую хрупкость, длинное стекло, стеклянный прутъ напримѣръ, подается во всѣ стороны. Гранитную колонну, въ пятдесятъ верстъ длины, навѣрно можно было бы свернуть въ нѣсколько колецъ какъ проволоку. Отсюда слѣдуетъ, что планета, лучшей каменной постройки, по причинѣ огромности своей мягка и упруга, какъ резинковая пуховая подушка, которой поверхность можно вдавить и выда-

вить, въ тысячѣ точекъ вдругъ, положенными на нихъ тяжестями или налитою на нее водою въ достаточномъ количествѣ. Одна тяжесть воды вогнетъ ее въ разныхъ мѣстахъ разно, образуетъ пучины, моря, бездны, мелководья, проливы, океаны, острова, материки; выдавитъ на нихъ возвышенія, рубцы, гряды; пожалуй, можно увеличить тяжесть воды до того, что верхняя резинковая оболочка мѣстами лопнетъ, въ трещину вылѣзетъ, гдѣ пухъ, гдѣ нижняя наволочка — нѣкогда красная — но, отъ времени и употребленія, покрытая пестрыми пятнами, подъ гранитъ. Такую подушку не мѣшало бы заставить вращаться на своей оси вмѣстѣ съ водою: сухая масса увлечетъ жидкую, но тяжесть сухой массы и тяжесть воды сочтутся между собою, и вода станетъ въ то же время скользитъ вокругъ подушки впередъ или назадъ, вращаясь на свой счетъ, на подобіе сатурнова кольца, и безпрестанно измѣняя очертаніе, положеніе и наружный видъ сухихъ полосъ материковъ, острововъ; то подымая, но понижая выдавленныя на нихъ возвышенія и неровности. Вѣсъ воды географическихъ океановъ довольно великъ и неровенъ, чтобы съ успѣхомъ произвести тѣ же самыя явленія на поверхности гранитомъ крытой планеты. Подобіе это грубо; оно приводится лишь наскоро и только для основательнаго уразумѣнія возможности разсматривать задачу съ другой стороны. Какъ теорія, оно можетъ-быть стòитъ ровно столько же, какъ и топка земнаго шара внутреннимъ огнемъ до бѣлокаленія и расплавки — а быть-можетъ и болѣе — такъ-какъ оно не противорѣчитъ настоящему

и, главное, не трогаетъ краеугольнаго камня всѣхъ механизмовъ природы: правильнаго, спокойнаго хода постоянно дѣйствующихъ причинъ. Это не будетъ ни нептунизмъ, ни вулканизмъ: если угодно, это будетъ каучукизмъ, догадка о дивной мягкости и упругости твердой коры земнаго шара. Но если превратить ее въ «научную» теорію, обработать какъ слѣдуетъ, съ приличнымъ остроуміемъ, то она въ состояніи доставить удивительныя объясненія на разные затруднительные случаи. Напримѣръ: резинка, при сильномъ давленіи или напряженномъ растягиваніи, нагрѣвается до того, что отъ случайнаго прикосновенія искры огня или струи горючаго газа можетъ воспламениться. Въ нашемъ примѣрѣ, или уподобленіи, можно увеличить вдавливающую тяжесть и напряженіе выдавленныхъ выпуклостей до того, что на подушкѣ вспыхнетъ волканъ при образованіи трещины въ упругой оболочкѣ.

Если обходъ водяной массы около сухой массы совершается параллельно экватору, тогда онъ не нарушаетъ ничего въ положеніи географическихъ линій. Но ежели главныя точки давленія воды на поверхность упругой коры имѣютъ боковое положеніе и море скользитъ по корѣ вкось, напримѣръ по направленію такъ-называемыхъ магнитныхъ теченій, которыя давно указываютъ на какое-то особенное движеніе земныхъ массъ, тогда суша, лежащая близъ тропика, мало-по-малу можетъ очутиться у арктическаго круга. Говоря безпристрастно, у насъ на планетѣ преобладаетъ — вода, а не сухое вещество. Плотная часть планеты совершенно погружена въ жидкую и только

мѣстами выглядываетъ изъ воды на солнце. Земля собственно плаваетъ въ водѣ, виситъ въ ней спокойно, какъ шарикъ волчка въ стаканѣ жидкости, силою равновѣсія. Погрузимъ въ стеклянный сосудъ съ водою шарикъ или шаръ тонкаго стекла, налитый ртутью такъ, чтобы только маленькая точка его поверхности смотрѣла изъ воды въ потолокъ. Назначимъ эту точку капелькою сургуча. Назначимъ также и противоположную ей точку, обращенную къ полу. Это будутъ полюсы, концы оси. Положимъ, что верхній полюсъ лежитъ отвѣсно подъ гвоздемъ вколоченнымъ въ потолокъ, и что онъ представляетъ полярное созвѣздіе плавающаго въ водѣ шара. Если водѣ сосуда будетъ сообщено тихое горизонтальное движеніе, вода будетъ скользить вокругъ шара, поворачивая его болѣе или менѣе, но полюсы и ось шара не перемѣнятъ своего положенія въ отношеніи къ полу, потолку и гвоздю. Но если дать водѣ покатое или косвенное обращеніе въ сосудѣ, то она, обходя шаръ, будетъ въ то же время непримѣтно поворачивать его въ томъ же направленіи; верхняя, назначенная сургучемъ, точка уйдетъ въ воду, но надъ водою будетъ всегда виднѣться сухая точка прямо подъ гвоздемъ потолка; полюсы будутъ постепенно передвигаться, но ось шара не перемѣнитъ своего положенія относительно къ полу, потолку и его полярному созвѣздію, гвоздю. Теперь никто не сомнѣвается, что солнце, съ тѣхъ-поръ какъ мы его знаемъ, передвинулось въ пространствѣ по направленію къ одному изъ сѣверныхъ созвѣздій. А можетъ-быть передвинулся также и сѣ-

верный полюсъ земли, въ томъ же содержаніи времени какъ и солнце, тогда какъ ось ея не перемѣнила положенія своего въ отношеніи къ звѣздамъ? Объ этомъ еще не подумали, въ разгарѣ моды на двойныя звѣзды. Для астрономіи, результатъ собственно былъ бы тотъ же, но для геологіи — какая находка! Земля, къ великому удовольствію ископаемой исторіи, ворочалась бы передъ живительнымъ солнцемъ не только бокомъ, но вмѣстѣ и концами. Распредѣленіе безцѣнныхъ даровъ его было бы гораздо справедливѣе: каждая точка шара по-очередно получала бы свою долю жизни и счастья. Если это до-сихъ-поръ не открыто, такъ еще будетъ открыто — потому-что эта справедливость необходима для прочности самой планеты. Тогда палеонтологія не будетъ начинаться невѣроятною и немножко истертою фразою: «Когда сѣверный полюсъ и Сибирь наслаждались тропическимъ климатомъ....», но просто и ясно: «Когда Сибирь лежала подъ экваторомъ....», и прочая. Все это возможно, но покамѣстъ не нужно, для объясненія сомнительныхъ пальмъ сибирскихъ, такъ же какъ не нужна предварительная плавка земли на внутреннемъ огнѣ, для отлитія изъ нея хорошаго сфероида вращенія. Понятія наши о страшной твердости скалистыхъ массъ земли преувеличены слабостью нашею до наивности. Для силъ и величинъ, которыми дѣйствуетъ небесная механика, этотъ плотный каменный шаръ — мягкое и упругое тѣсто, которое она мнетъ, растягиваетъ и сжимаетъ какъ угодно. Для математики сила суточнаго движенія довольно могуча, чтобы образовать изъ такого

тѣста сфероидъ вращенія. Остальное геологія можетъ взять въ свое распоряженіе. Если бы остановить суточное движеніе, земля добровольно, по одной упругости своей массы, приняла бы другую форму, согласную съ обстоятельствами, не бывъ напередъ накалена ни расплавлена. Это вѣрнѣе всѣхъ сибирскихъ пальмъ.

Фактовъ не должно смѣшивать ни въ какой наукѣ съ теоріями. Въ предметѣ, которымъ мы занимаемся, факты называются *частною* геологіею или палеонтологіею, а теорія — *общею*. Такъ-называемая «общая» геологія, «общая» палеонтологія не что̀ иное какъ игра въ ипотезы. Гдѣ всѣ играютъ, тамъ позволяется каждому предлагать новыя игры — съ тѣмъ, разумѣется, условіемъ, чтобы онѣ сколько-нибудь были занимательны или веселы.

Одинъ изъ прекраснѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ фактовъ науки состоитъ въ томъ, что дѣйствіе солнца — самое теплотворное и живительное, и жизнь цвѣтетъ въ самомъ полномъ развитіи и блескѣ только въ области отвѣснаго паденія лучей въ полдень и, притомъ, только на чертѣ уровня поверхности суши съ поверхностью воды океана, или очень близко къ этой чертѣ и области. Подымаясь по сушѣ вверхъ, подальше отъ черты уровня, и спускаясь по дну морскому по-глубже отъ той черты, теплота уменьшается, жизнь оскудѣваетъ, мелѣетъ, чахнетъ и наконецъ исчезаетъ. На извѣстной горной высотѣ подъ экваторомъ — почти безпрерывная стужа — все гибнетъ — растутъ только мелкій ельникъ и брусника, какъ на крайнемъ сѣверѣ. На извѣстной морской глубинѣ, куда лучи солнца уже

не достигаютъ — опять холодъ: раковины и растенія, на отмеляхъ близъ черты уровня многочисленныя, бодрыя, красивыя, блестящія, по мѣрѣ углубленія дна рѣдѣютъ; породы измѣняются, являя постепенно формы болѣе грубыя и простыя; еще далѣе живутъ уже породы совсѣмъ простыя, такъ-сказать первоначальныя, и наконецъ начинается пустыня. Можно принять въ сложности, что подняться въ воздухъ или опуститься въ воду на 1,000 футовъ отъ линіи прикосновенія моря къ сушѣ все равно, что удалиться на 10 градусовъ широты отъ экватора. Поэтому, названія пластовъ *древнихъ*, *среднихъ*, *новыхъ*, основанныя на ископаемыхъ остаткахъ существъ, которыя нашли въ нихъ себѣ могилу, одарены очень шаткимъ и только относительнымъ смысломъ — относительнымъ къ теоріи, которая сочинила эти термины для своего обихода, а не къ сущности дѣла и къ истинѣ. Всѣ эти пласты могутъ собственно быть строго современными другъ-другу, и различія между ними происходятъ только оттого, что они образовались на различныхъ глубинахъ моря и, слѣдовательно, изъ различныхъ осадковъ и различныхъ степеней животной жизни.

Геологія, подрядясь отапливать земной шаръ внутреннимъ бѣлокаленымъ огнемъ для разведенія на древнемъ сѣверѣ растеній, нынче называемыхъ тропическими, можетъ совершенно разориться. Предпріятіе очень скользко! Понапрасну она не справляется съ садоводствомъ и пышный кустъ малабарской розы, красовавшійся на самомъ сѣверномъ полюсѣ, подвергаетъ страшной опасности. На печкѣ ягоды не растутъ.

Нѣтъ ничего вреднѣе какъ нагрѣвать корни снизу: растеніе тотчасъ вянетъ и пропадаетъ. Корень долженъ быть холоденъ. Ученый докторъ Эйхвальдъ навѣрное знаетъ, какъ садовники пробуютъ, весной, до листьевъ, сомнительныя деревья и грунтовые цвѣточные кусты: они щупаютъ корни; если корень холоденъ, растеніе живо, если тепелъ — пропало!... сохнетъ. Эти климаты *ровные повсюду, независящіе отъ солнца*, верховнаго климатныхъ дѣлъ мастера — бѣдовая выдумка. И эта горячая морская каша, въ которой варились грошъ аполлоновъ и первородные раки — тоже не совсѣмъ удобное изобрѣтеніе. Когда въ водѣ морской было растворено гораздо болѣе земель, солей и угольной кислоты чѣмъ нынче, морская вода была просто гадость — ничто не могло жить въ такой водѣ — и, главное, она была непозволительно тяжела: равновѣсіе между взаимными давленіями твердой сухой массы, воды и воздуха не существовало; вращеніе шара на оси разбрасывало эту свинцовую, убійственную кашу до самой луны. Правда, она дешева. Всѣ эти страшные безпорядки куплены геологіей на одинъ грошъ аполлоновъ.

Деревистые папортники, исполинскіе хвощи и плауны, мамонты, носороги, всѣ прежнія украшенія сѣвера, погибли невозвратно. Но слѣдуетъ замѣтить вообще: породы всюду мельчаютъ, великорослые или переростлые виды уничтожаются. Но жизнь черезъ это скорѣе улучшается чѣмъ приходитъ въ упадокъ на землѣ: маленькія формы гораздо удобнѣе для успѣшнаго отправленія жизни и для счастья чѣмъ большія, непово-

ротливыя, требующія непомѣрнаго количества пищи. При всемъ томъ, огромныя первозданныя формы могутъ, и должны неизбѣжно, сохраняться гораздо лучше и долѣе въ консервативныхъ климатахъ тропиковъ и экватора чѣмъ подъ широтами болѣе холодными и суровыми, гдѣ дѣло поддержки, разрушенія и переработки должно идти быстрѣе. На землѣ — одинъ органическій типъ, одинъ образъ живаго совершенства, это — человѣкъ, и, если вся органическая химія не глазной обманъ, то на планетѣ должна находиться постоянная, опредѣленная, данная однажды навсегда пропорція органическаго вещества, соразмѣрная объемамъ воды, суши и воздуха, какъ опредѣлены и даны пропорціи азота, углерода, водорода, кислорода, извести, магнезіи, соды, глинозема, кремнезема. Ни болѣе ни менѣе ея быть не можетъ, пока солнце и планета сохраняютъ свои относительныя положенія въ пространствѣ, свои величины и свои тяжести. Несмотря на свою разложимость, нѣжность, измѣнчивость, органическое вещество—тѣло простое, имѣющее свои силы, законы и свойства, которые всегда стремятся обнаружиться какими-нибудь живыми и дѣйствующими формами. Въ тѣ эпохи, когда животная жизнь потребляетъ на себя органическаго вещества немного, вся остальная его масса должна обращаться въ растительныя формы, которыя тогда перерастаютъ и доходятъ до исполинскихъ размѣровъ. Но это не можетъ быть постоянно. Одинъ человѣческій типъ неизмѣнимъ, какъ идеалъ творенія, какъ вполнѣ оконченное и высочайшее произведеніе органическаго вещества, приближен-

ное къ Творцу и облагороженное частицею Божества. Одному ему даны такія формы, въ которыхъ можно перенести всѣ климаты, самые жаркіе и самые холодные, легко, удобно, хотя и не безъ ущерба въ красотѣ, наружной и внутренней. Вся остальная часть органическаго вещества, принявшая другіе типы, должна подлежать безпрерывнымъ измѣненіямъ, почти такимъ же какъ органическія кислоты, по недоконченности своей, по своему несовершенству. Неоднократно было сказано, съ кажущимся глубокомысліемъ: «человѣкъ имѣетъ много общаго съ животными и растеніями». Основательнѣе было бы сказать: животныя и растенія имѣютъ кое-что общаго съ человѣкомъ. Сравнительная анатомія по-видимому уже не сомнѣвается, что типъ организма — одинъ на землѣ, но что развитіе этого типа, по дивному свойству органическаго вещества, можетъ удобно остановиться на многихъ тысячахъ точекъ зародышнаго дѣлопроизводства жизни — остановиться и сейчасъ дополниться снарядами, нужными для независимаго существованія на той точкѣ, на которой удержали ее окружающія обстоятельства. Первое, невольное произведеніе органическаго вещества — ячейка, основная единица жизни. Развитіе зародышнаго процесса можетъ остановиться на ячейкѣ, и она тотчасъ дополнится приборами, способствующими къ отдѣльной, самостоятельной жизни ячейки и къ воспроизведенію себя въ видѣ другихъ, ей подобныхъ ячеекъ. Оно можетъ остановиться на извѣстномъ сцѣпленіи ячеекъ, на волокнѣ, фибрѣ, ниткѣ, трубкѣ, кускѣ мягкой и жирной массы, и тутъ начать жизнь

самобытную. На извѣстныхъ точкахъ зародышнаго развитія, оно такъ же удобно можетъ принять видъ огурца, пальмы, мухи, какъ слона и носорога. Зародышный процессъ не что иное, какъ рядъ безпрерывныхъ химическихъ измѣненій свойства и качества работающаго органическаго вещества. Мы не въ состояніи поймать эти тонкія, летучія измѣненія въ рюмки нашихъ лабораторій: но они существуютъ очевидно. Даже и у человѣка, пока онъ достигнетъ зрѣлаго возраста, да и впослѣдствіи тоже, есть точки остановки на извѣстныхъ оттѣнкахъ его основнаго вещества, гдѣ жизнь устраивается на долгое существованіе въ какомъ-нибудь особенномъ видѣ — въ видѣ дѣтства, юности, зрѣлости или постепенныхъ паденій. Когда зубы вырастаютъ у ребенка, когда грудь развивается у дѣвушки, когда лѣта обезцвѣчиваютъ волосы старика — въ составѣ и свойствѣ бѣлковины, фибрины и другихъ частей ихъ крови явно воспослѣдовали измѣненія, которыя обнаруживаются этими феноменами и способны утвердить свой видъ на нѣкоторое время. Но какъ число измѣненій въ пропорціяхъ составныхъ частей органическаго вещества не можетъ быть не ограничено; какъ это вещество способно принять самостоятельныя формы только на опредѣленныхъ точкахъ своей безконечной переработки и тутъ лишь явиться особеннымъ органическимъ типомъ, породою или видомъ, то непосредственный переходъ изъ одной породы въ другую явственно невозможенъ. Овену принадлежитъ прелестное открытіе, посредствомъ котораго, срѣзавъ пластинку съ ископаемаго зуба и от-

шлифовавъ ее, можно, подъ микроскопомъ, по особенному рисунку ткани бывшей кости зуба, опредѣлить породу древняго животнаго: въ каждой породѣ зубная масса обнаруживаетъ другую кристаллизацію. Слѣдовательно, каждая порода соотвѣтствуетъ особенному качеству или, все равно, химическому измѣненію органическаго вещества. Переходъ породъ, однѣхъ въ другія, можетъ совершаться, но очень постепенно, подъ долгимъ и постояннымъ дѣйствіемъ внѣшнихъ вліяній, которыя мало-по-малу измѣнятъ качество вещества, работающаго въ нихъ на особенной степени своего поприща, далеко отъ предѣловъ совершенства. Можно сказать, всѣ животные типы, кромѣ человѣческаго, неполные образы жизни. Растительные типы въ свою очередь — неполныя подобія низшихъ типовъ животныхъ: какъ качество вещества ихъ ближе къ самымъ первымъ измѣненіямъ основнаго матеріяла, къ ячейкѣ и фибрѣ; какъ они прибираютъ къ себѣ только то, что̀ находится готовое подъ нимъ, и не выходятъ изъ предѣловъ неподвижной жизни, то они не столько безобразны и противны какъ животныя, въ которыхъ механизмъ, необходимый для жизни самодвижной, для отъискиванія себѣ особенной пищи, очень запутываетъ тѣлосложеніе, дѣлая для насъ рѣзкимъ его несовершенство. Всѣ эти неполныя формы бытія необходимо измѣнчивы.

Ученый авторъ полагаетъ, что породы совершаютъ свои циклы, въ которыхъ онѣ круговращаются. Это значило бы, что когда-нибудь сибирскіе болотные хвощи и папоротники снова выростутъ въ великолѣпные

бананы и пальмы: но мы не простираемъ надеждъ нашихъ такъ далеко. Напротивъ, гигантскія формы, вѣроятно, въ-теченіи вѣковъ обмельчаютъ и подъ экваторомъ, несмотря на твердость, съ которою солнце удерживаетъ тамъ status quo донынѣ. Для растенія, по его несложной организаціи, нѣтъ причины не расти безконечно, не увеличивать своихъ стволовъ и листьевъ, доколѣ позволяютъ мѣсто и тяжесть. На новыхъ и тучныхъ почвахъ, еще достаточно сырыхъ и сильно нагрѣвающихся, въ самое короткое время, отъ разложенія свѣжихъ осадочныхъ веществъ; на почвахъ обилующихъ почти готовыми соками — самые ничтожные кустарники и травки могутъ принять огромнѣйшіе размѣры далеко на сѣверѣ и удерживаться въ нихъ пока почва довольно богата. Но какъ солнце не имѣетъ здѣсь достаточно силы сохранить на долгое время то, чему помогло само перерости мѣру, то такія породы скоро должны поступать въ число исчезнувшихъ. Мало того замѣтить наружное сходство между растеніями или животными древняго сѣвера и нынѣшняго тропическаго юга: это сходство нисколько не влечетъ за собою сходства въ климатахъ. Нужно было бы показать химику полное тождество качества органическаго вещества нынѣшнихъ растеній и животныхъ Борнео или Сенегала, и ископаемыхъ растеній и животныхъ Сибири: а этого невозможно. Если въ химическихъ качествахъ, свойствахъ этого вещества существовала малѣйшая разница, то сибирскіе бананы и пальмы легко переносили стужу: разница и произошла отъ несходства климатовъ. Да и чтò значитъ климатъ для

растенія! Капуста вышла первоначально изъ Египта, а растетъ въ Вологдѣ съ бо̀льшимъ успѣхомъ чѣмъ въ Капрѣ. Гортензіи, черезъ полвѣка по своемъ прибытіи въ Петербургъ, уже позволяютъ себѣ иногда зимовать въ грунтѣ. Качество органическаго вещества древняго сибирскаго слона явно разнилось съ качествомъ вещества нынѣшняго слона индійскаго и африканскаго: мамонтъ былъ одѣтъ прекраснымъ мѣхомъ, совершенно приличнымъ Сибири, и исполинскіе клыки его вѣрно для того и были устроены такъ прочно, чтобы рвать весною корни деревъ еще со льдомъ на полурастаявшихъ болотахъ и подымать толстые моховые матрацы тундръ, которые могли быть ему вкуснѣе всѣхъ пряниковъ. Шкуры сѣверныхъ носороговъ мы никогда знать не будемъ: но едва ли и она не была слишкомъ тепла для другаго климата. Кромѣ того, гдѣ доказательства, что ископаемые носороги и слоны не приходили въ сѣверную Сибирь только на лѣто, а зимою не искали себѣ пріюта и корма въ болѣе южныхъ полосахъ Азіи? Преждевременныя зимы истребляли ихъ здѣсь во можествѣ. Когда знаменитый мамонтъ, котораго и называть не нужно по имени, нечаянно замерзъ живой въ глыбѣ сѣвернаго льда, бывали же въ Сибири порядочные морозы при его жизни! Несмотря на эти непріятности мѣстнаго климата, онъ родился, выросъ и жилъ тамъ до смерти, до своей печальной прогулки къ тундрамъ береговъ Ледовитаго Моря. Вѣроятно ученый нашъ геологъ не думаетъ утверждать, будто сѣверный полюсъ, наслаждавшійся тропическимъ климатомъ съ сотворенія міра до

того времени, замерзъ навсегда въ одни сутки на погибель несчастному мамонту.

Правда, онъ допускаетъ *внезапность переворота*, но это только въ угоду теоріи, нѣкогда славной, теперь посѣдѣвшей подъ своими ископаемыми лаврами, и которой онъ не хочетъ опрокидывать невѣжливо. Серіозно такія ипотезы не поддерживаются въ наше время.

1854.

МУЗЫКА.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

Опера Глинки.

—

М. И. Глинка поставилъ себя этою оперою въ ряду первыхъ композиторовъ всего міра и рядомъ съ первѣйшими изъ нихъ. «Русланъ и Людмила» — одно изъ тѣхъ высокихъ музыкальныхъ твореній, которыя никогда не погибаютъ, и на которыя можетъ указывать съ гордостью искусство великаго народа. «Русланъ и Людмила» — chef-d'oeuvre, въ полномъ смыслѣ слова, отъ первой до послѣдней ноты. Это — прекрасно, величественно, безподобно. Никто лучше нашего русскаго композитора не владѣлъ и не владѣетъ оркестромъ; никто не развивалъ въ одномъ сочиненіи такого множества смѣлыхъ, счастливыхъ и оригинальныхъ мыслей; никто не посягалъ на такія гармоническія трудности и не преодолѣвалъ ихъ такъ удачно; ни въ одной оперѣ не найдется такого разнообразія красотъ, раждающихся одна изъ другой безконечною цѣпью, безъ общихъ мѣстъ, безъ условныхъ дополненій. Но все это еще не значитъ, чтобы мы были совершенно довольны новою оперою г. Глинки. Мы не довольны именно тѣмъ, что это ужъ слишкомъ прекрасно, слишкомъ удивительно.

Выскажемъ откровенно наше мнѣніе. При первомъ слушаніи въ цѣломъ, «Русланъ и Людмила» произво-

дитъ именно то утомительное дѣйствіе, какое мы испытываемъ при чтеніи очень умныхъ книгъ, въ которыхъ каждое слово—острота, замысловатость и оригинальность, каждая фраза—верхъ искусства, каждый періодъ — цѣлая бездна геніяльныхъ красотъ. Вниманію должно останавливаться на всякомъ словѣ, чтобы постигнуть и исчерпать весь заключенный въ немъ умъ и талантъ. Чтеніе идетъ трудно. Ослѣпленный безпрерывнымъ фейерверкомъ разноцвѣтныхъ огней, читатель измученъ уже на третьей страницѣ. Надо тихо прочесть четыре раза, чтобы все понять, все оцѣнить, всему надивиться въ-разбивку: и тогда уже можно читать книгу съ начала до конца съ полнымъ и свободнымъ восторгомъ. Въ музыкѣ, таковъ въ особенности «Фиделіо» Бетховена; таковъ «Оберонъ» Вебера; таковы вообще многія части партитуръ Моцарта и Мейербера: и, предпочтительно, это замѣчается въ знаменитыхъ волшебныхъ операхъ, которыя всегда основываются на большой оригинальности формы и подробностей, выражая не чувства, а идеи. Таковъ наконецъ и «Русланъ и Людмила» Глинки.

Всѣ возможныя хорошія музыки можно раздѣлить на два рода: на музыку, которая съ перваго разу приводитъ всѣхъ въ восторгъ и потомъ постепенно становится менѣе и менѣе занимательною, дотого что наконецъ кажется довольно скучною, и на музыку, которую нужно слушать со вниманіемъ нѣсколько разъ и которая тѣмъ болѣе насъ восхищаетъ, чѣмъ чаще мы ее слышимъ.

«Русланъ и Людмила» принадлежитъ къ этому вто-

рому роду музыки, вмѣстѣ съ «Фиделіо», «Оберономъ», и множествомъ другихъ знаменитыхъ произведеній гармонической школы.

Такія музыки безсмертны: онѣ прочнѣе для славы композитора между настоящими любителями искусства, но невыгодны для него передъ лицомъ случайныхъ слушателей, которые судятъ по первому впечатлѣнію и не ищутъ повѣрить ихъ вторымъ и третьимъ.

Большой, и очень трудный, вопросъ множества разъ занималъ судей искусства: какъ должно писать музыку для оперъ, въ первомъ или во второмъ изъ этихъ двухъ родовъ? такъ ли, чтобы музыка была понятна всѣмъ съ перваго разу и мгновенно приводила публику въ восторгъ, или чтобы она была прочною въ искусствѣ и восхищала болѣе и болѣе по мѣрѣ ближайшаго съ нею знакомства? Этотъ вопросъ не рѣшенъ донынѣ и, вѣроятно, никогда не будетъ рѣшенъ, потому-что пользы искусства и пользы случайныхъ слушателей, изъ которыхъ состоитъ масса публики, поставлены здѣсь въ явное противорѣчіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что прелестныя, удобопонятныя, хоть и непрочныя музыки состоятъ подъ защитою очень важнаго аргумента. Случайный слушатель требуетъ безотлагательнаго и вдругъ доступнаго наслажденія — и въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ: онъ часто не имѣетъ времени изучать красотъ, чтобы впослѣдствіи восхищаться ими. Онъ пришелъ въ оперу наслаждаться сегодня и требуетъ, чтобы ему сегодня же доставили наслажденіе, не заботясь, что самъ онъ будетъ думать объ немъ спустя недѣлю.

Композиторъ-художникъ, который любитъ искусство для искусства, а не для насущной прибыли, никакъ не можетъ, и не долженъ, подчиняться подобному домогательству. Онъ работаетъ для своей славы и для чести своего народа, и требуетъ, чтобы внимательно изучали его произведенія и наслаждались ими съ надлежащимъ знаніемъ дѣла. Онъ также совершенно правъ!

Какъ же согласить настоящія пользы искусства съ требованіями и правами случайнаго слушателя оперъ?

Они, кажется, несогласимы.

Кто-нибудь долженъ уступить. Но если уступитъ композиторъ, такъ горе искусству!

Вспомните первое представленіе «Роберта-Дьявола», съ музыкою человѣка геніяльнаго, Мейербера, и первое представленіе какого-то балета, съ музыкою мосьё Адана. Несмотря, что «Робертъ-Дьяволъ» пришелъ къ намъ уже съ громкою славою, пріобрѣтенною за-границею, онъ былъ принятъ холодно, и сталъ нравиться только постепенно. Музыка балета, написанная здѣсь на мѣстѣ, въ нѣсколько недѣль, напротивъ, привела массу публики въ неизъяснимый восторгъ съ перваго разу.

Тѣ, которымъ «Робертъ-Дьяволъ» сначала не понравился, теперь поставляютъ себѣ долгомъ чести восхищаться имъ безпредѣльно, тогда-какъ многіе не хотятъ сознаться, что они были нѣкогда въ неизъяснимомъ восторгѣ отъ музыки мосьё Адана.

Послѣ этого, согласитесь, геніяльному человѣку не стоило бъ быть великимъ композиторомъ, еслибъ онъ

не умѣлъ быть выше холодности или восторговъ, обнаруживаемыхъ нами, публикою, при первыхъ представленіяхъ.

Еслибъ судьба всѣхъ великихъ твореній рѣшалась первыми впечатлѣніями случайныхъ слушателей, если бы геніяльные люди должны были имъ уступать, партитуры «Донъ Жуана», «Фиделіо», «Оберона», Моцарту, Бетховену и Веберу пришлось бы бросить въ огонь на другой день послѣ сочиненія. Эти три безсмертныя оперы сдѣлались знаменитыми только посредствомъ внимательнаго изученія ихъ красотъ. Можно было бы умножить примѣры, но «Донъ-Жуана», «Фиделіо» и «Оберона» — слишкомъ достаточно.

Выходитъ, что мы, случайные слушатели, мы, масса публики, должны уступить генію. Но это тяжело для насъ!... Въ музыкѣ, мы считаемъ геніевъ нашими рабами, нашими жертвами, и не безъ основанія, потому-что музыка для насъ — мгновенное, мимолетное наслажденіе.

Борьба будетъ продолжаться до скончанія вѣка. Между-тѣмъ г. Глинка прекрасно сдѣлалъ, что не уступилъ намъ заранѣе. Чѣмъ лучше изучаемъ мы теперь его новую оперу, тѣмъ болѣе красотъ открываемъ въ ней, и тѣмъ полнѣе становится наше наслажденіе.

Мы уже сказали прежде, что нашъ композиторъ сочинялъ не волшебную оперу, — этотъ родъ исчерпанъ, — но оперу въ русско-сказочномъ родѣ, оперу-сказку. Предпріятіе исполинское — потому-что наши сказки, иперборейскія по званію, происте-

каютъ изъ одного источника съ «Тысячью одною Ночью», и, въ подобномъ сюжетѣ, соединяются унынiе снѣговъ сѣвера съ дикими массами Кавказа, азiятская нѣга, мусульманское сладострастiе, татарская грубость, блестящая и необузданная фантазiя Востока съ веселою игривостью Запада, къ которому мы принадлежимъ какъ Славяне, какъ Европейцы. Обнять и постигнуть во всѣхъ частяхъ такой сюжетъ значитъ уже быть генiяльнымъ человѣкомъ. Исполнить его музыкально, исполнить такъ тонко, такъ умно, такъ удачно, какъ мы видимъ въ «Русланѣ и Людмилѣ», почти превосходитъ возможность. Кто хорошо обсудитъ это обстоятельство, тотъ невольно будетъ пораженъ подвигомъ Глинки. Но какъ новый этотъ родъ не имѣлъ донынѣ образцовъ себѣ, то, чтобы судить объ немъ, надо отчасти прибѣгнуть къ началамъ волшебныхъ операъ, которыя ближе всего подходятъ ко оперѣ-сказкѣ.

Волшебная опера, это — рядъ картинъ, идей, а не поэтическое развитiе какихъ-нибудь чувствъ сердца. Она не трогаетъ, но чаруетъ воображенiе. Страсть молчитъ здѣсь передъ могуществомъ сверхъестественной силы. «Zauberflöte» — точно такой же рядъ картинъ какъ «Русланъ и Людмила».

Если станемъ припоминать и даже разсматривать музыку знаменитѣйшихъ волшебныхъ оперъ, «Волшебной флейты», «Фрейшюца», «Оберона», и прочая, и прочая, то увидимъ, что сочинители ихъ не выражали натуральныхъ чувствъ сердца. Они выражали новыя идеи; и, чтобы выразить новость идей, необычай-

ность сверхъестественныхъ положеній, они всегда старались отличиться отъ своихъ предшественниковъ новостями собственно по части инструментовки и одолѣніемъ трудностей. Каждый болѣе или менѣе успѣлъ достигнуть своей цѣли именно этимъ путемъ. Моцартъ, всегда простой и натуральный въ сочетаніи разнородныхъ звуковъ, въ «Волшебной флейтѣ» инструментируетъ гораздо затѣйливѣе и сложнѣе чѣмъ во всѣхъ прочихъ своихъ операхъ и, въ пѣніи, вводитъ рисунки, почти неисполнимые: напримѣръ, арія Царицы ночи, гдѣ уже нѣтъ ровно ничего кромѣ собранія звуковъ, улаженнаго самымъ капризнымъ образомъ и на такихъ высокихъ нотахъ, что рѣдкая хорошая пѣвица можетъ исполнить ихъ посредственно. «Фрейшюцъ» и «Оберонъ» болѣе всѣхъ волшебныхъ оперъ замѣчательны блистательною оркестровкою. Тутъ почти все лежитъ на оркестрѣ, какъ и въ новой оперѣ Глинки. Если мелодіи «Фрейшюца», основанныя на чешской народности, почти повсюду были поняты съ перваго разу, это оттого, что онѣ еще прежде разошлись по всей Европѣ вмѣстѣ съ зубными порошками. Такъ точно были вдругъ поняты и у насъ мелодіи первой оперы Глинки. Въ «Оберонѣ» Веберъ хотѣлъ подняться выше. Во «Фрейшюцѣ» онъ разсказывалъ старую сказку современными напѣвами: тамъ, напротивъ, старался, для старой сказки, отъискать старинное мелодическое выраженіе и настоящій древній колоритъ. Въ «Оберонѣ» онъ правдивѣе, возвышеннѣе, искуснѣе, но зато не понятъ случайными слушателями, и это безсмертное созданіе нигдѣ не имѣло положительнаго

успѣха на сценѣ, между-тѣмъ какъ оно составляетъ предметъ безпредѣльнаго удивленія тѣхъ, которые изучили и постигли его красоты.

Рисунокъ, или мелодіи — инструментовка — и колоритъ временъ и мѣстъ, вотъ, слѣдовательно, три главныя отношенія, въ которыхъ должно разсматривать волшебныя оперы.

Разсмотримъ и оцѣнимъ съ этихъ сторонъ оперу-сказку г. Глинки.

Весьма желательно, чтобы тѣ, которые будутъ читать нашъ разборъ, сперва прочитали текстъ «Руслана и Людмилы», который съ этою цѣлью и помѣщенъ въ «Библіотека для Чтенія». Знаніе текста необходимо нужно для совершенной ясности того, чтò мы хотимъ сказать.

Касательно рисунка, нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта опера-сказка не уступаетъ ни одной изъ своихъ волшебныхъ соперницъ, и едва-ли не превосходитъ многихъ изъ весьма знаменитыхъ.

Рисунокъ пѣсни Баяна (текстъ, стр. 2 и 3) есть нѣчто истинно-оссіановское въ древнемъ русскомъ родѣ. Невозможно съ болѣе геніяльнымъ инстиктомъ угадать тоновъ глубокой и маститой старины. Въ этомъ движеніи прекрасной мелодіи живо дышетъ кіевская древность; это — чистая старина, со всей своей торжественною ветхостью; сердце невольно говоритъ вамъ, что, если баяны пѣли, они пѣли именно такъ: иначс и нельзя представить себѣ того времени въ звукахъ. Словомъ, *идея* норманно-русской древности выражена композиторомъ-превосходно, и пѣснь Баяна in re mag-

giore мы ставимъ въ ряду счастливѣйшихъ музыкальныхъ вдохновеній.

Рисунки хоровъ, сопровождающихъ эту пѣснь, и весь княжескій пиръ языческаго времени, безсмертны въ томъ же отношеніи. Это, не вечеринка наполеоновскихъ генераловъ, а настоящій пиръ сказочныхъ витязей, колоссальныхъ, невозможныхъ въ природѣ людей. Ничего здѣсь нѣтъ нынѣшняго, новѣйшаго, мелкаго: все величественно, оригинально, старинно, и *идея* силы древнихъ «воевъ», ихъ могущества, ихъ богатырской храбрости, осуществлена звуками съ неподражаемымъ искусствомъ.

Отъ этого богатырскаго грунта вдругъ чудесно отдѣляется каватина Людмилы (стр. 6), написанная для сопрано. Какъ это тонко нарисовано! Какая обворожительная мелодія! Какъ легко, издали, изъ глубокой древности, она предвѣщаетъ нынѣшніе русскіе напѣвы, не заключая въ себѣ однакожъ ничего нынѣшняго! Въ этой каватинѣ, исполненной остроумія въ каждой нотѣ, столько дѣвственной грусти, столько граціозной женской веселости, столько счастія, надежды, шутки, ироніи, что одна она составляетъ собою цѣлую поэму. Особенно очаровательно здѣсь аллегро. *Не гнѣвись, знатный гость,* и *Подъ роскошнымъ небомъ юга,* строфы, которыя Людмила поетъ in sol maggiore Фарлафу и Ратмиру. Отвергая всѣ условныя формы, Глинка, не знаю почему, избѣгаетъ даже повтореній мотивовъ: это очень художественно, но очень невыгодно для него. Повторенія мотивовъ, столь обыкновенныя въ итальянскихъ операхъ, да и у Вебера во «Фрейшюцѣ», во-первыхъ,

сокращаютъ трудъ композитора, а во-вторыхъ приносятъ его славѣ ту важную пользу, что мотивы въ одно представленіе запечатлѣваются въ ушахъ слушателей. Если бы г. Глинка рѣшился употребить этотъ фокусъ, каждый слушатель вынесъ бы съ собой изъ театра прелестное рондолетто Людмилы.

Рисунокъ финала, въ первомъ дѣйствіи, превосходно поддерживаетъ всѣ эти первостепенныя красоты новыми красотами въ томъ же родѣ. Вдругъ раздается ударъ грома (стр. 12), и Людмила похищена волшебникомъ Черноморомъ, которой наводитъ на пирующихъ мракъ и оцѣпенѣніе. Этотъ мракъ, этотъ ужасъ, это оцѣпенѣніе, и потомъ пробужденіе отца, супруга, витязей, ихъ удивленіе, вызовъ въ погоню. *О витязи, скорѣе въ чисто поле*, in mi bemol maggiore (стр. 14), отчаяніе, все это выражено звуками съ такимъ необыкновеннымъ искусствомъ, съ такою силою музыкальной мысли, что нельзя не поставить этихъ мѣстъ въ ряду прекраснѣйшихъ созданій новѣйшей музыки.

Второе дѣйствіе начинается балладою колдуна Финна. Тутъ выражена опять новая идея, древній финскій Сѣверъ. Мотивъ туманно, издали, напоминаетъ настоящія финскія мелодіи. Сначала—хладнокровный разсказъ, постоянно сопровождаемый однимъ мотивомъ in la maggiore. Потомъ вдругъ, съ воспоминаніями, пробуждаются страсти. Это спокойствіе, эти волненія, нарисованы безподобно: какъ это движеніе согрѣто чувствомъ! какъ волнуется разсказъ воспоминаній! какъ чудесно вспыхиваетъ страсть при словахъ — *Ахъ, и типерь одинъ, одинъ* (стр. 15). Разсказъ длиненъ: и, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, какъ онъ коротокъ, отъ быстроты и разнообразія музыкальнаго движенія! Притомъ инструментовка этого мѣста заслуживаетъ полнаго удивленія. Другой композиторъ превратилъ бы балладу Финна въ страстное пѣніе, и вышла бы.... пошлость. Глинка, съ твердостью истиннаго художника, удержался въ границахъ сущности дѣла, не прельщаясь столь удобнымъ случаемъ подѣйствовать эффектно на неразсуждающихъ слушателей, и мы очень благодарны ему. Это — образецъ эпической музыки.

Арія Фарлафа (рондо, стр. 20) кажется намъ вещью вставочною. Она явственно введена длятого, чтобы оттѣнить предъидущій строгій рисунокъ забавнымъ гротескомъ буффо и мрачную *идею* финскаго Сѣвера веселою *идеей* европейскаго Юга. Въ этомъ отношеніи рондо Фарлафа in fa maggiore — чрезвычайно счастливое, и жаль было выпустить его. Эта шутка кипитъ жизнью, бравурою, хвастовствомъ; она быстра, мгновенна, безъ приготовленія, и аллегро аріи Фарлафа, *При мысли обладать княжной, сердце радость ощущаетъ*, написанное presto, не найдетъ себѣ соперника во всемъ Россини и ни сколько не уступитъ знаменитой въ такомъ же родѣ аріи негра въ Моцартовой «Волшебной флейтѣ».

Слѣдуетъ чудесная арія Руслана, которую Петровъ поетъ мастерски, *О поле, поле! кто тебя усъялъ мертвыми костями*? (стр. 21). Это анданте in mi maggiore — совершенная новость, по рисунку, по чувству, по движенію. Тоны съ неподражаемою вѣрностью выражаютъ «тоску богатырскую», тоску

славнаго витязя, который, блуждая въ страшной пустынѣ, при видѣ груды костей на полѣ сраженія древнихъ великановъ, грустить о томъ, что онъ погибнетъ здѣсь въ безвѣстности и что объ немъ не будутъ пѣть баяны. Какъ ни фантастическое такое положеніе человѣка, все-же оно заключаетъ въ себѣ идеи благороднаго чувства, мѣста и времени, которыя слѣдовало нарисовать мелодіей, и которыя нарисованы въ высочайшей степени превосходно; такъ что, независимо отъ истины, отъ характера, эта арія обильна великими красотами собственно музыкальнаго соображенія. Ея несравненное аллегро очень искусно изображаетъ богатырскую бравуру, соединенную съ нѣжнымъ воспоминаніемъ о Людмилѣ, и написано съ такой же силой какъ большая арія Каспара во «Фрейшюцѣ», но съ тою разницей, что изъ Каспаровой аріи никто не вынесетъ мотива, а сладостной выходки *О, Людмила! Лель сулитъ мнѣ радость* (стр. 22) нельзя выбить изъ головы, когда ее услышишь два раза.

Здѣсь туманъ разсѣвается и, посреди костей, видна колоссальная Голова погибшаго великана, одно изъ декораціонныхъ чудесъ Роллера, который всю эту оперу усѣялъ чудесами кисти и перспективы. Въ Головѣ — хоръ пѣвцовъ, поющихъ могильнымъ голосомъ unisono. Огромныя губы шевелятся, ротъ раскрывается, глаза ворочаются; вся Голова, отдѣленная отъ туловища исполина, слѣдуетъ за движеніями Руслана. Эффектъ этой сцены могуществен ъ и живописнымъ и музыкальнымъ ужасомъ. Въ рисункѣ мелодіи выдержана стро-

гая правда. Порядки и сочетанія аккордовъ, аккомпанирующихъ мертвенному голосу Головы, представляютъ такія новости, какихъ сравнительно нигдѣ нѣтъ. Эти десять стиховъ Головы (стр. 23, 24) смѣло могутъ быть поставлены на ряду съ отвѣтомъ статуи коммандора въ «Донъ-Жуанѣ». Весь разсказъ Головы отличается высокими достоинствами истины, простоты и искусства. Но, отдавъ всю справедливость генію композитора, здѣсь же объявляемъ, что мы — противъ этой Головы. Это прекрасно; но длинно, очень длинно. Оставаясь слишкомъ долго на сценѣ, Голова наконецъ теряетъ весь эффектъ, который производитъ она въ первую минуту. Ей слѣдовало бы являться на мгновеніе, отвѣчать двумя или тремя короткими фразами, и исчезнуть, а не пускаться въ разсказы, какъ бы они музыкальны, великолѣпны ни были. Идея чудесна, мелодія торжественна, игра оркестра велика; но невозможность подобрать множество совершенно ровныхъ голосовъ для хора, поющаго въ Головѣ, и опасность продолжить такое пѣніе, должны были остановить композитора. Тамъ, гдѣ встрѣчается невозможность исполненія задуманной идеи, геній обязанъ уступить первый. Жаль, но эту сцену надо сократить. И какъ мы уже начали возражать, то и не остановимся на Головѣ. На два первыя дѣйствія композиторъ высыпалъ столько красокъ, столько превосходныхъ вещей, что, разведя ихъ немножко общими мѣстами и условными формами для доставленія по-временамъ отдыха вниманію слушателя, этого достало бы на блистательную оперу въ четырехъ актахъ. Надо

же пощадить наше вниманіе и не утомлять его избыткомъ сильнаго удовольствія, который такъ скоро превращается въ скуку! Въ природѣ, всѣ великія удовольствія коротки. Какъ ни великолѣпны, какъ ни художественно созданы эти два акта, а нѣкоторыя сокращенія въ нихъ были бы очень полезны для самого сочиненія. Въ первомъ дѣйствіи, пѣснь Баяна значительно укоротилъ г. Глинка, до представленія; но еще сцена оцѣпенѣнія выходитъ на театрѣ слишкомъ длинна: здѣсь можно было бы выпустить по-крайней-мѣрѣ ритурнель. Во второмъ дѣйствіи, балладу Финна и арію Руслана тоже нехудо было бы укоротить хоть въ-началѣ. Мы укажемъ далѣе на необходимость многихъ сокращеній и въ послѣднихъ трехъ актахъ. Эти вещи не потеряны: мы будемъ удивляться имъ, и лучше оцѣнимъ ихъ, разъигрывая оперу у себя дома, когда она выйдетъ изъ печати. На сценѣ, всего прекраснаго нельзя вдругъ высказать!

Третій актъ происходитъ въ волшебной странѣ Востока, гдѣ господствуетъ характеръ персидскій и арабскій. Это дѣйствіе открывается одною изъ самыхъ плѣнительныхъ мелодій въ арабскомъ вкусѣ, какія только случалось намъ слышать. Чудесная декорація въ смѣшанномъ арабскомъ и персепольскомъ стилѣ, тотчасъ опредѣляетъ этотъ характеръ для глаза, тогда какъ музыка очаровательно живописуетъ его звуками для уха. Хоръ дѣвъ in mi maggiore, прелестная каватина Гориславы (стр. 26), родъ дуэта, сопрано съ фаготомъ, перлъ всей оперы по чувству въ рисункѣ, по остроумію и тонкости въ отдѣлкѣ — прекрасная

арія in mi bemol maggiore съ речитативомъ, Ратмира (стр. 27), контръ-альто съ англійскимъ рожкомъ, вызваны съ Востока и геніяльно усвоены европейской музыкѣ. Здѣсь каждый форшлагъ, каждое паденіе фразы — рѣшительныя новости въ области музыкальнаго искусства. По причинѣ новости мотивовъ, аккомпаниментъ составляетъ какъ-бы комментарій голоса. Сначала эти мотивы могутъ показаться непонятными, но впослѣдствіи, при внимательномъ изученіи красотъ ихъ рисунка, они увлекутъ всѣхъ въ свою пользу. Здѣсь-то, потомъ въ балетѣ четвертаго акта, и наконецъ въ аріи Ратмира въ пятомъ дѣйствіи (контръ-альто и оркестръ подъ сурдину), композиторъ явилъ наиболѣе смѣлости, оригинальности и глубокаго соображенія, какъ въ рисункѣ и въ аккомпаниментахъ, подражающихъ поющему голосу, такъ и во всемъ ходѣ гармоніи. Въ аріи Ратмира, сопровождаемой подражаніемъ человѣческому голосу на англійскомъ рожкѣ, композиторъ хотѣлъ, кажется, выразить дѣйствіе *очарованія*. Этого не удавалось никому: не удалось и Глинкѣ. Невыразимо! Не слѣдовало и пытаться въ томъ, что̀ очевидно невозможно и что̀, не достигнувъ цѣли, въ состояніи повредить ходу и эффекту. Можно выразить послѣдствія очарованія — желаніе, сладострастіе, бѣшенство страсти — и это выражено композиторомъ въ совершенствѣ, въ аллегро *Чудный сонъ любви живой* (стр. 28). Съ этихъ словъ и слѣдовало начать. Это — буря страсти въ звукахъ, вещь совершенно понятная каждому слушателю. Третій актъ, по мнѣнію нашему, требуетъ самыхъ значительныхъ

сокращеній. М. И. Глинка непремѣнно сдѣлаетъ ихъ, для явной пользы своего прекраснаго творенія. Онъ, вѣроятно, сократитъ именно такимъ образомъ арію Ратмира, и каватину Гориславы, прикажетъ начинать со словъ in la minore, *Любви роскошная звѣзда!* (стр. 26) — которыя, вспыхивая чудесною музыкальною фразою, составятъ прекрасный эффектъ съ предъидущимъ рисункомъ и, главное, укоротятъ слишкомъ длинную сцену. Балетъ этого акта тоже подлежитъ великому сокращенію: танцы дѣвъ, обольщающихъ Ратмира, прелестны; музыка танцевъ исполнена невыразимой граціи, томленія, сладострастія. Но все это — длинно! — длинно! — очень длинно! — и вредитъ эффекту самаго великолѣпнаго и оригинальнаго балета въ четвертомъ актѣ. Этотъ любопытный, и главный въ оперѣ, балетъ выходитъ короче противъ случайнаго балетнаго явленія, допущеннаго въ третьемъ дѣйствіи. Нельзя ли, изъ балета обольстительницъ, сдѣлать простой выходъ?... По нашему разумѣнію, всѣ волшебства должны быть коротки: какъ-скоро изумленный зритель опомнится, они — уже не волшебства. Когда третій актъ будетъ такъ обрѣзанъ и, послѣ мгновеннаго явленія обольстительницъ, перейдетъ прямо къ безподобному превращенію великолѣпнаго зáмка въ чудесный лѣсъ (стр. 33), пропуская большую часть финала, который, при всѣхъ своихъ музыкальныхъ достоинствахъ, не производитъ желаннаго впечатлѣнія въ дѣйствіи, эффектъ третьяго акта, мы увѣрены, будетъ совершенно очаровательный.

Не забудемъ этого лѣса. Роллеръ, который со-

здалъ его — истинный художникъ! Шесть или семь пла-новъ составляютъ одну изъ прекраснѣйшихъ лѣсныхъ перспективъ. Натура поддѣлана до совершеннаго об-мана. Многія декораціи новой оперы несравненно ве-ликолѣпнѣе; но въ этомъ лѣсу обитаетъ само худо-жество.

Возвратимся къ музыкальной части.

Четвертый актъ — колоссальное созданіе, которое навсегда останется въ музыкѣ памятникомъ того, чтò можетъ сдѣлать великій талантъ со звуками, гаммами и инструментами, и какъ все тутъ повинуется его мо-гучей волѣ. Если этотъ актъ не будетъ понятъ, то ужъ, навѣрное, не Глинки вина, и не его потеря, а наша, насъ грѣшныхъ, которымъ не всегда понятно великое. Тутъ есть такія вещи, которыми гордился бы геній самого Бетховена, еслибъ онъ произвелъ ихъ.

Зàмокъ злаго волшебника Черномора виситъ гдѣ-то на вершинахъ Кавказа. Все здѣсь странно, дико, зло, капризно, каррикатурно, но вмѣстѣ съ тѣмъ велико-лѣпно, потому-что волшебники — самые богатые люди въ природѣ: обладаютъ всѣмъ золотомъ, скрытымъ въ нѣдрахъ земли, и любятъ наслаждаться. Декораторъ и композиторъ должны были выразить этотъ невозмож-ный характеръ, одинъ красками для глазъ, другой звуками для слуха. Г. Роллеръ явилъ здѣсь необык-новенную затѣйливость воображенія. Самая фантасти-ческая и невѣроятная архитектура безчисленныхъ двор-цовъ, отражающихся въ огромномъ озерѣ, облитыхъ золотомъ и фонтанами, даетъ тотчасъ понятіе о сума-

сбродномъ вкусѣ, дикомъ нравѣ и страшномъ могуществѣ Черномора. Здѣсь все — сказка, какъ и самъ хозяинъ. Розаны цвѣтутъ жемчужными раковинами, на пальмахъ развѣваются вѣтви изъ длинныхъ павлиныхъ перьевъ, деревья съ серебряными стволами и золотыми листьями производятъ алмазные и яхонтовые плоды. Вся дикость разбойничьяго Кавказа и безобразіе черной Эѳіопіи повинуются власти Черномора и составляютъ дворъ его. Выразить это звуками, написать это на воздухѣ тонами — такая музыкальная задача, которой испугается всякій композиторъ. Ясно, что наша европейская музыка и наша гамма неспособны къ такому подвигу. Музыкѣ чертей подражали довольно вѣрно: но черти — наши, они знаютъ нашу гамму, и въ аду нельзя не быть множеству нашихъ капельмейстеровъ. Музыка преисподней, по необходимости, смѣсь итальянской съ нѣмецкою. Подражать дикости адской музыки, сочинять les valses infernales, право, не мудрено. Мудрено сладить съ Черноморомъ! Этотъ не признаетъ нашихъ чертей: у него есть свои, басурманскіе; а у нихъ есть своя гамма, гамма въ восемнадцать тоновъ, вмѣсто нашихъ двѣнадцати, которая вовсе не примѣняется къ нашимъ инструментамъ. Извольте сочинить что-нибудь по вкусу этого урода, для страннаго праздника, который даетъ онъ въ своемъ зàмкѣ Людмилѣ! Употребите свой геній, чтобы на нашихъ инструментахъ, съ нашею дюжиною тоновъ, нашими гармоническими средствами, поддѣлаться подъ эту мелкую гамму, подъ ея гнусливыя произведенія, подъ ихъ острые и пронзительные звуки,

выразить всю злость Черномора, всю дикость его кавказскаго двора, все басурманство этихъ нехристей, и вмѣстѣ съ тѣмъ потѣшить насъ, зрителей нечистаго праздника, не разогнать насъ безладицей, напротивъ, заставить насъ найти особенную прелесть въ этой гротескной музыкѣ!.... Замѣтьте важное различіе между положеніемъ тѣхъ композиторовъ, которые съ успѣхомъ сочиняли адскую музыку, и задачею, предстоявшею нашему, русскому: тѣ — подражали воображаемой музыкѣ, которой никто не слыхалъ, и притомъ имѣли готовую гамму; нашъ — долженъ былъ подражать музыкѣ, дѣйствительно существующей, имѣлъ передъ глазами новую, особенную музыкальную натуру, которую слѣдовало перенести въ ваше искусство и выразить его средствами. Чтобы судить о достоинствѣ музыкальнаго творенія, надо тщательно разобрать сущность всѣхъ частей трактуемаго звуками сюжета; но такой разборъ покажетъ намъ, что въ композиторѣ, который не устрашился подобныхъ трудностей и вышелъ изъ нихъ полнымъ побѣдителемъ, мы имѣемъ одинъ изъ огромнѣйшихъ талантовъ, какіе только существовали въ музыкѣ и владѣли орудіями звука. Воображеніе ужасается, когда вникнешь въ художественныя условія этого акта, въ смѣлость человѣка, который взялся ихъ исполнить, и въ удивительный, безпримѣрный способъ, какимъ онъ исполнилъ. Тутъ уже на каждомъ шагу надо быть новымъ, оригинальнымъ, необыкновеннымъ; надо безконечнымъ знаніемъ обнять всю науку звуковъ, гармоніи и контрапункта;

надо геніемъ открыть въ ней новыя средства, и все создать изъ ничего.

Можно быть дикимъ, и только дикимъ, не придавъ дикости ничего изящнаго. Но соединеніе двухъ такихъ разнородныхъ началъ, это — торжество искусства, и — торжество Глинки.

Три различные оркестра, въ томъ числѣ и военная музыка, дѣйствуютъ вдругъ во время праздника, который даетъ Черноморъ съ фантастическимъ балетомъ своего кудесническаго издѣлья: два вверху, на сценѣ, третій внизу, передъ сценою. Каждый, разумѣется, играетъ другое, и все вмѣстѣ должно составлять одно гармоническое цѣлое. Подражаніе азіятской гаммѣ и колоритъ кавказскихъ мелодій достигается исключительно новыми гармоническими оборотами, неполными аккордами, диссонансами и особенною, чрезвычайно сложною инструментовкою. И между-тѣмъ все слито въ одно изящное цѣлое, въ самый остроумный и художественный гротескъ, какой только существуетъ въ музыкѣ. Это — chef d'œuvre контрапункта! Это — верхъ гармоническаго соображенія! Далѣе и выше нельзя идти. Выходки восходящей хроматической гаммы на военныхъ трубахъ, съ одной стороны отдѣляющіяся отъ прекрасныхъ массъ духоваго звука, съ другой сливающіяся съ гнушеніемъ фаготовъ, съ жемчужными пассажами фортепіано, со звонкимъ щелканьемъ двухъ съ половиною октавъ колокольчиковъ — штука, достойная Бетховена! Здѣсь-то госпожа Андреянова танцуетъ лезгинку съ своей особенною граціей и ловкостью.

Изъ этого уже достаточно видно, что, для правильнаго сужденія о новой оперѣ Глинки, непремѣнно нужно изучить ее внимательно, неоднократнымъ слушаніемъ, и обнять созданіе во всѣхъ его внутреннихъ подробностяхъ. Въ этомъ океанѣ музыкальной учен-ости, каждая капля — новость, остроуміе или геніяльная черта. Зато, признаться, и слушать такую оперу не легко! Нервное сложеніе скоро измучится отъ тяжкой работы безпрерывно напрягать все вниманіе. Невнимательность поминутно подвергается опасности произнести самыя ошибочныя сужденія. Композиторъ самъ выведетъ отсюда логическое заключеніе о великомъ неудобствѣ писать слишкомъ глубоко ученыя оперы для огромнаго большинства неученыхъ слушателей.

Но мы прервали естественный порядокъ обозрѣнія. Четвертый актъ начинается не праздникомъ. За поднятіемъ занавѣса слѣдуетъ чудесное перспективное явленіе ундинъ, которыя купаются и тонутъ въ озерѣ. Въ оркестрѣ, инструменты, преимущественно духовые, выражаютъ плескъ воды, волнуемой ундинами. Инструментовка этого примѣчательнаго мѣста обдѣлана съ невыразимою тонкостью. Ничего лучше не найдется во всемъ «Оберонѣ». Потомъ, сцена Людмилы (*Вдали, отъ милаго, въ неволѣ*, in si minore (стр. 33), съ невидимымъ хоромъ дѣвъ: сцена — большаго музыкальнаго эффекта. Далѣе арія Людмилы, *Ахъ, ты, доля долюшка*, адажіо in re minore, заключающее въ себѣ безподобный мотивъ, родъ дуэта контральто со скрипкою на четвертой струнѣ; и золотыя деревья ведутъ курантъ. Тутъ маршъ Черномора in la minore,

съ тремя оркестрами, гротескный балетъ, и финалъ, *Побѣда, побѣда!* in do minore — *Скорѣе, скорѣе въ отчизну*, in la bemol minore, и прочая. Складъ всего рисунка въ высочайшей степени новъ. Едва-ли въ фантастической музыкѣ было что-нибудь подобное. Съ такимъ актомъ подъ мышкою, композиторъ можетъ прямо отправляться къ потомству, не снимая, на пути, шапки передъ современною критикою.

Но во всѣхъ ли частяхъ своихъ этотъ актъ безъ пятна и упрека? Нѣтъ! Есть красоты немножко длинноватыя. Для эффекта въ представленіи надо сократить нѣсколько начало и финалъ, особенно финалъ, и по-скорѣе перейти прямо въ Кіевъ, великолѣпную гридницу князя Свѣтозара (стр. 43), пропуская вмѣстѣ все начало пятаго акта, всю сцену *въ долинѣ*, всю эту прелестную, оригинальную, чудесно инструментованную арію Ратмира, in re bemol maggiore, контральто съ оркестромъ подъ сурдину, какъ она ни дорога автору, какъ ни очаровательна въ умномъ пѣніи госпожи Петровой. Это morceau — не для сцены, то есть, слишкомъ тонко для сцены, и оно мѣшаетъ той быстротѣ, съ какой въ волшебной оперѣ должны являться и исчезать великолѣпныя картины.

Пятый актъ, въ три первыя представленія, начинался именно этою сценою въ долинѣ, которой музыкальнымъ достоинствамъ мы уже отдали должную справедливость; но мы слышали, что г. Глинка имѣетъ самъ намѣреніе выпустить ее въ слѣдующія. Такъ перейдемъ прямо въ гридницу съ богатѣйшимъ парчевымъ занавѣсомъ, за которымъ скрывается жи-

вописный видъ древняго Кіева. Мотивъ хора in re minore, *Радость, счастье ясное*, in si bemol maggiore, и *Слава великимъ богамъ*, in re maggiore (стр. 46.)— это плачъ сердца, раздирающая душу смута, жалобы печали, во всей естественной простотѣ. Рисунокъ финала (стр. 45) очень замысловатъ и живо изображаетъ чувства торжественной радости, которыми заключается піеса. Здѣсь сокращать вовсе нечего. Коротко, и прекрасно!

Если, пройдя такимъ образомъ партитуру новой оперы, станемъ считать всѣ прекрасные мотивы, то должны будемъ согласиться, что едва-ли какая-нибудь изъ волшебныхъ или не-волшебныхъ оперъ представитъ столько музыкальныхъ рисунковъ классическаго, неумирающаго достоинства.

Разсмотримъ теперь инструментовку партитуры. Инструментовка «Руслана и Людмилы» можетъ быть названа безпрерывною цѣпью чрезвычайно ученыхъ соображеній и счастливыхъ новостей въ модуляціяхъ и въ употребленіи самыхъ инструментовъ. Всякій знатокъ признаетъ, что, изъ нынѣшнихъ композиторовъ, никто не сравнится съ Глинкою въ инструментовкѣ. Въ рукахъ его, это—настоящая картина великаго художника. Это—краска на палитрѣ Брюлова. Едва замѣтное дыханіе кларнета измѣняетъ цѣлую амальгаму звуковъ. Оторванный звукъ струны впивается въ ухо непримѣтнымъ образомъ и производитъ въ немъ новое ощущеніе. Свѣта̀ и тѣни звуковые располагаются по всѣмъ идеямъ чрезвычайно живописно и совершенно натурально. Нигдѣ нѣтъ трескучаго шуму, нигдѣ ни

одной пошлости. Повсюду господствуетъ чистый, изящный, благородный вкусъ. Пѣніе чудесно отдѣляется отъ оркестроваго аккомпанимента, то и другое вездѣ рисуясь отдѣльно, нигдѣ не вредя другъ другу, и вмѣстѣ составляя мастерскую гармоническую картину: это—одно изъ торжествъ Глинки, которое, сказать мимоходомъ, едва-ли будетъ понято и оцѣнено его обыкновенными судьями. Въ большей части извѣстныхъ оперъ, съ третьяго или четвертаго акта композиторъ какъ-бы утомляется и инструментовка ослабѣваетъ. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» вовсе не замѣтно этого недостатка: напротивъ, искусство сочинителя какъ-будто увеличивается съ каждымъ актомъ и, до послѣдняго, идетъ все crescendo. Но эти оттѣнки неуловимы для литературнаго описанія: нужно было-бы указывать на партитуру съ нумераціей тактовъ. По этой части, мы уже указали мимоходомъ въ разныхъ мѣстахъ на искусное и новое употребленіе инструментовъ, на многіе ходы скрипичныхъ партій, на борьбу или сліяніе оркестровъ — не знаешь какъ назвать — съ удержаніемъ различныхъ рисунковъ (контрапунктъ); и на другія, всегда удачныя особенности, которыми изобилуетъ, даже преизобилуетъ, новая опера. Глинка явился въ ней мотомъ, расточителемъ. Пожалуй, пусть это будетъ его недостатокъ. Говорятъ, что инструментовка слишкомъ трудна.—Но исполнима ли?—Да! Мы видѣли, что она прекрасно исполняется хорошимъ оркестромъ. Слѣдовательно, о трудности и говорить нечего. Но дѣло въ томъ, что капельмейстеры и артисты -- въ восхищеніи отъ инструментовки «Руслана

и Людмилы», и всѣ единогласно удивляются ей. Даже нумера, которые мы безжалостно приговорили къ остракизму, безпогрѣшны въ отношеніи къ инструментовкѣ.

Остается поговорить еще о колоритѣ. Разсматривая рисунки, мы показали во многихъ нумерахъ, какія мѣстности, какую эпоху, какіе нравы и обычаи, долженъ былъ изображать композиторъ. Ему пришлось выдержать самую трудную борьбу. Наши уши состоятъ теперь подъ игомъ европейской музыки, а «Русланъ и Людмила»—татарская сказка, чистѣйшая татарщина, смѣсь Востока съ Сѣверомъ. Надобно было возсоздать музыкальные звуки, сопровождавшіе радость и горе людей тѣхъ временъ, когда Русь *якшалась* съ Хазарами и Печенѣгами, и не имѣла художественнаго сообщенія съ народами, которые ходили *въ сапогахъ*. Если бы г. Глинка, по примѣру Вебера во «Фрейшюцѣ», подложилъ подъ эту древнюю сказку музыку современной русской народности, обтершейся въ новѣйшее время объ итальянскую школу, онъ имѣлъ бы болѣе успѣха, но менѣе заслуги. Но онъ дѣйствовалъ такъ, какъ Веберъ въ «Оберонѣ», и его опера, вѣроятно, испытаетъ судьбу «Оберона», къ которому публика вездѣ оставалась болѣе или менѣе холодною и который между-тѣмъ возбуждаетъ энтузіазмъ артистовъ и знатоковъ.

Оцѣнивая «Руслана и Людмилу» даже какъ музыкальную поэму —если бы непремѣнно потребовалось назначить ей мѣсто по достоинству въ іерархіи извѣстныхъ оперъ — мы поставили бы ее рядомъ съ «Обе-

ропомъ», хотя новая русская опера, по нашему мнѣнію, во многихъ отношеніяхъ выше его.

Знаменитый русскій композиторъ не долженъ огорчаться, ни краткими и ясными приговорами скорой на слово поспѣшности, ни тѣмъ аналитическимъ осужденіемъ, которому мы здѣсь подвергли разныя мѣста его оперы послѣ болѣе досужнаго изслѣдованія. Никакому на свѣтѣ таланту не стыдно разъ въ жизнь свою находиться въ положеніи автора «Фиделіо» или автора «Оберона». Примѣръ «Фиделіо» особенно разителенъ, и намъ кажется, что г. Глинка долженъ, обязанъ имъ воспользоваться. Эта безсмертная опера, которая нынче, вмѣстѣ съ «Донъ-Жуаномъ», господствуетъ надъ всею новѣйшею музыкою, не выдержала первыхъ представленій. Вся Вѣна зѣвала. Мѣстные критики, недолго думая, объявили, что опера Бетховена—скука, похороны, портфельная дрянь. Она тогда состояла изъ четырехъ актовъ. Бетховенъ обрѣзалъ ее немножко. Она снова упала. Онъ еще укоротилъ ее. Опять упала! Четыре раза сокращалъ ее несчастный Бетховенъ, и четыре раза она не могла добиться успѣха. Наконецъ онъ сжалъ ее въ тѣсную раму двухъ актовъ, и тогда только «Фиделіо» *пошелъ*. Виноватъ, конечно, не Бетховенъ: его геній былъ не въ состояніи сочинить что-нибудь недостойное ушей своихъ слушателей и судей. Виноваты были тѣ, которые его не постигали, не умѣли оцѣнить, и заставили уничтожить половину безсмертныхъ красотъ, длятого, чтобы они могли вынести блескъ другой. Виновато также было и либретто, болѣе чѣмъ не за-

тѣйливое и нисколько не лучшее «Руслана и Людмилы».

Моцартъ по нѣскольку разъ сокращалъ и передѣлывалъ многія изъ лучшихъ своихъ оперъ.

Веберъ очень значительно обрѣзалъ «Оберона» послѣ перваго представленія.

Мейерберъ обрѣзывалъ почти всѣ свои оперы, особенно «Роберта-Дьявола», хотя Мейерберъ никогда не рискуетъ первымъ представленіемъ, не имѣя успѣха «въ шляпѣ».

Общій выводъ тотъ—что надо обрѣзать и «Руслана и Людмилу», но обрѣзать широко, великодушно, по-бетховенски — если это должна быть опера для представленій. Тогда, успѣхъ ея будетъ полный: остающіяся красоты будутъ поняты лучше и скорѣе.

Мы знаемъ, что знаменитый композиторъ намѣренъ сдѣлать разныя сокращенія, и все это говоримъ для того, чтобы *во*-одушевить его на необходимое и щедрое жертвоприношеніе въ пользу коренной слабости нашей природы. Право, мы не въ силахъ слушать такой умной музыки болѣе трехъ часовъ!

1842.

—

REQUIEM БЕРЛІОЗА.

—

Какихъ въ свѣтѣ чудесъ нѣтъ! На какой странный музыкальный «пиръ» попалъ я въ прошедшій вторникъ въ залѣ Энгельгардова дома! Я ничего не зналъ о «пирѣ», или «празднествѣ», или какъ-бишь его зовутъ, и ѣхалъ мимо этого дома въ Александринскій Театръ. Подъѣздъ тускло освѣщенъ. Два жандарма въ полу-мракѣ. Два ряда каретъ и саней, уставленныхъ въ погребальномъ порядкѣ. Въ воздухѣ глухіе, протяжные звуки трубъ. — Что̀ это? Стой! Похороны? Кто приказалъ долго жить? — Никто. Всѣ здравствуютъ. — Requiem aeternam dona eis, Domine! сказалъ кто-то сбѣгая съ лѣстницы, и скрылся въ полу-мракѣ. — Неправда, любезнѣйшій, не можетъ быть! Тутъ у васъ кого-то отпѣваютъ. Я слышу органы! — И, не обращая вниманія на увѣренія жандарма въ противномъ, въ три прыжка я очутился въ передней. Ну, рѣшительно похороны: такъ и поютъ за упокой чьей-то душеньки!.... Я добрый христіанинъ: иду прямо. Кто-то остановилъ меня. — Билетъ! —

Развѣ тутъ по билетамъ? — Да какъ же! — Сколько стоитъ? — Три рубля серебромъ — Вотъ они: не удерживай меня; я добрый христіанинъ. — Вхожу. Жандармъ правъ!.... покойника не видно. Такъ что̀ же они вздумали пѣть передъ ночью похоронныя вещи?.... Не видѣніе ли это?..... теперь по-минутно случаются такія чудеса!..... Слушателей множество; собраніе блистательное; но лица — однѣ сонны, длинны, унылы, истомлены, къ другимъ очевидно мысль о смерти приложила печать страшнаго кладбищнаго выраженія. Право, тутъ что-то не натуральное!... Два человѣка въ длиннополыхъ сюртукахъ безъ-памяти одни апплодируютъ огромному хору бѣлыхъ дѣвъ и скрытому за ними оркестру; всматриваюсь: это два гробовыхъ мастера!..... Оборачиваюсь къ стѣнѣ, противоположной оркестренной эстрадѣ, къ любимому сѣдалищу артистовъ и заслуженныхъ знатоковъ, и... что̀ вижу!... вижу длинный рядъ настежъ раскрытыхъ ртовъ, вижу рядъ зіяющихъ могилъ, готовыхъ поглотить меня. Прежде чѣмъ успѣлъ я сообразить, что эти господа зѣваютъ, взоръ мой упалъ нечаянно на длинную, черную фигуру какого-то кистера, который внимательно обозрѣвалъ меня съ ногъ до головы, увѣряю васъ, самымъ зловѣщимъ образомъ: въ лицѣ его выражалось страшное удовольствіе отъ этихъ монотонныхъ и тяжелыхъ звуковъ, составлявшее гибельную противоположность съ общимъ уныніемъ собранія, и въ его взорѣ, въ его канонической улыбкѣ, явственно прочиталъ я мысль о томъ, съ какимъ наслажденіемъ похоронилъ бы онъ меня подъ эту музыку, какъ по-

воротилъ бы мои ноги на катафалкѣ для приданія бóльшаго эффекта нѣкоторымъ пассажамъ, какъ ловко закрылъ бы мой гробъ во время одной фуги. Признаюсь, я вздрогнулъ. Да и какъ не вздрогнуть? Согласитесь, что очень непріятно, когда, по милости какой-нибудь мусикіи, восхищающей до такой степени гробовыхъ мастеровъ, мѣряютъ васъ, живыхъ, глазами, столь опытными въ погребальномъ дѣлѣ! Я страху не боюсь, и смерти не страшусь; однакожъ, какъ-бы то ни было, посудите, попасть нечаянно на такой «пиръ» —вовсе не весело. Я поскорѣе старался скрыться въ толпѣ пирующихъ. Кресла стояли незанятыя въ одномъ углу: я преважно усѣлся въ нихъ съ намѣреніемъ слушать и наблюдать. Но.... о чудеса новѣйшей гармоніи! о дивная сила «живописной» музыки!.... черезъ пять минутъ времени эти длинные потоки однообразныхъ звуковъ, эти саженныя ноты оледенили мои члены; сонъ, предвѣстникъ смерти, сталъ постепенно разливаться по всѣмъ моимъ жиламъ, тѣло вытянулось, сердце перестало биться, кровь остановилась, чувства онѣмѣли, свѣтъ погасъ въ глазахъ, все земное исчезло.... я умеръ .... ну, рѣшительно умеръ. Я видѣлъ, чувствовалъ, ощущалъ, или, правильнѣе, имѣлъ посмертное сознаніе того, какъ мои кресла превращались подо мною въ великолѣпный катафалкъ съ прекраснымъ гробомъ: земля, миръ, его суеты, его пустыя затѣи, даже его пустыя музыки, теперь совершенно чужды для меня: лежу на высотѣ, въ пяти аршинахъ надъ землею; я — на цѣлыхъ пять аршинъ —уже на томъ свѣтѣ; и тамъ-то, съ того

свѣта, гдѣ всему — разгадка, гдѣ все становится понятнымъ безъ афишки, я узнаю и понимаю безъ труда, что подо мною, на этой скучной землѣ, въ этой бездонной юдоли безвкусья, разъигрываютъ знаменитое Requiem Берліоза, то же самое, за которое Паганини подарилъ ему двадцать тысячъ франковъ и назвалъ его достойнѣйшимъ преемникомъ Бетховена. Я очень радъ услышать по смерти это тлѣнное земное твореніе, до такой степени расхваленное тлѣнными парижскими фёльетонами: при жизни, признательно сказать, вовсе не любопытствовалъ я быть его слушателемъ. О бѣдные смертные! о существа, созданныя для обмана, которыя такъ удачно кто-то прозвалъ «людьми»! о хрупкіе горшки, слѣпленные изъ тщеславія и слабости, въ которыхъ природа варитъ для своихъ потребностей кашу, называемою вашимъ умомъ! И вы, на этомъ свѣтѣ, добродушно приняли за чистую монету разсказы парижскихъ фёльетоновъ, и это письмо Паганини, и этотъ подарокъ двадцати-тысячъ франковъ? И вы на этомъ основаніи удивляетесь теперь творенію парижскаго композитора-фёльетониста, и напрягаете всѣ свои силы, чтобъ находить въ немъ красоты, думая, что если ихъ найдете, то будете умны какъ Паганини! Суета суетствій! У насъ, на томъ свѣтѣ, гдѣ нѣтъ ничего яснѣе тайны, всѣмъ извѣстна существенность этой мусикійкой продѣлки: всѣ духи знаютъ и говорятъ, что это было просто — une ficelle! Одинъ смертный, по имени Гекторъ Берліозъ, написалъ оперу, которая съ перваго представленія безподъемно упала. Другой смертный, по имени

Николо Паганини, былъ по случаю отказа своего участвовать въ одномъ благотворительномъ концертѣ, представленъ въ парижскихъ фёльетонахъ отвратительнымъ скрягою и эгоистомъ, обезславенъ, убитъ нравственно. Эти два тлѣнныя существа согласились между собою возстановить свои репутаціи по методѣ взаимнаго обученія. — Я провозглашу тебя вторымъ Бетховѐномъ. — Ты сдѣлаешь мнѣ чувствительное одолженіе въ эту минуту. — Но ты постарайся, чтобы твой пріятель Жанѐнъ, который такъ безчеловѣчно заклеймилъ меня своимъ фёльетономъ, воспѣлъ въ томъ же фёльетонѣ торжественный гимнъ моему великодушію, моей щедрости и удивительной благотворительности. — Нѣтъ ничего легче! Да какъ это сдѣлать? — Какъ?.... Я подарю тебѣ двадцать тысячъ франковъ въ знакъ моего восторга. — Да это чудесно! — Только ты не бери ихъ: вѣдь это...знаешь...деньги! — Жаль! Ну, такъ и быть! — Сказано, сдѣлано. Берліозъ произведенъ въ Бетховены. Паганини прославленъ человѣкомъ щедрѣе Гаруна-аль-Рашида и великодушнѣе Александра Македонскаго. Результатъ тòтъ, что вы, бѣдные смертные, повторяете теперь, тамъ, долу, подо мною, Requiem Берзіоза, на которое, безъ этой продѣлки, не обратили бы даже своего вниманія; что вы усиливаетèсь удивляться ему, зѣвая сами во весь ротъ, и усыпляете имъ своихъ ближнихъ по-очередно во всѣхъ столицахъ Европы. Хотите ли, чтобы я вамъ, съ этого великолѣпнаго катафалка, изъ вѣчности, изъ нѣдръ абсолютнаго, откровенно сказалъ мое мнѣніе о вашемъ новомъ Requiem?.... Жаль, что

здѣсь, на томъ свѣтѣ, въ рукахъ у меня нѣтъ партитуры, и я долженъ судить по одному впечатлѣнію. Но мои впечатлѣнія вотъ каковы: однажды, будучи въ живыхъ, я жилъ лѣтомъ въ Павловскѣ подлѣ казармы, гдѣ каждое утро четыре полковыя музыки учились играть всѣ вмѣстѣ: ваше Requiem, на слухъ — точь въ точь ученіе полковыхъ музыкъ по сосѣдству. Не спорьте со мной, вы, дольніе: я опытный знатокъ дѣла; я наслушался такихъ Requiem безчисленное множество втеченіи четырехъ мѣсяцевъ сряду, и очень радъ, что умеръ, что не услышу ихъ болѣе. Что̀ касается до общаго цвѣта, и до вкуса вашего Requiem, то оно безцвѣтно и безвкусно, какъ это абсолютное, которое меня окружаетъ: это блѣдно, это прѣсно, мѣстами кисло, пестро, пѣго, пятнами, въ яблокахъ; это вещь безъ идеи, постройка безъ плана, груда длиннопеслыхъ звуковъ, туманъ, тѣнь, огромное ничто. Видѣли ль вы таблицу аккордовъ, изданную камеръ-музикусомъ Габерцеттелемъ? Это — «Requiem» Берліоза; или лучше сказать, оно — извлеченіе изъ нихъ, потому-что состоитъ все изъ подобныхъ таблицъ аккордовъ въ разныхъ порядкахъ тона. «Requiem» должно имѣть мысль, и эта мысль должна быть явственно выражена опредѣленными, соотвѣтствующими одинъ другому, рисунками, или, какъ у васъ тамъ долу говорятъ, темами. Ничего этого нѣтъ въ вашемъ новомъ «Requiem» Бетховена II: одни только звуки, звукосочетанія, аккорды, фуги, прахъ, гармонія, пыль. Эти аккорды разгуливаютъ въ пространствѣ словно тѣни, которыхъ безцвѣт-

ные грѣхи не пускаютъ ни въ рай ни въ адъ. «Requiem» мосьё Берліоза, чтò ни говорите и какъ громко ни пойте, не заставитъ насъ забыть величественныхъ этого рода твореній Моцарта и Керубини, твореній, которыми здѣсь, на томъ свѣтѣ, восхищаются всѣ покойники. Музыка безъ темы ничего опредѣлить не можетъ. Мосьё Берліозъ, своей *описательной* музыкою, хотѣлъ, вѣроятно, разсказать надъ покойникомъ географію, исторію, путешествія и записки того свѣта. Пустыя затѣи! Ему слѣдовало, не мечтать о живописномъ изображеніи царства надзвѣзднаго или царства подземнаго, но стараться, просто, выражать звуками то, чтò въ бревіаріи написано словами — *горесть*, *молитву* и *упованіе* людей, лишившихся ближняго. Вотъ простая тройственная мысль всякаго Requiem. Послѣ провозглашенія Requiem aeternam, въ текстѣ слѣдуетъ плачъ и слезы—Dies illa lachrymosa, Dies irae; потомъ, теплое воззваніе къ милосердію Всевышняго Судьи—Agnus Dei и Hossanna in excelsis; наконецъ тріумфъ христіанства, гимнъ надежды, полнота упованія въ Сіонской пѣсни — Te decet hymnus in Sion. Пробудились ли въ васъ, вы, господа дóльные, которые спите и зѣваете подо мною въ суматохѣ безсвязныхъ аккордовъ новаго «Requiem,» эти *три* мысли, эти *три* чувствованія, называемыя *одною* смертію человѣка? Чтò это за Agnus? что за Hosanna? на чтò похожъ великій гимнъ упованія? Описательная музыка въ Requiem! Попадетъ же такая идея въ горшокъ киселя, намываемый человѣческою головою!.... Вы, вѣрно, думаете, что мы, покойники, такіе же охотники до жи-

вописныхъ изданій, до альманаховъ съ картинками, какъ вы тамъ, на этомъ свѣтѣ, гдѣ эстампъ замѣнилъ литературу и все чувство перешло въ лорнетку. Allez vous promener! намъ «живописныхъ» Requiem не нужно.

Я не говорю, чтобъ тутъ не было.... и какъ совершенное безпристрастіе — первое качество у всѣхъ насъ здѣсь, на томъ свѣтѣ — то и я говорю, что въ этотъ собраніи аккордовъ дѣйствительно есть — и хорошія музыкальныя мѣста, есть пассажи, приготовленные съ искусствомъ и вылитые съ эффектомъ, съ примѣчательнымъ талантомъ: только они нейдутъ къ «Requiem». Въ цѣломъ, это знаменитое сочиненіе не что̀ иное, какъ огромная картина борьбы таланта съ кореннымъ безсиліемъ, слѣдствіе ложнаго стремленія къ невозможному и смѣшному въ музыкѣ. Въ сущности, ученическое упражненіе по методѣ Фетиса....

И представьте себѣ, что, умерщвленный этою убійственною музыкою, и все полагая себя на-повалъ умершимъ, лежащимъ на катафалкѣ, причисленнымъ къ тому свѣту, я проглагольствовалъ такимъ образомъ всю ночь и все слѣдующее утро о Берліозовомъ «Requiem» въ моихъ креслахъ. Это было по-истинѣ одно изъ чудеснѣйшихъ чудесъ новѣйшей гармоніи. Вдругъ, около двухъ часовъ по-полудни, плѣнительные звуки мужскаго голоса, умное, чудесное пѣніе, вывели меня изъ летаргіи. Раскрываю глаза: зала пуста, почти пуста; эстрада совсѣмъ пуста; и на ней блѣдный, смущенный молодой человѣкъ поетъ какъ ангелъ большую арію Паччини передъ скромнымъ собраніемъ двадцати

семействъ артистовъ и нѣсколькихъ десятковъ хорошихъ цѣнителей дарованій. Голосъ превосходный, въ родѣ голоса Ферзинга, метода прелестная, интонація, вокализація, умѣнье *разсказать арію* — отличныя искусства, жизни, души — пропасть; каждая нота почувствована, каждый пассажъ выраженъ съ художественною отдѣлкою. Этотъ по-крайней-мѣрѣ *умѣетъ пѣть!* — Кто онъ таковъ? — Нѣкто Билингъ. Да это настоящій пѣвецъ!... ужъ не чета нашимъ! — Удивительный!... будь онъ въ Парижѣ, вся Европа знала бы его имя. Гдѣ же онъ находился донынѣ, съ такимъ голосомъ, съ такимъ искусствомъ? — Онъ былъ первымъ пѣвцомъ при вѣнской оперѣ. Синьора и синьоръ Паста, услышавъ его, были такъ восхищены голосомъ и методою Билинга, что предложили ему путешествовать съ ними по Европѣ, давать концерты, пѣть въ нихъ дуэты. По болѣзни Билинга и нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, они разстались въ Москвѣ. Вмѣсто осуществленія общихъ блестящихъ надеждъ, на долю его достались неизвѣстность въ чужой сторонѣ и бѣдность. Онъ возвратился сюда и хотѣлъ дать концертъ отъ своего имени. Публика не знаетъ его, и не пришла. Сбѣжались только артисты и знатоки, слышавшіе его въ первомъ пустынномъ концертѣ синьоры Паста. Видя малочисленное собраніе, жестокій прикащикъ не хотѣлъ отворить залы, изъ опасенія, что артистъ не въ состояніи будетъ заплатить за наемъ ея. Мы болѣе получаса простояли за дверьми. А я здѣсь спалъ до-сихъ-поръ отъ вчерашняго «Requiem»! — Неужели?... какъ вы счастливы! А я такъ разорвалъ себѣ ротъ

до крови, зѣвая вчера весь вечеръ, и, какъ видите, долженъ былъ подвязать лицо платкомъ! — Пошлите сейчасъ въ аптеку за кровеостанавливающею водою Нелюбина! — Ахъ, да! въ самомъ дѣлѣ!... благодарю, что напомнили.... Между-тѣмъ оркестръ разошелся, музыканты убрали свои инструменты и ускользнули въ заднія двери: вы видите, что на эстрадѣ никого нѣтъ кромѣ одного Билинга, который при бѣдномъ аккомпанцментѣ фортепіано, поетъ какъ соловей въ пустынѣ. Слышите ли, какъ его голосъ дрожитъ отъ внутренняго волненія? А между-тѣмъ, какъ онъ поетъ!— Удивительно! удивительно!... изъ каждой ноты видно, что этотъ прекрасный талантъ путешествовалъ и бесѣдовалъ съ великимъ талантомъ синьоры Паста, которая, сказать между нами, даже и въ то время, когда она потеряетъ весь свой голосъ и сдѣлается совсѣмъ нѣмою, все-таки будетъ первою пѣвицею въ мірѣ.

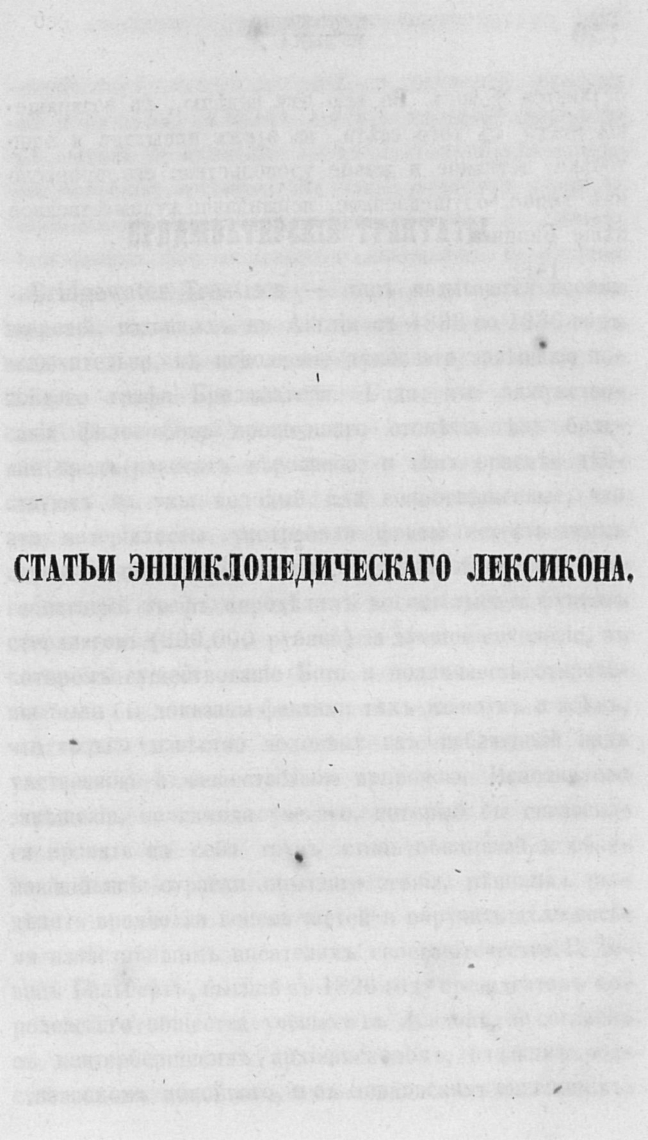
Послѣ Билинга пѣла г-жа Сабина Гейнефеттеръ: ея голосъ — въ это утро она была въ голосѣ—послѣ голоса Билинга, казался увядшею розою подлѣ розы въ полномъ блескѣ жизни и свѣжести. Художественной части двухъ этихъ пѣній и сравнивать не должно.

Потомъ опять пѣлъ Билингъ, и опять привелъ въ неописанное восхищеніе свое маленькое собраніе внимательныхъ и знающихъ слушателей.

Бѣдный молодой человѣкъ! по-крайней-мѣрѣ эта искренняя дань удивленія утѣшала его въ горѣ. Станемъ надѣяться, что Петербургъ оцѣнитъ его превосходный талантъ, и что замѣчательный пѣвецъ этотъ

останется у насъ. Во всю эту недѣлю, съ возвращенія моего съ того свѣта, на этомъ испыталъ я одно только истинное и живое удовольствіе: его принесло мнѣ умное, одушевленное, неожиданно художественное пѣніе Билинга.

1842.

СТАТЬИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО ЛЕКСИКОНА.

БРИДЖВАТЕРСКІЕ ТРАКТАТЫ.

Bridgewater Treatises — такъ называются восемь твореній, изданныхъ въ Англіи съ 1833 по 1836 годъ включительно, въ исполненіе духовнаго завѣщанія покойнаго графа Бриджватера. Видя, что лжеумствованія философовъ прошедшаго столѣтія тѣмъ большій вредъ наносятъ вѣрованію, и тѣмъ опаснѣе дѣйствуютъ на умы молодые или непросвѣщенные, что эти матеріялисты употребили факты естественныхъ наукъ на подкопаніе истинъ откровенной религіи, благочестивый графъ опредѣлилъ восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ (200,000 рублей) за лучшее сочиненіе, въ которомъ существованіе Бога и подлинность откровенія были бы доказаны фактами тѣхъ же наукъ и всѣмъ, что̀ только извѣстно человѣку изъ наблюденій надъ умственною и вещественною природою. Исполнители завѣщанія, не находя ученаго, который бы согласился принять на себя трудъ столь обширный и обнимающій всѣ отрасли опытнаго знанія, рѣшились раздѣлить премію на восемь частей и поручить дѣло восьми извѣстнѣйшимъ писателямъ своего отечества. Г. Девисъ Гильбертъ, бывшій въ 1826 году президентомъ королевскаго общества ученыхъ въ Лондонѣ, по согласію съ кентерберійскимъ архіепископомъ, близкимъ родственникомъ покойнаго, и съ лондонскимъ епископомъ,

выбралъ для этого гг. Вевелля, Кидда, сэръ Чарльса Белля, Чамерса, Проута, Кирби, Роберета и Боклэнда и назначилъ каждому изъ нихъ обработать одну часть предмета, одну какую-нибудь науку въ отношеніи ея къ естественному богословію. Кромѣ нарушенія воли завѣщателя, который желалъ одного полнаго творенія о предметѣ, этотъ раздѣлъ труда повлекъ за собою большое неудобство безчисленныхъ повтореній и даже нѣкоторыхъ противорѣчій въ теоріяхъ. Сверхъ того, внутреннее достоинство восьми трактатовъ не могло быть одинаково. Со-всѣмъ-тѣмъ, каждый изъ восьми ученыхъ исполнилъ свою обязанность съ отличнымъ успѣхомъ, и такимъ образомъ вышло это собраніе превосходныхъ твореній, которыя уже приносятъ величайшую пользу религіи и нанесли рѣшительный ударъ ипотезѣ матеріялизма. Особеннаго вниманія, по своей полнотѣ и таланту писателей, заслуживаютъ трактаты гг. Вевелля, Белля и Роберета. Вотъ заглавія всѣхъ этихъ сочиненій: 1. The power, wisdom and goodness of God etc. (Могущество, мудрость и благость Бога, обнаруживающіяся въ приспособленіи внѣшней природы къ умственному состоянію человѣка), by the Rev. Thomas Chalmers, London 1833. — 2) On the adoptation of external nature to the physical condition of man (О приспособленіи внѣшней природы къ физическому состоянію человѣка), by John Kidd, M. D., London, 1833.—3) Astronomy and General Physics with reference to the Natural Theology (Астрономія и Общая физика въ примѣненіи къ Естественному Бо-

гословію), by the Rev. William Whewell, London, 1833. — 4) The Hand, its mechanism and endowments etc. (Рука, ея механизмъ и способности, какъ доказательства преднамѣренія), by Sir Charles Bell, London, 1833. — 5) Animal and vegetable Physiology etc. (Животная и растительная физіологія) by P. M. Paget, M.D., London, 1834. — 6) Chemistry, Meteorology and the function of digestion etc. (Химія, метеорологія и дѣйствіе пищеваренія), by William Prout, M. D., London, 1834. — 7) The history, habits and instincts of animals, etc. (Исторія, привычки и врожденныя способности животныхъ), by the Rev. William Kirby, London, 1835. — 8) Geology etc. (Геологія), by the Rev. William Buckland, London, 1836.

Весьма желательно, чтобы одна искусная рука слила теперь всѣ эти восемь трактатовъ въ одно большое и полное твореніе, которое бы, такимъ образомъ, составило великолѣпный очистительный памятникъ, воздвигнутый истинной религіи отъ имени наукъ девятнадцатаго вѣка. Еще пріятнѣе было бы видѣть, чтобы подобный трудъ совершился въ Россіи, гдѣ онъ могущественно оградилъ бы возрастающее просвѣщеніе отъ тѣхъ пагубныхъ заблужденій, въ какія ученая гордость вовлекла Западную Европу въ прошломъ столѣтіи.

—

БУМАГА.*

Историческое обозрѣніе фабрикаціи.

Нельзя, чтобы поэтъ, литераторъ, ученый, которые свои мысли, свои чувства, плоды своихъ изысканій, мучительный трудъ безсонныхъ ночей, свѣтлую мечту и часто лучшую надежду ввѣряли утлому листу бѣлой и сухой массы, приготовляемой промышленностью человѣка нарочно для принятія соображеній ихъ ума, не останавливали иногда своего вниманія на исторіи и судьбахъ изобрѣтенія, сдѣлавшагося первымъ орудіемъ образованности, и столь важнаго для нихъ лично. Листъ бумаги заключаетъ въ себѣ столько же волшебства для поэзіи, сколько поводовъ къ любопытнымъ воспоминаніямъ ученаго. И дѣйствительно, многіе поэты воспѣли его въ стихахъ, многіе ученые занимались его исторіею или подавали свои совѣты касательно способовъ его приготовленія. Лаландъ, среди высокихъ предметовъ своихъ изслѣдованій, не считалъ недостойнымъ себя сочинять пространное руководство для бумажнаго фабриканта.

Тамъ, гдѣ образованность развилась уже въ извѣстной степени, гдѣ умы открыли себѣ публичный путь взаимнаго сообщенія, гдѣ мысль начинаетъ потреблять значительныя количества этой первой потребности своей

---

* Эта статья была помѣщена въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Энц. Лекс.» и здѣсь напечатана по редакціи первой, въ которой соединены обѣ статьи «Энц. Лекс.»—*Бумага и Бумажная мануфактура* (*Петергофская*), съ опущеніемъ техническихъ подробностей и исторіи Петергофской Бумажной мануфактуры. *Изд.*

жизни, выдѣлка и самая исторія бумаги должна сдѣлаться вопросомъ, занимательнымъ для каждаго. Россія находится въ этомъ случаѣ.

Мы, Русскіе, называемъ и этотъ писчій матеріялъ и растеніе, доставляющее бѣлый и мягкій пухъ для тканей, однимъ и тѣмъ же именемъ—бумагою. Другіе европейскіе народы даютъ писчему матеріялу названіе—папира, которое также означаетъ родъ растенія, находимаго понынѣ въ Египтѣ и Сициліи. Но самый матеріялъ, какъ извѣстно, не имѣетъ ничего общаго, въ наше время, ни съ однимъ изъ двухъ этихъ растеній, и выдѣлывается изъ третьяго. Однакожъ, оба названія, «папиръ» и «бумага», не были выдуманы произвольно: напротивъ, оба они — историческіе памятники двухъ важныхъ эпохъ этой фабрикаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, двухъ эпохъ умственнаго развитія въ исторіи человѣчества.

Слово «папиръ» напоминаетъ намъ первые шаги человѣка на поприщѣ образованности. Онъ только-что выходилъ изъ дикаго состоянія въ одномъ уголку земнаго шара, когда началъ употреблять это слово, и съ того времени оно сопровождало его неотступно на пути къ просвѣщенію, прошло вмѣстѣ съ нимъ сквозь множество переворотовъ, сквозь мракъ и огонь, и вмѣстѣ съ нимъ достигло наконецъ до блистательнѣйшей эпохи судебъ его на землѣ. Первая бумага, на которой образованность записала свое имя, дѣлана была, какъ извѣстно, изъ болотнаго растенія *папиръ*, или *папирусъ* (Cyperus papyrus, Lin.), доставлявшаго вмѣстѣ пищу бѣдному Египтянину, и баш-

маки жрецу Исиды. Плиній описываетъ подробно какъ самое растеніе, такъ и способъ выдѣлыванія изъ него бумаги. Папиръ, по его словамъ, имѣетъ отъ девяти до десяти локтей вышины—вѣроятно, папиръ пересаженный и воспитанный особеннымъ образомъ, потому-что нынче это растеніе, которое египетскіе Аравитяне называютъ *бердъ*, не достигаетъ и двухъ аршинъ. Стебель его—треугольный, и можетъ быть обнятъ рукою; корень—извилистый, снабженный кистью длинныхъ и тонкихъ волоконъ. Гиландинъ, путешественникъ XVI вѣка, наблюдалъ папиръ на-мѣстѣ съ большимъ вниманіемъ, и оставилъ очень хорошее истолкованіе этого мѣста у Плинія. Папиръ росъ также въ Сиріи, и встрѣчается понынѣ, какъ во времена римскаго натуралиста, въ Сициліи, подъ именемъ *паперо;* но древніе, кажется, не употребляли сицилійскаго папира для дѣланія бумаги, хотя онъ очень похожъ на египетскій, не будучи одинаковой съ нимъ породы. Папировая бумага была уже извѣстна Грекамъ во время Гомера, но по свидѣтельству Варрона, только около временъ Александра Великаго начали выдѣлывать ее съ приличнымъ искусствомъ. Графъ Келюсъ изложилъ очень подробнымъ и ученымъ образомъ способъ приготовленія ея у Римлянъ *. Ее дѣлали изъ тоненькихъ полосокъ папироваго стебля, и мѣсто, изъ котораго вырѣзаны были полоски, опредѣляло степень доброты издѣлія. Бумага древнихъ имѣла почти столько же сортовъ, какъ наша. Лучшій сортъ былъ тотъ, для котораго полоски бра-

* Mémoires de l'Académie des Inscriptions, 1758.

лись изъ внутренней части стебля. Для ленеотійской бумаги отдѣляли полоски непосредственно изъ-подъ коры, и она составляла самый низкій сортъ издѣлія. Кора вовсе не шла въ дѣло. Саисская бумага выдѣлывалась изъ однихъ обрѣзковъ и браковъ, и также принадлежала къ низкимъ сортамъ. Александрійская слыла лучшею.

Приготовленіе папировыхъ полосокъ составляло въ Египтѣ ремесло, которое можно уподобить званію нашихъ ветошниковъ. Высушенныя на солнцѣ полоски продавались поселянами на вѣсъ бумажнымъ фабрикантамъ, которыхъ столицею была Александрія, куда торгъ бумагою переносилъ огромные капиталы древняго міра. Изъ одного стебля можно было получить до двадцати полосокъ. Уже на фабрикѣ сортировали полоски, какъ у насъ сортируютъ тряпье, отдѣляя лучшія, ровнѣйшія и длиннѣйшія для высшихъ сортовъ бумаги. Потомъ, подобранныя полоски укладывали на столахъ вдоль, одну подлѣ другой; этотъ слой полосокъ, служившій какъ-бы основою, перетыкали поперегъ другими короткими полосками, и сплачивали оба слоя вмѣстѣ посредствомъ воды и пресса. Такимъ образомъ, бумага древнихъ была ткань въ родѣ нашихъ рогожъ. Кажется, что во время Клавдія ткань эта состояла иногда изъ трехъ слоевъ полосокъ. Поперечныя полоски никогда не бывали длиннѣе одного фута, и это была самая большая ширина бумаги древнихъ. Доброта бумаги состояла въ ея тонкости, крѣпости, гладкости и бѣлизнѣ: тѣхъ же качествъ, какихъ требуемъ и мы отъ нашей. Кассіодоръ, описывая бумагу

своего времени, говоритъ, что она бѣла какъ снѣгъ, и хотя составлена изъ множества кусковъ папира, но такъ гладка, что нельзя было примѣтить ихъ соединенія. Надобно однакожъ сказать, что древняя бумага была лощеная, какъ нынѣшняя восточная. Раковина или зубъ служили для приданія лоска, который препятствовалъ ей всасывать въ себя чернила и сквозить.

Древніе клеили, какъ мы, свою бумагу. Для приготовленія клея, они употребляли тонкую муку, разведенную въ кипяткѣ съ небольшимъ количествомъ уксуса. Этою частію производства занимался особый родъ мастеровыхъ, которыхъ Римляне называли glutinatores. Положивъ слой клею на бумагу, они передавали ее другимъ работникамъ malleatores, которые разбивали ее молотами. Потомъ листы вторично наводились клеемъ, и опять поступали въ прессъ, а изъ пресса опять подъ молотъ, который расколачивалъ ихъ въ тонкія пластинки, какъ металлическую бляшку.

Хорошее качество бумаги древнихъ, на которую многіе, читая это описаніе производства, могутъ смотрѣть съ презрѣніемъ, доказаны лучшимъ знатокомъ дѣла—временемъ. Многіе такъ-называемые «папирусы» пролежавъ двѣ тысячи лѣтъ въ землѣ, удивляютъ еще теперь своею прочностью тѣхъ, кому посчастливится найти ихъ въ отрытомъ гробу вмѣстѣ съ муміею. Сомнительно, чтобы лучшая нынѣшняя бумага могла выдержать это испытаніе. Но она не чужда была важнаго неудобства: сравнительно, она была очень дорога.

Одинъ случай классической библіоманіи, который, при настоящихъ понятіяхъ о назначеніи книгъ, можетъ

даже показаться забавнымъ, подалъ поводъ къ употребленію другаго, еще прочнѣйшаго писчаго матеріяла, и ему-то конечно обязаны мы спасеніемъ остатковъ древняго просвѣщенія, послужившихъ первымъ основаніемъ новѣйшему. Египетскіе Птоломеи щеголяли въ тогдашнемъ свѣтѣ богатымъ собраніемъ книгъ, которое прославилось подъ именемъ Александрійской Библіотеки. Эвменъ, царь Пергама, вздумалъ затмить ихъ ученую славу учрежденіемъ у себя подобной библіотеки, и посвятилъ значительныя суммы пріобрѣтенію рѣдчайшихъ твореній. Птоломей Эпифанъ, изъ зависти, запретилъ вывозъ папировой бумаги изъ Египта, чтобы отнять у соперника возможность умножать свое собраніе списками такихъ сочиненій, которыхъ подлинники были недоступны покупателю. Это обстоятельство принудило пергамскаго царя употреблять, вмѣсто бумаги, кожу, приготовленную особеннымъ образомъ, которая получила названіе *пергамена*, отъ мѣста выдѣлки. Скоро пергаменъ сдѣлался богатѣйшимъ писчимъ матеріяломъ, и если впослѣдствіи не вытѣснилъ папировой бумаги совсѣмъ изъ употребленія, то одна высокая цѣна его была тому причиною. Однакожъ, съ того времени списки лучшихъ твореній приготовлялись большею частію уже на пергаменѣ, и на немъ-то дожили они до временъ возрожденія наукъ на Западѣ. Безъ этого случая, умственные труды древнихъ, ввѣренные однимъ «папирусамъ», при нерадивомъ и невѣжественномъ храненіи, конечно истлѣли бы всѣ, еще въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ.

Смятенія, которыя фанатизмъ безпрерывно поро-

ждалъ въ первые вѣка христіанства, нанесли жестокій ударъ александрійскихъ бумажнымъ фабрикамъ. Въ IV столѣтіи онѣ были уже въ упадкѣ, а въ седьмомъ, послѣ покоренія этой страны Аравитянами, рушились совершенно. Торговыя сообщенія болѣе и болѣе померкающаго классическаго Запада съ югомъ и востокомъ, подпавшими подъ власть новой азіятской религіи, прекратились на долгое время; бумага стала въ Европѣ рѣдкостью, и ея непомѣрной дороговизнѣ должно приписать преимущественно это быстрое помраченіе великолѣпныхъ еще остатковъ образованнаго міра, въ которомъ охота къ литературнымъ занятіямъ и любовь къ наукамъ исчезали вмѣстѣ съ возможностью доставать по сходнымъ цѣнамъ первый матеріялъ просвѣщенія. Не вторженіе сѣверныхъ варваровъ, но существенный недостатокъ бумаги, полагаемъ мы, по крайнему разумѣнію нашему, главною причиною темноты среднихъ вѣковъ. Такова сила умственнаго свѣта, что онъ всегда побѣждаетъ самый грубый мракъ головы, и что полудикій пришлецъ охотно отказывается отъ своихъ звѣрскихъ привычекъ, чтобы наслаждаться выгодами образованности, найденной у побѣжденнаго. Взгляните на Китай: онъ безпрерывно былъ покоряемъ монгольскими, тангутскими и маньджурскими племенами, гораздо грубѣйшими нежели всѣ Готѳы и Вандалы, и всегда превращалъ онъ ихъ въ людей образованныхъ, кроткихъ, часто даже въ ревностныхъ покровителей просвѣщенія — потому-что никакой переворотъ не отнималъ, и не могъ отнять у Китая бумаги, которая выдѣлывалась на собственной землѣ его

изъ мѣстныхъ его произведеній. Мы скоро увидимъ, что ни чему иному, какъ только китайской бумагѣ, должны и мы быть благодарны за то возрожденіе наукъ на Западѣ, которое наступило поздно, но которое безъ нея вѣроятно не наступило бы и по-сю-пору.

Первые мусульмане употребляли еще пергаменъ и папировую бумагу для списыванія себѣ Алкорана и для ограниченнаго канцелярскаго производства своего военнаго правительства. Пергаменные листы ихъ священной книги, покрытые куфическою грамотою, довольно часто встрѣчаются на Востокѣ, въ нашихъ азіятскихъ музеяхъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдены въ Египтѣ два арабскіе паспорта VII вѣка, писанные еще на папирѣ. Въ первыхъ годахъ слѣдующаго столѣтія Аравитяне покорили огромную песчаную пустыню, лежащую между Сибирью и Персіею и усѣянную множествомъ прелестныхъ, плодородныхъ оазисовъ, изъ которыхъ два, самые значительные, Бухарія и Харезмъ, или Хива, извѣстны хотя по имени всѣмъ нашимъ читателямъ. Здѣсь-то, въ Трансоксіанѣ древнихъ, прозванной Аравитянами Мавераннегромъ — въ краѣ, который съ давняго времени находился въ торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ съ Китаемъ, нашли они китайскую бумагу, частію настоящую, частію по образцу ея выдѣлываемую въ Восточномъ Туркистанѣ изъ хлопчатой бумаги. Способъ ея производства былъ легкій, дешевый и опирался на тѣхъ же началахъ, которымъ мы слѣдуемъ теперь при выдѣлкѣ обыкновенной нашей бумаги: это былъ просто — тонкій растительный войлокъ. Изобрѣтеніе бумажнаго искусства

Китайцами не стоило имъ большихъ соображеній: степные ихъ сосѣди съ незапамятныхъ временъ выдѣлывали войлоки изъ шерсти животныхъ для защиты своихъ юртъ отъ жестокихъ зимъ сѣвера; сами Катайцы, за недостаткомъ въ шерсти, приготовляли изъ разныхъ волокнистыхъ растеній превосходные, тонкіе войлоки, которые хорошо замѣняли сукно на платье, и кожу на башмаки и шлемы. До-сихъ-поръ употребляются у нихъ такіе растительные войлоки на разныя части одежды и обуви, которыя мы, въ неловкую насмѣшку, называемъ сшитыми изъ писчей бумаги или изъ папки. Китайцамъ стоило только немного умудриться — довести эти войлоки до тонкости шелковой матеріи, марселины или флоранса, на которыхъ они прежде писали кистью свои книги и документы — и вотъ нынѣшняя писчая бумага. Это простая замѣна дорогой шелковой ткани въ литературѣ дешевымъ войлокомъ, который уже замѣнялъ шелкъ въ ихъ туалетѣ.

И должно отдать справедливость генію китайской промышлености, обладающей удивительнымъ даромъ подражанія; она успѣла придать своему растительному войлоку тонкость, гладкость и крѣпость шелковой ткани, которую имъ замѣстила. Китайская бумага такъ похожа на шелковое издѣліе, что въ Европѣ долго давали ей имя шелковой бумаги, papier de soie. Въ ней однакожъ нѣтъ ни частицы шелку. Одно китайское сочиненіе объ изобрѣтеніи, исторіи и способахъ дѣланія бумаги, котораго отрывокъ находится въ «Исторіи Путешествій» *, поясняетъ, что древнѣйшие Ки-

* Histoire des Voyages, tome XXII, 281.

тайцы писали на тонкихъ бамбуковыхъ дощечкахъ, каленыхъ въ огнѣ и тщательно вылощенныхъ; что они чертили буквы ножикомъ, и что дощечки, сложенныя одна на другой въ ящикѣ, составляли тогда книгу. Во времена Конфуція употребляли уже для этого шелковую ткань, склеенную вдвое и обрѣзанную подъ такой форматъ, какой желали дать книгѣ; иногда полотно, приготовленное такимъ же образомъ, замѣняло это дорогое писчее издѣліе. Въ концѣ I вѣка по Р. Х. стали выдѣлывать листы по правиламъ растительнаго войлокодѣланія—превращая вторую кору бамбука съ жидкое тѣсто или массу, посредствомъ долгой мочки и варенія. Одинъ придворный мандаринъ, жившій около этой эпохи, особенно отличился многочисленными опытами, которые большею частію увѣнчались полнымъ успѣхомъ: изыскивая вещества, способныя превращаться въ тончайшую массу, онъ бралъ кору разныхъ деревъ, лоскутки шелковыхъ тканей, тряпье поношенной полотняной одежды; варилъ все это въ водѣ, приводилъ въ массу и дѣлалъ изъ нея разные сорты бумаги. Такимъ образомъ выдѣлываемъ и мы бумагу.

Это новое искусство, къ счастію всего человѣчества; распространилось въ Китаѣ во второмъ и третьемъ вѣкѣ, то есть, въ то самое время, какъ на Западѣ фабрикація папировой бумаги клонилась уже къ упадку, и черезъ три столѣтія должна была почти совершенно закрыться. Китайцы начали производить бумагу изъ различныхъ растеній и деревъ; эта часть промышлености вошла у нихъ въ моду, покорила себѣ вкусъ

народа, заняла милліоны рукъ. Она скоро выгнала шелкъ не только изъ литературы и канцелярій, но и со стѣнъ богачей: толстые бумажные обои, которые далеко превосходятъ совершенствомъ наши и кажутся полированнымъ мраморомъ; бумажные сосуды, ящики, украшенія потолковъ и множество другихъ вещей; печать, переписка, дѣла, давно уже поглощаютъ тамъ столько этого издѣлія, что годичное потребленіе бумаги въ Китаѣ можно смѣло полагать равнымъ десятилѣтнему производству ея въ цѣлой Европѣ. Кромѣ тряпья и бамбука, Китайцы выдѣлываютъ свою бумагу, въ сѣверныхъ областяхъ, изъ мочалки шелковичнаго дерева, въ Сы-Чуани изъ конопля, въ Ши-Дзянѣ изъ ржаной и пшеничной соломы; въ иныхъ мѣстахъ изъ вяза, *ку-шу*, или ежевки, и прочая. Въ провинціи Дзянъ-Пань, бѣлыя перепонки, которыя находятся внутри шелковыхъ коконовъ, служатъ къ выдѣлкѣ тонкой и очень мягкой бумаги: она своей красотою превосходитъ наши тончайшіе пергамены. Всѣмъ извѣстно искусство Китайцевъ сообщать своимъ бумагамъ блистательные и прочные цвѣта, но немногіе, быть-можетъ, знаютъ, что ихъ отличная серебряная бумага, которая такъ красиво убираетъ комнаты, дѣлается безъ примѣси малѣйшей частички серебра, единственно помощію сибирскаго талька, или каменнаго сала, превращеннаго въ тончайшій порошокъ.

Но вещества, которыя тамъ чаще всего употребляются для выдѣлки бумаги, суть бамбукъ и стволъ кустарника, доставляющаго хлопчатую бумагу: послѣдній, вмѣстѣ съ лоскутками бумажныхъ тканей, служитъ

обыкновеннымъ матеріяломъ производства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ бамбука, особенно въ Восточномъ, или Китайскомъ Туркистанѣ, области смежной съ Мавераннегромъ. Оба эти древесныя нещества, посредствомъ мочки въ болотной водѣ, извести и промыванія, приводятся сперва въ состояніе волокнистой пакли, которую потомъ варятъ и толкутъ, какъ тряпье, доколѣ она не превратится въ бѣлую жидкую массу. Къ массѣ прибавляютъ въ видѣ клею родъ камеди, добываемой изъ дерева *хао-дунъ*, обильно растущаго въ китайскихъ горахъ. Тогда приступаютъ къ черпанію листовъ формами различной величины, которыя имѣютъ иногда въ длину до восьми саженъ. Приготовленные такимъ образомъ листы получаютъ окончательную отдѣлку помощію раствора квасцовъ, который сообщаетъ имъ лоскъ, плотность и всѣ качества писчей бумаги.

Обыкновеніе Туркестанцевъ дѣлать преимущественно изъ дерева хлопчатой бумаги и тряпья бумажныхъ тканей было причиною усвоенія въ восточно-турецкихъ нарѣчіяхъ имени кустарника и его пушистаго плода — *пумухъ, пумбугъ* или *бумугъ*, самому издѣлію. Вотъ начало русскаго слова — бумага. Аравитяне, какъ сказано, застали уже это издѣліе и способъ его производства распространеннымъ по оазисамъ Мавераннегра, покоривъ ихъ въ началѣ VIII вѣка; и скоро выдѣлка писчаго матеріяла изъ дерева хлопчатой бумаги, его пуха, тряпья бумажныхъ и льняныхъ тканей, сдѣлалась обыкновеннымъ ремесломъ въ ихъ обширной имперіи. Въ XI столѣтіи ввели они его въ Испанію, которая скоро начала удѣлять новое свое издѣ-

ліе Италіи и Франціи. Бумага эта извѣстна была въ Латыни среднихъ вѣковъ подъ названіями charta serica, xylina, gossypina, cuttunca, damascena, etc., «хартіи китайской, древесной, бумажной, дамасской», и прочая. Самыя названія ясно доказываютъ, что Европейцы получали ее отъ Аравитянъ, что сами Аравитяне переняли въ Мавераннегрѣ китайскіе способы производства, и что они также выдѣлывали ее сначала изъ дерева хлопчатой бумаги (charta xylina), пока не ограничились однимъ тряпьемъ поношенныхъ тканей—матеріяломъ, слишкомъ недостаточнымъ въ Китаѣ для его огромнаго потребленія бумаги, но весьма достаточнымъ для Аравитянъ, которые мало еще писали, и не знали роскоши обоевъ. Во Франціи, Сициліи и Италіи, встрѣчаются дипломы и документы XII вѣка еще на папировой бумагѣ, но книги уже нерѣдко писались и на бумажной. Петръ Маврицій, умершій въ 1153 году, говоритъ положительно въ своемъ «Разсужденіи о Жидахъ»: «Книги, которыя «мы ежедневно читаемъ, состоятъ или изъ бараньей, «козьей и телячьей кожи, или изъ *восточныхъ расте-«ній* (хлопчатой бумаги), или изъ *лоскутковъ старой «одежды*, ex rasuris veterum pannorum». Однакожъ искусство дѣлать бумагу изъ «лоскутковъ старой одежды» какъ кажется, проникло во Францію не прежде конца XIII вѣка: по-крайней-мѣрѣ не находятъ тамъ документовъ, писанныхъ на такой бумагѣ какъ нынѣшняя, которые не были бы позднѣе царствованія Лудовика IX. Съ перенесеніемъ этого искусства изъ Испаніи въ западную Европу, первый матеріялъ издѣлія, тряпье

бумажныхъ тканей, долженъ былъ тотчасъ замѣниться мѣстнымъ произведеніемъ, тряпьемъ льнянаго бѣлья; но льняная бумага появляется во французскихъ и германскихъ архивахъ только около 1318 года, и къ тому же времени должно, вѣроятно, отнести и учрежденіе первыхъ бумажныхъ фабрикъ, или «мельницъ», въ христіанской Европѣ. За всѣмъ тѣмъ, производство собственно европейской, льняной бумаги долгое время было, повидимому, весьма ограничено, потому-что восточная все еще не выходила изъ употребленія, и первыя альдинскія изданія напечатаны въ Венеціи на бумажной бумагѣ.

Нѣкоторые писатели признавали Европѣ честь изобрѣтенія искусства дѣлать бумагу изъ тряпья. Еслибъ этого историческаго обзора фабрикаціи не было достаточно для убѣжденія въ томъ, что изобрѣтеніе и искусство вышли изъ Китая и принесены къ намъ Аравитянами, то мы представили бы умозрителямъ, какъ рѣшительное доказательство, самыя формы съ рѣшоткою изъ проволоки, которыми черпаются у насъ листы въ кадяхъ, налитыхъ массою, приготовленною совершенно такимъ же образомъ, какъ въ Поднебесной Имперіи: эти формы, ни своимъ видомъ, ни употребленіемъ, не отличаются отъ китайскихъ. Такое сходство и въ способахъ и въ инструментахъ слишкомъ мудрено для слѣпаго случая.

Въ послѣднее время, нѣкоторые изыскатели нашей отечественной исторіи предложили вопросъ, на чемъ писалъ Несторъ свою лѣтопись, и откуда бралъ онъ бумагу? Мы отвѣчали бъ, не запинаясь—на маверан-

негрской, по просту, на бухарской, которой онъ купилъ себѣ три *руки*, а говоря чисто по-персидски «три *дести*», за двѣ куницы и одну бѣлку у харясскаго, то есть, харезмскаго купца, предка одного изъ тѣхъ почтенныхъ Бухарцевъ, которые теперь разносятъ халаты по улицамъ русскихъ городовъ. Мы не сомнѣваемся, что и слово «бумага», и предметъ, который оно означаетъ, были извѣстны на Руси гораздо прежде нашествія Монголовъ. Харезмскіе, бухарскіе или мавераннегрскіе купцы еще въ IX вѣкѣ таскались по Новѣгородѣ — это доказывается самыми ихъ монетами, — а въ XI-мъ Кіевъ былъ ихъ нижегородскою ярмаркою. Бумага, одинъ изъ главныхъ предметовъ ихъ народной промышленности, и которую они развозили въ то время по всему Востоку, не могъ не составлять статьи привоза ихъ въ тогдашнюю Россію. Всякій разъ, какъ Нестору хотѣлось писать, и у него не было пенязей на дорогую византійскую хартію, онъ могъ купить себѣ за весьма сходную цѣну столько бумаги, сколько было угодно, у перваго попавшагося Бухарца.

Всегда бываетъ полезно отыскивать причину великихъ событій въ малыхъ случаяхъ, потому-что истинныя причины событій заключаются всегда въ мелочахъ, презираемыхъ напыщенностью и слишкомъ высокими взглядами. Внимательное разсмотрѣніе мелочей въ каждой эпохѣ открываетъ наблюдателю великолѣпную и чрезвычайно правильную систему ничтожныхъ съ виду причинъ, дѣйствующихъ тайно, отдѣльно, но получающихъ отъ своей совокупности силу,

почти равную неизмѣримой силѣ природы, которой могучесть состоитъ также изъ совокупленія самыхъ слабыхъ и непримѣтныхъ дѣйствій въ одну массу общаго движенія. Упадокъ образованности и наукъ древняго міра приписывали мы не нашествіямъ варваровъ, не великимъ политическимъ и нравственнымъ переворотамъ, но очень простому факту — отнятію у него бумаги; и главную, непосредственную причину возрожденія любви къ ученію, къ книгамъ, къ просвѣщенію, видимъ тоже въ мелочномъ съ виду обстоятельствѣ — появленіи на Западѣ китайской бумаги. Въ бумагѣ заключается весь секретъ образованности. Дайте грамотному листъ бумаги — онъ тотчасъ станетъ писать и думать. Отнимите и теперь еще бумагу у Европейцевъ — лѣтъ черезъ пятьдесятъ они будутъ полные невѣжды, будутъ презирать науки и предадутся фанатизму или другой грубой страсти; они останутся въ этомъ положеніи, доколѣ совокупное движеніе мелочныхъ, малозначащихъ, даже отдаленныхъ обстоятельствъ, не доведетъ ихъ до открытія новаго писчаго матеріяла. Было ли бы нынче извѣстно книгопечатаніе безъ бумажной бумаги, безъ покоренія Аравитянами Бухаріи и Хивы, безъ завоеванія ими Испаніи? Никогда Аравитяне не могли болѣе кстати прибыть въ Европу съ китайскою бумагою, какъ въ XI вѣкѣ. Европа была совершенно безъ бумаги: она тогда доскабливала ножомъ послѣдняго греческаго философа, чтобъ написать бревіарій на его пергаменѣ; она смывала съ папируса послѣднюю оду Сапфы, чтобъ употребить его на контрактъ или духовную. Невѣжество

было въ своемъ апогеѣ. Еще два столѣтія такого голода на бумагу, и Европа сдѣлалась бы безграмотною — крестовые походы остались бы безъ историка. Замѣтьте, что какъ свѣтъ наукъ угасалъ прежде съ каждою бурею въ Египтѣ, единственной землѣ, откуда добывали хорошій папиръ, и погасъ съ отторженіемъ ея отъ системы западной образованности, такъ точно европейская ночь начала постепенно проясняться со времени и по мѣрѣ подвоза восточной бумаги, а съ XIV и XV столѣтій, то есть, съ учрежденія собственныхъ бумажныхъ фабрикъ на Западѣ, все вспыхнуло новою жизнію и понеслось исполинскими шагами къ просвѣщенію. Франція первая отличилась этой промышленностью, и уже въ XVI столѣтіи доставляла печати бѣлую и прочную бумагу. Въ разныхъ мѣстахъ Испаніи, Италіи и южной Германіи являлись также хорошіе сорты. Но до половины XVII вѣка одна Франція поставляла бумагу всему Западу. Около того времени Голландія сдѣлалась для Европы домашнимъ Египтомъ, и начала снабжать ее превосходнѣйшею бумагою, которая высоко цѣнилась даже во Франціи, хотя въ разныхъ ея провинціяхъ, особенно въ Оверни, Ангулемѣ, Лангедокѣ, Аннонѐ и Лиможѣ фабрики этого рода были многочисленны. Голландіи принадлежатъ всѣ важнѣйшія усовершенствованія въ обыкновенномъ, черпальномъ образѣ бумажнаго производства, и введеніе цилиндра, которымъ оно наиболѣе отличается отъ китайскаго. Тамошніе фабриканты однако жъ скрывали тщательно способы свои отъ другихъ народовъ. Они нерѣдко покупали дурную фран-

цузскую бумагу, и, передѣлавъ ее по своему способу, продавали обратно Французамъ. Долгое и неоспоримое ихъ преимущество рушилось не прежде какъ съ политическимъ существованіемъ ихъ отечества во время французской республики, которой министры и ученые употребили всѣ мѣры, чтобы голландскія бумажныя машины и процессы производства сдѣлать извѣстными въ своей землѣ. Нарочные коммиссары были отправляемы въ Голландію; Національный Институтъ занимался по наряду этимъ предметомъ, и слѣдствіемъ совокупныхъ усилій было то блистательное возвышеніе овернскихъ и ангулемскихъ бумажныхъ фабрикъ, до котораго онѣ достигли въ послѣднее время. Нынче онѣ выдѣлываютъ многіе сорты бумагъ лучше прежнихъ голландскихъ, и почти всѣ народы, которые играютъ въ карты, должны покупать у нихъ карточную бумагу. Бѣленье тряпья хлориною и клеенье бумаги не въ листахъ, а въ массѣ, суть два важныя улучшенія, введенныя Французами и сокращающія много рукъ и времени; но второе составляетъ еще секретъ нѣсколькихъ мастеровъ, и не всегда удается ихъ подражателямъ. На твердой землѣ, Франціи должно признать теперь пальму побѣды въ бумажномъ дѣлѣ. Послѣ французской, лучшая бумага — итальянская и испанская, но ея производится слишкомъ мало. Германія по этой части стоитъ не выше Россіи, которая только-что приступила къ дѣлу и едва ли не превзошла уже многобумажную и зѣло книжную Нѣмечину.

Всѣ эти фабрики придерживаются еще стариннаго, черпальнаго производства, и если превосходятъ китайскую промышленость частными улучшеніями, прибавкою нѣкоторыхъ орудій, изящностью инструментовъ, зато уступаютъ ей въ ловкости, съ какою она владѣетъ своими. Онѣ не могутъ выдѣлывать листовъ необычайныхъ форматовъ, и черпальная форма въ шестьдесятъ футовъ длиною кажется нашимъ европейскимъ фабрикантамъ несбыточною баснею. Но геній механики выручилъ нашу неповоротливость. Изобрѣтеніе машины для выдѣлки безконечнаго листа составило наконецъ собственный нашъ, чисто европейскій способъ бумажнаго производства, котораго мы не заимствовали у Востока, и которому подражать не въ силахъ и самые Китайцы. Это чудесное изобрѣтеніе принадлежитъ Англіи.

Въ XVII столѣтіи Англія еще снабжалась французскою бумагою, и въ прошломъ вѣкѣ лучшія свои изданія печатала на голландской. Нантскій эдиктъ, выгнавшій изъ Франціи толпы отличныхъ фабрикантовъ, доставилъ Англичанамъ первыя средства улучшить свои заводы. Въ началѣ прошлаго столѣтія они могли уже похвалиться довольно хорошими сортами бумаги. Около 1780 года промышленность эта достигла тамъ высокой степени развитія; но настоящее усовершенствованіе англійскихъ бумажныхъ фабрикъ обязано своимъ началомъ континентальной системѣ, которая устранила все соперничество французскихъ и голландскихъ бумагъ, и дозволила заводчикамъ безопасно употребить значительные капиталы на улучшенія и опыты по своей

части. Множество механическихъ способовъ предложено было для сокращенія числа работниковъ, и всѣ они были оставлены, пока машина братьевъ Фудринверовъ для выдѣлки безконечнаго листа не соединила всѣхъ выгодъ прежняго производства съ преимуществами, которыхъ черпальный процессъ не можетъ доставить ни добротѣ издѣлія, ни капиталу, посвященному фабрикѣ. Эта машина произвела тамъ совершенный переворотъ въ бумажномъ дѣлѣ, и многочисленныя черпальныя мельницы одна за другой спѣшатъ замѣнить невѣрную руку работника удивительнымъ механизмомъ, который, самъ собою, съ непостижимою ровностью, точностью и быстротой, моетъ и мнетъ тряпье, превращаетъ его въ массу, выливаетъ изъ нея широкіе листы неопредѣленной длины, и навиваетъ ихъ на цилиндры уже почти сухими. Ей-то обязана Англія своими великолѣпными бумагами, передъ которыми исчезаютъ всѣ французскія и голландскія, и современемъ одна она будетъ выдѣлывать бумагу для прихотливаго Европейца.

Нельзя заключить обзора фабрикаціи бумаги въ разныхъ странахъ и вѣкахъ, не упомянувъ объ опытахъ, безпрерывно повторяющихся въ Европѣ съ начала прошедшаго столѣтія, замѣнить тряпье, которое становится уже рѣдкимъ, другими, дешевѣйшими веществами. Лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ, бумага, выдѣланная кѣмъ-то изъ соломы, а потомъ изъ крапивы, конфервы и мочалокъ разныхъ деревъ, провозглашена была въ журналахъ новымъ и удивительнымъ открытіемъ европейской промышлености.

Почти ненужно объяснять, что это мнимое открытіе есть только тысяча первое неудачное усиліе подражать Китайцамъ и Японцамъ, съ-тѣхъ-поръ какъ въ Европѣ читаютъ Кемпфера, Дюгальда и Себу. Мы видѣли, что во второмъ вѣкѣ, дѣлали уже въ Китаѣ бумагу изъ соломы, мху, листьевъ, коры, дерева и множества другихъ растительныхъ матеріяловъ, и что нынѣшняя ши-дзянская, — вся почти соломенная. Іезуиты сто разъ описывали это очень подробно. Альбертъ Себа, въ своемъ «Сокровищѣ Естественной Исторіи», приглашалъ любопытныхъ заняться подобнымъ промысломъ, и между прочимъ предлагалъ имъ «московскіе» кули. Гетаръ, во Франціи, производилъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка безчисленные опыты съ различными растеніями, чтобъ опредѣлить, которыя изъ нихъ способны къ превращенію въ писчій листъ, и открылъ даже, что природа сама дѣлаетъ бумагу: онъ находилъ, въ высохшихъ лужахъ дурданскаго лѣса, массы вещества, совершенно похожаго на бумагу, и составившагося изъ гніющихъ листьевъ, которые легко отдѣлялись; онъ раздиралъ ихъ какъ бумагу. Докторъ Шефферъ, въ Германіи, обнародовалъ въ 1765 году свои обширные опыты выдѣлыванія бумаги изъ соломы, мху и разныхъ зельевъ. Реомюръ совѣтовалъ употреблять на тотъ же предметъ гнилое дерево. Лаландъ исчислилъ до восьмидесяти деревъ и растеній, изъ которыхъ можно добывать бумагу. Словомъ, все это старо какъ свѣтъ, и дѣло въ томъ, что бумагу можно выдѣлывать изъ всякаго растительнаго вещества, если только оно волокнисто. Изъ числа нашихъ деревьевъ,

береза, кажется, могла бы быть самымъ полезнымъ. Если этого рода попытки до-сихъ-поръ не представили въ Европѣ ничего прочнаго для промышлености, то неуспѣхъ происходилъ единственно оттого, что у насъ хотятъ поступать съ соломою, мочалкою, деревомъ, какъ съ тряпьемъ, и незнаютъ способовъ, искони употребляемыхъ Китайцами. Дѣло мастера боится!

У насъ, въ Россіи, нѣтъ еще никакой нужды прибѣгать къ этимъ вспомогательнымъ средствамъ, чтобъ сдѣлать бумагу дешевле. Тряпье у насъ не только не переводится, но даже, при усиливающемся употребленіи тонкихъ полотенъ, становится обильнѣе и лучше. Не портя нашихъ великолѣпныхъ березъ на печатаніе дурныхъ романовъ, мы еще можемъ долго любоваться на нихъ, и въ крайнемъ случаѣ припоминать себѣ, что кора этого благороднаго дерева была одна изъ первыхъ, на которой человѣкъ записывалъ свои мысли до введенія папировой бумаги — то есть, вторая внутренняя кора, liber, — отчего произошло и латинское названіе книги.

—

ВЕНГРІЯ.

I. Происхожденіе Венгровъ.

Происхожденіе Венгровъ и начало ихъ исторіи составляютъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ исторической критики, который весьма близокъ къ нашей исторіи и заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ изыскателей. Изученіе древнихъ лѣтописцевъ этого народа могло бы пролить яркій свѣтъ на раз-

ныя мѣста собственныхъ нашихъ лѣтописей. Въ этомъ отпошеніи чрезвычайно важна венгерская хроника, извѣстная подъ именемъ *Chronicon anonymi*. Сочинитель ея, государственный «нотарій», то есть, канцлеръ, короля Белы, какъ изъ всего видно, воспользовался или древнѣйшими временниками, которые потомъ погибли, илп драгоцѣнными документами отечественныхъ архивовъ. Но, для нашихъ читаталей, прежде всего надобно уничтожпть предубѣжденіе, которое могъ поселить въ нихъ Шлёцеръ своимъ пристрастіемъ, непростительпымъ для хладнокровнаго судьи историческихъ памятниковъ. Неумѣренность, съ какою этотъ ученый разбранилъ венгерскую хронику, отвергая безусловно то, чего самъ не понималъ, возбуждаетъ невольное негодованіе. Дѣло въ томъ, что, отбросивъ изъ венгерской лѣтописи блестки ложной учености ея вѣка, получится разсказъ «государственнаго нотарія» со всѣми признаками достовѣрнаго преданія и логическаго хода происшествій, и превосходно пополняющій извѣстіе Несторовой лѣтописи, которая весьма часто не досказываетъ событій. Здѣсь невозможно входить въ подробныя изслѣдованія начала и перваго отечества Венгровъ, или Мадяровъ, и разбирать множество несогласныхъ съ перваго взгляда показаній писателей разныхъ народовъ. Мы предложимъ только общія понятія, къ которымъ неизбѣжно приводитъ безпристрастное изученіе предмета въ памятникахъ Запада и Востока, въ совокупности.

Венгровъ называли въ средніе вѣка *Уграми*, или *Унгарами*, *Турками* и *Маджарами*. Вотъ какъ

надобно понимать эти три названія, изъ которыхъ каждое справедливо въ своемъ отношеніи. Слово «Угры» или «Унгры» въ русскомъ произношеніи *Югры, Югричи*, *Угричи, Угличи*, *Вогуличи*, *Вогулы*, было очевидно собирательное имя нѣсколькихъ разноплеменныхъ народовъ, большею частію финскихъ, но между которыми несомнѣнно находились и турецкія племена. Таковъ точно былъ составъ народа Булгаровъ, Хазаровъ, и далѣе къ востоку народа Тулга, или Тугулка (Тоu-кuеї), потомъ Уйгуровъ, Монголовъ, и прочая. Всѣ кочевыя державы сѣверной Европы и Азіи состояли изъ смѣси племенъ, подвластныхъ одной династіи, или связанныхъ добровольнымъ союзомъ для защиты отъ сильнѣйшаго врага, какъ было у Уйгуровъ и потомъ у Ойратовъ, или Калмыковъ. Изъ какого языка взято первоначально слово *угръ* или *угоръ*, неизвѣстно: быть-можетъ, оно принадлежало къ языку турецкой части югорскаго народа; быть-можетъ, значило оно то же что̀ *уйгуръ* и *ойратъ* въ Монгольской пустынѣ, то есть, «союзникъ», приверженецъ. Сколько видно изъ венгерскихъ преданій, этихъ союзныхъ, или подвласныхъ одной державѣ, народовъ было семь: въ преданіяхъ сохранилось именно названіе прежняго «Семи-мадярства», *Дѣту-мадяръ*, Gyetu (по-турецки — *пѣты*, *пѣди*) Magyae. Какіе это были народы, опять неизвѣстно; но въ томъ числѣ можно примѣрно полагать Вогуличей, Пермь, Мордву, Вотяковъ, Мадяровъ, изъ Финновъ; Башкировъ и другія татарскія поколѣнія, изъ Турокъ: всѣ они держались вмѣстѣ около Урала, ко-

торый назывался у насъ «Югорскими горами» и вѣроятно также «Турскими» (Турецкими), потому-что и теперь часть Урала носитъ имя Верхо-турскаго хребта. Здѣсь-то, когда нибудь была «держава» Угровъ, которую, быть можетъ, разрушили Булгары: но что она существовала, въ томъ нельзя сомнѣваться, потому-что имя ея сообщилось обширной полосѣ земли, которая отъ Уральскаго хребта, Печоры и Вычегды, простиралась нѣкогда до нынѣшнихъ тверской и московской губерній. Всѣ это «Угорская земля». По мѣрѣ переселенія сюда Руси и лучшаго познанія мѣстныхъ племенъ, имя Угорія все болѣе и болѣе отступило на сѣверъ, такъ что наконецъ осталось только за Печорою: ближайшія земли получили болѣе точныя, или болѣе частныя названія; но было время, когда Суздаль и Угличъ находились еще въ Угоріи, и часть нынѣшней смоленской губерніи называлась «Подъугорскимъ краемъ». Игорь и Олегъ, приплывъ къ Кіеву, по Днѣпру съ сѣвера, сказались «*подугорскими* гостьми», то есть купцами изъ Подугорья, изъ земель смежныхъ съ Угоріею. Можно даже полагать, что знаменитая держава «Бярмія» о которой всегда говорили Скандинавы, а у насъ почти не было слышно, есть то же самое угорское государство, только подъ другимъ названіемъ. Самымъ южнымъ народомъ угорской державы были, кажется, Мадяры. Въ то время, какъ начинается наша исторія, Волжская Булгарія составляетъ уже могущественное владѣніе, и отъ Угровъ остается одно только имя. Вѣроятно войны съ Булгарами отдѣлили Мадяровъ отъ главной массы

Угровъ, и отбросили ихъ далѣе на югъ, потому-что въ историческихъ преданіяхъ, по-крайней-мѣрѣ столько же достовѣрныхъ какъ и наши собственныя, они впервые являются въ Башкиріи, въ сосѣдствѣ съ Печенегами, которые ихъ преслѣдуютъ, и даже въ Малороссіи, по рѣкѣ Ингулу, гдѣ было ихъ небольшое владѣніе *Лебедія*, вѣроятно нынѣшній лебединскій уѣздъ *(Constantin. Porphyr. de administratione imperii)*. Ихъ-то, повидимому, называетъ Несторъ «*Бѣлыми* Уграми», которыхъ Ираклій нанималъ во время войны противъ Персовъ. Эта часть Мадяровъ поддалась потомъ Хазарамъ и поселилась между Дономъ и Волгою, гдѣ впослѣдствіи былъ и городъ Маджаръ. Здѣсь-то сохранился венгерскій языкъ, который одинъ іезуитъ, родомъ Венгерецъ, къ удивленію своему, нашелъ недалеко отъ Волги еще въ XVI столѣтіи. Но другая часть народа скиталась въ Башкиріи, около верхняго Урала, и, избѣгая притѣсненій, рѣшилась на подвигъ, съ котораго начинается венгерская исторія. Эти Мадяры пустились черезъ обширныя степи и лѣса въ прежнее свое отечество, Угорію: они выбрали своимъ княземъ и воеводою Альма, сына Уджекова, изъ рода Атилы, поклялись быть вѣрными ему и потомкамъ его «на пяти условіяхъ», и въ знакъ взаимной присяги *пили собственную кровь, налитую въ одинъ сосудъ* (венгерскій лѣтописецъ не могъ этого выдумать: мы теперь знаемъ, изъ восточныхъ писателей, что такой обрядъ присяги дѣйствительно существовалъ даже у народовъ Монгольской Степи; турецкій языкъ доселѣ со-

хранилъ выраженіе — «пить присягу»); переправились черезъ Волгу на плотахъ и пошли на Суздаль *(Сусудаль)*, который, по ихъ преданіямъ, былъ нѣкогда столицею ихъ народа. Тамъ владѣлъ уже (889 — 898), говорятъ ихъ лѣтописи, «русскій князь», то есть, вѣроятно, данникъ кіевскихъ князей. Во время ихъ похода, присоединилось къ нимъ множество племенъ, и они явились въ прежнемъ своемъ отечествѣ съ огромными силами. Суздальскій князь убѣжалъ въ Кіевъ. Но Мадяры оставались здѣсь не долго. Въ народѣ жило преданіе, что предки ихъ, вышедшіе съ Атилою, владѣли въ Римской Имперіи плодородною и богатою областью, и они, чувствуя себя въ силахъ возстановить свои древнія завоеванія, изъ лѣсовъ московской губерніи устремились, по незнаемымъ путямъ, прямо на югъ — искать Римской Имперіи, которая уже не существовала. Здѣсь-то мы находимъ примѣчательное согласіе между Несторомъ и первымъ венгерскимъ лѣтописцемъ: оба они говорятъ о проходѣ Венгровъ мимо Кіева, съ незначительною разницею въ годахъ. Несторъ, по обыкновенію, ограничивается нѣсколькими словами: «*Въ лѣто 6406* (898) *идоша Угре* горою *мимо Кіевъ, еже нынѣ зовется Угорское. И пришедше къ Днѣпру, сташа вежами. И пришедше отъ востока, и устремишася чрезъ горы великія, яже прозвашася Угорскія, и почаша воевати на живуща* ту *Волохи и Словени*». Это важное мѣсто, котораго не понялъ ни Шлецеръ, ни его переводчикъ, требуетъ сперва перевода: замѣтимъ, во-первыхъ, что «идти горою» значитъ и

понынѣ въ польскомъ языкѣ «проходитъ рѣку выше города», а не «проходить *черезъ гору*»: можно было видѣть, что дѣло идетъ вовсе не о горѣ, когда лѣтописецъ прибавляетъ *еже зовется нынѣ Угорское* (поле), тѣмъ болѣе, что и повѣствованіе о прибытіи Игоря и Олега къ мѣсту, которое во время Нестора называлось «Угорскимъ», показываетъ, что Угорское Поле лежало при Днѣпрѣ, *выше* Кіева (вѣроятно тамъ, гдѣ теперь Подолъ); во-вторыхъ, что Несторъ и не думалъ говорить, будто Угры пришли *съ востока* то есть изъ Азіи, а не съ сѣвера (отъ Суздали), потому-что «Угорскія Горы» означаютъ здѣсь Карпатскія Горы, а не Уральскія; наконецъ, что *ту* никогда не значило «тамъ», но всегда имѣло смыслъ «тутъ, здѣсь» — по-польски tu. Вотъ точный переводъ лѣтописи: «Въ 898 году Угры проходили «*вверху* (верхнею стороной, выше города) мимо Кіе-«ва, теперь называется Угорское (поле); и пришедши «къ Днѣпру, расположились укрѣпленными станами. «И пришедши съ восточнаго берега Днѣпра на нашъ, «западный берегъ, гдѣ лежитъ Кіевъ (или — и *про-«шедши* далѣе отъ востока къ западу), устремились «черезъ большія горы, которыя, послѣ этого, и про-«звались Венгерскими (Карпатскими); и начали воевать «живущихъ *здѣсь* (у этихъ горъ), Волоховъ и Сла-«вянъ». Такимъ образомъ правильно понятый текстъ Нестора не представляетъ ничего несогласнаго съ сказаніемъ венгерскаго лѣтописца: напротивъ-того, обѣ лѣтописи подтверждаютъ одна другую. Когда Угры проходили Днѣпръ выше Кіева, то они явно при-

шли туда съ сѣвера, отъ Суздаля, а не съ «Востока» о которомъ Несторъ не говоритъ здѣсь ни слова. Далѣе Шлёцеръ, въ молчаніи нашего лѣтописца, находитъ причину отвергать все сказаніе Венгерской Хроники о томъ, что̀ происходило подъ Кіевомъ, и называетъ его «глупостью», тогда-какъ это сказаніе совершенно согласно съ логикою и со всѣмъ, что̀ только составляетъ историческую вѣроятность. Возможно ли представить себѣ, чтобы эти многочисленныя, хищныя толпы Угровъ, которыя разнесли вскорѣ ужасъ по Европѣ, отъ которыхъ искали спасенія въ постахъ и молитвѣ — чтобы эти страшныя силы варваровъ прошли мимо богатаго и сравнительно слабаго Кіева, не сдѣлавъ вовсе покушенія овладѣть столицею русскихъ князей и ограбить ее? Они очевидно и пришли для этого къ Кіеву. Несторъ не хочетъ сказать: но дѣло такъ естестественo и ясно, что еслибы венгерскій лѣтописецъ не говорилъ подробно о покушеніи своихъ на Кіевъ, тогда только и можно было бы подозрѣвать его въ выдумкѣ всей остальной части его разсказа. Повѣствованіе его вполнѣ заслуживаетъ вниманія. По словамъ «государственнаго нотарія», въ Кіевѣ были всѣ поражены страхомъ, узнавъ о приближеніи Альма съ его свирѣпыми полчищами. Русскіе князья (кіевскій и суздальскій) собрали совѣтъ своихъ вельможъ, въ которомъ рѣшено было дать Уграмъ сраженіе: отправили гонцовъ къ семерымъ команскимъ князьямъ, «вѣрнымъ друзьямъ своимъ», и призвали ихъ на помощь. Половцы прискакали со множествомъ конницы. Сраженіе произошло (и, вѣ-

роятно, на томъ мѣстѣ, которое Несторъ называетъ Угорскимъ полемъ); Русскіе и ихъ союзники были разбиты и отступили въ городъ; Угры двѣ недѣли свободно грабили *всѣ* (окрестныя) земли, и наконецъ рѣшились сдѣлать приступъ къ стѣнамъ Кіева. Когда лѣстницы были приставлены, русскіе князья, опасаясь несчастія, вступили въ переговоры. Десять тысячъ гривенъ серебра, десять тысячъ коней съ сѣдлами и уздами, убранныхъ по обычаю русскому, сорокъ верблюдовъ, множество мѣховъ и другихъ подарковъ, и сто команскихъ мальчиковъ для князя Альма и его вельможъ, были выкупомъ города. Положимъ, что это преувеличено, но на-половину можно согласиться безъ зазрѣнія совѣсти. Князья кіевскій и суздальскій, чтобы скорѣе избавиться отъ гостей, совѣтовали имъ устремиться «къ западу» (*отъ востока*, говоритъ Несторъ) на Паннонію, выхваляя красоту и обиліе страны, гдѣ дѣйствительно жили до того времени остатки Гунновъ, соплеменниковъ Уграмъ. Семь команскихъ князей, *Едъ, Эдуменъ, Эту, Бунгеръ*, отецъ Борсу, *Усадъ*, отецъ Урвуру, *Войта*, отъ котораго произошелъ Брукса, и *Ретель*, предложили присоединиться съ своими улусами къ князю Альму и идти всѣмъ вмѣстѣ. Также «*многіе изъ Русскихъ* пристали къ князю, и пошли съ нимъ на Паннонію: *потомство ихъ досихъ-поръ живетъ въ разныхъ мѣстахъ Венгріи*». Что̀ же тутъ невѣроятнаго въ этомъ разсказѣ Венгерской Хроники, который мы сократили уничтоженіемъ всѣхъ риторическихъ фигуръ и украшеній. Устранивъ ихъ, мы находимъ фактъ чистымъ, логическимъ, вполнѣ

правдоподобнымъ, котораго здравая критика пренебрегать не вправѣ. Замѣтимъ еще умышленную утайку Шлёцера, въ которую его вовлекла готовность пожертвовать всѣмъ въ пользу Нестора. Чтобы уничтожить венгерскаго лѣтописца, онъ даже пускается въ странное словопроизводство, истребляетъ всякій слѣдъ Угровъ у Кіева, и выводитъ названіе «Угорскаго» отъ словъ *у-горы*. Между тѣмъ Несторъ самъ упоминаетъ въ другомъ мѣстѣ даже имя *Альма*, и говоритъ, что на Угорскомъ былъ «Алыминъ дворъ»: и *убиша Аскола и Дира и несше на гору Аскольда, еже нынѣ наречется Угорское, идеже естъ дворъ Алминъ; на той могилѣ постави Олъма* (читай *Ольга) божницу Святаго Николы; а Дирова могила за Святою Ириною;* «и убили Аскольда и Дира, и понесли Асколда *вверхъ* (рѣки), къ полю, которое теперь называется Угорскимъ и гдѣ есть Алминъ дворъ; на его могилѣ Ольга построила церковь Святаго Николая; а Дирова могила (ниже по рѣкѣ), за Св. Ириною». Шлёцеръ тщательно избѣгаетъ вспомнить даже имя Альма, чтобы не подтвердить Венгерской Хроники самимъ Несторомъ! Присовокупимъ, что потомки команскихъ князей и русскихъ искателей приключеній жили во время «нотарія», и признавались родоначальниками венгерскихъ знатныхъ фамилій. Сверхъ-того, этимъ превосходно объясняется, почему Мадяровъ въ Европѣ называли Турками и Венгрію *Турціей*; съ ними было уже семь извѣстныхъ поколѣній турецкихъ (команскихъ), кромѣ другихъ неизвѣстныхъ, которыя вышли съ Мадярами изъ Башкиріи, или присоединились во

время похода на Суздаль. Этой страшной сволочи, которая на пути истребляла все огнемъ и мечомъ, и перепугала Европу своимъ появленіемъ и неистовствомъ, всѣ три прозванія равно были приличны: съ одной стороны она была Мадяры, съ другой Турки, съ третьей Угры — Черные Угры — быть-можетъ *Уйгуры*, то есть, «союзники». Турками и Уграми называли ихъ посторонніе: имена Угровъ, Венгровъ, Унгаровъ, неизвѣстны въ языкѣ нынѣшнихъ Венгерцовъ, которые у себя называются не иначе какъ Мадярами.

Эти толпы, которыхъ Альмъ и его Мадяры были предводителями, шли рѣшительно съ притязаніями законныхъ наслѣдниковъ Атилы и Гунновъ, своихъ предковъ или, по-крайней-мѣрѣ, соотечественниковъ: отнимать древнее свое достояніе, Паннонію, у того, кто завладѣлъ ею. Авары, или Абары (Обры), были тамъ преемниками Гунновъ и жили вмѣстѣ съ ихъ остатками. Карлъ Великій покорилъ Абаровъ и принудилъ ихъ принять христіанскую вѣру. Но едва новая религія успѣла укорениться, какъ Угры — *устремишася чрезъ горы великія, яже назвашася Угорскими* — ворвались въ Паннонію и овладѣли ею. Должно замѣтить, что они не въ первый разъ пришли сюда: сколько видно изъ Нестора, Угры, и именно *Черные* Угры, три раза приходили изъ Угоріи мимо Кіева: слѣдственно они всегда считали Паннонію какъ-бы своей землею, наслѣдіемъ Атилы, народнаго героя финскихъ племенъ: и потому весьма вѣроятно, что Альмъ, возвратившись въ Угорію и не находя ничего привлекательнаго въ пустынной Суздаліи, увлеченъ

былъ преданіями идти по привычной дорогѣ въ обѣтованную землю Угровъ, Паннонію, и даже хвасталъ именемъ Атиллы въ Кіевѣ. Втеченіи перваго десятилѣтія (890—900), они завоевали всю страну Абаровъ, между Карпатами и Савою, Моравою и границей Молдавіи. Предводители ихъ раздѣлили между собою землю побѣжденныхъ: половину захватилъ князь Арпадъ, сынъ Альма; потомъ каждый изъ воеводъ дѣлилъ съ дружиной своей завоеванныя области; туземцы, Славяне, Абары, Гунны, и потомки Римлянъ, поселенныхъ въ Панноніи, которыхъ Несторъ называетъ Волохами, то есть Галлами, потому-что они говорили испорченнымъ латинскимъ нарѣчіемъ, сдѣлались рабами пришельцевъ. Такъ основалось владычество Мадяровъ въ Венгріи. Но этотъ дикій и необузданный народъ не былъ созданъ для мирной жизни. Исторія первыхъ двухъ вѣковъ, послѣ переселенія ихъ въ Венгрію, ознаменована безпрестанными ихъ походами: на западѣ видимъ ихъ воюющими съ Генрихомъ I и съ сыномъ его, Оттономъ Великимъ; на востокѣ они побѣждаютъ Грековъ у самыхъ воротъ Константинополя. Только при Арпадѣ, правнукѣ Гейзы, прекратились набѣги Мадяровъ на сосѣдственныя государства, и они мало-по-малу начали привыкать къ осѣдлой жизни въ новозавоеванномъ краю. Король Гейза принялъ крещеніе въ 973 году. Для этого онъ долженъ былъ призвать изъ Германіи миссіонеровъ, проповѣдниковъ и распространителей христіанства. Вмѣстѣ съ ними прибыли и другіе переселенцы, преимущественно изъ Саксоніи: вотъ почему и теперь въ Венгріи

всѣхъ Нѣмцевъ называютъ Саксонцами. Переселенцы вскорѣ разсѣялись по землѣ Мадяровъ, принесли съ собою сѣмена германской образованности и бросили ихъ на дикую почву. Гейза принялъ иностранцевъ подъ свое покровительство и вскорѣ убѣдился въ пользѣ принесенныхъ познаній. Сынъ его, Стефанъ (Святой), оказалъ еще болѣе ревности къ религіи, введенной отцомъ въ Венгрію: въ 1000 году по Р. Х., онъ самъ отправился въ Римъ для принятія королевскаго титула изъ рукъ папы, и совершенно преобразовалъ не только духовный, но и политическій составъ своего новаго государства. Онъ принялъ за основаніе тогдашнія германскія учрежденія: раздѣлилъ Венгрію на 72 графства, или комитата, и въ званіи высшаго сановника, графа (*comes*), сосредоточилъ двѣ власти, гражданскую и военную; изъ этихъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ, изъ частныхъ окружныхъ начальниковъ и коронныхъ вассаловъ, составился правильный сеймъ, подъ верховнымъ предсѣдательствомъ короля, вмѣсто прежнихъ сборищъ военныхъ начальниковъ, которые считали себя охранителями «пяти условій» князя Альма. Такъ образовалось на югѣ новое венгерское или угорское королевство, между-тѣмъ какъ на сѣверѣ постепенно исчезало даже имя древней Угоріи, которое нынче было бы вовсе неизвѣстно, если бы русскіе цари, и потомъ императоры, не включили въ свой титулъ званія «князей Угорскихъ» или «Югорскихъ».

ВЕНГЕРСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія венгерскій языкъ составлялъ любопытную ученую задачу, и весьма многіе занимались опредѣленіемъ его свойствъ и начала. Всѣ рѣшенія находили себѣ сильныя противорѣчія, потому-что филологи желали всегда доказать невозможное, именно полное тождество его съ тѣмъ или другимъ языкомъ. Но мы видѣли, въ исторической части этой статьи, что венгерскій народъ былъ смѣсью разнородныхъ племенъ, между которыми по-крайней-мѣрѣ находилось столько же Турокъ (Комановъ, Половцевъ), сколько и Финновъ (Мадяровъ и другихъ). Венгерская Хроника говоритъ, что многіе «рускіе люди» пошли съ этими Уграми въ Паннонію, гдѣ, какъ извѣстно, жили Абары, Гунны, Славяне и Волохи, населеніе полу-римское и полу-варварское, которое говорило испорченнымъ латинскимъ нарѣчіемъ. Всѣ эти разнородныя начала должны были слиться въ одну массу, въ языкѣ пришельцевъ, и образовать языкъ отдѣльный, мало похожій на первоначальное нарѣчіе господствующаго племени Мадяровъ. Византійскій императоръ Левъ положительно утверждаетъ, что Венгерцы были *colluvies gentium* «сбродъ разныхъ народовъ»; но, говоря о первобытныхъ Уграхъ, всегда должно отдѣлять *Бѣлыхъ* Угровъ, которые жили въ Лебедіи, по-сю-сторону Днѣпра, отъ Мадяровъ, или *Черныхъ* Угровъ, которыхъ и Несторъ противопоставлялъ имъ. Бѣлые, по словамъ Нестора, начали появляться въ южныхъ славянскихъ земляхъ *«при Иракліи цари и ходиша*

съ нимъ на Хосроя, царя перскаго,» а по нѣмецкимъ лѣтописямъ, ихъ призывалъ Вратиславъ, князь моравскій, въ помощь противъ германскаго императора: эти могли быть бѣлокурые Финны, болѣе или менѣе однороднаго племени, какъ давно отдѣленные отъ Угоріи и отброшенные за Днѣпръ. Но Черные Угры, «Мадяры», ихъ соплеменники, которые скитались въ Башкиріи уже въ VI столѣтіи, слабые и окруженные турецкими поколѣніями, и въ концѣ IX вѣка двинулись оттуда на Суздаль, въ старую Угорію, увлекая съ собою весь сбродъ мелкихъ кочевыхъ народовъ, потомъ изъ Суздаля на Кіевъ и Володиміръ въ Паннонію— Черные Угры, вѣроятно, смѣшались кровію и языкомъ съ Турками еще въ Башкиріи; они по-необходимости утратили свой финскій характеръ; и, если еще имѣли отдѣльный языкъ, чертами и цвѣтомъ волосъ не отличались уже отъ Турокъ, съ которыми вторглись за Карпатскія Горы. Тутъ смѣшеніе это довершилось. Кажется, около половины XIII столѣтія, турецкія поколѣнія, которыя пришли въ Паннонію съ Уграми, уже дотого слились съ мадярскимъ племенемъ, что потомки ихъ забыли свое татарское нарѣчіе и говорили все по-венгерски, а Мадяры считали языкъ свой единственнымъ на свѣтѣ. Прай, въ своей *Historia critica primorum Hungariæ ducum (Pesth.* 1778), приводитъ одну ватиканскую рукопись, гдѣ сказано, что венгерскій монахъ Юліянъ посыланъ былъ въ 1240 году къ Монголамъ, и въ большомъ булгарскомъ городѣ встрѣтился съ женщиною, которая говорила по-венгерски: она сказала ему, что за два дня пути оттуда онъ найдетъ

ея земляковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Юліанъ нашелъ ихъ на Волгѣ, и они чрезвычайно обрадовались, услышавъ языкъ свой въ устахъ иностранца: «нарѣчіе имѣли, говоритъ Юліанъ, *совершенно* венгерское. Около 1343 года, другой Венгерскій монахъ проповѣдовалъ въ той странѣ христіанскую вѣру и «обратилъ многихъ на путь спасенія». Эней Сильвій (1464) разсказываетъ, что одинъ миссіонеръ открылъ недалеко отъ источниковъ Дона языческіе народы, которые «имѣли *тотъ же самый* языкъ, какъ и Венгерцы»: впослѣдствіи онъ отправился туда съ другими венгерскими монахами проповѣдовать вѣру Христову, но это воспрещено имъ отъ московскаго государя, который не желалъ, чтобы *азіятскіе Венгры* присоединялись къ латинской церкви». Около 1490 года Матвѣй, король венгерскій, узнавъ, по словамъ Бонфини, отъ купцовъ, что въ тѣхъ странахъ обитаютъ остатки мадярскаго народа, хотѣлъ отправить къ нимъ пословъ и уговорить ихъ перекочевать въ Венгрію. Одинъ венгерскій іезуитъ, пишетъ миссіонеръ Шаль, захваченный въ плѣнъ Турками, проданъ былъ на Волгу и нашелъ тамъ Мадяровъ въ XVI столѣтіи: онъ писалъ въ Римъ и просилъ прислать ему сотрудниковъ для распространенія христіанства. Но всѣ эти свѣденія зарыты были въ архивахъ, или скрывались въ книгахъ, малоизвѣстныхъ публикѣ; и венгерскому епископу Главиничу, который отправлялся въ Россію, правительство поручило *узнать въ Москвѣ*, откуда происходятъ Венгры. «Я провѣдалъ, пишетъ Главиничъ, что они вышли изъ области *Югоріи*, которая принадлежитъ великому князю московскому

и гдѣ говорятъ мудренымъ языкомъ». Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Витсена (Noord en Oost Tartarye, II, 775), въ Москвѣ вообще думали, что Венгры происходятъ «изъ Югріи и Перми», и Коксъ приводитъ въ своемъ путешествіи латинскую надпись, которую онъ списалъ со стѣнъ одной кремлевской башни, и гдѣ великій князь Іоаннъ Васильевичъ III называетъ себя «Государемъ тверскимъ, вятскимъ, *венгерскимъ*, пермскимъ и болгарскимъ»: *Ioannes Vasilii, Dei gratia magnus dux Volodimeriae, Moscoviae, Novogardiæ, Tiferiae, Plescoviae, Viticiae, Ongariae, Permiae, Buolgariae, et aliarum, totiusque Roxiae Dominus, anno tertio imperii sui has turres condere fecit. Statuit Petrus Antonides Solarius Mediolanensis anno Nat. Domini 1491 Kal. iunii*. Должно замѣтить, что въ западной Европѣ писали также Ongaria или, правильнѣе, Onogaria, вмѣсто Hungaria; слово Ongaria кажется только сокращеніемъ первоначальнаго и собственнаго названія *Онъ-огарія*, которое можетъ быть составлено изъ турецкаго *онъ*, десять, и *угаръ* или *угоръ*, Угръ: позволительно думать, что оно, подобно *Ѣты-мадяръ*, «Семимадярству», значило «Десяти-угорство», то есть, союзъ десяти поколѣній, или народовъ. Такія названія обыкновенны у кочевыхъ сѣверо-азіятскихъ племенъ. Шлёцеръ (Несторъ, II, 343) весьма остроумно думалъ, что слова *Угоръ* и *Вогулъ* должны быть однозначительны, и что *Вогулъ* произошло отъ Угоръ: онъ замѣчаетъ, что и въ лѣтописяхъ нашихъ Вогулы появляются только съ того времени, когда имя Угоръ выходитъ изъ употребленія, а ученый Венгерецъ Дяр-

мати (Gyarmathi) находилъ, что, изъ числа финскихъ языковъ, вогульскій болѣе всего сходенъ съ нынѣшнимъ мадярскимъ. Наконецъ Фатеръ, въ Аделунговомъ «Митридатѣ» (II, 771), упоминаетъ о письмѣ надворнаго совѣтника Орлая, природнаго Венгерца, напечатанномъ въ «Венгерской газетѣ» Шедіуса, гдѣ этотъ чиновникъ говоритъ, что во время путешествія своего на Кавказъ онъ встрѣтилъ одно поколѣніе, которое донынѣ называется у Русскихъ «Угричи» и употребляетъ нарѣчіе близкое къ мадярскому. Если замѣчаніе Шлёцера о тождествѣ словъ «Вогулъ« и «Угоръ» справедливо, то можно полагать, что и *Угличи* значитъ то же самое, что̀ «Угричи».

Вопросъ о языкѣ Мадяровъ спалъ покойно до второй половины прошедшаго столѣтія, хотя еще Лейбницъ, Коменіусъ, младшій Рудбекъ, Штраленбергъ, академикъ Фишеръ (въ *Quaestiones Petropolitanae*) и другіе, усматривали сродство его съ разными финскими нарѣчіями. Но въ шестидесятыхъ годахъ онъ возбудилъ общее вниманіе ученыхъ, когда пронесся слухъ о странномъ открытіи одного венгерскаго астронома. Гель (Hell) и Шайновичъ (Sainovics) посланы были въ Лапландію для измѣренія градуса меридіана, и Шайновичъ съ изумленіемъ примѣтилъ, что онъ многое понимаетъ по-лапландски, никогда не учившись языку Лопи. Шайновичъ, сперва въ повременныхъ изданіяхъ, а потомъ въ особомъ сочиненіи, которое вышло въ 1770 въ Копенгагенѣ, сталъ доказывать, что языки венгерскій и лапландскій *одно и то же* (*Demonstratio idioma Ungarorum et Lapponorum idem esse* 1770,

4). Вскорѣ потомъ Ире-Эрлингъ издалъ въ Упсалѣ диссертацію въ томъ же смыслѣ (*Disputazio de convenientia linguae Lapponicae cum Hungaarica*, 1777), и наконецъ Гагеръ представилъ новыя доказательства сходства двухъ языковъ (Neue Beweise der Verwandschaft der Ungarn mit den Lappländern, von Johann Hager, Wien, 1794.)

Но это производство Венгерцевъ отъ Лопи было слишкомъ насильственно и односторонно: разительное сходство языковъ, грамматическое и даже лексикографическое, можетъ быть объяснено тѣмъ, что Лапландцы, издревле отдѣленные отъ другихъ финскихъ народовъ, сохранили въ большей чистотѣ одинъ изъ первобытныхъ языковъ огромнаго финскаго племени, и такимъ образомъ онъ представляетъ многія коренныя черты сходства съ другимъ языкомъ финскимъ, тоже отдѣлившимся весьма давно отъ общей массы и занесеннымъ на берега Дуная. Такъ точно церковно-славянскій, или древній моравскій, языкъ ровно столько же сходенъ съ русскимъ какъ и съ польскимъ, хотя русскій и польскій языки не сходны между собою и не происходятъ ни тотъ ни другой отъ древняго моравскаго. Спустя нѣсколько лѣтъ, Дярмати поставилъ вопросъ въ болѣе приличномъ свѣтѣ, стараясь показать грамматическое родство мадярскаго языка, уже не съ однимъ лапландскимъ, но вобще *со всѣми* финскими языками (*Affinitas linguae Hungaricae cum linguis Fennicae originis, grammatice demonstrata, a Sam. Gyarmathi, Götting*. 1799). Многимъ это родство досихъ-поръ не нравится, или кажется не довольно яснымъ.

но оно несомнѣнно. Странная недовѣрчивость эта происходитъ оттого, что хотятъ видѣть, въ финскихъ языкахъ, нарѣчія одного языка, между-тѣмъ какъ это языки совершенно отдѣльные, только общаго корня. Сходство ихъ между собою надо уподобить не сходству русскаго, моравскаго, польскаго и чешскаго, которые скорѣе можно назвать нарѣчіями, но сходству латинскаго, греческаго, славянскаго и германскаго съ одной стороны; персидскаго, зендскаго, санскритскаго съ другой. Всѣ эти семь языковъ неопровержимо составляютъ одно семейство, раздѣленное на двѣ отрасли, западную или европейскую (греческій, латинскій, германскій, славянскій, и восточную или азіятскую (персидскій, зендскій, санскритскій). Они имѣютъ многія формы и слова общія, одинаковую постройку слоговъ, одинъ и тотъ же порядокъ словъ, одну и ту же логику, но такъ перемѣшались другъ съ другомъ и съ посторонними языками, что сдѣлались на-видъ совсѣмъ разнородными и каждый изъ нихъ пустилъ отъ себя многочисленныя вѣтви, теперь уже самобытные языки, подраздѣляющіеся на десятки нарѣчій. Западную отрасль можно назвать языками бѣлокураго, восточную языками черномазаго поколѣнія одного и того же племени, которое назовемъ хоть персо-славянскимъ, или племенемъ средней полосы. Точно тотъ же феноменъ видимъ мы и въ языкахъ сѣверной полосы Азіи и Европы, которая нѣкогда отъ Желтаго до Балтійскаго Моря покрыта была также однимъ семействомъ языковъ, семействомъ монголо-финскимъ, тоже раздѣленнымъ на двѣ отрасли — восточную, азіятскую или черную, и западную, европей-

скую или бѣлую: къ отрасли сѣверныхъ языковъ народовъ черноволосыхъ принадлежатъ — монгольскій, маньчжурскій, турецкій; къ отрасли сѣверныхъ бѣлокурыхъ — вогульскій, пермскій, остяцкій, лапландскій, финскій, мадярскій, языкъ древнихъ Гунновъ, языкъ Бѣлыхъ Хазаровъ, вѣроятно и Бѣлыхъ Комановъ, и прочіе. Всѣ они также имѣютъ многія общія слова и формы, одинаковое строеніе слоговъ, одно и то же теченіе фразы, и свою особенную логику; но это отдѣльные языки, какъ въ первомъ семействѣ греческій, латинскій, славянскій, германскій и зендскій, или, какъ въ частности, италіянскій, русскій, нѣмецкій, персидскій, и такъ далѣе. Разсматривая предметъ съ этой точки зрѣнія, единственной, какую можетъ допустить нынѣшняя сравнительная филологія, не будетъ подлежать никакому сомнѣнію, что мадярскій языкъ принадлежитъ, во-первыхъ, къ семейству языковъ монголо-финскихъ, во-вторыхъ къ отрасли бѣлокурой этого семейства, западной, или финской; однимъ словомъ, что это одинъ изъ финскихъ языковъ, которыхъ онъ удержалъ весь характеръ, кромѣ множества формъ и словъ. Подробности о характерѣ финскихъ языковъ изложены въ статьѣ *Языкознаніе* *; здѣсь довольно будетъ упомянуть только объ одной ихъ чертѣ, весьма хорошо извѣстной петербургскимъ жителямъ: наши Чухны, произнося русскія и другія слова, которыя начинаются двумя или тремя согласными, всегда отсѣкаютъ начальные звуки и довольствуются одною согласною, говоря, напри-

* Статья эта не была написана, за прекращеніемъ Энц. Лекс. — *Изд.*

мѣръ, *тара* и *тала* вмѣсто «старая», *лупо* вмѣсто «глупо», *рога, рандъ* вмѣсто «строго» *strand* и такъ далѣе. Тоже самое дѣлаютъ и Мадяры; и эта странность, только забавная для многихъ, проистекаетъ изъ глубочайшихъ основаній языка всей рассы.

Въ нынѣшнемъ венгерскомъ языкѣ считаютъ почти столько же словъ славянскихъ, разумѣется, исковерканныхъ на мадярскій ладъ, сколько и подлинныхъ мадярскихъ; сверхъ того до восьми сотъ словъ латинскихъ и около пяти-сотъ турецкихъ. Венгерскіе энтузіасты утверждаютъ, что языкъ ихъ не имѣетъ никакихъ нарѣчій и не измѣнился нисколько втеченіи пяти послѣднихъ столѣтій, но на дѣлѣ можно отличить въ немъ два главные діалекта, раабскій и дебречинскій. Сверхъ-того языкъ простаго народа значительно разнится отъ языка людей образованныхъ и слѣдственно отъ литературнаго. *Секели*, которые живутъ въ Трансильваніи, говорятъ грубымъ нарѣчіемъ мадярскаго языка, наполненнымъ турецкими словами; эта часть венгерскаго народа, вѣроятно, составлена была первоначально изъ команскихъ поколѣній, къ которымъ еще присоединились Печенеги, и только приняла мадярскій языкъ. Энгель, однакожъ, въ своей Венгерской Исторіи доказываетъ, что Секели—настоящіе Мадяры.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ Венгерцы приняли буквы латинской азбуки для своего письма; но измѣнили значенія многихъ, и условнымъ соединеніемъ нѣкоторыхъ буквъ выражаютъ звуки неизвѣстные Латинамъ. Такъ, напримѣръ, буква S выговаривается какъ *ш*,

Cs, *Ts* — какъ ч, *Dcs*.—какъ *дж*, *Zs* какъ *ж*, *Sz* какъ *с*; *z* какъ *з*. Гласныя буквы у Венгерцевъ двоякія: однѣ, безъ удареній, которыя произносятся быстро, почти незамѣтно, сохраняя только часть своего музыкальнаго значенія; другія, съ удареніемъ, или протяженныя. Эта особенность придаетъ совершенно оригинальный характеръ венгерскому произношенію, который, чтобы его ясно постигнуть, надобно слышать изъ устъ туземца. Быстрое или протяжное произношеніе гласныхъ совершенно измѣняетъ значеніе словъ; напримѣръ kar (произносится почти *кр* значитъ «рука»; kár, нѣсколько протяжно, «убытокъ»; *kèrek*—кругло, *krèk* — колесо, *kerek*, я прошу. Въ венгерскомъ языкѣ нѣтъ собственно двугласныхъ: въ немъ ясно выражаются всѣ гласные и согласные звуки, входящіе въ составъ другихъ европейскихъ языковъ, и кромѣ того онъ обладаетъ звуками, которые извѣстны и рускому, dy, ny, ly, ty, гдѣ гласная у придаетъ предществующей согласной тонъ мягкій, подобный тому, какой эта согласная имѣетъ у насъ передъ *е*, *ѣ*, *я*, *ю*, или *ь*. Иногда эти мягкія согласныя удвояются. Венгерскій языкъ, какъ мы уже сказали, въ началѣ слога, не допускаетъ болѣе одной согласной; въ иностранныхъ словахъ, которыя начинаются двумя согласными, Венгерецъ отсѣкаетъ первую, подобно Чухнамъ, или приставляетъ гласную въ началѣ (такъ, напримѣръ, изъ латинскаго *schola* онъ дѣлаетъ *iscola*.) или вставляетъ ее между двумя согласными: такъ изъ славянскаго *краль*, онъ образуетъ király, «король». Такимъ точно образомъ вліяніе финнизма, при распро-

страненіи славянскаго языка на сѣверѣ, растворило полянскія слова *глова*, *крова*, *брода* — въ *голова*, *корова*, *борода*, и придало русскому отличительный его характеръ финскаго вокализма. Языкъ венгерскій имѣетъ постоянный законъ въ послѣдованіи гласныхъ, какъ турецкій и многіе финскіе языки; не знаетъ различія родовъ; обиленъ склоненіями и спряженіями; имѣетъ два члена; большая часть видоизмѣненій словъ, падежи, залоги, наклоненія, единственное и множественное число, образуетъ черезъ присоединеніе частицъ, *suffixa*, *affixa*, къ корню, который не измѣняется. Все это особенности общія ему съ другими языками монголо-финскаго семейства. Правильный сингармонизмъ въ сочетаніи гласныхъ буквъ съ согласными, богатство коренныхъ словъ и легкость, съ которой образуются отъ нихъ производныя, особенный способъ выговора и произношенія — все это придаетъ ему характеръ какой-то пышности и мужественнаго благозвучія. Ему долго не доставало литературной отдѣлки, но эта эпоха наступила въ наше время, и теперь сдѣлано уже многое для образованія теоріи языка.

—

ВИЧЪ и ВНА.

Окончанія именъ отчественныхъ. Въ Россіи, лица, бесѣдующія въ обществѣ, называютъ другъ друга не только по имени, которое дано при крещеніи, но еще и по имени отцовскому, съ окончаніемъ *вичъ*, напр. Василій Иванов*ичъ*. Тоже наблюдается и въ женскомъ

родѣ, съ измѣненіемъ только *вича* на *вна*: Марья Иванов*на*. Въ духѣ русскаго языка, это есть выраженіе учтивости, какъ на словахъ, такъ и на письмѣ. Нынче, всѣ безъ разбора, чествуютъ другъ друга *вичами*; но встарину почесть эта принадлежала только первѣйшимъ и знатнѣйшимъ особамъ, князьямъ великимъ и удѣльнымъ, царямъ, боярамъ и думнымъ людямъ, кромѣ дьяковъ, а изъ прочихъ никого, безъ повелѣнія государева, такъ не чествовали: одни только рабы *вичили* своихъ господъ. Такое преимущество государи жаловали своимъ подданымъ за важныя заслуги. Довольно странно, что нынѣшняя русская знать, особы «большаго свѣта», отрекаются теперь отъ почести, которою предки ея такъ дорожили: вы не можете теперь въ золоченныхъ и благоуханныхъ гостиныхъ Петербурга никого чествовать Иваномъ Ивано*вичемъ*, и еще менѣе Анною Петро*вною*. Вмѣсто отчествъ вошли въ этомъ кругу въ употребленіе французскіе титулы monsieur и madame, которые слышатся даже среди русскаго разговора. Древняя народная учтивость, которая такъ громко звучала *вичами* и *внами*, предоставлена казеннымъ бумагамъ и среднему кругу, отъ котораго она нисходитъ все ниже и ниже: простой народъ съ радостью принимаетъ изгнанницу и со-временемъ только одинъ онъ и будетъ учтивъ по-русски. Нельзя съ точностью показать времени, когда государи наши стали награждать *вичами*: вѣроятно, не прежде исхода XV столѣтія, время, въ которое обряды при дворѣ начали измѣняться, ввелось употребленіе постоянныхъ родовыхъ прозваній, по-

явились небывалые чины и должности, составился боярскій списокъ, и прочая. Изъ письменныхъ памятниковъ, къ этому относящихся, древнѣйшій, какъ намъ извѣстно, восходитъ не далѣе 1582 года: тогда царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный далъ купцу Строганову, за исцѣленіе Бориса Годунова, право именоваться съ *вичемъ* (Карамз. IX, прим. 618); но вѣроятно почесть эта жаловалась и гораздо раньше. Далѣе, въ 1610 году, царь Василій Іоанновичъ пожаловалъ Андрея, Никиту, Петра и Максима Строгановыхъ, и за ихъ прямыя службы, велѣлъ ихъ въ «своихъ великаго государя грамотѣхъ писать *съ вичемъ*». Въ 1680 году царь Өедоръ Іоанновичъ, указомъ 21 декабря, повелѣлъ «думныхъ дьяковъ писать въ своихъ государевыхъ грамотѣхъ *съ вичемъ*, а въ боярскомъ спискѣ по прежнему». Обычай этотъ существовалъ еще и при Петрѣ Великомъ, который 2 марта 1697 указалъ «Князя Якова Өедорова сына Долгорукаго писать стольникомъ и воеводою и *съ вичемъ*», а въ 1700 году удостоилъ такой же почести именитаго человѣка Григорья Строганова и дѣтей его. Награда эта совершенно прекратилась съ 1702 года.

Частичкою *вичъ* выражали всегда — «сынъ такого-то». Въ лѣтописяхъ читаемъ, что въ 1193 году Святославъ послалъ къ Рюрику сказать: «Се ты снимался съ Половцы съ Лукоморскими, а нынѣ пошелъ по вся по *Бурчевичи*. И посла Рюрикъ по Лукоморскихъ, по Якуша и по Италыя, а Святославъ по *Бурчевичъ* по Өеолука и по Изая». Двое послѣдніе не были дѣти какого-то Бурчея, а принадлежали къ одному изъ

племенъ половецкихъ, называвшемуся *Бурчъ-Оглы* (Histoire des Mongols par d'Ohsson, 1,339), что̀ по-турецки значитъ — сыны Бурча; поэтому Русскіе, перевели ихъ, по свойству своего языка, *Бурчевичами.* По аналогіи, глава семейства считается отцемъ всѣхъ своихъ домочадцевъ: вотъ почему дружины старинныхъ князей и бояръ назывались ихъ именами съ отческимъ окончаніемъ. Въ 1176 году Мстиславъ и Ярополкъ ополчились на Михаила и Всеволода. Враги встрѣтились недалеко отъ Владиміра (на Клязьмѣ). И при этомъ случаѣ лѣтопись говоритъ: «И поидоша *Мстиславичи* кличуще, яко пожерти хочаще» (Радз., 260). Тоже самое доказываетъ окончаніе въ словахъ: брата*ничъ*, сестри*чичъ*, то есть, сынъ брата, сестры. Правильнѣе слѣдовало бы говорить и писать *ичъ* (а не вичъ); но какъ Русскіе, въ словахъ, начинающихся съ *и* и *о*, любятъ ставить впереди *в* (простой нашъ народъ говоритъ *виноходецъ* вмѣсто иноходецъ, *восемь*, вмѣсто осьмъ, *воспа* вмѣсто оспа; у Чеховъ *воко* вмѣсто око); то окончаніе *ичъ*, превратившееся потомъ въ существительное, сдѣлалось *вичемъ*.

Къ тому же началу и значенію должно отнести народныя названія различныхъ славянскихъ поколѣній, какъ напримѣръ *Кривичи, Лютичи* и прочія: Кривичи значитъ сыны *Криве* (названіе великаго жреца литовскаго), Лютичи — сыны *Люта.* Въ такомъ же собирательномъ смыслѣ мы говоримъ — Моск*вичи*, Пско*вичи.* Многія имена мѣстъ, оканчивающіяся на *ичи,* напримѣръ Боро*вичи*, напоминаютъ тоже названія маленькихъ поколѣній.

Всѣ славянскіе народы употребляютъ или употребляли окончаніе *ичъ* и *вичъ* для выраженія происхожденія отъ такого-то отца. Окончаніе это есть только одна изъ уменьшительныхъ формъ именъ существительныхъ: Ивановичъ — не что̀ иное какъ уменьшенный Иванъ. Древніе Греки выражали это уменьшеніе въ своихъ собственныхъ именахъ посредствомъ окончанія *идесъ*. Малороссіяне замѣняли его часто окончаніемъ *енко*, напримѣръ Павленко, Васильченко, и такъ далѣе. Слѣдовательно, чествованіе *вичами* есть собственно выраженіе нѣжности и ласки. Оно служило для образованія уменьшительныхъ не только отъ собственныхъ именъ людей, но и отъ именъ нарицательныхъ: у насъ говорили — царевичъ, королевичъ, княжичъ, слово, которымъ предки наши въ язычествѣ называли также мѣсяцъ, или луну, желая выразить этимъ, что онъ маленькой князь, сынъ «князя», то есть, солнца; а въ польскомъ языкѣ онъ до-сихъ-поръ носитъ это названіе, xiezyc. У другихъ славянскихъ поколѣній окончаніе *ичъ* и *вичъ* придавалось даже къ названіямъ разныхъ предметовъ, для выраженія уменьшенія, ласки, сыновства. Отсюда это множество фамильныхъ названій на *вичъ* и *ичъ* у южныхъ Славянъ и у Литовской Руси, отъ которой они перешли къ намъ. Большая часть такихъ литовско-русскихъ названій произошла отъ прибавленія окончанія *вичъ* или *ичъ* къ уменьшительнымъ формамъ крестныхъ именъ: Ходкевичъ, Мицкевичъ напримѣръ, суть только русскія отечества, образованныя изъ *Ходько* или *Хводько*, то есть Ѳедька, Митька (Дмитрій), и значитъ сынъ Ѳедьки, сынъ

Митьки, и такъ далѣе. Тамъ, гдѣ *вичъ* сдѣлалось средствомъ составлять фамильныя названія, учтивость, которую мы выражаемъ помощію отчествъ, переселилась въ названія чиновъ или должностей, въ которыхъ нѣкогда служили отцы. Такъ во всей Польшѣ и прежнихъ литовскихъ областяхъ общественная вѣжливость требуетъ знать, не имя отца того лица, къ которому вы обращаетесь въ разговорѣ или письмѣ, но чинъ или должность отцовскіе, и изъ этихъ титуловъ образуете вы отчество для своего собесѣдника или корреспондента: если отецъ былъ судья, президентъ, совѣтникъ, губернаторъ, генералъ, вы должны называть сына *судьичемъ* (маленькимъ судьей), *президентовичемъ*, *совѣтниковичемъ*, *губернаторовичемъ*, *генераловичемъ* и такъ далѣе, дочь — *судьянкою (енко, анко,* какъ сказано прежде, то же *вичъ), президентовной*, *совѣтниковной*, *генераловной*. Если отецъ не заслужилъ самъ никакого чина и не занималъ должности, то, изъ этихъ титулярныхъ отчествъ, дѣлаются новыя отчества: сынъ президентовича будетъ *президентовичовичъ*, а дочь его — *президентовичевна*. Иногда такія отчества вытягиваются на всю длину смѣшнаго черезъ прибавленіе трехъ, и четырехъ *вичей* для третьяго или четвертаго поколѣнія недорослей, и въ такихъ случаяхъ, для избѣжанія непріятнаго созвучія, сыны, правнуки и праправнуки сына судьи или шамбелляна позволяютъ титуловать себя отчествомъ своего предка и навсегда остаются *судьичами* и *шамбелляничами*, а дочери *судьянками* и *шамбеллановнами*,

съ прибавленіемъ, для первыхъ, слова «панъ» а для вторыхъ «панна». Супруга *судьича* или *генераловича* заимствуетъ свое отчество отъ титула мужа, и называется *судьина*, *генералова*. Примѣчательно, что собственныя имена, оканчивающіяся на *вичъ*, превращаются тамъ для дочерей въ *овна*, а для женъ въ *ова*: жена Ходкевича подписывается — *Ходкевичова*, дочь — *Ходкевичовна*.

Не должно думать, чтобы выраженіе учтивости, посредствомъ смягченія отцовскаго имени частицею *вичъ*, *ичъ*, *енко*, и прочая, ограничивалось однимъ славянскимъ племенемъ и было отличительною его чертою. Обычай этотъ восходитъ до глубочайшей древности и былъ общій Западу и Востоку. Греки, какъ мы сказали, имѣли подобную частицу *идесъ* или *идисъ*, которую они прибавляли къ отцовскому имени: въ самомъ первомъ стихѣ «Иліады» Гомеръ называетъ героя своего «Ахилломъ Пелеевичемъ». Во второй книгѣ той же поэмы, Агамемнонъ, поссорившись съ Ахилломъ, и чувствуя себя въ затруднительномъ положеніи, посылаетъ двухъ царей, Улисса и Нестора, обойти весь станъ греческій, осмотрѣть все, и говорить со всѣми какъ-можно учтивѣе, называя каждаго «по имени и *по имени отца его*». То же самое было въ употребленіи и въ эпоху высочайшей греческой образованности: Ѳукидидъ расказываетъ, что во время осады Сиракузъ, Никонъ, полководецъ аѳинскій, разбитый въ гавани флотомъ Сиракузцевъ, желая ободрить своихъ, обращался съ покорною просьбою ко всѣмъ начальникамъ кораблей, уговаривалъ ихъ не терять муже-

ства, и каждаго изъ нихъ называлъ не иначе какъ «по имени и отчеству». Кажется поэтому, что имя отчество было у Грековъ, какъ и у насъ встарину, доказательствомъ великаго снисхожденія со стороны старшихъ, когда они обращались къ низшимъ или подчиненнымъ. Изъ Аристофана и другихъ классическихъ писателей мы видимъ, что равные съ равными, желая быть очень учтивыми, что̀ впрочемъ случалось съ ними рѣдко, довольствовались однимъ только отчествомъ, не упоминая имени, почти также какъ наши простолюдины, которые говорятъ «Карпычъ», «Ѳедоровна», безъ прибавленія крестнаго имени. Всѣ германскія и кельтійскія поколѣнія почитали также учтивостью называть равныхъ по отчеству, а высшихъ по имени и отчеству, и если обычай этотъ у нихъ истребился, это надобно приписать вліянію римской образованности: сначала грубые разбойники, потомъ грубые хлѣбопашцы, Римляне очень долго чужды были всякихъ формъ учтивости, пока имперія не ввела у нихъ раболѣпныхъ титловъ «господинъ» и «рабъ», *dominus*, *servus*, и прочая, и эти титулы вмѣстѣ съ законодательствомъ и просвѣщеніемъ владыкъ міра приняты были всѣми западными народами, въ томъ числѣ и многими славянскими, и отняли значеніе вѣжливости у древнихъ частицъ, соотвѣтствующихъ нашимъ *вичамъ*. Кельтійскія поколѣнія употребляли въ этомъ смыслѣ частицы *Мекъ* (Mac) и *O*, которыя ставили они впереди именъ: Macdonald, O'Donnel, O'Connell, значатъ слѣдственно *Дональдовичъ*, *Коннеличъ*. Германскіе народы прибавляли въ концѣ именъ слово *son*,

сынъ, или сокращенно *s;* но въ ту эпоху, когда начинается ихъ письменность, окончанія эти лишены уже римскою образованностью всякаго смысла ласки и учтивости. Въ полной силѣ своей они являются только въ Скандинавіи, у Норманновъ, и особенно у Исландцевъ, которые долѣе всѣхъ другихъ народовъ избѣгали вліянія Рима и дочери его, Италіи среднихъ вѣковъ. Въ сагахъ окончаніе *son* выражаетъ всегда учтивость къ старшему и, особенно, почтеніе къ царской крови: эти памятники древняго Сѣвера, говоря о конунгахъ и витязяхъ, называютъ ихъ не иначе какъ по имени и отчеству, Harald Erikson, Bioern Sigurdson, Roerik Scaldson, что̀ выражаетъ въ точности — Гаральдъ Эриковичъ, Бьорнъ Сигурдовичъ, Рюрикъ Скальдовичъ (Оскольдовичъ). И надобно замѣтить, что Норманны были весьма пристрастны къ этому обычаю патріархальной древности, и, даже забывая свой языкъ, подъ вліяніемъ другихъ нравовъ и чужой образованности, сохраняли еще уваженіе къ имени и отчеству. Французскіе Норманны, покоривъ Англію при Вильгельмѣ Завоевателѣ, употребляли еще въ этомъ смыслѣ французское слово fils или fitz (произнося — *физъ*), и принцы ихъ, съ прибавленіемъ крестнаго имени, назывались Fitz-William, Fitz-James, и прочая, что̀ значитъ — Вильгельмовичи, Яковлевичи. Fitz-roy (*физъ-рой*, *физъ-роа*), «королевичъ», сдѣлалось впослѣдствіи обыкновеннымъ названіемъ побочныхъ сыновей короля, когда законнорожденные сыновья, по феодальному обычаю, начали употреблять, вмѣсто именъ и отчествъ, титулы герцоговъ и графовъ

ленныхъ областей. Весьма вѣроятно, что высокое почетное значенiе *вичей* утверждено и у насъ Норманнами, или такъ-называемыми Варягами. Первыя наши лѣтописи называютъ по имени и отчеству однихъ только князей; и хотя ласка, которая выражается смягченiемъ или продолженiемъ отцовскаго имени, не была неизвѣстна народу, однако жъ старшiе саномъ, по норманнскому и греческому обычаю, не считали себя обязанными прибѣгать къ ней безъ особенной нужды. Даже впослѣдствiи, какъ мы видѣли, употребленiе ея приведено было въ порядокъ и оно превратилось въ государственную награду. Нельзя не пожалѣть, что нынѣшнее отвращенiе ко всему невыписанному изъ-за границы, налагаетъ печать дурнаго тона на форму учтивости, столь народную и связанную съ воспоминанiями самой почтенной древности Грецiи и Сѣвера, геройскаго и поэтическаго.

—

ВОЛГА.

(Названiя ея.)

Грецiя была первая на землѣ свѣтлая точка, откуда началъ постепенно распространяться кругъ образованности, который потомъ обнялъ и заключилъ въ своихъ предѣлахъ всю Европу; и въ Грецiю мало-помалу притекали свѣденiя объ отдаленныхъ земляхъ, покрытыхъ мракомъ невѣжества, свѣденiя, изъ которыхъ создалась наконецъ наука географiи. Земли, эти разумѣется, искони были, какъ-нельзя лучше извѣст-

ны племенамъ, которыя въ нихъ обитали, и ихъ ближайшимъ полудикимъ сосѣдямъ; но они не были извѣстны человѣчеству, пока Греція, впослѣдствіи его наставница, не записала ихъ въ свои безсмертныя книги. Такимъ-образомъ и исторіи нашей знаменитой Волги должны мы искать въ памятникахъ просвѣщенія Греціи. Гомеръ, первый мудрецъ начинавшаго свое ученіе человѣчества, еще не зналъ о существованіи Чернаго моря, и слѣдственно Волга не могла быть ему извѣстна. Аргонавты знали однакожъ Черное море, и даже слышали о Донѣ (Tan, Tana, Tanais); но свѣденія, которыя доставила ихъ экспедиція, послужили греческимъ умозрителямъ къ образованію странной географической теоріи, которая должна была на долгое время остановить въ ихъ отечествѣ успѣхи ближайшаго познанія Сѣвера. По этой теоріи полагали, что земля есть плоскій кругъ, опоясанный *Рѣкою* Океаномъ и что Донъ, выходя изъ этой окружной рѣки, вливаетъ часть водъ ея въ Понтъ Эвксинскій, откуда онѣ, черезъ Босфоръ и Геллеспонтъ (Дарданеллы), втекаютъ въ великій *средиземный* бассейнъ вселенной, «Средиземное Море». Оттого, до путешествій Геродота, греческіе ученые не только не знали Волги, но даже, когда бъ кто-нибудь сказалъ имъ объ ней, не могли вѣрить существованію огромной сѣверной рѣки, которая, отдѣляясь по-необходимости тоже отъ окружной *рѣки* Океана, вливалась бы въ небольшое отдѣльное водохранилище, не сообщающееся съ главнымъ центральнымъ средиземнымъ. Въ Геродотѣ находимъ мы первое положительное свѣденіе о существованіи

Каспійскаго моря, или «озера», какъ отдѣльнаго водохранилища, и даже темное понятіе о другомъ маленькомъ бассейнѣ, Аральскомъ озерѣ, которое отецъ исторіи называетъ «болотами». Геродотъ уже не только вѣрилъ въ возможность Волги, но и сообщилъ объ ней нѣкоторыя извѣстія, смѣшавъ однакожъ ея названіе *Ра* или *Рау*, съ именемъ другой рѣки, *А-расъ*, Араксъ, Araxes: такъ онъ называлъ Волгу. При постепенномъ распространеніи греческихъ колоній на берегахъ Чернаго моря, она конечно сдѣлалась болѣе, и даже очень хорошо извѣстною многимъ Грекамъ, особенно торгующему классу, въ которомъ Волга славилась уже подъ настоящимъ своимъ именемъ, «Ра», а не Аракса; но разсказы торговцевъ, какъ свѣденія изустныя, сбивчивыя и подверженныя противорѣчіямъ, съ трудомъ проникали въ книги. Надобно однакожъ замѣтить это древнее слово Ра, или Рау, потому, что оно подаетъ поводъ къ любопытному филологическому сближенію. Извѣстно, что оно означало также ревень, rha barbarum, rhau-barbarum, rhubarbe. «Недалеко отъ Дона, говоритъ Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 16), течетъ рѣка Ра, Rha, на берегахъ которой водится одинъ растительный корень того же имени, годный на различныя лекарственныя употребленія». Невозможно не примѣтить въ русскомъ словѣ «ревень», *рев-ень*, этого древняго звука *ра* или *рау*, названія и рѣки Волги, и корня, который ее прославилъ. Къ какому скиѳскому языку принадлежалъ этотъ звукъ и какъ онъ перешелъ къ намъ, напрасно было бы даже догадываться: но, во всякомъ случаѣ, это простое сло-

во есть любопытный обломокъ древнѣйшихъ воспоминаній міра скиѳскаго и міра классическаго.

Птоломей и Помпоній-Мела имѣли еще очень невѣрное понятіе о теченіи Волги: оба полагали, что эта рѣка имѣетъ два устья, одно въ Каспійское море, а другое въ Азовское; смѣшивая такимъ образомъ Волгу и Донъ, которые, видно, разсказчики тѣхъ временъ часто принимали за одну рѣку, хотя другіе утверждали противное. Птоломей, зная навѣрное о самобытности Дона, какъ отдѣльной рѣки, чтобы выпутаться изъ этихъ противорѣчій, предположилъ, что второе устье Волги находится *по-близости* Дона: «есть и другое устье рѣки Ра, говоритъ онъ, близкое къ устью Дона». Помпоній предпочелъ пустить оба устья въ Каспійское Море. Эратосѳенъ и Страбонъ, напротивъ-того, соединяли Каспійское Море, которое, по ихъ мнѣнію, составляло только заливъ Океана, узкимъ проливомъ съ сѣверною частью этого окружнаго водохранилища: очевидно, они принимали Волгу за проливъ, и такимъ образомъ она исчезала на ихъ картахъ. Какъ бы то ни было, темныя теоріи Волги у этихъ писателей не должны служить доказательствомъ, что въ ихъ время еще очень мало знали объ этой знаменитой рѣкѣ: ученыя часто узнаютъ послѣдніе о томъ, что́ извѣстно всякому. Изъ словъ самого Помпонія видно, что Волга была рѣка, «славная» между его соотечественниками; въ описаніи Каспійскаго Моря онъ говоритъ: «Многія рѣки, великія и малыя, втекаютъ въ этотъ заливъ (Помпоній полагалъ тоже, что Каспійское Море есть заливъ Океана, на которомъ плаваетъ

кругъ земной); но *славнѣйшія* изъ нихъ, которыя выходятъ изъ горъ Керауиійскихъ, суть: «Волга», и прочая. Разсматривая всѣ подобныя свѣденія, надо всегда помнить, что невѣжество древнихъ географовъ относительно этихъ странъ, не было невѣжество натуральное: оно поддѣльное, и объясняется самою ихъ ученостью; они съ умысломъ искажали народныя извѣстія, чтобъ согласить ихъ съ своей знаменитою теоріей о плоскости земли и Окружномъ Океанѣ, теоріей, которая препятствовала имъ допустить самобытность отдѣльнаго Каспійскаго моря, и тѣмъ болѣе заставляла отвергать слухи о существованіи еще и Арала. Если Птоломей, который зналъ навѣрное, что Ра не проливъ, а рѣка, провелъ второе устье Волги въ Азовское море, то причиною этого промаха несомнѣнно было глубоко соображенное желаніе облегчить Каспій и влить часть водъ огромной Волги въ Понтъ Эвксинскій, откуда онѣ могли бы пробраться въ центральный бассейнъ земли, Средиземное море. Греки, родившіеся въ колоніяхъ Чернаго моря, и путешественники имперій Александра Великаго и Римской, которые посѣщали эти города, не могли не имѣть ясныхъ понятій о Волгѣ и не разнести славы ея по древнему образованному міру: эта рѣка составляла важную черту и для переправы кочевыхъ племенъ, которыхъ движенія часто угрожали судьбѣ эвксинскихъ колоній, и для перехода каравановъ; на Волгѣ лежалъ базисъ политическій и коммерческій тѣхъ странъ, и еще во времена Геродота, торговый путь, Via mercatorum, изъ Средней Азіи къ берегамъ Чернаго моря, пересѣ-

калъ Волгу. Черезъ нее-то переправлялись издѣлія Бактріаны и Персіи и произведенія Индіи, которыя азіятскіе купцы промѣнивали на дорогіе мѣха Скиѳовъ и на бѣлокурыхъ невольницъ сѣвера. Торговля эта, какъ извѣстно, продолжалась до открытія морскаго пути въ Индію около Мыса Доброй Надежды; въ ея систему входили постепенно греческія колоніи въ Тавридѣ, Итиль, или Атель, столица Хазаровъ; Великій Болгаръ, Кіевъ, Новгородъ, поселенія Генуэзцевъ въ Крыму и наконецъ Астрахань: и древняя Ра, подъ разными именами, была для нея основаніемъ столько же, какъ для политики народовъ, которые изъ Азіи, въ разныя времена, вторгались въ Европу между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ. Геродотова Via mercatorum и до-сихъ-поръ не совсѣмъ уничтожилась: караваны, которые приходятъ изъ Хивы въ Астрахань, суть послѣдній остатокъ этой знаменитой торговли, въ которой Волга играла роль столь замѣчательную.

Въ средніе вѣка классическое имя Волги, «Ра», было забыто; явилось новое, принесенное съ одной стороны народами, которые изъ нѣдръ Скиѳіи и Сарматіи выходили воевать Римскую Имперію, съ другой Аравитянами, которыхъ держава простиралась до Дербента, а путественники, богословы и купцы, проникали до столицы Хазаровъ и Великаго Болгара. Это новое названіе было *Итиль*, *Этель*, *Этиль*, *Атель*, смотря по выговорамъ и правописаніямъ. Арабскіе географы, которые придерживались теоріи древнихъ насчетъ Океана и между-тѣмъ знали, что Каспій не

имѣетъ съ нимъ сообщенія, рѣшили трудность, назвавъ Каспійское море «озеромъ». и съ-тѣхъ-поръ, ничто не мѣшало вѣрить разсказамъ о длинномъ теченіи и источникахъ Волги. Они, вообще, хорошо знали эту рѣку. Въ древности, подвижные народы слишкомъ часто мѣнялись владѣніями своими по Волгѣ, и географы обыкновенно говорили, что она течетъ въ земляхъ Скиѳовъ или Сарматовъ. Но въ средніе вѣка, Аравитяне уже имѣли правильную географію Волги. По Якуту, Ибнъ-Халледуну и ихъ послѣдователямъ, хазарская держава заключала въ себѣ устья Волги и теченія ея, до границъ земли Буртасовъ, которые занимали нынѣшнюю Саратовскую губернію и часть Симбирской. За землею Буртасовъ, далѣе на сѣверъ, лежала по берегамъ Волги держава Булгаровъ. Остается сказать еще о третьемъ, новѣйшемъ названіи рѣки: нынче она, какъ извѣстно, называется *Волгою* во всей Европѣ, которая заимствовала это имя у Русскихъ; въ Азіи, между-тѣмъ, сохраняетъ она у всѣхъ народовъ названіе, которое носила въ среднія времена: тамъ до-сихъ-поръ зовутъ ее Итилемъ или Идилемъ. Откуда взяли Русскіе ея нынѣшнее имя, которое въ нашихъ лѣтописяхъ появляется съ самаго начала Руси? Производство его отъ слова «влага» не можетъ выдержать критики: оно совершенно смѣшно и должно быть оставлено. Иные усматривали сходство между звуками словъ «Волга» и «Болгаръ». Профессоръ Сенковскій предложилъ слѣдующее объясненіе: слово *итиль*, изъ какого бы языка оно ни происходило, значило первоначально «рѣка»; понынѣ остают-

ся въ татарскихъ нарѣчіяхъ слѣды употребленія его въ этомъ значеніи; а слово *волга* по необходимости должно быть прилагательное имени *итиль;* потому-что оно несомнѣнно значитъ — святой. Оно до-сихъ-поръ существуетъ въ языкѣ одного изъ приволжскихъ народовъ, именно, Черемисовъ, и не одинокое, а съ своими производными. Въ этомъ можно убѣдиться доказательствами не далѣе какъ изъ Аделунгова «Митридата», гдѣ на страницахъ 544 и 545 перваго тома встрѣчаются двѣ формы черемисскаго глагола «святиться», *волгалтешъ* и *волгусертешъ*: tinin lumet volgusertes и tinin lumet volgaltesch, «твое имя да *святится»*. Такимъ образомъ, слово *волга* принадлежитъ несомнѣнно къ финскому корню, и вѣроятно было общимъ многихъ финскихъ языковъ; но славянское слово «святой», вытѣснило его изъ нихъ при появленіи христіанства. У Мордвы, вмѣсто *волга*, находимъ мы уже *светой;* у Венгровъ *сенти* (свѣнтый); даже и у Черемисовъ, въ третьемъ, новѣйшемъ переводѣ того же выраженія, взамѣнъ *волгалтешъ*, подставлено уже *светой-лиша*. Нельзя не заключить изъ всего этого, что мы дѣйствительно заимствовали названія Волги у какого-нибудь изъ финскихъ племенъ, обитавшихъ, или доселѣ обитающихъ при этой рѣкѣ. Въ такомъ случаѣ, оба названія: Волга (святой) и Итиль, или Идиль (рѣка) очевидно составляли нѣкогда географическій терминъ, *Волга-Идиль*, который значилъ «Святая Рѣка», и котораго одна половина осталась у насъ въ Европѣ, а другая въ Азіи. Въ русскомъ простонародномъ выраженіи «Волга-рѣка», слово «рѣка» ка-

жется простою замѣною равнозначащаго слова *идиль*. Весьма желательно, чтобъ тѣ, которые имѣютъ сношенія съ племенами финскаго колѣна, живущими при Волгѣ или по близости ея, если только они знакомы съ правилами хорошихъ филологическихъ изслѣдованій, разыскали по этимъ указаніямъ слѣды словъ *волга* и *идиль* и ихъ различныя значенія у тамошнихъ народовъ.

—

ГАЛВАНИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГІЯ ФАРЕДѐ.

Здѣсь мы скажемъ только о новой галванической терминологіи Фаредѐ, которая уже принята многими физиками въ новѣйшихъ сочиненіяхъ и мемоарахъ объ электричествѣ и можетъ приводить въ затрудненіе нѐ одного изъ читателей. Донынѣ всѣ называли одинъ конецъ Вольтова столба полюсомъ «положительнымъ», а другой «отрицательнымъ», и полагали, что при разложеніи тѣлъ помощію галваническаго тока положительный полюсъ притягиваетъ себѣ вещества, одаренныя электричествомъ отрицательнымъ, или, короче, «вещества электро-отрицательныя», какъ напримѣръ кислоты, и отталкиваетъ къ отрицательному полюсу вещества, одаренныя электричествомъ положительнымъ, или «электроположительныя», какъ напримѣръ щелочи. Фаредѐ отвергаетъ всѣ эти понятія и ихъ назва-

нія. Его новая терминологія основана на слѣдующихъ выводахъ, подкрѣпляемыхъ всѣми его опытами: 1. Въ Вольтовомъ столбѣ *нѣтъ ни притяженія ни оттолкновенія* электрическаго, и слѣдовательно, *нѣтъ полюсовъ;* 2. Въ Вольтовомъ столбѣ, какъ скоро зарядивъ его, соедините два его конца проволоками или, какъ говорится, «замкнете галваническую цѣпь», въ то самое мгновеніе учреждается настоящій круговой токъ электричества, которое выходитъ изъ одного конца столба, течетъ по проволокамъ и опять вступаетъ въ столбъ другимъ концомъ его; 3. Дѣйствіемъ такого безпрерывнаго теченія, частицы вещества сложныхъ тѣлъ, растворенныхъ въ водѣ, помѣщаемой между оконечностями проволокъ, *освобождаются отъ своего состава*, однѣ около оконечности проволоки, изъ которой токъ выходитъ, а другія около оконечности проволоки, черезъ которую онъ обратно вступаетъ въ столбъ, и эти частицы тутъ же осаждаются на оконечностяхъ проволокъ. Такимъ образомъ, какъ скоро «замыкается галваническая цѣпь», мы имѣемъ въ столбѣ правильное кругообращеніе электричества или, короче, электрообращеніе, или, какъ Фаредѐ выражается, *токъ кружащаго сродства*, а current of circulating affinity; потому-что электричество онъ называетъ «сродствомъ», affinitas. Это электрообращеніе очень похоже на кровообращеніе: такъ точно и кровь, вышедши изъ сердца, стремится по артеріямъ къ ихъ оконечностямъ, невидимо проникаетъ по волоснымъ сосудамъ, и входитъ въ оконечности венъ, чтобы опять возвратиться въ сердце. Сердце въ этомъ

случаѣ представляетъ столбъ; ушки его — пути входа и выхода; артеріи и вены — проволоки; помѣщенные между оконечностями артерій и оконечностями венъ волосные сосуды — стклянку съ жидкостью или какимъ-нибудь растворомъ, въ который погружены оконечности проволокъ и гдѣ электрическій токъ, стремящійся изъ одной оконечности въ другую, производить галваническое разложеніе раствора. Этимъ сравненіемъ мы хотимъ только яснѣе очертать электрообращеніе, не говоря отнюдь того, чтобы въ крови или сердцѣ заключалось какое-нибудь электрическое дѣйствіе. Но само собою разумѣется, что при такихъ понятіяхъ о дѣлѣ, не можетъ быть и рѣчи о «полюсахъ» въ галваническомъ столбѣ: можно допустить только конецъ, мѣсто, поверхность, въ которые электричество выходитъ изъ столба, и конецъ, мѣсто, поверхность, которыми оно опять входитъ въ столбъ; верхній конецъ, и нижній конецъ столба; словомъ — *выходъ* и *входъ*, или два *электрическіе хода*. Такъ именно Фаредè и понимаетъ движеніе Вольтова электричества, и потому прежній терминъ «полюсъ» онъ замѣнилъ сложнымъ греческимъ словомъ Electrode, которое составлено изъ electron, электричество, и hodos, ходъ, и прекрасно переводится по-русски словами «электрическій ходъ». Здѣсь почти и ненужно измѣнять звуковъ: греческое hodos или hod, столь сходно и звуками и значеніемъ съ нашимъ словомъ «ходъ», что терминологія Фаредеева, хорошо переведенная, нисколько не будетъ затруднительна для Русскихъ: напротивъ того, она въ состояніи вдругъ дать очень

ясное понятіе о существѣ галваническаго дѣйствія даже незнакомому съ предметомъ. Попытаемся перевести ее.

Такимъ-образомъ, какъ мы сказали, столбъ не имѣетъ ни положительныхъ ни отрицательныхъ, то есть, ни притягивающихъ ни отталкивающихъ «полюсовъ», но имѣетъ только:

1. Два конца, верхній и нижній, на которыхъ открываются два *электрическихъ хода*, Electrode, для *электрообращенія* или *сродствообращенія*, circulating affinity, cirkulirende Affinität.

2. Одинъ изъ этихъ концовъ, верхній (прежній положительный полюсъ), въ который токъ электрообращенія выходитъ изъ столба, названъ у Фаредѐ *восходомъ* Anode отъ ano (вос) «вверхъ» и hodos «ходъ»; а другой конецъ, нижній (прежній отрицательный полюсъ), по которому электричество сходитъ, возвращаясь въ столбъ, получилъ названіе Kathode, *нисхода*, отъ katô, «низъ», и hodos, «ходъ».

3. По изысканіямъ Фаредѐ, только извѣстныя тѣла могутъ быть разлагаемы галваническимъ токомъ; и эти тѣла называетъ онъ Electrolyte, отъ lyô, «разрѣшаю». Мы переведемъ Electrolyte словами *тѣло электрорѣшимое*. Такъ вода, соляная кислота, суть тѣла электро-рѣшимыя; сѣрная, азотная кислоты — тѣла электро-нерѣшимыя.

4. Вещества простыя или сложныя, которыя во время прохожденія черезъ нихъ электрическаго тока «освобождаются» изъ своихъ составовъ и накопляются или оставливаются у электрическихъ ходовъ, назы-

ваетъ Фаредѐ веществами *ходовыми*, Ions, Ionen. Слово ion значитъ по-гречески «идущій», и оно состоитъ въ связи съ переименованіемъ полюсовъ въ электрическіе «ходы»: такъ какъ hodos означаетъ ходъ, путь, то ion «идущій» выражаетъ «идущаго по этому пути или ходу». Мы назвали Electrode электрическими ходами, слѣдственно, должны назвать эти вещества *ходовыми*, разумѣя подъ этимъ вещества, появляющіяся у электрическихъ «ходовъ».

5. Одни изъ этихъ веществъ, какъ извѣстно, имѣютъ свойство появляться у одной проволоки, другія у другой: слѣдственно, тѣ, которыхъ частицы останавливаются у электрическаго *восхода* (прежняго положительнаго полюса), называются теперь Aniôns, Anionen, веществами *восходными*, а прочія, освобождающіяся у *нисхода*, веществами *нисходными*, Kations, Kationen. Мы не отказались бы также называть ихъ болѣе по-русски, и слѣдовательно еще яснѣе, веществами *восходящими* и *нисходящими:* смыслъ тотъ же, а уху пріятнѣе знакомое слово. Въ отдѣленіи веществъ восходящихъ, или восходныхъ, Kations, заключается у Фаредѐ значительная часть нынѣшнихъ тѣлъ «электро-отрицательныхъ»; къ разряду веществъ нисходящихъ, или нисходныхъ, принадлежатъ большею частію тѣ, которыя нынче носятъ названія тѣлъ «электро-положительныхъ».

Такъ, вода, по этой терминологіи, есть тѣло *электро-рѣшимое*, Electrolyte, состоящее изъ двухъ веществъ *ходовыхъ*, Ions, освобождающихся у двухъ

электрическихъ ходовъ, Electrodes, именно, изъ одного вещества *восходнаго*, Anion, то есть кислорода и другаго *нисходнаго*, Kation, или водорода, изъ которыхъ первое появляется у *восхода* тока, Anode, а второе у его нисхода, Kathode, когда мы возбуждаемъ въ галваническомъ столбѣ *электрообращеніе*, или круговой токъ таинственной «силы сродства», приводимой нами въ движеніе.

—

ГЕРБЫ.

Гербы суть наслѣдственныя эмблемы родовъ и земель, и оттого они раздѣляются на родовые и государственные. Когда гербы вошли въ употребленіе, объ этомъ часто спорили. Государственные гербы извѣстны были и въ древности. Римъ избралъ себѣ эмблемою орла, и изображеніе этой птицы находилось, со временъ Марія, на побѣдоносныхъ знаменахъ Римлянъ. Когда Константинъ Великій построилъ вторую столицу для Римской Имперіи, и далъ этой новой столицѣ права, равныя правамъ древней, къ римскому орлу прибавлена была вторая голова, длятого, чтобы двуглавый орелъ изображалъ двѣ главы міра, Римъ и Константинополь. Герольдмейстеры XVI вѣка не могли бы придумать ничего замысловатѣе. Это показываетъ, что идея изображать историческіе факты условными знаками, которая впослѣдствіи сдѣлалась основаніемъ искусства западной геральдики, родилась

весьма давно: по-крайней-мѣрѣ римскій орелъ можетъ считаться ея родоначальникомъ. Всѣ вообще города классическаго міра имѣли свои гербы, или эмблемы, какъ то можно видѣть на ихъ монетахъ и медаляхъ. Въ аѳинскомъ гербѣ была сова, птица Минервы и мудрости.

Что̀ касается до родовыхъ гербовъ, то здѣсь непремѣнно надобно различать два начала и двѣ совершенно разныя системы геральдики, изъ которыхъ первую назовемъ *французскою,* а вторую *польскою.* Французская система господствуетъ на всемъ Западѣ, исключая Польши и прежнихъ польскихъ владѣній. Гербы, составленные по этой системѣ, не восходятъ ранѣе эпохи рыцарства, котораго обычаи, по всей вѣроятности, ихъ породили. Есть слѣды, что гербы употреблялись въ болѣе древнія времена міра, но собственнаго гербовѣденія нельзя считать старѣе турнировъ. Многими обстоятельствами можно доказать, что гербы Западной Европы начались, размножились и подведены были подъ извѣстныя правила именно при этихъ воинскихъ увеселеніяхъ. Во-первыхъ, не найдено еще ни одного гроба или памятника съ гербами, который бы былъ старѣе XI столѣтія. Древнѣйшій надгробный памятникъ такого разбора находится, какъ говорятъ, въ регенсбургской церкви Св. Эммерана, на которомъ изображенъ гербъ какого-то Вармунда, графа Вассербургскаго: щитъ, раздѣленный поперегъ на два поля, серебряное и черное, а надъ нимъ левъ и подпись: Anno Domini MX. На прочихъ памятникахъ, даже XI вѣка, по большей части

нѣтъ гербовъ, и только въ XII, кажется, сдѣлались они употребительнѣе. Первый изъ римскихъ папъ, о которомъ утвердительно можно сказать, что онъ употреблялъ гербъ, былъ Бонифацій VIII (1294 — 1303); гербы всѣхъ его предшественниковъ выдуманы гораздо послѣ, льстецами. И на монетахъ, до XIII вѣка, не видно гербовъ, а находятся только портреты и имена государей. Вторымъ доказательствомъ служитъ слово blason, подъ которымъ Французы, Англичане, Италіянцы, Испанцы разумѣютъ гербовѣденіе. Слово это, по всей вѣроятности, происходитъ отъ Нѣмецкаго blasen, трубить: каждый разъ, когда на турнирѣ показывался новый рыцарь, герольдъ долженъ былъ трубить и, какъ тотъ выѣзжалъ съ опущеннымъ забраломъ, объяснять и толковать іероглифы, изображенные на его щитѣ, или гербъ. Какъ обязанность эта лежала на *герольдѣ*, то и науку стали называть *геральдикою*, а какъ онъ при этомъ трубилъ (blies), то Нѣмцы и назвали это *протрубить гербъ* (das Wappen ausblasen). Что такъ всегда бывало при турнирахъ, это можно доказать и пѣснями древнихъ трубадуровъ XII и XIII столѣтій. Отсюда также вошло въ обычай, что рыцари, которыхъ турнирная способность была уже протрублена, изображали на щитѣ своихъ гербовъ двѣ трубы. Французы, усовершенствовавъ турниры, возвели на степень настоящей науки и соединенное съ ними гербовѣденіе (blason), такъ же какъ все рыцарское дѣло: въ смыслѣ слова blasonner заключили они не только искусство толкованія гербовъ, но и оцѣнку ихъ подлинности. Эта наука

весьма уважалась въ прежнее время, и благовоспитанный дворянинъ, еще въ началѣ прошлаго столѣтія, обязанъ былъ, подъ опасеніемъ прослыть невѣждою, умѣть растолковать гербы по-крайней-мѣрѣ главнѣйшихъ фамилій въ государствѣ.

Гербы польской системы имѣютъ совершенно другое начало. Въ Польшѣ рыцарство было мало извѣстно, и его обычаи туда проникли поздно; между-тѣмъ гербы въ этой землѣ связаны съ первыми историческими воспоминаніями народа. Польскіе гербы совершенно отличны отъ гербовъ предъидущей системы: они чрезвычайно просты въ своемъ составѣ: вы видите въ нихъ подкову, двѣ или три стрѣлы, птицу, льва на стѣнѣ, и все тутъ; между-тѣмъ какъ гербы остальной Европы, образованные по француской системѣ, всегда весьма сложны и наполнены знаками совсѣмъ инаго свойства и смысла, расположенными на многочисленныхъ поляхъ, которыхъ нѣтъ на польскихъ гербовыхъ щитахъ. Гербы французской системы въ тѣсномъ смыслѣ слова — родовые; каждый изъ нихъ принадлежитъ исключительно одному роду и служитъ только для его отраслей. Напротивъ того, роды принадлежатъ къ гербамъ по польской геральдикѣ, а не гербы къ родамъ; къ каждому гербу причислены цѣлыя сотни дворянскихъ фамилій, между которыми нѣтъ никакой общности происхожденія, и притомъ каждый гербъ называется особымъ именемъ — гербъ Ястребецъ, гербъ Терло, гербъ Правдичъ, гербъ Налучъ, Iastrzębiec, Tarlo, Prawdzicz, Nalęcz, и такъ далѣе.

Число гербовъ всегда было опредѣлено, и когда разночинецъ, за военныя подвиги или другія заслуги, удостоивался дворянскаго званія, ему не сочиняли новаго герба, а приписывали его къ одному изъ существующихъ и признанныхъ гербовъ, такъ что онъ входилъ въ многочисленное семейство одногербовцевъ, пользующихся тою же самою наслѣдственною эмблемою, между которыми находились и многія изъ первыхъ фамилій въ государствѣ и роды совсѣмъ ничтожные и безвѣстные. Отсюда польскіе дворяне писались въ прежнія времена: *такой-то, герба такого-то*, то есть, такого-то отдѣленія народа. Такъ напримѣръ одинъ изъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ назывался *Матвѣй герба Холева*, Mateusz herba Cholewa («холева» значитъ — голенище у сапога). Кажется, что въ первыя времена польской исторіи одногербовцы имѣли даже общее знамя и сражались всѣ вмѣстѣ, потому-что, по случаю разныхъ военныхъ дѣйствій и внутреннихъ раздоровъ, въ лѣтописяхъ упоминаются Налучщики, Правдичи, и тому подобные, какъ-будто отдѣльные отряды, кланы, или поколѣнія. Все это такъ сходно съ турецкими и монгольскими тамгами, и съ обычаями, которые отъ нихъ происходятъ, что почти нельзя сомнѣваться въ происхожденіи польскаго дворянства изъ Азіи. Ляхи или Лехи были, по-видимому, такими же пришлецами, покорителями для прибужскихъ и надъ-вислянскихъ Полянъ, какими Норманно-Руссы, были для Полянъ днѣпровскихъ. Быть-можетъ, слѣдуетъ считать Ляховъ, или дворянъ польской славянщины, за отрасль Аваровъ, которые нѣкогда

простирали власть свою и надъ этими землями. Какъ бы то ни было, турецкія и монгольскія поколѣнія сѣверной Азіи до-сихъ-поръ имѣютъ точно такіе же гербы, которые они называютъ тамгами: это простые знаки, составленные изъ двухъ, трехъ и болѣе чертъ, расположенныхъ фантастически; часто они замѣняются изображеніемъ какой-нибудь птицы, какого-нибудь звѣря, или оружія, и такъ же какъ польскіе гербы, имѣютъ свои названія; каждый улусъ, или поколѣніе, придерживается одной изъ этихъ эмблемъ, и она изображается на его знаменахъ, выжигается на его лошадяхъ и на рогатомъ скотѣ, прикладывается къ его вещамъ, и служитъ общею печатью для всѣхъ родовъ поколѣнія. Число тамгъ опредѣлено, какъ и число польскихъ гербовъ, потому-что и поколѣній не можетъ быть ни больше ни меньше. Пришлецъ долженъ быть приписанъ къ тому или другому поколѣнію, и съ того времени онъ пользуется его тамгою. Это разительное сходство обыкновенно не замѣчается историческими изслѣдователями, а между-тѣмъ оно важно въ этнографическомъ отношеніи и могло бы послужить къ поясненію началъ народа. Впослѣдствіи времени Поляки много заняли въ геральдикѣ отъ своихъ сосѣдей, Нѣмцевъ, особенно короны на гербахъ и страсть выводитъ свои гербы изъ Трои и Рима, или придавать стариннымъ гербовымъ знакамъ замысловатыя значенія, которыхъ они первоначально не имѣли; но главный характеръ остался тотъ же. Даже само названіе гербовъ, Herb, взято ими, кажется, изъ нѣмецкаго языка, отъ слова Erbe, наслѣдство, наслѣд-

ственное. Отъ польской формы этого слога, Herb, происходитъ и наше русское, *гербъ*. Въ доказательство того, что польскіе гербы были сначала простыя тамги поколѣній или улусовъ, можно привести и то, что Поляки, въ древнія времена, не знали дворянства, наслѣдственности благородныхъ домовъ, не имѣли для этой идеи своего слова, и заимствовали у Нѣмцевъ слово Geschlecht, поколѣніе, еслибы сдѣлать изъ него *шляхта*, дворяне. Видно, господствующія ляшскія «поколѣнія», употреблявшія каждое свою тамгу, сосѣдними Нѣмцами и назывались *гешлехтами*. Когда идея наслѣдственности родовъ въ этихъ «поколѣніяхъ» перешла на берегъ Вислы изъ Германіи, тогда приняты были этими родами прежнія общія тамги, какъ наслѣдственныя эмблемы ихъ домовъ, и явилось слово Herb. Какъ бы то ни было, польская геральдика заслуживаетъ изученія со стороны Русскихъ. Вообще всѣ польскіе гербы мало-по-малу перешли въ Россію, посредствомъ выхода дворянскихъ родовъ изъ прежнихъ польскихъ владѣній, и черезъ распространеніе этой системы гербовъ Поляками на покоренныя русскія области, которыя подвергались ихъ временному владычеству.

—

DE.

Де—французскій предлогъ, который значитъ *изъ*, и часто встрѣчается передъ фамильными названіями лицъ, подобно тому какъ въ нѣмецкихъ фамильныхъ названіяхъ предлогъ фонъ, von, который значитъ то же самое. У народовъ, поселившихся на развалинахъ Римской Имперіи, не было фамильныхъ названій: каждый назывался собственнымъ именемъ, даннымъ ему при рожденіи, а знатнѣйшія лица получали еще у народа отчества въ знакъ особеннаго къ нимъ уваженія. (См. Вичъ). Послѣ раздачи «волостей» въ Галліи первыми королями Франковъ своимъ *мужамъ,* что̀ послужило основаніемъ будущей феодальной системѣ, эти мужи начали прибавлять къ своимъ собственнымъ именамъ, для различія отъ другихъ подобныхъ именъ, еще имена волостей, которыми они «кормились» feod, foed, food, откуда конечно и произошло feudum, feodum. Такимъ образомъ, *Михайло*, получившій волость напримѣръ *Монфоръ*, сталъ числиться по спискамъ и называться *Михайломъ изъ Монфорта*, по-латыни Michaël à Monteforte, въ просторѣчіи, Michel de Montfort. Этотъ обычай получилъ особенную важность, когда владѣтели волостей, или бароны (domini, barones), старосты, управлявшіе уѣздами (графы, comtes), воеводы, управлявшіе областями (duces, ducs), коменданты зàмковъ или пограничные старосты (маркъ-графы, marquis), и прочіе, присвоили себѣ наслѣдствен-

ныя права надъ этими землями, уѣздами, областями, зáмками. Тогда, тотъ самый *Михайло изъ Монфорта* сталъ именоваться уже барономъ, графомъ, маркизомъ или *дюкомъ Михайломъ изъ Монфорта*, а сокращенно барономъ, графомъ, *дюкомъ изъ Монфорта*, то есть Монфортскимъ, Seigneur, comte, marquis, duc de Montfort. Такъ такъ классъ этихъ титулованныхъ владѣтелей, которые сдѣлались маленькими государями въ своихъ ленахъ или помѣстьяхъ, и стали дѣлить ихъ между своиму сыновьями, вскорѣ составилъ особенное, многочисленное, наслѣдственное сословіе, и какъ слѣдовательно нельзя было принадлежать къ нему, не имѣя какого-нибудь владѣнія съ титуломъ, который бы показывалъ степень владѣтеля въ этомъ сословіи перваго *дворянства*, noblesse, то частица *де*, поставленная передъ названіемъ владѣнія, начала служить отличительнымъ признакомъ принадлежанія къ благородному классу владѣтелей, дворянству. Черезъ безконечные дѣлежи, продажи, конфискаціи и потомъ уничтоженія леновъ, многіе изъ потомковъ прежнихъ титулованныхъ владѣтелей остались наконецъ безъ всякой поземельной собственности, и только въ память своего происхожденія продолжали носить титулы предковъ и ставить предлогъ *де* передъ названіями помѣстій, которыми они нѣкогда владѣли. По обычаямъ французской феодальной системы, шестой сынъ дюка, пятый сынъ графа, четвертый сынъ маркиза, третій сынъ вице-графа и второй сынъ барона, не имѣли уже никакого титула и назывались просто по собственному своему имени и по имѣнію владѣнія отца, съ при-

бавкою частицы *де*: отъ нихъ естественно проистекло низшее, нетитулованное дворянство, для котораго уже одинъ только предлогъ *де* служилъ доказательствомъ благороднаго происхожденія: въ такихъ случаяхъ, вмѣсто настоящаго титула, къ названію помѣстья предка или прибавляя общій дворянскій титулъ Sieur, и писали Sieur de Montfort, *сударь* изъ *Монфорта*, а еще учтивѣе mon sieur (monsieur) de Montfort, *государь мой* изъ *Монфорта*, или, если этотъ господинъ былъ рыцарь, называли le chevalier de Monfort, *кавалеромъ* изъ *Монфорта*. Sieur есть сокращеніе слова Seigneur, какъ *сударь* сокращеніе слова *государь*; но Seigneur, государь такого-то мѣста, означало настоящаго владѣльца, а сокращенное Sieur, *сударь*, владѣльца безъ владѣнія, однакожъ дворянина: недворянъ называли maitre, *мастерами*, магистрами. Впослѣдствіи, когда короли и важнѣйшіе ленные герцоги французскіе начали жаловать дворянское достоинство разночинцамъ, часто неимѣвшимъ никакого владѣнія, то нерѣдко случалось, что частицу *де* надобно было новому дворянину поставить прямо передъ его собственнымъ именемъ въ знакъ своего сана, и тотъ, кто вчера назывался *мастеромъ Михайломъ*, maitre Michel, теперь уже былъ *сударь мой изъ Михайла*, monsieur de Michel. Множество весьма забавныхъ фамилій возникло изъ такихъ пожалованій. Черный король Генрихъ-Кристофъ, который провозгласилъ себя государемъ части острова Санъ-Доминго, пережаловалъ множество своихъ негровъ, прежнихъ, французскихъ невольниковъ, въ дюки (герцоги) и графы, и поста-

вилъ всѣмъ имъ предлогъ *де* передъ собственнымъ именемъ, хотя у каждаго было фамильное прозвище, и кого звали Семеномъ Метлой, кого Иваномъ Лимонадомъ, или Петромъ Кострюлькой, по роду ихъ домашней службы у своихъ господъ: такъ, одинъ изъ этихъ вельможъ названъ былъ duc de Jean Limonade, *дюкъ изъ Ивана Лимонада*, другой—comte de Simon Balai, comte de Pierre Casserole, *графъ изъ Семена Метлы*, или *графъ изъ Петра Кострюльки*. Во Франціи по правамъ феодальнымъ, дѣвицы не могли владѣть никакими ленными помѣстьями, и потому дочери дюковъ, графовъ, и прочая, не имѣли никакого титула, и назывались просто по названію владѣнія отца, съ присовокупленіемъ *де* и общаго титла mademoiselle; напримѣръ дочь дюка, графа, маркиза или барона изъ Монфорта была только mademoiselle de Montfort. Этотъ обычай сохраняется и донынѣ, такъ, что mademoiselle la comtesse или mademoiselle la baronne составляетъ во французскомъ языкѣ страшный барбаризмъ, потому-что comtesse, baronne, по значенію самихъ словъ, суть уже замужнія женщины. Надобно еще замѣтить, что, вь хорошемъ обществѣ, французскіе дворяне не даютъ другъ другу никакихъ титуловъ, и вмѣсто le duc, le comte, le marquis de Montfort, или la duchesse, la comtesse, la marquise de Montfort, говорятъ просто monsieur de Montfort, madame de Montfort: тогда частица *де* замѣняетъ всѣ титулы, которыхъ безпрерывное повтореніе почитается дурнымъ тономъ и провинціализмомъ. Этотъ родъ вѣжливой фамиліярности чрезвычайно понравился но-

вѣйшимъ парижскимъ журналистамъ, которые стали почти всѣ фешенеблями и изъясняются, съ отличною граціей, за-пане-брата, monsieur de Broglie, monsieur de Talleyrand, и такъ далѣе.

Въ Польшѣ господствовалъ тотъ же самый обычай почти до XVI столѣтія: тогда каждый дворянинъ назывался тамъ собственнымъ именемъ и именемъ своего помѣстья, съ прибавленіемъ предлога *изъ*, Z: такъ, говорили, писали и подписывались: *Янъ изъ Тенчина* (Jan z Tenczyna), *Янъ изъ Недзѣльска* (названіе извѣстнаго историка Длугоша), *Казимѣръ изъ Сарбѣва*, *Николай изъ Сѣнна*. Въ XVI вѣкѣ начали этотъ предлогъ замѣнять окончаніемъ *скій* и говорить Янъ *Тенчинскій*, Янъ *Недзѣльскій*, Казимѣръ *Сарбѣвскій*, Николай *Сѣнненскій*. Мало-по-малу частица *скій*, которая сама собою означала тамъ дворянское происхожденіе, вытѣснила совершенно предлогъ *изъ* изъ фамильныхъ названій. Тамъ также, дворяне въ высшемъ обществѣ не давали другъ другу никакихъ титуловъ: о графѣ Тенчинскомъ, князѣ Любомиркомъ, говорили прежде *панъ изъ Тенчина*, *панъ изъ Любомѣра*, а впослѣдствіи *панъ Тенчинскій*, *панъ Любомирскій*, и прочая. Этотъ феодальный предлогъ *изъ*, Z, исчезнувшій въ Польшѣ, остался однакожъ донынѣ въ нѣсколькихъ русскихъ фамиліяхъ, оканчивающихся на *скихъ*. Такія имена обыкновенно начинаются буквою *с*, образовавшагося изъ польскаго предлога Z: *Иванъ Скоринскихъ*, *Петръ Спульковскихъ*, и прочая, значитъ, безъ сомнѣнія, *Иванъ изъ* (роду) *Коринскихъ* (z Koryn-

skich), *Петръ изъ Пульковскихъ* (z Pulkowskich). Фамиліи, оканчивающіяся на *аго*, быть-можетъ, также произошли отъ пропуска частицы *изъ*, стоявшей нѣкогда передъ названіемъ села, которымъ владѣлъ родоначальникъ дома.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ «БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ».

(1833 — 1853.)

НОЧИ ПЮБЛИКЪ-СУЛТАНЪ-БАГАДУРА.

—

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ ЗА ЯНВАРЬ 1838.

Въ одной изъ удивительнѣйшихъ странъ восточныхъ, по словамъ лѣтописцевъ, гдѣ цвѣтутъ яцинты на снѣгу и бумажныя розы никогда не увядаютъ, во времена мудраго и великодушнаго Гаруна-Альрашида, жилъ нѣкоторый славный и могущественный султанъ, по имени Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ. Онъ былъ властелинъ сильный и богатый; владѣнія его простирались отъ моря до океана, такъ, что и самые ученые мудрецы, которые проникли всѣ тонкости вещей, не могли сказать въ точности, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается его государство, а сокровищъ его не въ состояніи были исчислить и самые глубокомысленные ариѳметисты. Въ его гаремѣ жили всѣ красавицы сѣвера и юга, востока и запада, съ лицами блистательнѣе солнца, съ грудями серебристѣе и выпуклѣе луны въ четверти. При дворѣ его безпрерывно находилось несмѣтное множество поэтовъ, евнуховъ, разскащиковъ, паяцовъ, докторовъ, фокусниковъ, танцовщицъ, прожектеровъ, романистовъ, мотовъ, газетчиковъ, шарлатановъ, однимъ словомъ мудрецовъ всякаго рода, художниковъ всякаго разбора. Рабы его были безчисленны, и льстецы его превосходили искусствомъ и наглостью самыхъ зна-

менитыхъ льстецовъ Александра Великаго. Такого великаго султана не бывало еще во всей Азіи.

Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, среди своего могущества и этого блестящаго двора, жилъ великолѣпно, расточалъ богатства какъ истинный султанъ, давалъ безпрерывно пиры и праздники, смотрѣлъ танцовщицъ, слушалъ философовъ, приказывалъ тѣшить себя всѣмъ фокусникамъ, награждалъ щедро, каралъ жестоко, каралъ и награждалъ по своему султанскому произволенію и по свѣтлой прихоти своей, какъ подобаетъ такому великому падишаху. Всѣ его боялись, всѣ передъ нимъ ползали, и всѣ безсовѣстно его обирали, потому-что милость его была великая и казна его неисчерпаемая. Великодушный Пюбликъ-Султанъ, любя всего болѣе увеселенія и пуще всего пугаясь скуки, зналъ, что его обманываютъ на всякомъ шагу, и говорилъ—«А мнѣ какая до этого надобность! пусть меня надуваютъ; лишь бы я былъ надутъ весело». При всемъ этомъ добродушіи, нравъ великаго Пюбликъ-Султана былъ довольно крутъ: на него находили иногда припадки страшнаго пресыщенія, и тогда лицо его становилось мрачнымъ, глаза тускнѣли, всѣ черты вытягивались, носъ опускался какъ у индѣйскаго пѣтуха. Всѣ его придворные, льстецы, разскащики, фокусники, дрожали въ эти зловѣщія минуты, ожидая со страхомъ роковаго движенія, по которому головы ихъ валились съ плечъ какъ груши. Движеніе это всѣ они знали: тѣ, которые выступали тѣшить его, съ трепетомъ устремляли взоръ свой на его свѣтлыя губы, чтобы примѣчать, не шевелятся ли онѣ; потому-

какъ-скоро Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ изволитъ разинуть ротъ и зѣвнуть, они исчезаютъ съ лица земли—они обезглавлены, истолчены въ прахъ, сожжены, забыты. Первый зѣвокъ ихъ грознаго повелителя былъ всегда смертнымъ приговоромъ для этого народа: у каждаго тирана есть свои причуды! Такого свирѣпаго султана еще не бывало во всей Азіи.

Это однакожъ не устрашало жадности льстецовъ его. Онъ губилъ ихъ тысячами, и тотчасъ вмѣсто ихъ являлись другія тысячи; новые искатели, принимаясь за ремесло своихъ предмѣстниковъ, по точному ихъ примѣру, врали, восхваляли свои достоинства, клеветали на соперниковъ, дурачили себя, дурачили его, и выманивали у великаго султана золотыя милости его: а онъ по-прежнему давался имъ въ обманъ на тѣ же самыя грубыя уловки, по-прежнему позволялъ себя обирать, и только предоставлялъ себѣ право уничтожить ихъ, когда найдетъ на него зѣвота. Такого милостиваго султана еще не бывало во всей Азіи.

Но наконецъ пресыщеніе его достигло высочайшей степени. Пюбликъ-Султанъ былъ совершенно разочарованъ: онъ увидѣлъ, что красавицы, которыми онъ прежде восхищался, всѣ стары и нарумянены; что большая часть прелестныхъ формъ на свѣтѣ обязана своей изящною выпуклости хлопчатой бумагѣ; что прожектеры разоряютъ его акціями, что газетчики врутъ, что доктора его отравляютъ, что романисты его убиваютъ, что поэты сводятъ его съ ума, и ему опротивѣлъ Божій свѣтъ. Безсонница напала на него ужасная: онъ зѣвалъ по-минутно, а извѣстно, какія слѣдствія влек-

ла за собою его зѣвота. Льстецы и искатели его милостей гибли какъ мухи. Народонаселеніе уменьшалось. Онъ передушилъ уже всѣхъ своихъ прежнихъ любимцевъ и любимицъ. Ужасъ распространился по всѣмъ владѣніямъ; всѣ прятались и прятали отъ него своихъ женъ и дочерей. Изъ числа прежнихъ его приближенныхъ, оставался еще въ живыхъ одинъ вѣрный капыджи-баши его, по имени Брамбеусъ-Ага-Тютюнджу-оглу-Багадуръ. Грозный султанъ любилъ его за то, что онъ не писалъ обозрѣній годичныхъ дѣйствій другихъ капыджи-башей, не чернилъ передъ нимъ подъ этимъ предлогомъ своихъ собратовъ, не вдавался по ихъ примѣру въ пошлое и черезчуръ неловкое лавочничество, которое, нарядившись гостинодворскимъ зазовщикомъ и остановясь на порогѣ своей лавки, кричитъ во весь голосъ: «Пожалуйте, честные господа, къ намъ; не ходите къ нашему сосѣду, у него гнилой товаръ. Пожалуйте; у насъ все отличнѣйшей доброты, и дешево возьмемъ»; совѣстливо исполнялъ свое дѣло, не заботился о другихъ, и порой смѣшилъ его свѣтлую персону своими присказками. За всѣ эти добродѣтели, Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ оставлялъ его въ живыхъ до поры до времени, намѣреваясь истребить его при болѣе вѣрной оказіи, когда найдетъ себѣ лучшаго служителя.

Брамбеусъ-Ага-Багадуръ съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ на опустошенія, какія причиняли государству пресыщеніе и скука Пюбликъ-Султана; потому-что у него было доброе сердце и сверхъ-того двѣ дочери, молоденькія и прекрасныя: одну изъ нихъ звали Кри-

тикзадою, а другую Иронизадою. Критиксада была дѣвушка веселая, острая, образованная, знала всю книжную мудрость Востока и Запада, съ дѣтскихъ лѣтъ училась основательно, и потомъ читала безпрерывно: отецъ любилъ бесѣдовать съ нею и охотно пользовался ея совѣтами. Однажды Брамбеусъ-Ага-Багадуръ воротился изъ дворца домой разсѣянный и печальный. Веселая Критиксада бросилась ему на шею, нѣжно поцѣловала старика, сѣла у него на колѣняхъ, и играя съ его сѣдой бородою, спросила о причинѣ грусти.

— Мы погибли! сказалъ Брамбеусъ-Ага-Багадуръ. Султанъ нашъ зѣваетъ безпрерывно; безсонница мучитъ его пуще прежняго, и онъ клянется, что всѣхъ насъ сотретъ съ лица земли, если мы не развеселимъ его. Какъ быть, любезная дечь? Всѣ средства, которыя мы придумывали съ тобою, оказываются безуспѣшными. Противъ такой скуки нѣтъ никакого лекарства!

— Надобно усыпить его, любезный батюшка, отвѣчала Критиксада. Кто спитъ, тотъ не скучаетъ.

— Въ томъ-то и бѣда, любезная дочь, что его ничѣмъ усыпить не возможно, сказалъ Брамбеусъ-Ага-Багадуръ. Мы истощили всѣ средства. По твоему совѣту, я давалъ ему даже читать нѣмецкую философію: Кажется, какъ нѐ заснуть отъ этого? Но нѣтъ, онъ прозѣвалъ всю ночь надъ книгою, и сегодня поутру всталъ сердитѣе чѣмъ когда-либо.

— Любезный батюшка, сказала Критиксада, подумавъ немного: мудрецы древнихъ временъ повѣствуютъ, что въ отдаленныхъ странахъ сѣвера есть два большіе и знаменитые города, которые у географовъ име-

нуются Москвою и Петербургомъ. Мудрецы утверждаютъ, что жители этихъ городовъ чрезвычайно искусны и въ особенности дѣлаютъ такія усыпительныя капли, что волшебное вліяніе этихъ твореній превосходитъ силу всѣхъ талисмановъ Персіи и Индіи. Отправьте туда караванъ, любезный батюшка, и прикажите привезть самыхъ свѣжихъ книгъ, которыя выдѣлываются въ этихъ двухъ городахъ. Если мы и этимъ средствомъ не уймемъ зѣвоты Пюбликъ-Султана и не усыпимъ его, то ужъ надобно будетъ принести покаяніе Аллаху въ грѣхахъ нашихъ и приготовиться къ смерти.

Брамбеусъ-Ага-Багадуръ послушалъ мудраго совѣта своей дочери, и оправилъ сто верблюдовъ въ отдаленные города, которые у географовъ именуются Москвою и Петербургомъ, приказавъ начальнику каравана купить тамъ всѣ новыя книги. Между-тѣмъ скука Пюбликъ-Султана приняла самый опасный характеръ: гаремъ его былъ весь истребленъ; онъ вздумалъ жениться, и чтобы избѣгнуть скуки въ супружествѣ, не видѣлъ другаго средства какъ жениться каждый вечеръ на молодой и прекрасной дѣвушкѣ и овдовѣть на слѣдующее утро. Верховному визирю велѣно было пріискивать ежедневно новую невѣсту для его свѣтлой персоны, и на другой день отдавали ему новобрачную, зашитую въ кожаномъ мѣшкѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ бросилъ ее въ море. Плачъ и рыданія раздавались по всему великому государству Пюбликъ-Султана; отчаяніе достигало уже послѣднихъ своихъ предѣловъ, когда благополучно возвратился караванъ, отправлен-

ный Брамбеусомъ-Агой-Багадуромъ на сѣверъ за спасительною литературою того геморoидальнаго пояса. Сто верблюдовъ, нагруженныхъ новыми книгами за январь мѣсяцъ 1838 года, торжественно взошли на дворъ къ капыджи-баши. Критикзада тотчасъ прочитала всѣ эти творенія, и явилась къ отцу съ веселымъ лицомъ.

— Любезный батюшка, сказала она: идите къ султану и доложите ему, что старшая дочь ваша желаетъ счастія быть его невѣстой на нынѣшній вечеръ.

— Любезная дочь, сказалъ Брамбеусъ-Ага-Багадуръ: въ своемъ ли ты умѣ? Ты желаешь своей погибели и моей смерти. Страшись знакомства съ такимъ своенравнымъ властелиномъ, каковъ свѣтлѣйшій Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ! Развѣ тебѣ не извѣстно, что за это мгновенное счастіе завтра зашьютъ тебя въ мѣшокъ равнодушія и бросятъ въ море вѣчнаго забвенія?

— Все это я знаю, любезный батюшка, отвѣчала Критикзада: но я рѣшилась, и никакія убѣжденія не измѣнятъ моей воли. Я хочу пожертвовать собою для спасенія его свѣтлой персоны отъ скуки, которая его и насъ убиваетъ. *Иншаллахъ*, если угодно Аллаху, я надѣюсь вылечить милостивѣйшаго султана нашего отъ безсонницы.

Отецъ просилъ, уговаривалъ, прибѣгалъ даже къ угрозамъ: ничто не могло поколебать Критикзады. Она умѣла представить отцу прихоть свою съ такой благовидной стороны, что убѣжденный старикъ отправился во дворецъ, чтобы предложить султану дочь свою въ невѣсты. Грозный властелинъ удивился этой рѣшимости, и какъ онъ любилъ своего капыджи-башу, то

самъ отсовѣтовалъ ему искать столь опасной чести. Брамбеусъ-Ага-Багадуръ упалъ ницъ передъ его престоломъ и сказалъ:

— Рабъ вашъ молитъ васъ не отказывать въ этомъ счастіи. Онъ не смѣетъ возвратиться къ дочери съ отказомъ. Вамъ извѣстно, что когда женщинѣ чего-нибудь захочется.....

— Изволь, изволь! прервалъ слова его султанъ. Но послѣ не пеняй на меня. Я не сдѣлаю для тебя изъятія изъ моего закона!

Въ назначенное время Критиказада, одѣтая невѣстою, явилась во дворецъ султана. Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ былъ доволенъ ея наружностью. Бракосочетаніе совершилось съ обычною пышностью. Новую султаншу посадили на престолѣ подлѣ свѣтлѣйшаго ея супруга; всѣ рабы его челомъ ударили передъ нею, и началось великолѣпное пиршество. Въ девять часовъ супруги удалились въ спальню и легли на торжественномъ ложѣ.

Около полуночи Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ началъ страшно зѣвать. Милая Критиказада нѣжно обняла его и сказала:

— Свѣтлѣйшій государь! завтра я не увижу ни васъ, ни моихъ родныхъ. У рабы вашей есть маленькая сестра, Иронизада, которую я люблю чрезвычайно. Позвольте, чтобы она пришла сюда и легла у подножья этого ложа.

Султанъ, зѣвая, согласился на ея желаніе и позвалъ ѳдного изъ евнуховъ. Спустя нѣсколько времени Иронизада лежала уже въ султанской спальнѣ.

Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ зѣвалъ съ такимъ напряженіемъ мускуловъ, что углы свѣтлаго рта его разрывались и стекла въ окнахъ звучали отъ рева, который онъ испускалъ при каждомъ судорожномъ расширеніи горла.

Тогда маленькая Иронизада, оборотясь къ сестрѣ, сказала тоненькимъ голосомъ своимъ:

— Любезная сестрица, не припомнишь ли какой-нибудь исторіи? Если ты не спишь, то разскажи намъ, пожалуй, одинъ изъ тѣхъ разказовъ, которые ты такъ прекрасно разсказываешь!.....

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

— Любезная сестрица, отвѣчала Критикзада: исторіи никакой не припомню въ эту минуту, но если ты хочешь, и если свѣтлѣйшій государь намъ позволитъ, прочитаю тебѣ одни стихи, которые возбудили во мнѣ тысячу сладостныхъ и горестныхъ воспоминаній.

— Говори! сказалъ султанъ грубымъ голосомъ. Какіе стихи? Чьи стихи?.....

— Свѣтлѣйшій государь, продолжала Критикзада, во времена мудраго и великодушнаго Гаруна-Альрашида жилъ одинъ великій поэтъ, который теперь уже не существуетъ. Голосъ его былъ звучнѣе пѣсни соловья и слова его душистѣе розъ Согда. Каждый стихъ его похожъ на нитку отборныхъ жемчужинъ. Пройдутъ быть-можетъ столѣтія, и страна, которая оглашалась гармоническими его думами, не услышитъ подобныхъ мелодій. Однажды этотъ поэтъ, котораго

сердце было очень чувствительно, какъ оно всегда бываетъ у поэтовъ, идучи уныло по пути своей тревожной жизни, встрѣтилъ прелестную молоденькую *кызъ*, то есть, по-нашему «дѣву», съ глазами газели, съ челомъ столь яснымъ, что его прозрачности позавидовало бы иранское утро, съ душою чистою, блестящею какъ вода алмазовъ Голконды. Бѣдный поэтъ влюбился въ нее, влюбился безнадежно, и высказалъ пылкое чувство свое такимъ посланіемъ:

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу,
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться... И такъ далѣе *

Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ былъ восхищенъ этими стихами, и, отъ удовольствія, поцѣловалъ свою жену. Онъ объявилъ, что еслибъ зналъ этого поэта, то, по обычаю предковъ своихъ, приказалъ бы набить ему ротъ жемчугомъ.

— А не помнишь ли, любезная сестрица, сказала Иронизада, еще какихъ-нибудь прекрасныхъ стиховъ? Ты знаешь, какъ я люблю прекрасные стихи.

— Если ты желаешь, и свѣтлѣйшій государь позволитъ рабѣ своей....

— Говори, сказалъ султанъ: позволяю.

— Во времена мудраго и великодушнаго Гаруна-Альрашида, жилъ другой поэтъ, почти современный первому и быть-можетъ еще искуснѣе относительно

* Для сбереженія мѣста, здѣсь, какъ и въ другихъ цитатахъ Критиксады, сохранено только ихъ начало.—*Изд.*

звучности и гладкости стиха, но далеко уступавшій ему во внутреннемъ достоинствѣ сочиненій, въ поэзіи мысли и чувства. Говорятъ, что онъ былъ слишкомъ пристрастенъ къ наружной формѣ, и что стихи его похожи на тщательно граненый хрусталь, въ которомъ играютъ тысячи огней и ослѣпляютъ глаза своимъ волшебнымъ блескомъ, но въ которомъ иногда пусто и холодно въ серединѣ. Мудрецы упрекали также этого поэта, что онъ не создаетъ ничего важнаго и ограничивается только маленькими піесами; другіе даже отказывали ему въ званіи поэта: первое, конечно, справедливо, но второе — непростительная клевета злости, которая все любитъ унижать. Онъ поэтъ, истинный поэтъ; онъ въ состояніи возвыситься, когда захочетъ, до настоящей поэзіи; и вы сами, государь и любезнѣйшій супругъ, согласитесь съ вашею рабою, что ему стоило бы только захотѣть, и онъ бы создалъ превосходныя творенія для литературы своего народа. Однажды странствовалъ онъ къ знаменитымъ горамъ *Кафъ*, которыя мы въ нашемъ языкѣ называемъ «Кавказомъ», и вотъ, какъ описалъ эти грозныя выси:

«Одѣты ризою тумановъ
И льдомъ заоблачной зимы,
Въ рядахъ, какъ войско великановъ,
Стоятъ державные холмы.
Привѣтъ мой вамъ, столпы созданья.
Нерукотворная краса,
Земли могущія возстанья,
Побѣги праха въ небеса»! И проч.

— *Машаллахъ!* вскричалъ въ восторгѣ Публикъ-Султанъ-Багадуръ. Удивительно! превосходно!.... Какъ зовутъ этихъ поэтовъ?

— Первому имя Пушкинъ, отвѣчала Критикзада, а второму Бенедиктовъ.

— Молодцы! сказалъ султанъ.

— Ты знаешь наизустъ безчисленное множество прекрасныхъ стиховъ, примолвила Иронизада. Память у тебя удивительна, любезная сестрица. Какъ бы я хотѣла изучить эти двѣ прелестныя піесы! Завтра, увы, мы уже съ тобой не увидимся!.... не помнишь ли заглавій тѣхъ книгъ, въ которыхъ они помѣщены?

— Помню, любезная сестрица, отвѣчала Критикзада. Та, въ которой читала я первую изъ двухъ піесъ, называется:

Альманахъ на 1838 годъ, *изданный* В. Владиславлевымъ.

А названіе второй:

Стихотворенія Владиміра Бенедиктова. *Книга вторая.*

Да впрочемъ вотъ онѣ: я принесла ихъ съ собою. Первую часть «Стихотвореній» Бенедиктова ты уже знаешь, любезная сестрица, и она тебѣ доставила много удовольствія: въ этой второй заключаются піесы большею частью напечатанныя прежде въ разныхъ журналахъ, но тебѣ будетъ пріятно имѣть ихъ собранными вмѣстѣ. Во второй книгѣ найдешь ты нѣсколько піесъ прелестныхъ, приближающихся достоинствомъ своимъ къ картинѣ горныхъ высей, которую ты сейчасъ слышала. Что̀ касается до «Альманаха на 1838

годъ», то я, передъ смертью своей, оставляю тебѣ въ память эту красивую книжку. Посмотри, какая прелесть! Какъ переплетена!.... какія картинки!....

Критикзада хотѣла бросить сестрѣ «Альманахъ», но султанъ взялъ у ней изъ рукъ обѣ книжки и началъ самъ разсматривать. Картинки «Альманаха» чрезвычайно его восхитили. Особенно онъ долго любовался на прелестную гравюру г. Аѳанасьева, «Одалиска», съ картины Е. Плюшара. Во-первыхъ, она одалиска.... это по его части, по части султанской; а во-вторыхъ, въ самомъ дѣлѣ она выполнена съ большимъ вкусомъ и съ отличною мягкостью штриха. Потомъ онъ прочиталъ піесу Н. В. Кукольника, и сказалъ: «*Машаллахъ!* славно»! Прочиталъ также піесы Ѳ. Н. Глинки, г. Гребенки, еще одно посмертное стихотвореніе безсмертнаго Пушкина, и нѣсколько страницъ изъ книги Бенедиктова и объявилъ свое совершенное благоволеніе обѣимъ книгамъ.

— Скажи завтра поутру твоему отцу, примолвилъ султанъ, чтобъ онъ купилъ для меня обѣ эти книги.

— По одному экземпляру? спросила Критикзада.

— Какъ, по одному экземляру! вскричалъ султанъ съ достоинствомъ. Я — Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ! я покупаю всѣ экземляры, *всѣ!*... Понимаешь ли? Скажи отцу твоему, чтобъ отправилъ тысячу верблюдовъ въ городъ, гдѣ эти книги напечатаны, и чтобы всѣ экземпляры обоихъ сочиненій были куплены и привезены сюда: я прочитаю ихъ всѣ.

— Но я не увижу завтра батюшки! грустно сказала Критикзада.

— Э?.... произнесъ султанъ.

— Позвольте, свѣтлѣйшій государь, подхватила маленькая Иронизада, я скажу батюшкѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ равнодушно, и перелистывая «Альманахъ», увидѣлъ, что въ немъ одинъ поэтъ —

«Ночью *дуетъ* безъ ночлега,
Днемъ *же, высунувъ языкъ*».

— Это что̀ вскричалъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ. Какъ зовутъ этого поэта?

— Да это ничего, онъ вовсе не поэтъ, сказала Критикзада, поспѣшно выхватывая книгу у султана, изъ опасенія чтобъ онъ снова не принялся зѣвать. Онъ, такъ, иногда пишетъ себѣ стихи....

— Хорошо, пусть пишетъ, замѣтилъ султанъ: да зачѣмъ же въ такомъ изящномъ альманахѣ «дуть» и «высовывать языкъ?»

— Таковъ ужъ нынче у нихъ вкусъ, отвѣчала Критикзада.

— Это другое дѣло, сказалъ султанъ, и оборотился на другой бокъ.

— Неужели, любезная сестрица, въ этой красивой книжкѣ все стихи, и нѣтъ ни одной страницы прозы? спросила маленькая Иронизада. Въ альманахахъ бываютъ повѣсти. Ты вѣрно прочитала всю книжку. Разскажи мнѣ самую лучшую, самую занимательную изъ повѣстей, которыя въ ней находятся.

— Ежели государь и любезнѣйшій супругъ мой позволитъ рабѣ своей....

— Говори, сказалъ султанъ: я смерть люблю повѣсти.

Критикзада долго думала, которая изъ этихъ повѣстей самая занимательная — потому-что всѣ хороши — и наконецъ начала разсказывать. Султанъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Но не прошло десяти минутъ, какъ свѣтлыя его очи сомкнулись, и онъ уснулъ отъ этой прозы сномъ легкимъ, пріятнымъ, какого давно уже не вкушалъ. Когда Критикзада убѣдилась, что султанъ спитъ, она прекратила свое повѣствованіе.

— Очень благодарна тебѣ, любезная сестрица за эту прозу и за эти повѣсти, сказала вполголоса маленькая Иронизада. Да нѣтъ ли у тебя повѣстей въ стихахъ? Ты, кажется, взяла съ собой три книги.

— Есть, любезная сестрица отвѣчала Критикзада почти шопотомъ, чтобы не разбудить султана. Точно такъ, я взяла три книги; и названіе третьей —

Разсказы изъ русской исторіи, *въ стихахъ* П. Ш.

Только не прогнѣвайся, любезная сестрица, если эта повѣсть въ стихахъ немножко плоха. Слушай. Она взята изъ русской исторіи. Во времена давнопрошедшія великая княгиня Ольга оправилась въ Константинополь. Ты, вѣроятно, читала исторію этой знаменитой государыни и знаешь сказанія, которыя къ ней относятся. Но —

«Искажена простая повѣсть
Сказаній достовѣрныхъ *сихъ*
Въ разсказѣ лѣтописца. *То есть*,
Онъ баснею дополнилъ ихъ,
Что Ольга дивной красотой

Такъ императора плѣнила,
Что онъ ей руку предложилъ, —
Она же руку отвергала.
Все это сказки, потому,
Во-первыхъ, что Багрянородный,
Былъ мужъ для брака неспособный....

— Любезная сестрица, сказала Иронизада: эта первая причина совершенно достаточна; увольняю тебя отъ остальныхъ; мнѣ хочется спать.

Критикзада также умолкла и вскорѣ уснула.

На другой день Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ всталъ очень веселъ, совершилъ свои омовенія, прочиталъ молитвы, и вышелъ въ парадную залу, гдѣ онъ чинилъ судъ и расправу. Великій визирь явился съ кожанымъ мѣшкомъ, чтобъ зашить Критикзаду и бросить ее въ море, но султанъ сказалъ ему:

— Погоди, она не кончила мнѣ одной начатой повѣсти. Удивительная повѣсть! Я до-сихъ-поръ ощущаю въ костяхъ сладость ея. Но я не дослушалъ. Я такъ пріятно заснулъ, какъ давно уже не спалъ: хочу непремѣнно узнать сегодня ввечеру, что̀ меня въ этой повѣсти такъ сильно поразило, что я вдругъ уснулъ!....

Визирь почтительно поцѣловалъ край платья Пюбликъ-Султана-Багадура и ушелъ съ порожнимъ мѣшкомъ. Радость стараго Брамбеуса-Аги-Багадура равнялась только его изумленію, когда онъ увидѣлъ дражайшую дочь свою живую и здоровую. Онъ безъ памяти цѣловалъ ее, разспрашивалъ, какимъ образомъ она усыпила своего грознаго супруга, и, грозя пальцомъ плутовкѣ, далъ ей почувствовать, что она слиш-

комъ много полагалась на свои силы и на усыпительное свойство привозной прозы.

— Не опасайтесь, батюшка, прервала его Критикзада: я приняла всѣ мѣры предосторожности. У меня спрятана была на всякій случай подъ подушкою четвертая книжечка, маленькая, но чрезвычайно сильная, сильнѣе бенгальскаго опіума. Этою книжечкою можно усыпить самаго лютаго минотавра. Посмотрите, батюшка!

Она вынула изъ-за корсета и, съ торжественною улыбкою, показала отцу —

XII сонетовъ, С. Стромилова.

— Для большей безопасности сегодня я опять возьму съ собою эти двѣнадцать сонетовъ, примолвила она.

— Брамбеусъ-Ага-Багадуръ! вскричалъ Пюбликъ-Султанъ, увидѣвъ своего капыджи-баши: мы довольны твоей дочерью! Мы изволили спать очень изрядно. Она умѣла остановить сперва нашу зѣвоту прекрасными стихами; потомъ поднесла намъ прозы.... Я не дослушалъ повѣсти, которую свѣтлѣйшая наша супруга начала мнѣ разсказывать; но сегодня вечеромъ я узнаю конецъ этого чуднаго разсказа. Начало его такъ цѣлебно подѣйствовало на наши свѣтлые нервы, что мы пожелали изучить содержаніе всей исторіи, чтобы и тебѣ разсказать ее, когда ты будешь страдать безсонницей.

— Рабъ вашъ, сказалъ капыджи-баши, распростершись ницъ передъ своимъ могучимъ властелиномъ: рабъ вашъ непремѣнно стоя уснетъ, какъ слонъ, отъ такой высокой милости султанской.

Капыджи-баши былъ немножко льстецъ — какъ и всякій придворный такого своенравнаго деспота! — потому-что, какъ бы то ни было, невѣроятно, чтобы можно было уснуть стоя отъ этой прозаической исторіи.

Вечеромъ того же дня, свѣтлѣйшій Публикъ-Султанъ-Багадуръ снова лежалъ торжественно на своемъ алмазномъ ложѣ съ прекрасною Критикзадою, а маленькая Иронизада покоилась у подножія кровати. Около полуночи зѣвота начала мучить его свѣтлую персону.

НОЧЬ ВТОРАЯ.

— Любезная сестрица, сказала Иронизада, если ты не спишь, то разскажи мнѣ, пожалуй, одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, которые ты такъ прекрасно разсказываешь.

— Если государь и любезнѣйшій супругъ мой, произнесла смиреннымъ голосомъ Критикзада....

— Говори! сердито воскликнулъ султанъ.

— Во времена мудраго и великодушнаго Гаруна-Альрашида, продолжала Критикзада, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ въ одной губерніи помѣщикъ Романъ Матвѣевичъ, съ женою Натальей Ильинишной и дочерью Зоей Романовной. Зоя была красавица. По сосѣдству съ ними жили князья Лиманскіе. Молодой князь Юрій, сынъ Лиманскихъ, воспитывался въ Москвѣ. Это не мѣшало ему любить Зои, а Зоѣ обожать его. Наконецъ они увидѣлись. Юрій явился въ адъютантскомъ мундирѣ, и Зоя вспыхнула: но, увы, Зоя была капризнѣе капризнѣйшей изъ дамъ большаго свѣта! То она не показыва-

лась Юрію, оттого-что лицо у нея раскраснѣется, то уходила изъ залы, потому-что онъ слишкомъ долго разговаривалъ съ ея отцомъ; словомъ сказать, любезная сестрица, на нее нельзя было угодить. Характеръ ея выражался четырьмя словами: не проси — обидится, попроси — разсердится.

Срокъ Юріева отпуска кончился. Онъ уѣхалъ, не зная, что Зоя влюблена въ него и надѣляя ее тмой тмущею укоризненныхъ прилагательныхъ, на которыя нынѣшніе писатели щедрѣе всѣхъ кучеровъ свѣтлѣйшаго султана и любезнѣйшаго супруга моего.

Наканунѣ Иванова дня чортъ обыкновенно даетъ подъ Кіевомъ балъ вѣдьмамъ и лѣшимъ. Одной изъ вѣдьмъ, приглашенныхъ на это празднество, пришлось ѣхать мимо оконъ Зои. Вѣдьма смекнула тотчасъ, что Зоя грустить, нырнула къ ней въ трубу, и приняла видъ старушки. Зоя обрадовалась посѣтительницѣ, и повѣрила ей горе свое. Вѣдьма предложила красавицѣ выпустить сперва у нея на волю *сердце*, потомъ *думку*, а послѣ, когда они воротятся домой, подумать о суженомъ. Зоя согласилась. Вѣдьма защекотала ее подъ сердце, и улетѣла на балъ. На другое утро Зоя превратилась въ Femme sans coeur: въ ней не было ни крошки сердца. Сердце ея путешествовало.

Въ томъ же городѣ, гдѣ жила Зоя, имѣлъ главную квартиру нечистый духъ, по имени Нелегкой. Этотъ Нелегкой предположилъ себѣ цѣлью переженить весь городъ, единственно для умноженія числа сплетницъ и, чтобъ скорѣе достичь своей коварной цѣли, вну-

шилъ Роману Матвѣевичу желаніе задать большой балъ по билетамъ. Городъ пришелъ въ волненіе; всѣ засуетились; Нелегкой, бѣгая какъ угорѣлый, раздувалъ мѣхами пылкія страсти прапорщиковъ, поручиковъ и мѣстныхъ поэтовъ, и въ то же время кормилъ бѣлостокскими трюфлями одного маіора, инвалиднаго подполковника, полковника, городничаго и судью. Балъ былъ назначенъ въ имянины Зои, и начался въ семь часовъ. Около девяти, явилась она, обошла дамъ, приняла поздравленіе мужчинъ, и, видя блестящее собраніе, невольно воскликнула про себя: «Ахъ, какое множество оригиналовъ!» Она протанцовала съ полковникомъ, протанцовала съ инвалиднымъ подполковникомъ, протанцовала съ маіоромъ, протанцовала съ поручикомъ, прапорщикомъ, поэтомъ, судьею, городничимъ, и передъ ужиномъ скрылась. Этимъ и балъ кончился. Однако слѣдствія его были чрезвычайно важны: въ полковомъ штабѣ, полиціи и уѣздномъ судѣ, завздыхали о Зоѣ, начальство втихомолку, подчиненность вслухъ. Полковникъ, инвалидный подполковникъ, маіоръ, поручикъ, прапорщикъ, городничій, судья, и поэтъ (онъ же и лекарь), влюбились въ Зою по уши. Не смѣя свататься сами, они избрали, всѣ кромѣ лекаря (онъ же и поэтъ), свахою Анну Тихоновну, супругу стряпчаго. Круче всѣхъ пришлось однако маіору: Анна Тихоновна, разумѣется, съ каждаго жениха тянула взятку: городничему велѣла купить себѣ грогрò на платье; полковникъ обѣщалъ ей мебель изъ карельской березы; но отъ маіора она требовала, чтобъ несчастный продалъ ей новую бричку свою за двѣсти

рублей. Это ужъ было жестоко! Бричка есть символъ маіорской важности. Какъ маіору разстаться съ бричкой?.... Но должно было выбирать одно изъ двухъ: Зоя или бричка — тутъ не было средины. «Положимъ, что я уже отдалъ бричку, думалъ маіоръ: въ случаѣ согласія, ну какимъ образомъ отправлюсь я въ домъ Романа Матвѣевича? Неужели пѣшкомъ?» И бричка и Зоя до того вертѣлись въ его головѣ, что, въ разсѣяніи, онъ говорилъ: «Да, да! рѣшено; она такъ хороша, что я охотно отдамъ этой бабѣ Зою и женюсь на бричкѣ». Впрочемъ, и остальные женихи были разстроены не менѣе маіора. Но Богъ съ ними; возвратимся къ кануну Иванова дня. Ты помнишь, любезная сестрица, какъ вѣдьма защекотала Зою подъ сердце и какъ выпустила сердце ея на волю? Вотъ сердце Зои обернулось сорокой и полетѣло въ Москву. У заставы оно превратилось въ молочницу, а на Кузнецкомъ Мосту приняло видъ молодой дѣвушки въ мантò изъ drap-royal и дымковой шляпкѣ, обшитой рюшами шелковаго тюлю. Длинный лакей посадилъ ее въ карету. Карета поскакала, и Лелія очутилась у богатой маменьки. Вечеромъ маменька повезла ее на балъ. На балѣ она танцовала съ какимъ-то адъютантомъ: но не смѣла взглянуть на него, будучи увѣрена, что это — ОНЪ. Съ груди ея упала бѣлая роза. Ловкій адъютантъ попросилъ позволенія оставить розу у себя. Она позволила, не подымая глазъ, и только сказала медленно: «Ты овладѣлъ сею на вѣки». Ободренный молодой человѣкъ предложилъ ей третью

кадриль: она согласилась и, подходя къ своему мѣсту, спросила знакомую дѣвушку:

— Кто этотъ адъютантъ?

— Который?...... хорошенькій собою?

— Да.

— Князь Юрій Лиманскій.

— Я танцовала съ нимъ; но хорошо его не разсмотрѣла.

Музыка заиграла вновь, къ Леліи подошли два адъютанта. Она смутилась, посмотрѣла на того и на другаго, и подала руку Юрію. Оскорбленный соперникъ вызвалъ Лиманскаго на дуэль. Лелія съ трудомъ кончила кадриль, и уговорила мать ѣхать домой. Она не спала всю ночь, и только послѣ обѣда успокоилась, узнавъ, что оба противника легко ранены. Юрій полтора мѣсяца не показывался въ обществѣ; но настало время собраній; они увидѣлись опять; онъ открылся въ любви, и Лелія, слушая его страстныя признанія, спросила, цѣла ли ея бѣлая роза.

— Какая бѣлая роза? спросилъ онъ учтиво и холодно. Она вѣрно у того, кому вы ее отдали.

И, сказавъ это, онъ оставилъ ее одну.

Лелія опамятовалась, вскрикнула, и только тутъ догадалась, что въ суматохѣ перваго бала, приняла человѣка, совершенно незнакомаго, за князя Лиманскаго. Спустя нѣсколько времени, она была уже невѣстой этого незнакомца. Мери, подруга Леліи. пріѣхала ее поздравить и, въ разговорѣ, намекнула нечаянно, что Лиманской къ ней неравнодушенъ. Ревнивая Лелія слила уста свои съ устами подруги, и сердце Зои

переселилось въ грудь Мери: изъ Мери она перелетѣла въ Лиду, изъ Лиды въ Вареньку, изъ Вареньки въ Фанни, изъ Фанни въ Любовь Аполлоновну и наконецъ, почуявъ приближенiе Иванова дня, изъ Любови Аполлоновны перешло въ прелестную сороку, которая, взмахнувъ сорочьими крыльями своими, выпорхнула въ форточку и полетѣла въ Кiевъ.

А между-тѣмъ какъ вышеписанное сердце, выпущенное на волю, металось изъ угла въ уголъ, изъ груди въ грудь, счастiе, казалось, влюбилось въ стряпчаго. Женихи задаривали Анну Тихоновну. Она обнадеживала каждаго изъ нихъ вѣрнымъ успѣхомъ, и совѣтовала терпѣливо ожидать рѣшенiя своей участи, какъ вдругъ Лиманскiй нагрянулъ, словно снѣгъ на голову, съ своей прежнею неизмѣнною любовью къ Зоѣ. Горя нетерпѣнiемъ жениться, Юрiй открылся отцу и матери. Княгиня отправилась переговорить съ Натальей Ильинишной; но, къ несчастiю, Нелегкой подслушалъ ихъ разговоръ и пересказалъ вѣдьмѣ. Отъ этой новости вѣдьму согнуло въ три дуги. Нелегкой сталъ ее разгибать.

— Еще три дня, гнусила она, и все пропало! Я нарочно разрознила сердце и думку, чтобъ ОНА не ужилась ни съ однимъ добрымъ человѣкомъ. Въ ночь на Ивановъ день сердце къ ней воротится, и тогда она выйдетъ замужъ, будетъ честной женой и доброй матерью. а я ужъ похвастала на шабашѣ матушкѣ Бурѣ, великой грозѣ громоносной, что поставлю ей новую вѣдьму. Уу-уу-уу-уу-уу-уу!....

— Э, старая баба, есть о чемъ вопить! сказалъ

Нелегкой. Я дѣло обработаю; только не хнычь да проваливай.

На другое утро Наталья Ильинишна объявила Зоѣ о предложеиіи Юрія. Зоя приняла это предложеніе очень холодно, нахмурилась, четыре дня сряду мучила Лиманскаго насмѣшками и суровостью, и наконецъ добилась дотого, что, выведенный изъ терпѣнія, князь уѣхалъ обратно въ Москву, къ крайнему своему сожалѣнію, совершенно холостымъ.

А между-тѣмъ настала ночь на Ивановъ день и вѣдьма сквозь трубу пробралась въ комнату Зои. Вслѣдъ за ней — скокъ, на окно сорока! Вѣдьма схватила сороку за ея прекрасный сорочій хвостъ, свернула въ клубокъ и сунула въ грудь дѣвушкѣ; потомъ провела надъ головой ея руками разные вавилоны, и въ рукахъ ея явилась сова, которая похлопола своими страшными совиными глазами, вылетѣла въ окно и понеслась по густому мраку.

— Теперь сердце въ гнѣздѣ, а думка на волѣ, запѣла вѣдьма на голосъ *«Чѣмъ тебя я огорчила»*, стукнула о-полъ каблукомъ и, свернувшись въ дымокъ, исчезла въ трубѣ.

И вотъ реченное сердце, возвратясь въ вышеписанную грудь, забилось, застучало, заговорило своимъ звучнымъ сердечнымъ языкомъ. Зоя вдругъ засмотрѣлась на хорошенькіе усики поручика, пустилась играть съ нимъ въ дурачки, проиграла ему локонъ, заплатила проигрышъ. Въ то же время, пользуясь обстоятельствами, Анна Тихоновна замолвила слова два въ пользу полковника. Романъ Матвѣевичъ отвѣчалъ, что

онъ — не прочь. Полковникъ, отъ радости, заказалъ себѣ новыя брюки и новые сапоги: онъ уже торжествовалъ мысленно, какъ вдругъ Анна Тихоновна предательски сообщила ему исторію о локонѣ. Внѣ себя отъ ярости, онъ командировалъ поручика въ Бердичевъ. Поручикъ не поѣхалъ. Полковникъ взбѣсился. Заварилась каша, и въ добавокъ ко всѣмъ бѣдамъ, полкъ получилъ приказаніе выступить въ двадцать четыре часа. Насталъ чередъ статскихъ и инвалидныхъ жениховъ. Первый выступилъ судья, посватался, и Зоя согласилась.

Опять захлопотала вѣдьма какъ бы развести свадьбу; опять стала просить Нелегкаго слетать вихремъ за думкой и доставить ее назадъ въ голову Зои. На что̀ Нелегкой далъ слово пособить бѣдѣ иначе. Въ воскресенье назначенъ былъ сговоръ. Судья явился выбритый и распомаженный, и уже судейская рука его чуть-чуть не протягивалась къ ручкѣ Зои, какъ распахнулась дверь и вошелъ поэтъ (онъ же и лекарь). Онъ раскланялся собранію, и началъ читать стихи: стихи понравились всѣмъ, исключая судьи, который захрапѣлъ и былъ выведенъ подъ-руки. Ахъ, извини, любезная сестрица!..:. я забыла сказать тебѣ, что судья былъ пьянъ. Общій хохотъ проводилъ его до дрожекъ. Свадьба разстроилась. Мѣсто представителя уѣзднаго правосудія занялъ разстроитель уѣзднаго здоровья, лекарь (онъ же и поэтъ); однако вѣдьма скоро разсорила молодыхъ, и на сцену выступилъ городничій.

А между-тѣмъ думка, обернувшись совой и выле-

тѣвъ на волю, понеслась въ Петербургъ. Тамъ она сѣла на чело прекрасной дѣвушки Юліи, внушила ей любовь къ доктору, выдала ее замужъ и потомъ принялась гостить по очереди въ мысляхъ всѣхъ подругъ ея. Подругъ было счетомъ шесть — Маланья, Аграфена, Зиновія, Пелагея, Надежда, Варвара. Онѣ любили, первая — кавалергарда, вторая — мосьѐ Плѣницына, третья — мосье Ранетскаго, четвертая — капитана втораго ранга, пятая — мосье Кланю, шестая — конно-артиллериста, и наоборотъ: конно-артиллеристъ любилъ Маланью, мосье Кланю — Аграфену; капитанъ втораго ранга — Зиновію, мосье Ранетской — Пелагею, мосье Плѣницынъ — Надежду, а кавалергардъ — Варвару, что̀ составило безвыходный лабиринтъ перекрестной любви. Много напроказничала и напутала думка, кочуя такимъ образомъ. Въ то же время, Юрій, убѣгая Зои, также очутился въ Петербургѣ. Думка узнала его, и, перепархивая невидимкою отъ одной дѣвушки къ другой, шептала каждой: «Вотъ ОНЪ!..... Вотъ тотъ, кого ты ждала!» Однако Юрій тщетно старался замѣнить въ своемъ сердцѣ Зою цѣлою толпою красавицъ; да и Зоя тоже, съ своей стороны, ночью думала объ Юріи, а днемъ кокетничала съ городничимъ. Оный городничій раскрылъ уже-было ротъ для окончательнаго переговора, какъ вѣдьма устроила пожаръ, чтобы прервать объясненіе. Городничій, у котораго пожаръ шествовалъ всегда впереди любви, побѣжалъ тушить огонь, имѣлъ счастіе спасти жизнь дочери хозяина горѣвшаго дома, и въ награду за этотъ подвигъ получилъ ея руку. Послѣдній повелъ аттаку инвалидный

подполковникъ, и, ожесточенная противъ мужчинъ, Зоя рѣшилась сдать свою крѣпость инвалидной командѣ на капитуляцію.

А между-тѣмъ думка порхала, и Юрій тоже порхалъ, и пропорхалъ бы онъ долго, еслибъ не получилъ письма отъ матери, которая увѣдомляла его, что за Зоей сватаются многіе и что Зоя всѣмъ отказываетъ. Это извѣстіе заставило его сломя голову скакать въ Кіевъ. Думка помчалась вслѣдъ за нимъ изъ Петербурга. Но, въѣзжая въ городъ, онъ услышалъ звонъ къ вечернѣ.

— Стой, Что̀ такое?.....

— Свадьба! отвѣчали прохожіе.

— Чья?

— Зоя Рома́новна выходитъ за инвалиднаго подполковника.

Обезумленный Юрій бросился прямо въ церковь.

Думка тоже за нимъ, и — прямо къ Зоѣ.

Священникъ взялъ въ руки кольца......

— Оглянись, шептала думка.

Зоя оглянулась. Она увидѣла Юрія, и упала безъ чувствъ на руки посаженой матери. Ее отнесли домой.

— Чѣмъ же кончилось дѣло, любезная сестрица? спросила Иронизада.

— Любезная сестрица, отвѣчала Критикзада, ничѣмъ. Черезъ нѣсколько дней Зою обвѣнчали съ княземъ Лиманскимъ. А между-тѣмъ снова наступила Ивановская ночь, снова чортъ давалъ на Лысой Горѣ большой балъ вихрямъ, вьюгамъ, Кощею безсмертному, бабамъ-ягамъ, вѣдьмамъ, домовымъ, лѣшимъ, кол-

дунамъ и чародѣямъ. Ждали только бури, великой грозы громоносной. Она пріѣхала въ самую полночь, тотчасъ же кликнула къ себѣ вѣдьму кіевскую, и потребовала отъ нея обѣщанной новобранки. Вѣдьма обомлѣла. Нелегкой не пропуститъ случая разсказать всѣ ея глупыя продѣлки касательно разсоединенія сердца и думки. Выслушавъ Нелегкаго, буря, великая гроза громоносная, приказала кіевскую вѣдьму за обманъ вытянуть въ нитку и заштопать ею старые чулки.

— Очень благодарю тебя, любезная сестрица, за эту прелестную повѣсть, сказала маленькая Иронизада. И я увѣрена, что это г. Вельтманъ сочинилъ ее.

— Почемужъ такъ ты уже и увѣрена въ этомъ? возразила Критикзада. А можетъ-быть и не г. Вельтманъ!

— Нѣтъ, любезная сестрица, продолжала Иронизада: не кто иной какъ г. Вельтманъ! Только онъ въ состояніи выдумать такую исторію.

— У тебя умъ не по лѣтамъ, сказала Критикзада. Въ самомъ дѣлѣ, нечего грѣха таить, онъ—сочинилъ ее.

— Ну, видишь, сестрица!.... Я такъ хорошо знаю манеру г. Вельтгама, что, не видавши книги, могу даже сказать ея заглавіе.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Ну, скажи.

— Изволь. Заглавіе этой книги должно быть:

Сердце и Думка. *Сочиненіе* А. Вельтмана. Четыре части.

— Это удивительно! вскричала Критикзада. Да какъ же ты угадала, что она въ четырехъ частяхъ и что каждая часть имѣетъ не болѣе ста семидесяти страницъ?

— Ну, ужъ угадала, сестрица! И я даже знаю причину,

почему въ каждой части не болѣе ста семидесяти страницъ.

— А почему?

— Не скажу.

— Скажи!

— Не скажу, любезная сестрица! Скажу только, что еслибъ я была г. Вельтманомъ и писала такъ мило и живо какъ онъ, я никакъ не согласилась бы раздѣлять на четыре части сочиненія, которое едва-едва составляетъ двѣ порядочныхъ части.

Султанъ былъ въ восхищеніи отъ проницательности маленькой Иронизады, но еще болѣе отъ повѣсти г. Вельтмана и объявилъ, что онъ, Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, покупаетъ всѣ экземпляры рѣченной повѣсти и жалуетъ означеннаго г. Вельтмана своимъ придворнымъ разскащикомъ.

— Мы не изволили зѣвать, слушая его сказку, присовокупилъ султанъ. Этого довольно. Но намъ бы хотѣлось узнать конецъ той удивительной повѣсти, которую ты начала разсказывать намъ вчера изъ прекраснаго альманаха и которая пролила на нашу свѣтлую особу такой восхитительный сонъ. Разскажи намъ еще разъ ее. Начни съ начала.

Критиксада повиновалась приказанію, но не прошло десяти минутъ, какъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ уснулъ еще пріятнѣе вчерашняго. Свѣтлѣйшая его супруга пріостановилась.

На слѣдующее утро, Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ всталъ въ отмѣнно-хорошемъ расположеніи духа, совершилъ омовенія семи членовъ, прочиталъ молитвы

и вышелъ въ залу чинить судъ и расправу своему народу. Верховный визирь явился съ кожанымъ мѣшкомъ.

— Погоди, еще не время, сказалъ ему султанъ. Мы еще не узнали, что̀ насъ поражаетъ въ этой необыкновенной повѣсти, и такъ сильно, что мы мгновенно отъ нея засыпаемъ. Спрячь мѣшокъ до-завтра.

— Съ моимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ визирь, цѣлуя край платья владыки.

Вечеромъ того же дня, Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ торжественно лежалъ на своей алмазной кровати съ прекрасною Критикзадою, и какъ-скоро около полуночи началась у него супружеская зѣвота, маленькая Иронизада, обращаясь къ сестрѣ своей, сказала:

— Любезная сестрица, если ты еще не спишь, разскажи мнѣ, пожалуй, одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, которые ты такъ прекрасно разсказываешь.

НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

— Во времена мудраго и великодушнаго Гаруна-Альрашида, сказала Критикзада, жилъ нѣкто А. П. Степановъ, человѣкъ съ дарованіемъ и умомъ, авторъ статистики Енисейской губерніи и романа «Постоялый дворъ.» Онъ умеръ. Послѣ смерти его, наслѣдники издали двѣ красивенькихъ части его повѣстей, между которыми находится также очень любопытная статья, «Поѣздка въ Маймайченъ»: совѣтую тебѣ, любезная сестрица, прочитать эту книгу; увѣряю тебя, что она доставитъ тебѣ удовольствіе, хотя между ея повѣстями ты найдешь нѣкоторыя, извѣстныя уже тебѣ изъ журналовъ; а вамъ, свѣтлѣйшій государь и любезнѣй-

шій супругъ мой, Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ — да продлится ваше царствоввніе до дня преставленія свѣта и да удвоится неисчерпаемая казна ваша! — осмѣливаюсь совѣтовать купить всѣ экземпляры этого сочиненія, потому-что, кромѣ удовольствія, какое принесетъ вамъ ихъ чтеніе, вы сдѣлаете еще доброе дѣло: авторъ оставилъ многочисленное семейство, котораго воспитаніе отчасти еще не кончено, и не оставилъ ему другаго наслѣдства кромѣ умственныхъ трудовъ своихъ.....

— Непремѣнно куплю! сказалъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ: а какъ называется эта книга?

— Эта книга, свѣтлѣйшій государь и любезнѣйшій супругъ мой, называется:

Повѣсти и *Путешествіе въ Маймайченъ*, А. П. Степанова. *Двѣ части.*

Въ то же самое время, продолжала Критикзада, жилъ другой писатель, который, по словамъ его, писалъ стихи *изъ нужды*, хотя ему не было никакой нужды писать именно стихи. Сочиненіе его имѣетъ заглавіемъ:

Повѣсти въ стихахъ. Павлова.

— Чтобы дать вамъ понятіе о стихотворномъ дарованіи этого сочинителя, позвольте, свѣтлѣйшій государь и любезнѣйшій супругъ, прежде чѣмъ приступлю къ моей исторіи, прочитать вамъ нѣсколько мѣстъ этой книжки:

«Объявлена война!—
Пришла мнѣ мысль: среди полей
Развлечь душевное смятенье
И сердца скорбь. И я скорѣй

Подавъ въ М....й полкъ прошенье,
Иду къ Евгеніи моей.
.................................Я палъ
Къ ея ногамъ, и ей съ тоскою
Ужъ я рѣшительно сказалъ:
Скажи: любимъ ли я тобою,
Евгенья, другъ безцѣнный, милый?...
Какъ вдругъ пакетъ: и съ подорожной,
И съ предписаньемъ получилъ.
Мы распрощались. — Ужъ летитъ
Удалыхъ тройка *подо* мною.
Ужъ я *несчадною* рукою
Въ строю полунощныхъ орловъ,
Ражу отечества враговъ.
Ужъ руку и геройской духъ —
И слава и успѣхъ вѣнчали,
И вражьи головы летали,
И трупы падали вокругъ.
Пришелъ декабрь — враги толпами
Шли въ плѣнъ—*какъ роскоши покой.*
Ура! низвергнутъ исполинъ,
И я, обвѣшанный крестами,
Представленъ былъ въ майорскій чинъ».

— Довольно! сказалъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ Я уже имѣю достаточное понятіе.

— Слушаю! отвѣчала Критиксада. Я только хотѣла доложить вашей свѣтлой персонѣ, что такъ какъ эти стихи писаны «изъ нужды»....

— А мнѣ какая до нихъ нужда! вскричалъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ. Я никого въ моемъ государствѣ не принуждаю писать стихи! Продолжай свою исторію, нето я стану зѣвать.

Около того же времени, въ славномъ градѣ Москвѣ Бѣлокаменной явилось:

Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонвизена. *Изданіе второе.*

И мудрецы повѣствуютъ, что это компактное изданіе, напечатанное московскимъ книгопродавцемъ Н. И. Глазуновымъ, названо вторымъ, потому, что первое полное собраніе сочиненій Фонвизина издано было въ 1830 году книгопродавцемъ Салаевымъ. Свѣтлѣйшій государь и любезнѣйшій супругъ мой, новое изданіе заключаетъ въ себѣ то же, что̀ и первое, а въ первомъ, какъ сказано было въ предисловіи, нѣкоторыя напечатанныя и рукописныя сочиненія и переводы, приписываемые Фонвизину, не были помѣщены по той причинѣ, что не оказалось вѣрныхъ доказательствъ, чтобы онъ былъ ихъ авторомъ, и что иные были плодами незрѣлаго таланта или, какъ самъ Фонвизинъ говорилъ, грѣхами его юности. Вашей свѣтлой персонѣ это объясненіе конечно кажется неудовлетворительнымъ. И самые грѣхи такого писателя, каковъ Фонвизинъ, очень занимательны. Нельзя не пожалѣть, что не напечатали, безъ исключенія всего, что̀ писалъ этотъ превосходный комикъ. Кто поручится за непогрѣшительность оцѣнки, которую принимаютъ на себя издатели? И слабое даже произведеніе любопытно, по-крайней-мѣрѣ въ томъ отношеніи, что читатель можетъ видѣть первые шаги таланта на поприщѣ. которое его прославило. Почему бы, напримѣръ, не напечатать въ «полномъ» собраніи сочиненій Фонвизина «Жизни нѣкоего Аввакумскаго скитника, въ Брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго, и куріознаго разговора души его при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ»? Это сочиненіе въ свое

время имѣло большой успѣхъ. Если бы оно было даже не хорошо, безвкусно, пошло, и въ такомъ случаѣ оно безспорно принадлежитъ къ исторіи литературы, какъ доказательство степени ума и вкуса славнаго предка вашего, свѣтлѣйшій Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ.....

— Безъ эпиграммъ, сударыня! сказалъ султанъ. Я этого не люблю.

— Возвращаюсь къ моей исторіи, сказала Критикзада: я должна доложить, что въ 1791 году напечатано было «*новое* изданіе» сочиненій Фонвизина: слѣдовательно, первое было читано и разошлось. Въ 1802 году вышло другое новое изданіе. Фонвизинъ умеръ въ 1792 году, и потому нельзя думать, чтобы при жизни его кто-нибудь рѣшился напечатать подъ его именемъ, и еще не одинъ разъ, сочиненіе, не имъ писанное. Такимъ образомъ, не смотря на два полныя изданія его сочиненій, можно желать третьяго, полнѣйшаго. Переводы Фонвизина также не худо было напечатать, хоть отдѣльно отъ сочиненій. Имъ переведены басни Гольберга; Жизнь Сифа, царя египетскаго; Рѣчь профессора Рейхеля, говоренная въ публичномъ собраніи Московскаго университета послѣ коронованія Императрицы Екатерины II; Іосифъ, поэма Битобе; Торгующее дворянство, противоположенное дворянству военному, сочиненіе Юсти; Сидней и Силли, англійская повѣсть; Похвальное слово Марку Аврелію; Любовь Хариты и Полидора, Бартелеми; Альзира, трагедія Вольтера; Сидней. Альзира и Сидней переведены стихами.

На заглавномъ листѣ полныхъ изданій имя автора слѣдовало бы писать вполнѣ—Дениса Ивановича Фонвизина. Это тѣмъ нужнѣе, что былъ и другой Фонвизинъ, современникъ перваго, переводчикъ Друга дѣвицъ, Силы родства, гишпанской повѣсти, и Нравоучительныхъ сказокъ Мармонтеля. Этого звали Павломъ. Не даромъ же Гомеръ сказалъ—

«Каждый смертный имѣетъ надежную собственность — имя!»

Денисъ Фонвизинъ принадлежитъ къ числу такихъ писателей, которые сдѣлали бы честь какой угодно словесности. Современные ему писатели устарѣли, а его «Недоросль» до-сихъ-поръ рѣшительно *первая* русская комедія. Какая искусная, оригинальная, обрисовка характеровъ, какое высокое комическое дарованіе, какое злое остроуміе, какой наблюдательный, меткій, сатирическій взглядъ! Лица его комедіи вошли въ пословицу. Напрасно говорятъ, что они уже потеряли современность съ нынѣшними нравами сѣвера. И теперь можно найти лицъ, похожихъ на Простакова и супругу его, на Еремѣевну, даже на Митрофана, на Скотинина, на Вральмана. Только нынѣшніе Вральманы умѣютъ искуснѣе пустить пыль въ глаза, «задать тонъ»; бредятъ о Шеллингѣ и Гегелѣ, которыхъ они не читали и не понимаютъ; переводятъ съ англійскаго и итальянскаго, не будучи въ состояніи прочесть двухъ страницъ по-англійски или по-итальянски; въ какомъ-нибудь скучномъ романѣ приводятъ эпиграфы и цитаты на тридцати языкахъ, не зная ни одного изъ нихъ, и посредствомъ такихъ уловокъ кажутся людьми учеными; но вглядитесь въ нихъ попристальнѣе, свѣтлѣй-

шій государь и любезнѣйшій супругъ мой, и вы увидите: тѣ же Адамы Адамовичи!

Вторая причина, по которой «Недоросль» понынѣ читается съ удовольствіемъ, состоитъ въ слогѣ. Фонвизинъ былъ такъ уменъ, что писалъ живымъ языкомъ: онъ писалъ языкомъ временъ Екатерины II, и этотъ языкъ до-сихъ-поръ не сдѣлался дикимъ или страннымъ. Языкъ Фонвизина свѣжъ понынѣ: онъ не устарѣлъ, и не устарѣетъ, потому-что онъ согласенъ былъ съ природою. Всякое рококо скоро теряетъ свою изящность, но прямая линія всегда изящна. Прочтите Сумарокова, который щеголялъ слогомъ книжнымъ: онъ сдѣлался нестерпимымъ; такъ сдѣлаются нестерпимыми всѣ, которые проливаютъ слезы надъ *симъ, онымъ, таковымъ*, и прочими рококо русскаго слова, и на зло здравому смыслу, нарочно шпигуютъ ими свои сочиненія. Между-тѣмъ, читая «Недоросля» не вѣришь, что онъ писанъ былъ за пятьдесятъ-пять лѣтъ! Надобно признаться, что Русскіе часто не умѣютъ цѣнить своихъ писателей, и особенно Фонвизина. У Французовъ сдѣлались общенародными многія мѣста Мольера, которыя далеко не стóютъ относительно остроты и настоящаго комизма, многихъ мѣстъ Фонвизина. Русскіе повторяютъ вслѣдъ за Французами — Vous êtes orfèvre, monsieur Josse, и другія очень невинныя остроты въ томъ же родѣ, а забываютъ напримѣръ сцену между Простаковою, ея мужемъ и Скотининымъ, когда домашній портной Тришка сшилъ новый кафтанъ для недоросля. Одно это мѣсто стоитъ дюжины иныхъ комедій. А сцена, когда воспитанница Софія получила письмо отъ дяди?

Право, во всемъ Мольерѣ нѣтъ ни одной комической черты выше этого. *Нѣтъ, сударыня, благодаря Бога я не такъ воспитана, я письма могу получать, но читать велю всегда другому!* — этотъ отвѣтъ можетъ смѣло быть поставленъ на ряду съ знаменитымъ изумленіемъ мосьё Журдена, когда онъ узналъ, что во всю жизнь говорилъ прозою.

«Бригадиръ» Фонвизина уступаетъ «Недорослю,» но все же заключаетъ въ себѣ множество достоинствъ. И тамъ современные нравы представлены въ мастерской картинѣ. Сынъ Бригадира, пустой человѣкъ, зараженный страстью ко всему иностранному, мѣшающій въ свой разговоръ французскія слова, есть такое лицо, съ которымъ и теперь можно встрѣтиться въ русскихъ гостиныхъ. И теперь еще многіе не сознаютъ тамъ истиннаго значенія своего въ умственной Европѣ, презираютъ и чернятъ все свое, и между-тѣмъ какъ иностранцы часто отдаютъ справедливость русской словесности; и они лучшей своей книгѣ предпочитаютъ самой дрянной парижскій романъ, единственно потому, что этотъ романъ — не свое произведеніе.

Письма Фонвизина изъ Франціи, Германіи и Италіи очень занимательны; вездѣ виденъ умъ наблюдательный, оригинальный, свѣтлый, глубокій. Но въ письмахъ, Фонвизинъ, къ сожалѣнію, держался болѣе книжнаго слога. Какая разница съ «Недорослемъ»! Несмотря на это, и письма, богатыя внутреннимъ содержаніемъ, читаются съ большимъ удовольствіемъ. Его «Чистосердечное признаніе» служитъ драгоцѣннымъ матеріяломъ для біографіи автора. Не перечи-

сляя всѣхъ его сочиненій, можно сказать вообще, что и въ нихъ вездѣ видѣнъ болѣе или менѣе Фонвизинъ, и что новое изданіе, которое заключило ихъ въ одномъ томѣ, хоть оно и напрасно нарекло себя «полнымъ», есть весьма пріятное событіе для любителей хорошихъ книгъ.

Но между-тѣмъ какъ это происходило, вдругъ случилось происшествіе, чрезвычайно важное для моей исторіи. Кто-то неожиданно перевелъ «съ иностраннаго» два ужасные романа — одинъ г-жи д'Абрантесъ, вдовы французскаго маршала, а другой г. Поль-де-Кока, вдовца французской пирожницы. Невозможно описать впечатлѣнія, какое произвели въ умахъ эти двѣ пошлыя и скучныя книги, когда онѣ явились, первая съ заглавіемъ:

Испанка. *Сочиненіе герцогини Абрантесъ. Переводъ съ французскаго.*

А вторая подъ скромнымъ титуломъ:

Турлулу, *романъ Поль-де-Кока.*

Мудрецы сѣвера, видя это странное смѣшеніе повѣстей Степанова, повѣстей г. Павлова, сочиненій Фонвизина, сочиненій г-жи д'Абрантесъ, сочиненій Поль-де-Кока.....

— Постой! прервалъ въ этомъ мѣстѣ Пübликъ-Султанъ-Багадуръ разсказъ прекрасной Критикзады: это какая-то очень запутанная исторія!..... Я начинаю зѣвать. Разскажи мнѣ лучше ту удивительную повѣсть, которой ты не кончила въ первую ночь нашего благополучнаго брака. Начни сначала. Я буду слушать съ величайшимъ вниманіемъ. Странное дѣло! я никакъ

не могъ добиться, что̀ такое меня такъ сильно поражаетъ въ прозѣ этого прекраснаго альманаха?....

Критикзада, повинуясь приказанію, начала опять знаменитую повѣсть первой ночи. Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, чтобы не уснуть, крѣпко понюхалъ раза два или три самаго летучаго испанскаго табаку, но не прошло и десяти минутъ, какъ его свѣтлая персона погрузилась въ самый пріятный сонъ. Критикзада умолкла и вскорѣ заснула подлѣ своего супруга.

На слѣдующее утро Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ всталъ, совершилъ омовенія, прочиталъ молитвы и вышелъ въ пріемную залу. Верховный визирь уже стоялъ у дверей, ожидая только выхода владыки, чтобы зашить прекрасную Критикзаду въ кожаный мѣшокъ и бросить ее въ море.

— Погоди, сказалъ ему султанъ: спрячь мѣшокъ; мы еще не узнали настоящаго содержанія повѣсти, которая возбудила наше любопытство до такой степени.

Вечеромъ того же дня Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ снова лежалъ торжественно на своемъ великолѣпномъ ложѣ съ прекрасною супругою Критикзадою. Только что зѣвнулъ онъ въ первый разъ, Иронизада произнесла тотчасъ своимъ тоненькимъ голоскомъ:

— Любезная сестрица, если ты еще не спишь, разскажи мнѣ одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, которые ты такъ прекрасно разсказываешь.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала султанша.

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Во времена мудраго и великодушнаго Гаруна-Аль-рашида жили были три водевиля: одинъ изъ нихъ назывался «Она похудѣла», другому имя было «Слѣпой», а третьему «Архиваріусъ». Они были три родные брата, и, по обыкновенію, двое изъ нихъ были умные, а третій былъ дурачокъ. Старшій, и самый умный, имѣлъ родительницею прекрасную даму, которая уже многими твореніями доказала свое поэтическое дарованіе. Этотъ водевиль былъ чрезвычайно простъ, какъ всѣ умные водевили. Онъ любилъ только толстыхъ, жирныхъ красавицъ, и потому влюбился въ прекрасную Софію, которая дотого была прекрасна и жирна, что пока она—

« .....была молодою,
Бывало сертуки и фраки
За нею бѣгали толпой,
И ссорились между собой.
Случались и дуэльны драки!»

Однакожъ красавица вышла замужъ за другаго, за человѣка тощаго, который не зналъ цѣны жиру. Бракъ ихъ былъ самый несчастный—естественное слѣдствіе несогласія темпераментовъ, худаго и жирнаго. Но, между-тѣмъ какъ влюбленный Водевиль путешествовалъ за-границею, мужъ Софіи благополучно отправился на тотъ свѣтъ. Водевиль прибѣжалъ тотчасъ изъ-за границы къ своей ненаглядной. Она была все такъ же влюблена, и такъ же прекрасна, но только въ отсутствіе Водевиля, стала вполовину тоньше. Само собою разумѣется, что у влюбленнаго Водевиля любовь

къ ней въ одно мгновеніе ока уменьшилась тоже до половины, а въ слѣдующее мгновеніе и совершенно исчезла. Онъ женился на другой, а своей экс-жирной возлюбленной запѣлъ горькую истину въ прелестныхъ куплетахъ:

«Что это дурно, сознаюся,
Перемѣниться жъ не могу;
И притворяться не рѣшуся,
И никогда я не солгу.

Пусть на землю бъ Дѣва Рая
Сошла съ любовію ко мнѣ,
Но ежели *она худая*,
Такъ Дѣву Дуная — ксторонѣ!»

Второй братъ, водевиль по имени «Слѣпой», былъ сынъ г. Анселò: его похожденія уже извѣстны тебѣ, любезная сестрица, изъ «Биб. для Чт.», журнала, получаемаго во всей Индіи. Что касается до третьяго брата, дурачка, то хотя онъ вполнѣ заслуживалъ своего названія, однакожъ это его нисколько не безпокоило: онъ зналъ, что дурачокъ есть лучшая похвала, какую только можно дать третьему брату въ сказкѣ о трехъ братахъ; съ этимъ титуломъ онъ былъ увѣренъ побѣдить умныхъ и до всего достигнуть. Окончивъ воспитаніе свое въ гимназіи, онъ вступилъ въ службу по одному департаменту канцеляристомъ, и влюбился въ дочь архиваріуса того жъ департамента. Отецъ прекрасной Дуни презиралъ его, потому-что прекрасный молодой Водевиль, при всемъ своемъ воспитаніи, при всей своей образованности и отличныхъ способ-

ностяхъ, былъ только канцеляристъ и не имѣлъ еще штатнаго мѣста. Отецъ хотѣлъ выдать ее за своего помощника, Мурашева, большаго негодяя, котораго наканунѣ полиція замѣтила на Крестовскомъ «въ буйствѣ, пьянствѣ и азартѣ». Однажды, въ отсутствіе архиваріуса, прекрасно образованный Водевиль прибѣжалъ къ своей возлюбленной изъ департамента. «На силу-то я васъ увидалъ!» вскричалъ этотъ отличный молодой человѣкъ, и, посматривая на служанку Марѳу, прибавилъ: «*Же ве ву парле..... мъ мадамъ..... же ву при, дитъ луи..... сортиръ..... компрене?*» — «*Вуй, же сь.....*» отвѣчала прекрасная Дуня, и шепнула Марѳѣ: «Ты бы, Марѳа, пошла теперь въ кухню, да постерегла, чтобъ кто чужой не вошелъ». — «Да принеси, Марѳушенька, огонька! вскричалъ вслѣдъ за ней прекрасно образованный Водевиль: вѣдь вы, Авдотья Андреевна, позволите мнѣ выкурить трубочку?..... Съ самаго утра не курилъ!..... Смерть какъ хочется затянуться!» — «Пожалуйста! отвѣчала Дуня. Я до смерти люблю табачный дымъ». Водевиль взялъ въ углу трубку и, набивая ее табакомъ *изъ своего кармана*, примолвилъ: «Такую, право, привычку сдѣлалъ, что какъ часъ не покуришь, такъ и скучно!..... Особенно въ моемъ жалкомъ положеніи..... при моей несчастной любви.....

«Когда безъ васъ о васъ мечтаю
Ночной порой я подъ окномъ,
Тогда я душу утѣшаю
Однимъ душистымъ табакомъ!»

Дуня, съ участіемъ смотря на столь образованнаго молодаго Водевиля, сказала, со слезами на глазахъ: «Бѣдненькіе!», а между-тѣмъ и Мароа принесла *зажженную лучину*. Недолго однакожъ любовники могли наслаждаться табачнымъ дымомъ и блаженствомъ: свирѣпый Мурашевъ вдругъ вошелъ въ то самое время, когда любезный Водевиль «подходилъ къ ручкѣ» Дуни, его невѣсты; невѣста спаслась въ другую комнату; Мурашевъ завелъ ссору съ юнымъ Водевилемъ и, запивая самыя крупныя слова водкой....

— Полно! сказалъ султанъ: пощади, матушка! Мнѣ дѣлается тошно отъ этой исторіи..... Не забывай, моя милая, что ты лежишь здѣсь торжественно на алмазномъ ложѣ подлѣ Пюбликъ-Султанъ-Багадура. Вотъ разскажи мнѣ лучше ту удивительную повѣсть, которую начала ты разсказывать изъ какого-то альманаха въ первую ночь нашего благополучнаго брака. Мы изволили обѣщать рабу нашему Брамбеусу-Агѣ-Багадуру, что раскажемъ ему сами эту исторію, когда онъ будетъ страдать безсонницей, а между-тѣмъ не знаемъ еще, что́ насъ сильно въ ней поражаетъ. Начни, другъ мой съ начала.

Критиксада начала въ четвертый разъ знаменитую исторію первой ночи, и въ четвертый разъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, спустя семь или восемь минутъ, погрузился въ бальзамическій сонъ.

— Спитъ ли султанъ? спросила вполголоса маленькая Иронизада.

— Спитъ, отвѣчала тихо прекрасная султанша.

— Ты погибла, любезная сестрица! Не избѣгнуть

тебѣ завтра роковаго мѣшка! Какъ можно разсказывать такому великому султану такія грязныя вещи!.... Скажи мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, чтобы я знала на случай, если батюшка спроситъ, кто сочинитель этого табачнаго водевиля?

— Г. Ѳедоровъ, со страхомъ произнесла Критикзада. Ахъ, если его водевиль будетъ причиною моей погибели, продолжала она съ глубокимъ вздохомъ, и батюшка станетъ разспрашивать о подробностяхъ этой несчастной сказки, для внесенія ихъ въ «Лѣтопись», скажи, любезная сестрица, что три водевиля, изъ которыхъ я хотѣла составить повѣсть для султана, были:

1. Она похудѣла. *Комедія-водевиль* Александры Фуксъ.

2. Слѣпой, *или двѣ сестры. Комедія-водевиль Анселд, переведенная съ Французскаго* П. И. Степановымъ.

3. Архиваріусъ. *Водевиль* П. С. Ѳедорова.

— Лучше бы мнѣ было, продолжала печальная султанша, вмѣсто этого несчастнаго водевиля, поразсказать владыкѣ нашему премилыя комедіи умной и даровитой саксонской принцессы, которыя вышли въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ:

Новый нѣмецкій театръ. *Часть первая.*

Да я боялась, что нашему Пюбликъ-Султану-Багадуру не понравятся комедіи нѣмецкія, одушевленныя тихою веселостью, полныя тѣмъ добродушіемъ, котораго онъ не привыкъ видѣть на сценѣ, покоренной французскими колкостями и парижскими водевилями. Я недавно читала ихъ въ подлинникѣ, и теперь про-

чла опять въ переводѣ, съ новымъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что переводъ гладокъ, слогъ его легкій и пріятный, дѣйствующія лица говорятъ языкомъ людей благовоспитанныхъ. Въ этой части нашла я двѣ комедіи, «Ложь и Правда», и «Невѣста изъ столицы». Если я завтра погибну, прочитай ихъ, любезная сестрица, въ память и за упокой грѣшной души Критиквады.

На слѣдующее утро Пюбликъ - Султанъ - Багадуръ всталъ, совершилъ омовенія всѣхъ семи членовъ, прочиталъ свои молитвы, и вышелъ въ пріемную палату. Страхъ Критиквады, на этотъ разъ, кончился ничѣмъ. Султанъ приказалъ верховному визирю ожидать дальнѣйшихъ распоряженій, такъ какъ его свѣтлому уму еще не удалось узнать, что̀ въ этой чудесной прозѣ производитъ надъ нимъ столь могущественное впечатлѣніе; а вечеромъ того же дня, онъ опять изволилъ торжественно лежать на прекрасной кровати, съ своей прекрасною супругою и прекрасная маленькая Иронизада, при первомъ свѣтлѣйшемъ зѣвкѣ его, сказала сестрѣ:

— Любезная сестрица, если ты еще не спишь, разскажи мнѣ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ разсказовъ; которые ты такъ прекрасно разсказываешь!

НОЧЬ ПЯТАЯ.

— Во времена мудраго и великодушнаго Гаруна Альрашида, начала Критиквада.....

— Погоди, другъ мой, прервалъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, съ нѣжностью поворачиваясь къ юной свое-

супругѣ. Не въ Гарунѣ-Альрашидѣ теперь дѣло. Мы уже довольно долго живемъ съ тобою нъ объятьяхъ брака: пора намъ, моя милая, подумать о дѣтяхъ, естественномъ послѣдствіи этого сладостнаго состоянія. Какъ мы станемъ учить ихъ грамотѣ?.... Потому-что, относительно дѣтей, надобно сказать тебѣ правду, любезнѣйшая наша супруга, я Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, имѣю счастіе быть самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Богъ знаетъ, откуда они у меня берутся! Едва задумаю о домашнемъ счастіи съ юною и прекрасною супругою, какъ вдругъ, внѣ брака, внутри брака, вездѣ родится у меня такая пропасть ребятишекъ, что не знаешь какъ справиться съ такимъ неисчерпаемымъ источникомъ безпрерывнаго возрожденія нашей свѣтлой персоны!.... И все это надобно воспитывать, учить уму-разуму, приготовлять къ сану полезныхъ членовъ общества и наслѣдниковъ нашего собирательнаго лица!.... Вотъ ужъ пятый день нашего благополучнаго супружества: свойственная свѣтлому уму нашему предусмотрительность повелѣваетъ намъ принять необходимыя мѣры противъ нашихъ дѣтей. Нѣтъ ли у тебя какихъ-нибудь новыхъ дѣтскихъ книгъ?

— Свѣтлѣйшій государь и любезнѣйшій супругъ мой, почтительно сказала Критиказада, не извольте безпокоиться о такой бездѣлицѣ. Пока на свѣтѣ живъ г. Бурьяновъ, несмѣтное потомство наше не будетъ претерпѣвать недостатка въ новыхъ дѣтскихъ книгахъ, потому-что этотъ неутомимой писатель издаетъ *обыкновенно*, по десяти томовъ въ мѣсяцъ и, что замѣ-

чательнѣе, иногда очень хорошихъ. На первый случай, въ обезпеченіе нашей отеческой заботливости о будущемъ и неизбѣжномъ потомствѣ, спѣшу представить на ваше благоусмотрѣніе списокъ десяти толстыхъ и тонкихъ книгъ въ этомъ занимательномъ для насъ родѣ, книгъ, сочиненныхъ для всѣхъ сортовъ дѣтей втеченіи послѣдняго мѣсяца.

1. Прогулка *съ дѣтьми по С.-Петербургу и его окрестностямъ. Сочиненіе* Виктора Бурьянова.

2. Зимніе вечера, *или Бесѣда отца съ дѣтьми объ умственныхъ способностяхъ всѣхъ народовъ земнаго шара. Сочиненіе Деппинга. Переведено* Викторомъ Бурьяновымъ.

3. Совѣты для дѣтей, *сочиненіе г. Бульи. Переводъ* Виктора Бурьянова.

4. Дядя Симонъ, *торговецъ по ярмонкамъ. Переводъ съ французскаго.*

5. Арабскія повѣсти.

6. Очеркъ русской словесности *XVII столѣтія. Сочиненіе Н.* Стрекалова.

7. Французская литература *въ теченіе XIX столѣтія. Сочиненіе барона де Баранта. Перевелъ съ французскаго* Молдинскій.

8. Древняя исторія для юношества. *Сочиненіе* Ламе-Флёри.

9. Учебныя руководства *для военно-учебныхъ заведеній. Географія математическая и физическая. Составилъ* П. И. Соколовскій. С.-Петербургъ.

10. Дѣтскій журналъ и прочая. *Издаваемый* А. Башуцкимъ *и проч. Книжка первая,* 1838.

Въ числѣ этихъ тринадцати томовъ, правда, только шесть принадлежатъ г. Бурьянову, но зато они самые

толстые. А относительно дѣтскихъ книгъ, которыя надобно покупать на чистыя деньги, я держусь теоріи остроумной сочинительницы водевиля «Она похудѣла»:

»Пусть на землю бы книжка рая
Сошла съ улыбкою ко мнѣ,
Но ежели она *худая*,
Такъ книжку рая — ксторонѣ!„

Въ дѣтской книгѣ не можетъ быть много ума: такъ пусть же въ ней будетъ много тѣла. На этомъ основаніи и Восточные предпочитаютъ толстыхъ женщинъ тощимъ. Весьма желательно, чтобы каждая покупная книга исполнена была совершенствъ.

„Но если бъ книга таковая,
Съ собраніемъ всякихъ красотъ,
Кнесчастію, была *худая*,
Такъ я — отказъ ей безъ хлопотъ!»

«Прогулка» г. Бурьянова по Санктпетербургу» и его окрестностямъ, по моему мнѣнію, несравненно лучше его «Прогулокъ» по Россіи. Еслибъ я имѣла счастіе быть еще ребенкомъ, я бы нашла ее даже весьма занимательною. Два переводныя его сочиненія, одно Деппингово, а другое Бульи, даже и очень хороши въ своемъ родѣ. Чтò касается до слога, то хотя г. Бурьяновъ пишетъ нынче гораздо лучше, нежели какъ писалъ прежде, однако я ласкаю себя мыслію, что дѣти вашей свѣтлой персоны наслѣдуютъ отъ великодушнаго отца своего ту снисходительность, которою вы такъ прославились на всемъ Востокѣ и Западѣ.

«Древняя исторія» г. Ламе-Флери для юношества, то есть для дѣтей отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ, есть одно изъ лучшихъ сочиненій въ этомъ родѣ, по ясному, и даже занимательпому, изложенію. Слогомъ и языкомъ этого перевода свѣтлѣйшія дѣти ваши останутся довольными.

Мальчикамъ нѣсколько постарше можно дать читать «Очеркъ русской словесности въ XVIII столѣтіи», г. Бобылева, и другой очеркъ, «Французская литература въ XVII столѣтіи», барона де-Баранта. Обѣ книжки по праву, принадлежатъ къ дѣтскимъ, и различаются между собою только бо̀льшимъ или меньшимъ искусствомъ изложенія. Мнѣніе, которое баронъ де-Барантъ защищаетъ, было уже тысячу разъ защищаемо со времени французской революціи, и доселѣ никого оно не убѣдило, кромѣ партіи, которая находитъ выгоднымъ для своего самолюбія вѣрить ему и защищать его. Это уже не тайна, что дѣйствіе литературы на общество никогда не бываетъ отдѣльно; литература каждой эпохи есть результатъ особеннаго расположенія общества, и, наоборотъ, это особенное расположеніе общества усиливается и развивается отъ дѣйствія литературы, которая даетъ ему толчекъ и обыкновенно доводитъ до восторженности. Разложить это чрезвычайно сложное вліяніе общества на литературу и литературы на общество было бы предпріятіемъ, достойнымъ ума сильнаго, возвышеннаго и безпристрастнаго. Но такія вещи не разлагаются брошюрами. Слѣдовательно, одностороннее мнѣніе остроумнаго автора этой небольшой книги можно оставить въ сторонѣ, а

воспользоватьея его живымъ очеркомъ хода французской литературы въ этой знаменитой эпохѣ. Что̀ касается до изысканій г. Бобылева въ области древняго русскаго языка, то они не измучатъ дѣтскаго ума: въ нужномъ случаѣ доблестныя дѣти вашей свѣтлой персоны могли бъ и сами написать такія изысканія; но имъ пріятно будетъ узнать изъ его книги многія подробности о русскихъ писателяхъ прошедшаго столѣтія.

Для дѣтей простолюдиновъ, которыхъ воспитаніемъ вы часто занимаетесь, можетъ быть весьма полезною извѣстная французская книга, которую перевели на русскій языкъ и издали подъ заглавіемъ «Дядя Симонъ».

Преподаваніе въ русскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ уже отличается нѣсколькими превосходными руководствами: люди свѣдущіе, опытные и даровитые усердно занимаются составленіемъ хорошихъ учебныхъ книгъ для этихъ заведеній, и въ числѣ такихъ книгъ «Географія» г. Соколовскаго безспорно займетъ почетное мѣсто. Эта первая часть, написанная ясно и искусно, подаетъ лестную надежду на достоинство той части сочиненія, которая будетъ посвящена географіи политической.

«Дѣтскій Журналъ», доведенный въ прошломъ году до идеальной тонкости книжекъ, въ нынѣшнемъ растолстѣлъ вовсе неожиданно подъ редакціею г. Бащуцкаго. Нѣтъ, объ этой первой книжкѣ нельзя сказать, чтобъ она была *худая*! Дородность имѣетъ еще то важное преимущество, что въ ней всегда довольно

мѣста для большаго числа красотъ и качествъ; въ самомъ дѣлѣ, въ первой книжкѣ возрожденнаго «Дѣтскаго Журнала», кромѣ множества занимательныхъ статеекъ, встрѣчаются въ изобиліи политипажныя картинки и виньетки, гравированные рисунки, узоры для вышиванья, ноты, и прочая. Отнынѣ успѣхъ этого полезнаго журнала несомнителенъ.

Наконецъ для самыхъ маленькихъ дѣтей нашихъ я сберегу небольшую книжечку, изданную въ Москвѣ подъ заглавіемъ «Арабскія повѣсти». Издатель увѣряетъ, что онъ переводилъ ихъ съ арабскаго; но такъ какъ мы съ вами, свѣтлѣйшій султанъ и милостивѣйшій супругъ мой, слава Аллаху, хорошо знаемъ по-арабски, то и не имѣемъ никакой нужды вѣрить его признанію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ О. И. Сенковскій подарилъ издателю какого-то альманаха одну изъ басенъ Пильпая, которую разсказалъ онъ по-своему; басню, извѣстную всѣмъ и каждому, басню, сто разъ изданную въ различныхъ видахъ по-русски, по-французски, по-англійски, по-нѣмецки, и находящуюся во всѣхъ собраніяхъ басенъ и въ рукахъ дѣтей всего свѣта; однимъ словомъ, знаменитую басню «Волкъ, змѣй, обезьяна и человѣкъ». Московскому оріенталисту, видно, понравился этотъ способъ разсказывать по-своему давно всѣмъ извѣстныя вещи, потому-что онъ уже не одну, а цѣлыхъ семь басенъ передѣлалъ на новый ладъ. Конечно, всякій вправѣ брать безъ спросу басни Эзопа, Пильпая, Федра, и пересказывать ихъ другимъ образомъ; это — общее достояніе; такъ поступали Лафонтенъ, Крыловъ и всѣ баснописцы но-

вѣйшихъ временъ. Предметъ всѣмъ равно принадлежитъ, а за образъ изложенія, и только за одинъ образъ изложенія, отвѣчаетъ каждый въ особенности. Но какъ тутъ уже дѣло рѣшается личнымъ дарованіемъ, то я боюсь, что московскій оріенталистъ, который, сколько можно судить по правописанію собственныхъ именъ, переводитъ арабскіе тексты съ нѣмецкаго, обчелся въ этомъ отношеніи. Напрасно онъ также пустился пересказывать по-своему, а не просто переводить, избранные тексты. По-крайней-мѣрѣ ни его слогъ, ни искусство, съ какимъ онъ владѣетъ языкомъ, не давали ему права на подобное предпріятіе. Если милостивѣйшему супругу моему угодно, я приведу нѣкоторыя мѣста этого мнимаго перевода....

— Пожалуйста, не приводи! вскричалъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ: я совершенно вѣрю тебѣ. Вотъ лучше, разскажи мнѣ, душа моя.... извини, если я опять тебя утруждаю!.... разскажи мнѣ хорошенько, съ самаго начала, ту удивительную повѣсть, которая всякую ночь такъ сильно меня поражаетъ. Тутъ есть что̀-то такое.... или слишкомъ высокое, или.... Слушаю, мой другъ!

Повинуясь волѣ владыки, Критикзада принялась разсказывать, а Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, черезъ нѣсколько минутъ, принялся спать. На слѣдующее утро онъ всталъ, совершилъ омовеніе, помолился Аллаху и отправился въ пріемную залу. Визирю было очень досадно, что султанъ опять приказалъ спрятать мѣшокъ впредь до повелѣнія. Вечеромъ того же дня Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ лежалъ торжественно

на своемъ алмазномъ ложѣ съ прекрасною Критикзадою, и маленькая сестра ея сказала:

— Любезная сестрица, если ты еще не спишь, разскажи намъ одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, которые ты такъ прекрасно разсказываешь.

НОЧЬ ШЕСТАЯ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, любезная сестрица. Во времена давно минувшія г. Орестъ Новицкій принялъ Турковъ за Славянъ. И вотъ онъ издалъ въ Кіевѣ сочиненіе подъ заглавіемъ:

О первоначальномъ переводѣ *книгъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ.* Писано Орестомъ Новицкимъ. *Кіевъ.*

Этому ученому изыскателю неизвѣстно было, что и Волжскіе Булгары и часть хазарскаго народа состояли изъ Турковъ и говорили однимъ изъ турецкихъ нарѣчій, и что, когда онъ прочиталъ у г. Френа выписку изъ Ибнъ-Хаукала, гдѣ сказано, что «языкъ Булгаровъ похожъ на языкъ Хазаровъ», это значило только, что тѣ и другіе были Турки. Авторъ могъ бы узнать много прекрасныхъ вещей о языкахъ Булгаровъ и Хазаровъ изъ обширной статьи «Булгары», помѣщенной въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ». Но г. Венелинъ увѣрилъ его, что *Хозары были Славяне*, и вотъ какимъ образомъ ученый кіевскій филологъ вывелъ блистательное заключеніе, что «Кириллъ и Меѳодій *выучились по-славянски у Хозаровъ*». Выдергивая такимъ образомъ отдѣльныя фразы изъ переводовъ восточныхъ текстовъ, пренебрегая связь ихъ съ цѣлымъ, опираясь на авторитетахъ, подобныхъ г. Вене-

лину, недалеко можно подвинуть къ ясности чрезвычайно сложный вопросъ о языкѣ, на который первоначально переведены были книги священнаго писанія для Славянъ. Не историческими текстами, потому-что слова «Моравы», «Сербы», «Болгары», часто были названіями неопредѣленными и въ филологическомъ отношеніи не указываютъ ни на какой языкъ въ особенности, не ипотезами, основанными на сличеніи словъ нѣсколькихъ лѣтописцевъ, но грамматическими изслѣдованіями въ области различныхъ славянскихъ нарѣчій нынѣшняго времени, можно рѣшить подобную задачу. Языкъ *болгарскій*! Да это выраженіе не заключаетъ въ себѣ никакого смысла. Языка болгарскаго не было на свѣтѣ, какъ не было и языка *римскаго,* хотя Греки до-сихъ-поръ утверждаютъ, что они говорятъ «по-римски». Булгары, народъ не-славянскаго происхожденія, дали имя свое, какъ побѣдители, нѣсколькимъ поколѣніямъ Славянъ, которые происходили частью отъ Сербовъ, частью отъ Моравовъ, Антовъ и другихъ народовъ. Когда г. Новицкій доказываетъ, что Библія первоначально была переведена на «болгарскій» языкъ, это все равно, какъ если бы онъ доказывалъ, что она переведена на языкъ «американскій». А ежели онъ подъ названіемъ «болгарскаго» разумѣетъ языкъ, которымъ говорятъ нынѣшніе турецкіе Болгары, то сходство библейскаго языка съ этимъ надобно было доказать грамматически. На образчики текстовъ прежнихъ славянскихъ писателей опираться невозможно, потому-что всѣ они болѣе или менѣе подражали формамъ языка славяно-библейскаго, презирая чистоту своего, жи-

ваго. Доказательствъ надобно искать, грамматически и филологически, въ остаткахъ нынѣшнихъ нарѣчій Сербовъ, Болгаръ, и другихъ Славянъ восточной и средней Европы. При надлежащемъ знаніи правилъ здравой филологіи, и при небольшомъ искусствѣ въ подобныхъ изысканіяхъ, не трудно было бы открыть слѣды всей системы формъ библейскаго нарѣчія въ томъ или другомъ живомъ языкѣ, какъ не трудно доказать, что настоящій русскій языкъ временъ Нестора чрезвычайно сходствовалъ *съ нынѣшнимъ* русскимъ: въ странномъ наборѣ подражательныхъ формъ славяно-библейскихъ и формъ простонародныхъ того времени примѣчаются у Нестора уже почти всѣ формы, и даже обороты, языка, который и понынѣ живъ въ Россіи. Эти-то формы и обороты надлежало бы, прежде всего, отдѣлить и привести въ ясность, чтобы составить себѣ ясное понятіе о различіи настоящаго русскаго языка одиннадцатаго вѣка отъ библейскаго нарѣчія и отъ поддѣльнаго языка лѣтописцевъ, а потомъ уже идти далѣе, къ источникамъ нарѣчія, употребленнаго для перевода Священнаго Писанія. Но подобное предпріятіе требуетъ во-первыхъ прилежнаго и совѣстливаго труда, и, во-вторыхъ, дарованій, образованныхъ сравнительнымъ изученіемъ духа большаго числа языковъ. Прискорбно, жалко, и смѣшно видѣть, какому одностороннему и ложному направленію слѣдуетъ до-сихъ-поръ русская и русско-славянская филологія! Да и историческая критика началъ славянскаго народа, кажется, не въ лучшемъ положеніи: вотъ, напримѣръ:

Славянскія древности, *сочиненіе П. І. Шафарика. Переводъ съ Чешскаго,* І. Бодянскаго. *Томъ первый. Москва.*

— Одно только, продолжала Критикзада, можетъ утѣшить свѣтлый умъ вашей блистательной персоны, который хотятъ помрачить мечтаніями и натяжками пустопорожней славяноманіи, и оно состоитъ въ томъ, что г. Ксенофонтъ Полевой усердно продолжаетъ въ Москвѣ второе изданіе безцѣннаго сокровища, называемаго:

Дѣянія Петра Великаго, *мудраго преобразователя Россіи,* и прочая.

Такія предпріятія дѣлаютъ честь и просвѣщенному книгопродавцу, который принимаетъ на себя издержки изданія, и великому Пюбликъ-Султану-Багадуру, который его поддерживаетъ.

Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, несмотря на свое лежачее положеніе, очень учтиво поклонился Критикзадѣ за этотъ комплиментъ.

— Какъ матеріялъ для исторической критики и для исторической литературы заслуживаетъ также поощренія со стороны вашей неисчерпаемой щедрости —

Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, *составленный митрополитомъ Евгеніемъ. Изданіе* И. Снегирева.

— Въ этомъ словарѣ, котораго вышла только первая часть...

— Довольно! сказалъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ: объ этомъ словарѣ, котораго вышла только первая часть, ты разскажешь мнѣ послѣ, когда выйдутъ другія

части; а теперь, милая моя Критикзада, у меня есть до тебя маленькая просьба. Другъ мой!.... душа моя!.... сдѣлай одолженіе, разскажи мнѣ, съ самаго начала, ту удивительную повѣсть изъ альманаха.... знаешь!.... ту, которая такъ сильно меня поражаетъ!.... Я обѣщалъ пересказать ее твоему отцу, и мнѣ совѣстно теперь съ нимъ встрѣтиться. Я закурю трубку, чтобъ не спать.

Критикзада снова начала разсказывать повѣсть, и разсказывала какъ всегда, отъ слова до слова, для сохраненія всей прелести повѣствовательной прозы; султанъ слушалъ ее со вниманіемъ и видимымъ удовольствіемъ. Но вдругъ при пятой или шестой страницѣ онъ такъ сильно пораженъ былъ занимательностью этой исторіи, что трубка выпала у него изъ рукъ, ротъ раскрылся настежь, глаза помутились, вѣка сомкнулись, и вся его свѣтлая персона погрузилась въ самый отрадный сонъ. Критикзада умолкла.

На слѣдующее утро, онъ всталъ, совершилъ омовенія, прочиталъ молитвы, отправился въ аудіенцъ-залу, и прогналъ съ досады визиря, который, съ мѣшкомъ въ рукахъ, стоялъ уже у дверей гарема. Когда, вечеромъ того же дня, Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ улегся на алмазномъ ложѣ съ своей прекрасною супругою, сестра ея опять сказала:

— Любезная сестрица, если ты еще не спишь, разскажи мнѣ одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, которые ты такъ прекрасно разсказываешь:

НОЧЬ СЕДЬМАЯ.

— Во времена мудраго и великодушнаго Гаруна-Альрашида, сказала Критиксада, въ волшебномъ городѣ Самаркандѣ, царѣ городовъ вселенной, жилъ подполковникъ Болотовъ, который издалъ —

Геодезію, *или Руководство къ изслѣдованію общаго вида земли.* А. Болотова.

— Въ наше время, милостивый Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ и любезнѣйшій супругъ мой, геодезія вамъ такъ же нужна какъ насущный хлѣбъ, и я думаю, что въ Римѣ, вмѣсто криковъ — «хлѣба и зрѣлищъ»! — кричали бы теперь — «хлѣба и геодезіи»! Размежовка земель, уничтоженіе черезполосныхъ владѣній, устроеніе шоссѐ, проведеніе проселочныхъ дорогъ, ученое лѣсоводство, ученое сельское хозяйство, все приколилось вдругъ, и требуетъ умѣнья измѣрять, проводить межи, разбивать нивы на десятины, снимать планы, нивеллировать. За что̀ ни примешься, вездѣ нужна геодезія: радъ бы пріобрѣсти въ ней свѣденія, да негдѣ! Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ «Молодаго геодета, или Первыхъ основаній геодезіи содержащей «все геодетское знаніе, предложенное вкратцѣ, изъясненное правилами и примѣрами, сочиненныхъ ординарнымъ профессоромъ математики и Императорской «Академіи Наукъ членомъ, Семеномъ Котельниковымъ, «въ 1765 году», едва насчитаете двѣ три книги порядочныя по этой части въ русской литературѣ, и то порядочныя только по своему времени, а для нынѣшняго почти вовсе не годятся. «Молодой геодетъ»

такъ состарѣлся, что уже трудно и узнать его. Послушайте, съ какою академическою важностью говоритъ онъ, что «Геодезія не токмо съ геометріею, но и съ другими науками союзъ имѣетъ твердый: въ оной преподаются средства *изобрѣтать* величину всему на земли, что мѣренію подвержено быть можетъ». Только по этимъ словамъ вы догадываетесь, что онъ истинный «геодетъ»: да впрочемъ, будь у него семь пядей во лбу, все-таки, проживъ семьдесятъ два года, по-неволѣ состарѣешься. За нимъ явилась «Морская геодезія», контръ-адмирала Сарычева, въ 1804 году, и «Практическая подземная геометрія», г. Максимовича, первая собственно для моряковъ, вторая для горныхъ чиновниковъ; и вы все-таки, великолѣпнѣйшій Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, не узнали геодезіи и не умѣли *изобрѣтать* величинъ и мѣръ земли лучше того, какъ показалъ вамъ Котельниковъ. Въ 1812 году изданъ былъ переводъ Винцерова «Опыта теоретическаго и практическаго руководства къ снятію горъ», а въ 1818 году опытъ полковника Теслева, «Руководство къ черченію горъ по моделямъ или «Вѣрнѣйшее средство къ снятію горъ съ натуры, на «россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ». Обѣ эти книги, особенно вторая, замѣчательны не столько по сущности сколько по предисловіямъ: въ первой, которая состоитъ вся изъ семидесяти осьми страницъ, отдѣлено шестнадцать на предисловіе, четыре на заглавіе, двѣ на вступленіе, а остальныя пятьдесятъ шесть страницъ заключаютъ въ себѣ важныя и длинныя свѣденія о томъ, какъ лучше и красивѣе вести черты на чер-

тежѣ; не находя à priori достаточнаго основанія, авторъ обращается къ собственному вкусу и чувству изящнаго. Вторая далеко уже перещеголяла первую: она имѣетъ не болѣе двадцати семи страницъ толщины, и изъ нихъ отдѣливъ три на заглавіе и посвященіе, оставила себѣ только двадцать четыре, то есть двѣнадцать для нѣмецкаго діалекта и столько же для русскаго; да изъ двѣнадцати семь заняты вступленіемъ и двѣ заключеніемъ: такимъ образомъ, по строгому вычисленію, вся геодезія состоитъ изъ трехъ страницъ, и издана кажется болѣе для практическаго изученія нѣмецкаго языка нежели для наученія искусству *изобрѣтать* величину горъ и чертить ихъ фигуру. Вотъ, кажется, вся геодезическая литература русскаго сѣвера, если исключить сочиненіе Дюпенъ-де-Мессета, переведенное въ 1814 году подъ заглавіемъ «Искусство сниманія мѣстъ, и въ особенности о военной снимкѣ», и заслуживающее нѣкотораго вниманія. Было еще нѣсколько книгъ геодезическихъ, болѣе брошюрокъ нежели книгъ; но можно сказать, что вовсе не было геодезіи. Геодезія подполковника Болотова явилась въ самое необходимое время, особенно эта вторая часть ея, то есть часть практическая: первая вышла въ началѣ прошедшаго года. Заимствуя изъ новѣйшихъ источниковъ, авторъ передаетъ науку въ ея современномъ усовершенствованіи; здѣсь найдете даже самыя послѣднія изобрѣтенія. Жаль впрочемъ, что, говоря объ нихъ, авторъ не всегда входитъ въ нужныя подробности, а только указываетъ на источники, откуда можно почерпнуть точ-

нѣйшія свѣденія, какъ напримѣръ въ *описаніи* отражательнаго круга Эртеля. Зато въ одной только его «Геодезіи» и находится отчетливое описаніе новаго *призматическаго круга* Штейнгелева, изобрѣтеннаго въ 1833 и сдѣланнаго въ первый разъ въ 1836 году. Я не говорю уже объ инструментахъ и различныхъ способахъ ихъ употребленія, извѣстныхъ прежде: все это изложено языкомъ простымъ и общедоступнымъ. Остаются однакожъ кой-гдѣ иностранныя слова, которыя бы весьма удачно можно было замѣнить русскими; но эти недостатки ничтожны въ сравненіи съ достоинствомъ цѣлой книги, гдѣ все пополнено практическими замѣчаніями, и такими замѣчаніями, которыя, какъ ни кажутся они легкими съ перваго взгляда, могутъ быть высказаны только многолѣтнею опытностью. Прочитавъ эту книгу, ваша свѣтлая персона можете смѣло взяться за инструментъ, и я увѣрена, что при второмъ, третьемъ разѣ, вы уже будете владѣть имъ какъ опытный топографъ. И точно, г. Болотовъ нашелъ тайну передавать вамъ всю свою долгую опытность немногими замѣчаніями, сказанными кстати, нѣсколькими поправками, сдѣланными добросовѣстно, изъ чистаго намѣренія насадить въ васъ плоды трудовъ своихъ, а не затмить вашъ умъ своею ученостью. Коротко сказать, это — противоположный полюсъ «*Курса* сельскаго хозяйства», г. Павлова: читая ихъ, невольно придетъ вамъ въ голову, что они бились объ закладъ, одинъ, кто изложитъ науку такъ, чтобъ и неопытный человѣкъ, руководствуясь его книгою, сдѣлался въ нѣсколько пріемовъ опытнымъ прак-

тикомъ, другой кто представитъ дѣло въ такомъ видѣ, чтобы и самый опытный хозяинъ, прочитавъ его книгу, всталъ втупикъ и согласился бы, что сельское хозяйство несравненно мудренѣе египетскихъ іероглифовъ. Скажу въ заключеніе всего, что книга г. Болотова не должна пугать своимъ названіемъ людей, несвѣдущихъ въ математикѣ: оставивъ первую часть ея, чисто математическую, во второй они найдутъ вещи, необходимыя для каждаго хозяина, изложенныя безъ пособія математики, или по-крайней-мѣрѣ съ самыми легкими, всѣмъ извѣстными, началами этой науки: таковы хозяйственные планы, съемка астролябіею, съемка менсулою, опредѣленіе площадей, межеваніе и нарѣзка десятинъ. Не знаю, почему, употребляя математическія формулы и говоря о доказательствахъ и выводахъ ихъ, г. Болотовъ вездѣ ссылается на «Курсъ математики, Франкёра»? Правда, что самъ г. Болотовъ переводилъ его; но Франкёръ, между-нами будь сказано, вовсе не думалъ жить такъ долго съ своимъ курсомъ математики: онъ давно уже, и у самихъ Французовъ, попалъ въ число математическихъ древностей и любопытныхъ памятниковъ слишкомъ часто встрѣчающейся между сочинителями книгъ бездарности.

Между-тѣмъ какъ гг. Болотовъ и Павловъ бились объ закладъ, г. Брашманъ, непричастный къ этому знаменитому спору, писалъ въ Бухарѣ свою статику и гидростатику, которую онъ издалъ подъ заглавіемъ —

Теорія равновѣсія тѣлъ твердыхъ и жидкихъ, О. П. Брашмана.

— Смотря на эту книгу какъ на одно изъ явленій русской математической литературы, продолжала Критиксада, надобно отдать ей полную справедливость: въ этой литературѣ, немного и, даже можно сказать, вовсе нѣтъ, такихъ книгъ по механикѣ, которыя бы знакомили васъ съ послѣдними усовершенствованіями науки. Въ сочиненіи г. Брашмана, если угодно, найдете и такія вещи, которыя, при всей своей важности, еще не получили права гражданства въ наукѣ, и бродятъ разсѣянно отдѣльными мемоарами: такъ напримѣръ, въ одной главѣ, вы встрѣтите усовершенствованіе прежняго начала умозрительныхъ скоростей. Правда, мы уже видѣли его два раза, въ французскомъ мемоарѣ, «Sur le moment des forces», г. Остроградскаго, которому механика и обязана этимъ усовершенствованіемъ, и въ диссертаціи отличнаго молодаго математика, и отлично умнаго молодаго человѣка, г. Чижова, «О общей теоріи равновѣсій», гдѣ подробно изложено все это начало; но нигдѣ еще нѣтъ полной теоріи равновѣсій съ этою поправкою. Если бы это было днемъ, а не теперь ночью, и не на брачномъ ложѣ, гдѣ не прилично входить въ математическія формулы, я бы показала еще много новыхъ вещей въ этой книгѣ, то есть книжноноваго, взятаго изъ новыхъ мемоаровъ, за что̀, слѣдовательно, должно быть весьма благодарнымъ автору. При всемъ томъ не могу умолчать, что книга г. Брашмана не соотвѣтствуетъ цѣли и потребностямъ учебнаго руко-

водства: излагая теоріи равновѣсія, она, кажется, хотѣла быть самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ вѣчной вражды теоріи съ практикою. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней удивительно мало соблюдено равновѣсія въ изложеніи статей: нѣкоторыя, напримѣръ глава «О силахъ, приложенныхъ въ одной точкѣ», подробны до послѣднихъ предѣловъ скуки, хоть и нельзя сказать — до nec plus ultra ясности, потому-что, выбросивъ лишнія вещи, онѣ были бы яснѣе: другія сжаты какъ-будто давленіемъ сорока атмосферъ. Однѣ не предполагаютъ никакихъ познаній въ читающемъ, другія требуютъ большой математической начитанности и навыка разбирать формулы. Впрочемъ, и въ первыхъ, если смотрѣть на нихъ какъ на части книги, предназначенной служить руководствомъ, несмотря на утомительную подробность, встрѣчаются вещи, требующія пополненія. Такъ, въ главѣ о равновѣсіи точки, авторъ весьма бы хорошо сдѣлалъ, еслибъ распространился немного о разныхъ перемѣщеніяхъ точки, именно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ: «Когда точка находится на пересѣченіи двухъ поверхностей, которыя означимъ *черезъ* $L=0$, $M=0$, то возможныя перемѣщенія должны удовлетворять двумъ неравенствамъ. Пусть онѣ будутъ $dL > 0$, $dM > 0$, неисключая равенства; это значитъ, что точка можетъ быть только перемѣщена по самой кривой или можетъ *оставить ее въ пространствѣ, опредѣленномъ этими двумя неравенствами*». Не говоря уже о томъ, что послѣдняго положенія понять невозможно, здѣсь надобно бы еще было сказать о тѣхъ случаяхъ, когда,

при пересѣченіи двухъ поверхностей, точку заставятъ двигаться въ одномъ изъ четырехъ угловъ, образуемыхъ этими поверхностями. Далѣе слѣдуетъ: «Если бы точка была *подвержена оставаться* (подвержена оставаться — не по-русски) въ пересѣченіи трехъ поверхностей, то мѣсто ея было бы совершенно опредѣлено, и *никакое перемѣщеніе невозможно*». Этотъ періодъ явно противорѣчитъ предъидущему. Разберемъ его: тамъ точка должна находиться на пересѣченіи двухъ поверхностей такихъ: $L=o$, $M=o$, то есть она находится на линіи, выражаемой обоими этими уравненіями, именно, на линіи $L=o$, $M=o$; и авторъ говоритъ, что для нея возможны перемѣщенія $dL>o$, $dM>o$. Хорошо; теперь точка находится на пересѣченіи трехъ поверхностей, пусть напримѣръ, такихъ: $L=o$, $M=o$, $N=o$; мы знаемъ это пересѣченіе; тогда она непремѣнно будетъ въ точкѣ, опредѣляемой вдругъ всѣми этими уравненіями, то есть точкѣ $L=o$, $M=o$, $N=o$. Сравнимъ это съ пересѣченіемъ двухъ поверхностей: если тамъ мѣсто точки обозначилось двумя уравненіями, $L=o$, $M=o$, и ей позволялись перемѣщенія $dL>o$, $dM>o$, почему же здѣсь не позволяются ей такія же, $dL>o$, $dM>o$, $dN>o$? Это что-то нелогически. А дѣло-то все въ томъ, что когда точка находится на пересѣченіи двухъ поверхностей, тогда ей никакихъ иныхъ перемѣщеній позволить невозможно, развѣ только такія, при которыхъ бы она отнюдь не сходила ни съ той ни съ другой поверхности. Слѣдовательно $dL>o$, $dM>o$, невозможны. Промахъ важный, но книга хороша. Въ языкѣ кое-

гдѣ встрѣчаются тоже легкіе недостатки; впрочемъ, вообще надобно сказать, что въ отношеніи къ языку, я съ удовольствіемъ читала эту книгу. Наконецъ и науки начинаютъ на Руси писаться языкомъ человѣческимъ! Если сравнить другія математическія книги......

— Да что ты, матушка, разболталась передо мною о математикѣ? вскричалъ съ нетерпѣніемъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ. Ты забываешь, кто я, и какимъ уваженіемъ обязана ты моему свѣтлому уму! Нѣтъ, сударыня, я не такъ воспитанъ: книги математическія я могу покупать, но понимать ихъ всегда велю другимъ...... У меня голова разболѣлась отъ этихъ проклятыхъ dL>o, да dM>o!...... Въ наказаніе за это, ты должна разсказать мнѣ, съ самаго начала и отъ слова до слова, ту прекрасную повѣсть, которая оставляетъ во мнѣ каждую ночь такое глубокое впечатлѣніе, что я не просыпаюсь до самаго утра.

Испуганная Критикзада, дрожащимъ голосомъ начала свою знаменитую повѣсть. Султанъ, рѣшившись во что̀ бы то ни стало, дослушать ее до конца, сѣлъ на постели. Опасаясь упасть навзничъ въ случаѣ дремоты, онъ еще принялъ мудрую мѣру — велѣлъ маленькой Иронизадѣ, лежавшей у подножья алмазнаго ложа, взять конецъ его предлинной бороды и держать ее обѣими руками съ приличнымъ напряженіемъ, такъ, чтобы и не вырвать свѣтлѣйшей бороды и не допустить султана повалиться на спину. Кнесчастію, въ эту ночь эффектъ альманачной прозы былъ такъ силенъ, что Иронизада первая задремала, и выпустила изъ рукъ конецъ бороды. Въ одно мгновеніе ока,

Пюбликъ-Сюлтанъ-Багадуръ и маленькая Иронизада опрокинулись въ двѣ противоположныя стороны — эта наземь, тотъ на подушку — потому-что все это дѣйствіе было основано на общей теоріи равновѣсій, о которой говорила Критикзада. Еслибъ султанъ не спалъ, онъ бы теперь убѣдился, какъ полезно знать математику для разныхъ случаевъ въ жизни, въ томъ числѣ и для слушанія повѣстей. Но, во время паденія своего на подушку, онъ уже спалъ каменнымъ сномъ, и проспалъ такимъ образомъ до десяти часовъ утра.

Когда Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ проснулся, онъ не могъ ни встать, ни совершить омовенія семи членовъ, ни прочитать молитвъ, ни отправиться въ аудіенцъ-залу, чтобъ чинить судъ и расправу. Онъ былъ боленъ — рѣшительно боленъ отъ математики, которою наканунѣ жена его измучила. Отъ геодезіи явились у него грыжи, и вскорѣ потомъ отъ статики и гидростатики обнаружилась чума, съ вередомъ, который имѣлъ въ точности видъ ($dL>o$). Лишь-только примѣтила это Критикзада, она, какъ смѣтливая женщина, не теряя прису́тствія духа въ такомъ отчаянномъ положеніи, въ ту же минуту отправила султанскаго бѣлаго слона въ Москву за докторомъ Добронравовымъ, который сочинилъ —

Краткое разсужденіе о чумѣ. —

И золотаго верблюда въ Петербургъ, за докторомъ Грумомъ, который издалъ —

Монографію о радикальномъ леченіи пахомошоночныхъ грыжъ.

Критикзада была въ отчаяніи, что своей страстью къ математикѣ причинила двѣ такихъ страшныхъ болѣзни своему возлюбленному владыкѣ и супругу. Она старалась утѣшать его всѣми мѣрами до прибытія врачей. Султанъ страдалъ жестоко. Онъ зналъ, что жизнь его въ опасности; но съ другой стороны и былъ весьма радъ прихворнуть немножко: это, по-крайней-мѣрѣ, освобождало его отъ выхода въ пріемную залу, гдѣ, съ одной стороны, онъ боялся встрѣтить верховнаго визиря съ кожанымъ мѣшкомъ и, новою отсрочкою, подать ему опасный примѣръ нарушенія закона, который самъ же издалъ, «О ежедневной зашивкѣ въ мѣшокъ новобрачной султанши и бросаніи оной въ море», а съ другой, ему еще досаднѣе было бы увидѣть своего тестя, Брамбеуса-Агу-Багадура, и признаться, что онъ, Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, и до-сей-поры не знаетъ, чтó такое столь сильно поражаетъ его въ той прелестной повѣсти.

День клонился къ исходу; ни бѣлый слонъ, ни золотой верблюдъ, не возвращались изъ Россіи съ врачами, за которыми они были отправлены; грыжа и чума страшно усиливались на свѣтлой персонѣ султана; жизнь его висѣла на волоскѣ: прекрасная Критикзада была въ крайнемъ отчаяніи и, съ горя, легла на алмазномъ ложѣ подлѣ своего супруга. Она чувствовала, что не должно было терять ни одной минуты, и что, въ такомъ положеніи больнаго, надлежало прибѣгнуть къ самымъ сильнымъ методамъ леченія. Гомеопатія первая представилась ея уму. Еслибъ она могла дать понюхать султану пробки отъ стекля-

ночекъ, въ которыхъ нѣкогда были гомеопатическія лекарства противъ грыжъ и чумы, мужъ былъ бы спасенъ. Но и это средство казалось ей не довольно могущественнымъ. Пріискивая мыслію что-нибудь еще сильнѣе, она догадалась наконецъ, что, давъ понюхать больному содержанія двухъ новыхъ книгъ о грыжахъ и чумѣ, или она должна радикально излечить мужа, или гомеопатія—сущій вздоръ. Она тѣмъ скорѣе рѣшилась на это отчаянно-сильное средство гомеопатическое, что въ ту самую минуту маленькая Иронизада, своимъ тоненькимъ голоскомъ, произнесла у подножія кровати:

— Любезная сестрица, если ты еще не спишь, разскажи намъ, пожалуй, одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, которые ты такъ прекрасно разсказываешь!

НОЧЬ ВОСЬМАЯ.

— Съ величайшемъ удовольствіемъ, любезная сестрица! отвѣчала Критиказада: и какъ время не терпитъ, то на этотъ разъ я пропускаю Гаруна-Альрашида и всѣ прочія вступленія, и спрашиваю ex abrupto господъ врачей, которыхъ нынче, говорятъ, болѣе шести тысячъ въ Россіи, много ли всего написали они оригинальныхъ хирургическихъ сочиненій? А между-тѣмъ оперативная хирургія процвѣтаетъ на Руси! Еще недавно профессоръ Саломонъ сдѣлалъ операцію, которою удивилъ весь медицинскій міръ. Сколько докторовъ медицины и хирургіи, занимающихся по обязанности хирургическими операціями, оставили печатные памятники своей учености или практики? А меж-

ду-тѣмъ они, сверхъ всего, должны бы заботиться о славѣ и блескѣ отечественной хирургіи? Иначе, къ чему бы послужили ихъ ученыя титла! Отчего въ Германіи, Франціи, Англіи, Италіи, даже Соединенныхъ Штатахъ Америки, и въ самомъ даже Египтѣ, столько хирургическихъ сочиненій, и отчего я, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ «Литературная Лѣтопись», встрѣчаю въ «Монографіи о грыжахъ», доктора Грума, издателя медицинской газеты «Другъ Здравія», почти первое хирургическое сочиненіе, вышедшее не изъ-подъ профессорскаго пера? Отвѣтъ на это очень простъ: тамъ каждый врачъ и хирургъ считаетъ обязанностью своего ученаго званія принесть дань опыта и наблюденія своего наукѣ, которая ему—alma mater; а здѣсь не считаетъ. Зато, по-крайней-мѣрѣ «Монографія» доктора Грума составитъ замѣчательное оригинальное твореніе. Она касается весьма важнаго, спорнаго въ хирургіи, предмета. Она представляетъ зрѣлый плодъ многолѣтней опытности, трудолюбія и учености. Она показываетъ, со стороны этого искуснаго врача-хирурга, прекрасное усердіе къ наукѣ, которому я спѣшу отдать полную похвалу. Книга его любопытна во всѣхъ отношеніяхъ, хотя, впрочемъ, могла бъ быть написана лучшимъ слогомъ изъ уваженія ко мнѣ и къ свѣтлѣйшему супругу моему, Пюбликъ-Султану-Багадуру, нынѣ больному именно грыжами.

Статья «Анатомическое изслѣдованіе», то есть описаніе пахобрюшной стороны, гдѣ развиваются паховыя грыжи, показываетъ, что это изслѣдованіе произведено на множествѣ труповъ. Безъ-сомнѣнія, только прилеж-

ными трудами можно было достигнуть до столь подробнаго анатомическаго описанія этой области тѣла. Докторъ Грумъ, со скальпелемъ въ рукахъ и съ трупомъ передъ собою, показываетъ вамъ, по аналитической методѣ, строеніе той важной части брюшной стѣны, въ которой зарождаются паховыя грыжи, и которая въ послѣднее время была предметомъ столькихъ изслѣдованій. Теперь не время распространяться о томъ, какимъ образомъ авторъ, руководствуясь собственнымъ опытомъ и соображепіемъ, съ систематическою послѣдовательностью развиваетъ свои идеи физіологическія, патологическія, этіологическія, діагностическія, для составленія читателю полнаго практическаго понятія о существѣ и свойствахъ пахомошоночныхъ грыжъ. Но статья «Леченіе» показываетъ въ полномъ блескѣ его хирургическіе таланты. Сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ примѣра въ исторіи хирургіи, чтобы кто-нибудь одинъ сдѣлалъ двадцать семь операцій надъ грыжами, увѣнчанныхъ радикальнымъ излеченіемъ. Докторъ Грумъ дѣлалъ эти операціи въ виду начальства главнаго штаба Первой арміи, втеченіи почти восьми лѣтъ, съ 1821 по 1828; и видно, что онъ производилъ ихъ съ успѣхомъ, потому-что, по ходатайству своего начальства, какъ сказано въ предисловіи, удостоился за нихъ особой награды. Двадцать семь операцій, не въ столицѣ, гдѣ можно найти всѣ пособія для хирургическаго дѣла, и по методѣ, до которой г. Грумъ дошелъ собственнымъ своимъ опытомъ, и съ такимъ успѣхомъ, что нѣкоторые солдаты, неспособные къ военной службѣ, поступали послѣ во фронтъ —

да это хирургическій подвигъ!.... по-крайней-мѣрѣ, немаловажная заслуга. Въ самомъ дѣлѣ, внимательное разсмотрѣніе его статьи «Леченіе», двухъ исторій операцій, произведенныхъ надъ рядовымъ Алексѣевымъ и крестьяниномъ Григорьевымъ, показываютъ, сколько нужно было искусства, опыта, смѣлости, знанія, чтобы рѣшиться на такого рода предпріятія. Съ другой стороны, нельзя не признать, что большаго требовалось изученія предмета, не по книгамъ, а съ хирургическими и анатомическими инструментами въ рукахъ, чтобъ вывести положительными результатами возможность радикальнаго леченія грыжъ, и показать, въ какихъ именно грыжахъ, и при какихъ индивидуальныхъ условіяхъ, она представляется хирургу. Однимъ словомъ, эта небольшая книга будетъ не только доказательствомъ услугъ, оказанныхъ авторомъ страждущему человѣчеству, но и услугою хирургической наукѣ въ Россіи. Не побудитъ ли этотъ счастливый примѣръ и другихъ русскихъ врачей къ доказанію любви своей къ наукѣ посредствомъ обнародованія наблюденій, которыя доставила имъ практика? Но только большимъ числомъ фактовъ, и такихъ фактовъ, можно совершенствовать свой предметъ и имѣть право на гласность своихъ трудовъ.

Въ концѣ сочиненія есть записка «Объ отнятіи членовъ и изъятіи ихъ изъ суставовъ, операціяхъ, произведенныхъ на полѣ сраженія». Авторъ является въ ней какъ операторъ рѣшительный и какъ ученый знатокъ своего дѣла. Въ первомъ наблюденіи описанъ слѣдующій случай. Подъ мѣстечкомъ Клечковымъ, въ Царствѣ Польскомъ, 6 мая 1831 года, около семи

часовъ по-полудни былъ раненъ въ плечо осколкомъ гранаты, упавшей въ колонну, рядовой Андреяновъ. Докторъ Грумъ находился невдалекѣ отъ колонны: имѣя при себѣ только костоправа, цирюльника и одну бутылку воды, на голой землѣ, онъ въ нѣсколько минутъ вырѣзалъ у раненаго членъ изъ плечеваго сустава. Оперированнаго везли потомъ на крестьянской подводѣ, день и ночь, около восьмидесяти верстъ, и, несмотря на всѣ неудобства безпокойнаго и опаснаго пути, съ нимъ не приключилось никакого припадка со стороны раны. Почти черезъ годъ докторъ Грумъ имѣлъ удовольствіе представить этого *однорукаго*, впрочемъ здороваго, солдата членамъ Санктпетербургскаго Общества Русскихъ Врачей. Важность дѣла заключается не въ безстрашной быстротѣ операціи, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ и на полѣ сраженія, но въ томъ, что не сдѣлалось кровотеченія изъ артеріи, столь близкой къ сердцу, и перевязка раны не разстроилась при обстоятельствахъ, вовсе не такихъ, какія обыкновенно споспѣшествуютъ къ удачѣ операцій къ клиникахъ. Далѣе авторъ разсуждаетъ о перевязываніи артерій въ военное время, и о раненіи костей огнестрѣльнымъ оружіемъ. Сужденія свои онъ основываетъ па весьма поучительныхъ фактахъ, собранныхъ въ польскую кампанію. Врачи прочитаютъ эту статью съ большимъ любопытствомъ.

Во второмъ наблюденіи, докторъ Грумъ описываетъ, какъ онъ, въ 1824 году, Казаринову, мальчику шестнадцати лѣтъ отъ роду, исхудавшему отъ болѣзни дотого, что на немъ были только кости да кожа, от-

рѣзалъ ногу у самаго паха: этого *одноногаго* паціента, совсѣмъ выздоровѣвшаго, представлялъ онъ начальству главнаго штаба Первой арміи. Дѣло въ томъ, что рѣшено было вырѣзать ему ногу изъ бедротазнаго сустава, то есть сдѣлать такую операцію, отъ которой еще до-сихъ-поръ никто почти не выздоравливалъ. Основываясь на фактахъ и анатомическомъ изслѣдованіи, авторъ доказываетъ, почему вырѣзываніе ноги изъ сустава мучительно и всегда безполезно, а отнятіе ноги близъ бедротазнаго сустава, по его методѣ, легко и успѣшно, даже на самомъ полѣ сраженія. И здѣсь важность дѣла не въ томъ, что мальчику спасена жизнь искусствомъ г. Грума, но въ фактѣ, что этимъ средствомъ можно спасать тѣхъ несчастныхъ, которымъ, по существу болѣзни, необходимо было бы вырѣзывать ногу изъ сустава, подвергая ихъ ужасному мученію и почти неминуемой гибели.

Послѣ всего этого, видя въ докторѣ Грумѣ столько хирургическаго таланта, не вправѣ ли мы съ свѣтлѣйшимъ султаномъ, моимъ супругомъ, спросить, почему онъ оставилъ прямое свое призваніе и сдѣлался журналистомъ? Другими, и болѣе ясными, словами: почему, погрузивъ свои врачебныя дарованія въ чернильно-корректурномъ омутѣ, сталъ онъ снискивать себѣ скудное вознагражденіе работою скучною, безпрерывною, срочною, трудами поглощающими и талантъ и здоровье?.. Я отъ души удивляюсь, что послѣ одного такого пожертвованія своими выгодами изъ любви къ наукѣ, у него еще достаетъ охоты, времени и терпѣнія, на другое, еще болѣе значительное,—писать и печатать на

свой счетъ книги! Я говорю—*на свой счетъ*, и знаю, что̀ говорю. Немногіе изъ его собратовъ любятъ покупать медицинскія книги! А многіе даже рѣшительно не любятъ, чтобы ихъ товарищи занимались сочиненіемъ книгъ. Это ужасно прискорбно для насъ, паціентовъ. Кому бъ изъ насъ не было пріятно видѣть, что тѣ, которымъ ввѣряемъ мы наше здоровье, слѣдятъ по-крайней мѣрѣ внимательно за ходомъ и успѣхами своей науки? Я не хочу быть зловѣщимъ ворономъ, но боюсь, что нѣсколькими цѣлковыми— книга г. Грума стоитъ цѣлковый — кончится все вознагражденіе.

— Если доктора не купятъ, я покупаю все изданіе! бодро вскричалъ Пюбликъ-Султанъ Багадуръ. Отличная книга! Посмотри, у меня всѣ грыжи пропали, отъ одного только ея разбора!

Прекрасная Критикзада была внѣ себя отъ радости при видѣ такого блистательнаго успѣха ея способа врачеванія грыжъ. Ей оставалось только приложить содержаніе книжки г. Добронравова къ чумѣ супруга: она такъ и сдѣлала, и притомъ съ удивительнымъ критическимъ искусствомъ. Она совершенно пропустила всю исторію чумы, потому-что такою исторіею нельзя вылечить ни чьего любопытства. Авторъ *видитъ*, что «чума современна *строенію видимаго міра*». Гдѣ онъ видитъ такія чудеса, этого ни Критикзада, ни ея свѣтлѣйшій супругъ, не могли открыть. Но они съ своей стороны ясно *увидѣли*, что авторъ смѣшалъ съ чумою всѣ различныя заразы, о которыхъ упоминаютъ древніе писатели. А между-тѣмъ Критикзадѣ и султа-

ну извѣстно, что ни одинъ изъ древнихъ авторовъ не приводитъ какихъ бы то ни было патологическихъ признаковъ, по которымъ бы врачъ могъ заключить, что они говорятъ именно о чумѣ. Вы скажете, Галенъ? Авторъ тоже ссылается на него. Да Галенъ и въ глаза не видалъ заразы, которую описываетъ! Галенъ бѣгомъ ушелъ отъ нея какъ только могъ подальше, по точному примѣру итальянскихъ врачей, которые такимъ же образомъ ушли въ прошломъ году отъ холеры изъ Неаполя, Палермо и Рима. Всѣ древніе врачи такъ дѣлали въ случаѣ заразы. И притомъ Галенъ не упоминаетъ о прилипчивости заразы, которая свирѣпствовала въ его время; а прилипчивость, по мнѣнію г. Добронравова, составляетъ главное и отличительное свойство чумы. Первые вѣроятные признаки нынѣшней чумы мы *видимъ* только въ четырнадцатомъ столѣтіи, когда и начали быть принимаемы въ Венеціи нѣкоторыя карантинныя мѣры противъ прилипчивой восточной болѣзни; а первое достовѣрное доказательство восходитъ не далѣе 1540 года, когда одинъ венеціянскій врачъ посвятилъ чумѣ отдѣльную главу въ своемъ сочиненіи. Первое появленіе оспы относится тоже въ новѣйшей эпохѣ. Вовсе не было надобности употреблять чуму вмѣсто извести при «построеніи *видимаго міра*». Физіологическая часть сочиненія не лучше исторической. Между-тѣмъ какъ въ послѣдніе годы чума и физіологическій вопросъ объ ней подали поводъ къ столькимъ примѣчательнымъ сочиненіямъ и опытамъ, въ «Разсужденіи» г. Добронравова этотъ вопросъ даже не тронутъ; еще хуже — онъ замѣненъ

странною ипотезою или, точнѣе, *«разумѣніемъ»* автора, что «чумный ядъ есть *животная кислота*, легко разлагаемая, которая, *по общему закону кислотъ*, теряетъ *существенныя свойства заражать*...... когда нарушается содержаніе составныхъ частицъ ея». Разумѣніе это, пущенное на удачу, не подкрѣплено ни малѣйшею тѣнью факта или опыта; и спрашивается: что̀ за такая *животная* кислота?—да и странный *общій законъ* открылъ авторъ въ кислотахъ, приписывая имъ «существенное свойство *заражать*»! Неужели такія чудныя теоріи выходятъ изъ-подъ пера русскаго врача въ то самое время, когда во Франціи, Германіи, Англіи, Италіи, и даже въ Турціи, являются изслѣдованія о чумѣ, исполненныя любопытныхъ опытовъ, важныхъ наблюденій, занимательной и свѣтлой полемики? Критиквада имѣла полное право быть недовольною брошюрою г. Добронравова, прочитавъ ее вслѣдъ за основательнымъ сочиненіемъ доктора Лоринзера, «Die Pest des Orients», вышедшемъ въ Берлинѣ нѣсколькими мѣсяцами прежде. Не такой монографіи чумы ожидала она отъ опытнаго и искуснаго русскаго врача, который имѣлъ случай обращаться съ этой язвой и нѣсколько разъ прекращалъ ее удачно! Между писателями о чумѣ, которыхъ приводитъ авторъ, изъ новѣйшихъ никого не видно: но не удивительно ли не встрѣтить, между прежними, имени Русселя? Патологическая часть безъ-сомнѣнія—самая лучшая въ этомъ *«Краткомъ* разсужденіи», котораго, конечно никто не принуждалъ быть краткимъ: она изложена ясно, и хотя не заключаетъ въ себѣ ничего осо-

беннаго, оказалась однакожъ полезною въ практикѣ, потому-что лишь прекрасная Критикзада начала принимать по ней карантинныя мѣры противъ своего супруга, Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ мигомъ выздоровѣлъ со страху. Чувствительно благодарилъ онъ султаншу за столь быстрое и радикальное излеченіе, и на радость просилъ ее разсказать еще разъ, съ самаго начала, незабвенную исторію, которая такъ сильно его поражала. Не нужно и говорить, что новый опытъ былъ столь же неудаченъ какъ и прежніе: султанъ опять дотого былъ пораженъ содержаніемъ этой занимательной прозы, что черезъ нѣсколько минутъ уснулъ сномъ сладкимъ и крѣпительнымъ, и спалъ до девяти часовъ. Проснувшись, онъ разсказывалъ, что видѣлъ удивительный сонъ; ему снилось, что жена приколотила его свѣтлую персону за то, что онъ получилъ письмо отъ любовницы, которая послѣ того бросилась изъ окна въ то самое время, какъ всѣ они весело обѣдали съ многочисленнымъ обществомъ, а онъ держалъ кошку за хвостъ......

— Постойте, вскричала маленькая Иронизада: я вамъ объясню весь этотъ сонъ. Свѣтлѣйшая сестрица моя подарила мнѣ вчера премилую книжку —

Ключъ къ изъясненію сновъ, *составленный по сочиненіямъ славнѣйшихъ снотолкователей, Каліостро, Великаго Альберта, Мартына Задека, индѣйскихъ, китайскихъ, цыганскихъ и африканскихъ мудрецовъ.*

Иронизада подошла съ своей книжкою къ султану и они начали отыскивать вмѣстѣ, по картинкамъ, значеніе каждаго обстоятельства. Оказалось, что побои,

которые получилъ онъ отъ жены, означаютъ, что онъ нашелъ себѣ вѣрную и кроткую подругу. Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ оборотился и нѣжно поцѣловалъ свою милую Критикзаду. Письмо предвѣщало ему богатое наслѣдство — по комъ? — и самъ онъ не зналъ! Женщина, бросившаяся изъ окна, предзнаменовала непріятную тяжбу: да ктожъ съ нимъ смѣетъ тягаться! — Вздоръ! сказалъ султанъ. — Веселый обѣдъ грозилъ ему болью въ желудкѣ, а держанье за хвостъ кошки ясно предостерегало его о потерѣ капитала. — Ахъ, да! знаю! воскликнулъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ: навѣрное, меня опять заманятъ въ какую-нибудь компанію желѣзныхъ дорогъ! — Несмотря на неблагополучное предвѣщаніе, онъ такъ былъ доволенъ «Ключемъ», и ловкостью, съ какой Иронизада пріискала въ немъ объяснительныя картинки на всѣ подробности сновидѣнія, что подарилъ своей маленькой невѣсткѣ самую прелестную книжечку петербургскую, именно:

Карманную книжку *на 1838 годъ.*

Книжечку, напечатанную изящно, украшенную англійскими гравюрами, переплетенную съ большимъ вкусомъ; книжечку, которая вмѣстѣ и мѣсяцословъ и адрессъ-календарь, и въ которой онъ совѣтовалъ своей невѣсткѣ отмѣчать постоянно дни, проведенные благонравно, и дни, въ которые станетъ она капризничать, для общаго годичнаго разсчета съ своей розовою совѣстью. Дѣвушка, съ восхищеніемъ, обѣщала повиноваться его совѣту.

Наконецъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ всталъ съ постели, совершилъ омовеніе, помолился Аллаху, и хо-

тѣлъ уже выйти въ залу, какъ вдругъ вспомнилъ о верховномъ визирѣ и капыджи-баши. Какъ ему показаться передъ ними? Проклятая повѣсть! неужели въ самомъ дѣлѣ ему не суждено узнать, чѣмъ эта проза такъ сильно, такъ глубоко, его поражаетъ? Ужъ, видно, не суждено! А между-тѣмъ она причиняетъ ему столько хлопотъ!.... Свѣтлая мысль блеснула въ умѣ его. Онъ вышелъ, встрѣтилъ визиря у дверей гарема, взялъ у него кожаный мѣшокъ, и воротился въ спальню. Критиказада поблѣднѣла. Иронизада перепугалась.

— Не бойтесь, сказалъ султанъ. Милая моя Критиказада, помоги мнѣ, сдѣлай милость, положить въ мѣшокъ всю эту непостижимую прозу вашего прекраснаго альманаха.

Критиказада повиновалась въ безмолвіи. Она держала мѣшокъ. Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, самъ своей свѣтлой особою, изволилъ выколотить въ него всю прозу изъ книжки. Они тотчасъ зажали отверстіе и плотно его зашили. Черезъ нѣсколько минутъ мѣшокъ надулся ужаснымъ образомъ: когда маленькая Иронизада вздумала его подавить пальцемъ, кожа никакъ не подавалась подъ ея пальцемъ. Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ, позвавъ двухъ евнуховъ, приказалъ имъ вынести мѣшокъ въ залу и отдать визирю, съ тѣмъ, чтобы тотъ всенародно бросилъ его въ море. Къ удивленію султана два евнуха не могли сдвинуть мѣшка съ мѣста. Позвали еще двоихъ. Съ большимъ трудомъ подняли они съ земли ношу и вытащили ее изъ спальни. Самъ султанъ помогалъ имъ.

— Странно! восклицалъ Пюбликъ-Султанъ-Багадуръ. Странно! непонятно! Что̀ за чудеса?.... Отчего этотъ мѣшокъ сталъ такой тяжелый? Словно, набитый свинцомъ!.... Количество прозы-то, кажется, было небольшое.....

— Видно, въ ней много было шутокъ, замѣтила маленькая Иронизада.

— Чортъ возьми! сказалъ Пюбликъ-Султанъ съ досадою: въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ-поръ, какъ при моемъ дворѣ явился Брамбеусъ, всѣ, рѣшительно, стали остроумны!

1838.

ВЫДЕРЖКИ

ИЗЪ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛѢТОПИСИ» РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

Примѣчаніе. Здѣсь помѣщены, въ хронологическомъ порядкѣ, рецензіи изъ «Литературной Лѣтописи» Библ. для Чт. разныхъ годовъ — и нѣкоторыя изъ отдѣла «критики» — въ которыхъ высказаны примѣчательныя мнѣнія автора о предметахъ науки и литературы. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ издатели позволили себѣ также сдѣлать сокращенія, откинувъ изложеніе содержанія книгъ и обширныя выписки изъ нихъ, которыя безполезно увеличили бы объемъ изданія. *Изд.*

1833.

Горе отъ ума. *Комедія* Грибоѣдова. Москва, 1833.

Наконецъ «Горе отъ ума» вышло изъ печати!.... Здѣсь не мѣсто разбирать это прекрасное твореніе: сверхъ того, разбирая его, пришлось бы разбирать

27*

не сочиненіе умнаго и несчастнаго Грибоѣдова, но пристрастіе девяти-десятыхъ частей Россіи къ этому сочиненію, и отвращеніе, обнаруживаемое одною десятою частію. «Горе отъ ума» имѣетъ повсюду столь же пламенныхъ обожателей, какъ враговъ. И самое то обстоятельство, что оно заслужило себѣ пламенныхъ противниковъ, уже неоспоримо доказываетъ высокое его достоинство: въ словесности не всякій, кто хочетъ, имѣетъ жестокихъ враговъ. Есть поэты и прозаики, которые мечутся, какъ угорѣлые, прибѣгаютъ къ наглости и оскорбительнымъ обвиненіямъ, стараются даже обидѣть, чтобъ только похвастать враждою нѣкоторыхъ своихъ собратій — и вмѣсто вражды получаютъ отъ нихъ одинъ смѣхъ. Это ужъ вѣрный признакъ посредственности ихъ произведеній! Но когда книга удостоивается сильной вражды, будьте увѣрены, что она необыкновенна во всѣхъ отношеніяхъ.

Комедія Грибоѣдова безъ-сомнѣнія не чужда недостатковъ по части искусства, но общее восхищеніе, съ какимъ Россія ее приняла, загладило ея грѣхи и сдѣлало ея красоты народною собственностью. Теперь о красотахъ ея должно говорить такъ, какъ Англичанинъ и Испанецъ говорятъ о красотахъ Шекспира и Кальдерона; о недостаткахъ, съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ они разсуждаютъ о погрѣшностяхъ, примѣчаемыхъ въ твореніяхъ этихъ двухъ писателей. Кто безусловно поноситъ «Горе отъ ума», тотъ оскорбляетъ вкусъ всего народа и судъ, произнесенный всею Россіею. Это народная книга: нѣтъ Рус-

скаго, который бы не зналъ наизустъ по-крайней-мѣрѣ десяти стиховъ изъ этой комедіи.

«Горе отъ ума» было сравниваемо почти со всѣми лучшими произведеніями этого рода въ европейской словесности, исключая съ тѣмъ, съ которымъ геній самого автора хотѣлъ поставить его на ряду, и дѣйствительно поставилъ. «Горе отъ ума» занимаетъ въ нашей словесности, по своему роду и духу, именно то мѣсто, которымъ «Свадьба Фигаро», извѣстная комедія Бомарше, овладѣла во французской. Подобно «Свадьбѣ Фигаро», это комедія политическая: Бомарше и Грибоѣдовъ, съ одинаковыми дарованіями и равною колкостію сатиры, вывели на сцену политическія понятія и привычки обществъ, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ. Если «Горе отъ ума» уступаетъ творенію французскаго комика въ искусствѣ интриги, съ другой стороны оно возстановляетъ равновѣсіе свое съ нимъ въ отношеніи къ внутреннему достоинству поэтическою частью и неподражаемою прелестью разсказа.

—

Аскольдова могила. *Повѣсть временъ Владиміра I.* М. Загоскина. Москва, 1833.

Всякій видитъ, по одному заглавію, что предметъ этого историческаго романа, названнаго повѣстью по скромной формѣ, предписанной покойнымъ Вальтеромъ Скоттомъ, принадлежитъ временамъ, безпредѣльно романическимъ — эпохѣ Варяговъ, эпохѣ введенія христіанской вѣры въ Россію. Нѣтъ сомнѣнія, что ни

одинъ періодъ нашей исторіи не представляетъ такихъ богатыхъ и такихъ разнообразныхъ сюжетовъ для романа, какъ нашъ періодъ норманнскій. Но нельзя также не согласиться, что, кромѣ всѣхъ другихъ дарованій, нужна еще почти исполинская ученость въ романистѣ, чтобъ быть Вальтеромъ Скоттомъ подобнаго періода. Здѣсь писатель долженъ знать не только всѣ историческія тайны стариннаго Сѣвера, не только имѣть точное свѣденіе объ этнографическихъ его подробностяхъ и быть коротко знакомымъ со скандинавскою словесностію, чтобъ удачно изобразить нравы, образъ мыслей, и даже тонъ разговора Варяговъ, но еще обнять и проникнуть до самой глубины всѣ вообще части русской исторіи въ нравственномъ и филологическомъ ея отношеніяхъ, чтобъ отдѣлить, отъ общей массы нынѣшняго народнаго быта и языка, обычаи, понятія и выраженія, принадлежащія позднѣйшимъ эпохамъ, и составить себѣ запасъ чистыхъ, безъ всякой примѣси, несомнѣнныхъ матеріяловъ, изъ которыхъ могъ бы онъ создать болѣе или менѣе вѣрную картину того отдаленнаго времени.

Г. Загоскинъ, съ появленія «Юрія Милославскаго» сдѣлавшійся любимымъ романистомъ публики, не побоялся всѣхъ этихъ трудностей дѣла: зато и дѣло мастера не испугалось. Въ краткомъ и скромномъ предисловіи, онъ изъявляетъ опасеніе, что мы не захотимъ прочитать всей его книги, и проситъ насъ по-крайней-мѣрѣ прочитать главы, на которыя самъ указываетъ. Онъ, видно, имѣетъ объ насъ весьма дурное мнѣніе. Чтобъ пристыдить его, скажемъ, что мы про-

читали весь его романъ съ большимъ удовольствіемъ отъ доски до доски. Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Михайла Николаевичъ, не указывайте намъ, что̀ мы должны читать въ вашей книгѣ; мы сами отыщемъ въ ней мѣста, которыя намъ понравятся. Какъ бы не такъ! Ни одинъ изъ нынѣшнихъ нашихъ писателей не умѣетъ такъ искусно поддѣлываться подъ просторѣчіе, ни одинъ такъ удачно не рисуетъ комическихъ характеровъ русскаго чернаго народа, какъ Загоскинъ. Въ его «Аскольдовой Могилѣ» не надобно искать результатовъ исторической или философической учености: его Норманны и Русины X вѣка по-временамъ говорятъ о татарскихъ *богатыряхъ* и даже о *колядованіи*, обычаѣ, занесенномъ въ Малороссію польскимъ католицизмомъ (calendae januarii); его Варяги въ состояніи даже поклясться вамъ званіемъ своимъ «природныхъ Варяговъ», то есть, такъ сказать, *природныхъ тѣлохранителей*; но его характеры занимательны, основаніе его повѣсти утѣшительно, разсказъ исполненъ во многихъ мѣстахъ прелести въ своемъ родѣ, и обыкновенные читатели романовъ прочтутъ эту новую книгу г. Загоскина съ истиннымъ наслажденіемъ. Ученымъ не должно давать ея въ руки: романы пишутся не для ученыхъ. Они находятъ прекраснымъ важное, вѣрное, то есть скучное: мы, простые чтецы, находимъ прекрасными и анахронизмы, когда они введены въ разсказъ такъ мило, какъ въ «Аскольдовой Могилѣ». Мы даже въ состояніи прослезиться при хорошенькомъ анахронизмѣ: пусть же ученые попробуютъ испытать отъ него подобное удо-

вольствіе!..... Они поставятъ NB! тамъ, гдѣ у насъ капнетъ пріятная слеза. Ахъ, не говорите мнѣ объ ученыхъ!........ На зло имъ я прочитаю еще разъ «Аскольдову Могилу» съ большимъ удовольствіемъ.

—

1834.

Новые досуги сельскаго жителя. *Стихотворенія* Ѳедора Слѣпушкина. С.-Петербургъ, 1834.

Ѳедоръ Слѣпушкинъ — русскій Ѳеокритъ, не по образованности дарованія, не по искусственной отдѣлкѣ своихъ стиховъ, но по ихъ духу. Двѣ вещи, съ виду совершенно противоположныя, могутъ въ существѣ быть похожи какъ двѣ капли воды. Ѳедоръ Никофоровичъ какъ двѣ капли похожъ на Ѳеокрита Праврагоровича. Я думаю, Ѳедоръ Никофоровичъ никогда не читалъ этого классическаго Грека? Вотъ, почему онъ еще болѣе похожъ на него! Но Ѳеокритъ Праврагоровичъ и Ѳедоръ Никифоровичъ учились у одного мастера — у природы. Ѳеокритъ былъ греческій Слѣпушкинъ, когда чисто, умно, рѣзко, смѣлыми и глубокими чертами, изображалъ полукочевой бытъ своихъ сельскихъ соотчичей, загородныхъ сосѣдей Сиракузы; когда представлялъ ихъ занятія, страсти и повѣрья въ Эполѣ, Коматѣ, Лаконѣ, Даметѣ, въ Киклопсѣ, въ Эргатинахъ, въ Адоніазусахъ; когда не одѣвалъ холодной аллегоріи въ армякъ сицилійскаго поселянина; когда не занималъ повязки у деревенской дѣвушки, продававшей ему яйца и сливки, чтобъ украсить ею нечистое чело лести; когда не писалъ эпиталамій безъ чувства, ни эпиграммъ безъ соли; когда

не подражалъ слогу и языку безсмертнаго пѣвца Ахиллова, чтобъ стряпать плохіе панегирики Птоломеямъ. Г. Слѣпушкинъ, наоборотъ, есть настоящій русскій Ѳеокритъ, когда живописуетъ бытъ, занятія, забавы, образъ мыслей и чувства нашихъ добрыхъ и трудолюбивыхъ мужичковъ въ поселянинѣ, въ рыбакѣ, пастухѣ, посадскомъ Ермилѣ, сбитенщикѣ; когда чертитъ наши деревенскія сцены въ ярмаркѣ или въ «Баринъ въ помѣстьѣ,» когда говоритъ о сельскомъ вечерѣ, а не о кирпичѣ въ шестнадцать футовъ, когда не сочиняетъ басенъ, ни стиховъ къ портретамъ, ни акростиховъ; когда не отвѣчаетъ на чужія посланія, не воспѣваетъ шампанскаго и не риѳмуетъ словъ *табакъ* и *кабакъ*, ради философіи. Отбросивъ отъ Ѳеосрита то, что̀ не ѳеокритское, и отъ Ѳедора Никифоровича Слѣпушкина то, что̀ не въ его родѣ и внѣ круга его наблюденій, вы получите двѣ поэзіи, тождество которыхъ удивительно, несмотря на разность формъ, въ которыя онѣ одѣты. Я не помню въ жизни двухъ впечатлѣній, ни двухъ удовольствій, схоже тѣхъ, какія испыталъ я при чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ «Новыхъ досуговъ» нашего «сельскаго жителя». Напримѣръ, начало описанія ярмарки, или картина крестьянъ, собравшихся зимою вечеркомъ въ своей избѣ, и разсужденія деревенскаго ворчуна, вытегорскаго философа, Ермила. Это настоящія русскія идилліи — единственныя идилліи, какія могутъ быть писаны въ XIX вѣкѣ! Ѳеокритъ писалъ за двѣ тысячи лѣтъ и представлялъ природу того времени помощію поэтическихъ того времени формъ и красокъ; г. Слѣпушкинъ пи-

шетъ теперь, пишетъ о предметахъ того же рода, и пишетъ нынѣшнимъ стихотворнымъ языкомъ. Онъ не подражаетъ формамъ греческаго поэта, и потому совершенно уподобляется ему духомъ поэзіи. Чтобъ уничтожить все свое съ нимъ сходство, ему стоитъ только проникнуться красотами классическаго образца, приспособить свои вдохновенія къ наружному виду Ѳеокритовыхъ твореній, вывести на сцену пастушковъ и назвать свои стихи идилліями: съ той минуты, онъ не напишетъ болѣе ни одной идилліи. Именно такимъ образомъ люди производили всю ложную поэзію начиная съ Аминты и Pastor Fido до г-жи Дезульеръ и до г-на ***. Совѣтую г. Слѣпушкину никогда не читать ни Ѳеокрита, ни Мосха, ни Віона, если онъ хочетъ удачно и вѣрно подражать первому.

Согласенъ, что между изящностью стиховъ Ѳеокрита и нашего сельскаго пѣвца есть маленькая разница, но должно принять въ соображеніе и то, что мы современники г. Слѣпушкину, а въ отношеніи къ первому страстные, наколдованные, удивительные потомки. Не знаю, чтобы мы, нынѣшніе, сказали объ александрійскомъ педантствѣ стихотворнаго языка Ѳеокрита, еслибъ жили въ его время, и какъ бы нравилось нашему уху смѣсь сицилійскаго мужичьяго нарѣчія съ окончаніями словъ, бывшими въ употребленіи въ другой части Греціи при Гезіодѣ и Гомерѣ?

Чтò жъ должно заключить изъ всего этого? — что я называю г. Слѣпушкина великимъ поэтомъ, какъ самъ Ѳеокритъ?... Отнюдь, нѣтъ. Ни Ѳеокритъ, ни г. Слѣпушкинъ не поэты: оба они только стихотворцы,

очень схожіе между собою по существу и духу, очень различные по внѣшней части своихъ произведеній, пріятные стихотворцы во многихъ мѣстахъ — Ѳеокритъ такихъ мѣстъ имѣетъ сто разъ болѣе нежели г. Слѣпушкинъ — первый, стихотворецъ, усовершенствованный искусствомъ съ природнымъ дарованіемъ; второй, природный стихотворецъ безъ большаго искусства; пѣвцы, изъ которыхъ ни тотъ, ни другой, не думалъ писать идиллій, но тотъ и другой написали по нѣскольку настоящихъ идиллій, каждый для своего народа и для своего времени. У южнаго Ѳеокрита часто играетъ роль любовь — отнюдь не сентиментальная — любовь простая, чувственная, страстная и грубая; у сѣвернаго, совсѣмъ нѣтъ любви, или она почти незамѣтна. Это еще одна точка сходства двухъ Ѳеокритовъ: всякій изъ нихъ вѣрно изображаетъ природу, какая у него передъ глазами. Г. Слѣпушкина можно было бы еще уподобить Борнсу или Краббу; но поселянинъ Борнсъ и пасторъ Краббъ, по несчастію, были политическіе фанатики и поэты гораздо выше Ѳеокрита, хотя тоже воспѣвали сельскую природу, и хотя послѣдній нерѣдко представлялъ ее столь же отвратительною, какъ знаменитый Сиракузецъ.

Во мнѣніи «строгихъ» критиковъ, я, можетъ-быть, слишкомъ увлекаюсь въ пользу г. Слѣпушкина: мы однакожъ, скажутъ они мнѣ, «по географическому положенію живемъ въ Европѣ!»... Именно потому, что мы живемъ въ Европѣ, я хочу подражать Европейцамъ, имѣть свое мнѣніе, и искать хорошаго скорѣе

въ своемъ, нежели въ чужомъ. Въ пользу г. Слѣпушкина, котораго, по моему разумѣнію, не оцѣнили у насъ съ должной стороны, я увлекаюсь оттого, что нашъ русскій Ерёма, читающій по складамъ «Пцолу» въ гостинницѣ, пріѣхавъ на рынокъ съ возомъ сѣна, гораздо для меня увлекательнѣе и живописнѣе «Сиваритскаго пастуха Лакона, который вчера укралъ козу у сиракузскаго пастуха, Коматы». Я бы искренно поздравилъ себя, еслибъ мои замѣчанія удалили г. Слѣпушкина отъ басенъ, отъ портретовъ, отъ надгробій, отъ философическихъ разсужденій о табакѣ и шампанскомъ, и дали его таланту единое свойственное ему направленіе — къ предметамъ сельской жизни, кь картинамъ столь интереснаго и оригинальнаго житья-бытья нашихъ поселянъ. Онъ могъ бы сдѣлаться ихъ поэтомъ, облагородить ихъ занятія въ собственныхъ ихъ глазахъ, дать имъ почувствовать поэзію скромнаго, но благороднаго ихъ состоянія, утвердить въ нихъ чувство довольства своею судьбою, необходимое для счастья всякаго человѣка, разлить прелесть и утѣшеніе въ ихъ грамотныхъ хижинахъ. Мы тоже читали бы его стихи, и еще болѣе любили бы и уважали добрыхъ нашихъ дѣтокъ, мужичковъ. Съ этой стороны смотрю я на русскаго Ѳеокрита, и потому считаю его «Русскаго поселянина» лучшею русскою идилліею.

—

Разборъ физики г. *Велланскаго опытной, наблюдательной и умозрительной и другихъ новѣйшихъ авторовъ*, учиненный 1834 года. Часть первая.

«Всѣ умозрѣнія, говоритъ Фонтенелль, происходятъ оттого, что мы слишкомъ любопытны, а глаза у насъ дурные». Фонтенелль сказалъ великую истину, хотя большую нелѣпицу. Онъ правъ въ томъ, что умозрѣнія проистекаютъ отъ страсти нашей видѣть далѣе, чѣмъ позволяетъ намъ организація глаза, даже вооруженнаго всѣми пособіями, состоящими въ кругу земной природы, но онъ ошибается, думая, будто у насъ глаза дурные. Глаза наши такъ совершенны, какъ только того требуетъ наша природа и назначеніе наше въ чинѣ вселенной.

Глаза наши доведены природою точно до той степени совершенства, на которой поставила она другія чувства наши, и предполагать неравное достоинство разныхъ чувствъ человѣка, значитъ утверждать, что нѣкоторыя изъ нихъ не соотвѣтствуютъ потребностямъ предназначеннаго ему существованія, и что онъ созданъ мастеромъ, незнающимъ своего дѣла. Если въ человѣкѣ есть логика, то есть даръ понимать здраво все, что̀ сопряжено съ его бытіемъ, то онъ долженъ сознаться, что всѣ пять его чувствъ устроены въ одинаковой степени совершенства, всѣ пять приноровлены къ одной цѣли — удовлетворенію условіямъ физическаго быта, всѣ пять основаны на одномъ и томъ же свойствѣ. Если одно изъ нихъ передаетъ намъ дѣйствительность, четыре остальныя должны передавать тоже дѣйствительность. Если одно сообщаетъ

намъ то, чего очевидно нѣтъ въ природѣ, если оно не переноситъ въ насъ дѣйствительности, а только предостерегаетъ насъ какимъ-нибудь условнымъ впечатлѣніемъ, выдуманнымъ знакомъ, подаваемымъ ему природою для достиженія своихъ цѣлей въ отношеніи къ нашему бытію, и сообщаемымъ отъ него намъ, само собою разумѣется, что и другія чувства дѣйствуютъ на насъ тѣмъ же образомъ. Это правило такъ просто и ясно, что не слѣдуетъ и удивляться, если оно доселѣ оставалось непримѣченнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что звука нѣтъ въ природѣ, что онъ только наружное явленіе, условный знакъ, подаваемый природою уху животныхъ съ тѣмъ, чтобы они издали остерегались своихъ враговъ, узнавали за глаза присутствіе своихъ жертвъ въ извѣстномъ разстояніи, и отыскивали недѣлимыя своего рода. Запаху также не существуетъ, и обоняніе есть только феноменъ. То же разумѣется о вкусѣ. Слѣдственно и свѣта, которымъ дѣйствуетъ глазъ, быть не можетъ въ природѣ: какъ собственно нѣтъ въ ней и цвѣтовъ, которые существуютъ только въ нашемъ глазѣ; оно то же явленіе, тотъ же обманъ, то же условное впечатлѣніе, какъ и звукъ. Это правило безъ-сомнѣнія распространяется и на теплоту, ощущаемую нами посредствомъ осязанія. Вообще наши чувства не сообщаютъ намъ ничего дѣйствительнаго, ничего того, что̀ въ самомъ дѣлѣ есть въ природѣ, но только условные ея знаки, кажущіяся формы. Мы отвсюду приводимся къ истинѣ, такъ рѣзко и удачно изображенной Платономъ: «Мѣрило всего въ мірѣ есть самъ человѣкъ». Изъ этого

легко вывести заключеніе, въ какой опасности для истины, волшебства и иллюзіи должна обрѣтаться самая наша опытная физика, не говоря уже о томъ, чего стоятъ наведенія умозрительной. Свѣтъ, теплота, электричество, магнитность и покойный гальванизмъ, очевидно, только явленія какого-то дѣятеля, до-сихъ-поръ для насъ непостижимаго, но который, должно надѣяться, скоро обнаружится нашему уму, если не чувствамъ. Гальванизмъ уже исчезъ въ электричествѣ: магнитизмъ и электричество, благодаря новѣйшимъ наблюденіямъ, такъ сблизились между собою, что можно заранѣе готовить эпитафію одному изъ двухъ могущественныхъ веществъ; свѣтъ, который Окену уже показался лишь напряженіемъ эѳира, теплота и вѣроятно самое электричество, скоро предстанутъ передъ насъ только въ видѣ явленій, въ видѣ простыхъ свойствъ одной общей, особенной силы. Для этого нужно время, еще болѣе нужны терпѣніе и неутомимость въ изслѣдованіяхъ, но умы уже не далеко отъ великаго и важнаго открытія — по-крайней-мѣрѣ отъ той точки, на которой будемъ въ состояніи вывести огромное и весьма правдоподобное умозаключеніе. Есть однакожъ люди, которымъ никакъ не хочется ожидать дальнѣйшихъ слѣдствій опыта — люди нетерпѣливые, любопытные, самонадѣянные, желающіе непремѣнно опередить факты, перепрыгнуть черезъ постепенное ихъ развитіе и добиться до начала вещей помощію одного воображенія. Они, не заботясь о будущей судьбѣ того, что̀ при ихъ жизни называется фактомъ, тотчасъ принимаютъ его за истину, доказан-

ную окончательно, и обращаютъ въ матеріялъ для перестройки міра въ духѣ понятія своего времени. Не торопитесь, почтенные умозрители: слава Богу, мы еще далеко отъ дня преставленія свѣта, еще познанія человѣческія не прошли половины пути безконечнаго своего усовершенія, еще все впереди, все измѣнится и переработается тысячу разъ, пока родъ нашъ станетъ у столба, кроющагося въ глубинѣ неизмѣримой будущности, на которомъ написано: «Теперь уже ты все узналъ, и болѣе ничего не узнаешь!» Конецъ всего человѣческаго званія безъ-сомнѣнія не можетъ быть иной, какъ точное узнаніе первой причины причинъ и того образа, какимъ создала она міръ. Если всему въ свѣтѣ есть свой, полный, совершенный періодъ бытія, то конечно періодъ человѣчества и всей органической жизни на землѣ, быть-можетъ и самой земли, устарѣвшей и исполнившей свой долгъ въ ликѣ небесныхъ тѣлъ, долженъ заключиться этимъ знаніемъ. Мы еще слишкомъ далеки отъ этого, и не въ правѣ дѣлать положительной науки изъ темныхъ и обманчивыхъ мечтаній нашихъ о предметѣ, объясненіе котораго будетъ написано чуть-ли не на послѣдней страницѣ исторіи нашихъ усилій, изысканій, заблужденій ума и бытія. Спрашиваемъ: чего будетъ стоить вся Океновa система о происхожденіи міра, когда черезъ нѣсколько лѣтъ новые и точнѣйшие опыты низвергнутъ съ колеблющагося уже престола только одну изъ главныхъ дѣйствующихъ его силъ — магнитизмъ? Умозрѣнія въ физикѣ, мечтательность въ наукѣ опытной, положительной, трудной, принужденной бо-

роться съ безчисленными обманами, происходящими отъ самаго устройства нашихъ чувствъ, были бы только достойны смѣха и сожалѣнія, еслибъ они не утомляли, не путали и не останавливали успѣховъ самой науки, вскружая головы, отклоняя ихъ отъ наблюденія и исканія новыхъ фактовъ къ постройкѣ мыльныхъ вселенныхъ, и поселяя въ умахъ пагубную мысль, будто они все постигли и уже не остается ничего къ открытію. Не мечтать слѣдуетъ въ физикѣ, разлегшись на диванѣ съ трубкою, блаженною сподвижницей умозрѣній, но трудиться въ лабораторіи, гдѣ еще въ каждомъ кускѣ угля, въ каждомъ кружкѣ металла скрываются тысячи невѣдомыхъ свойствъ и явленій. По умозрѣніямъ г. Окена, магнитизмъ есть тяжесть въ свѣтѣ, а по нашему, умозрѣніе есть лѣнь въ тяжести.

Послушайте, Бога ради, какъ, съ какою догматическою умѣренностью, одинъ почтенный ученикъ этого знаменитаго міростроителя описываетъ образованіе вселенной: читая эти строки, слышишь, кажется, Гезіода, поющаго свою Ѳеогонію.

«Матерія эѳира, наполняющая Вселенную, есть основное начало всѣхъ вещественныхъ образованій въ Мірѣ. Все началось отъ точки. Она раздѣлилась на центръ и окружность силами экспансивною и контрактивною, которыя, въ борьбѣ между собою, произвели вещественность — ощутительные атомы. Отъ сказанной точки произошелъ видимый Міръ. Солнце произвело Планеты. Онѣ образовали изъ себя Спутниковъ. Міры, какъ растенія, зачинаются, развиваются, достигаютъ высочайшей степени своего образованія, потомъ нисходятъ къ конечному разрушенію; въ нихъ, какъ въ человѣкѣ, четыре возраста: Отроческій, Юношескій, Возмужалый и время Устарѣлости. Луна находится еще въ первомъ періодѣ. Она еще ростетъ. На ней

нѣтъ органической жизни, и, на обращенной къ намъ сторонѣ, кажется безводною. Луна и другіе Спутники, по достиженіи возмужалости, могутъ превратиться въ Кометы и, проходя вѣки по сжатымъ элиптическимъ орбитамъ около нашего и другаго смежнаго Солнца, могутъ по времени возвратиться къ своимъ Планетамъ; тогда не будутъ уже ихъ Спутниками, а сдѣлаются сами Планетами и станутъ, либо, по примѣру прочихъ Планетъ, обходить вокругъ Солнца, или оставаясь при своей Планетѣ, обращаться по прежнему около нея; тогда обстояніемъ своимъ превратятъ ее въ Солнце. Юпитера постигнетъ точно такая же участь. Уранъ и Сатурнъ для того меньше другихъ Планетъ, что рожденіемъ Спутниковъ и Колецъ истощились».

Подумаешь, право, что авторъ самъ былъ при созданіи міра, или по-крайней-мѣрѣ правилъ имъ временно въ баснословные вѣки! Еслибъ мы не знали, что все это наши новѣйшія ипотезы, только принятыя за несомнѣнныя истины для удобнѣйшаго мечтанія о вещахъ, теперь для насъ еще непонятныхъ, мы бы готовы сказать, что это листокъ, вырванный изъ Космогоніи Зороастра, который безъ чиновъ предписываетъ Персамъ вѣрить, что созданный свѣтъ произошелъ такъ, а неиначе — а кто не вѣритъ, того на костеръ.

Безъименный авторъ книги, подавшей намъ поводъ къ этому разсужденію объ умозрительствѣ въ физикѣ, *учинилъ* разборъ приведеннымъ здѣсь положеніямъ, и кажется, намѣренъ «учинить оный» и прочимъ аксіомамъ той же школы. Нельзя не отдать справедливости его намѣренію: желаніе доискаться истины похвально даже и тогда, когда онъ ее преслѣдуетъ по пути, ведущему въ противную сторону. Сочинитель успѣлъ обнаружить довольно ощутительнымъ образомъ нѣ-

сколько противорѣчій въ главныхъ положеніяхъ творенія, которому «чинить» онъ «разбирательство», но онъ тоже изъ умозрителей, и на мѣстѣ однѣхъ ипотезъ старается только водворять другія. Онъ большой обожатель эѳира и всего эѳирнаго. Впрочемъ, онъ готовъ согласиться и съ его противниками, если только кто изъ нихъ укажетъ ему красивѣйшее и удобнѣйшее вещество для объясненія всего неизъяснимаго, лучшаго и вѣрнѣйшаго дѣятеля въ природѣ; «только убѣди-«тельнѣйше прошмъ», присовокупляетъ онъ, «явствен-«но наименовать *онаго*, не такъ какъ понынѣ почитаются «дѣйствующими силами однѣ только *ихъ дѣйствія* (?!), «безъ показанія ихъ источника, или начала».

Въ томъ-то и бѣда, что непремѣнно хочется знать начало! Не торопитесь, сударь: вамъ наименуютъ *онаго* дѣятеля — не вамъ, такъ внуку вашего правнука. Всему своя очередь. Только, до этого дѣятеля путь черезъ опыты, а не черезъ умозрѣнія, которыя отъ великаго Будды до Окена ровно ничего не доказали.

Вмѣсто томительнаго и почти всегда неудачнаго опроверженія положеній своего противника, авторъ «Разбора» могъ бы, по нашему мнѣнію, заключить свою критику въ нѣсколькихъ словахъ, сказавъ: «Вы имѣете полное право вѣрить всѣмъ ипотезамъ окенистовъ, даже излагать ихъ въ «Опытной, наблюдательной и умозрительной Физикѣ»; но польза науки требовала отъ васъ непремѣнно, изложить ихъ только исторически, какъ ипотезы, которымъ теперь вѣрятъ многіе, въ томъ числѣ и вы сами, представить читателю съ благоразумнымъ сомнѣніемъ, а не выдавать за неопровержимыя истины.

—

Дочь знаменитаго артиста. *Комедія-водевиль, переведенная съ французскаго.* — Досуги пустынника, *Москва.*

«Дочь знаменитаго артиста» можетъ представлять парижской публикѣ особенный интересъ мѣстныхъ театральныхъ преданій, сопряженныхъ съ исторіей національной словесности; намъ эта дочь, даже дочка этой дочери, ничего не представляютъ. Занявшись переводомъ подобнаго сочиненія, г. Шепелевъ, по мнѣнію нашему, сдѣлалъ самый несчастный выборъ; переведши poulettes «цыплятками» и lieutenant-général du Béarnais «генералъ-лейтенантомъ Беарна», онъ сдѣлалъ самый несчастный переводъ. Но какъ ужъ пойдетъ кому-нибудь несчастіе!... Вотъ, напримѣръ «Досуги Пустынника».

Если переводчикъ «Дочери знаменитаго артиста» возьметъ на себя трудъ прочитать ихъ со вниманіемъ, то онъ увидитъ, что все въ мірѣ суета. Водевили, переводы, критики, все, все суета; критики еще болѣе, чѣмъ переводы. Ученость—суета. Просвѣщеніе — суета. Даже *освѣщеніе* — суета. Романтизмъ — тоже суета, потому-что «романтизмъ не есть признакъ хорошей организаціи ума и сердца». Одно невѣденіе не суета: невѣденіе — вещь чрезвычайно положительная. Зная, можешь знать дурно, но если ужъ не знаешь, такъ не знаешь основательно, отчетисто: тутъ нельзя ни забыть, ни ошибиться. Разсужденіе такое очень утѣшительно.

Безъименный пустынникъ употребляетъ, кажется, досуги свои на то, чтобъ доказывать, что просвѣщеніе несогласно съ истиннымъ духомъ христіанства. Я

смѣю почитать себя ровно столь же хорошимъ христіаниномъ, какъ и почтенный пустынникъ, но никогда не скажу этого. Многіе отцы церкви были мужи безконечно ученые. Св. Августинъ зналъ все, что̀ только люди знали въ его время: да и большая часть знаменитыхъ ученыхъ новѣйшаго міра, не смотря на свою ученость, славились примѣрными христіанами. Неужели Ньютона, Кеплера, Кювьѐ, можно упрекнуть въ недостаткѣ вѣрованія? Неужели во времена невѣжества, которое почтенный пустынникъ смѣшиваетъ съ евангельскимъ невѣденіемъ, не было порока, расколовъ и безбожія, не было ересіарховъ и атеистовъ? Евангельское невѣденіе — невѣденіе нравственное, отвлеченное, невѣденіе всего злаго, порочнаго и ложнаго, дѣтская простота души, о которой говоритъ нашъ Спаситель — такъ же хорошо можетъ сіять въ человѣкѣ, знакомомъ со всѣми тайнами природы, какъ и въ томъ, кто только смотритъ на природу. Чѣмъ болѣе совершенствуются науки, тѣмъ сильнѣе каждая изъ нихъ подтверждаетъ мудрость и могущество Бога, тѣмъ дружнѣе всѣ вмѣстѣ мирятъ онѣ недовѣрчивость съ высокими истинами Откровенія. Наша планета теперь именно вступила въ тотъ счастливый и блистательный періодъ своей вселенской жизни, когда свѣтъ вѣры и науки начинаютъ сливаться въ одну массу; когда знаніе, долго бывшее враждебнымъ религіи, постепенно покоряется передъ нею, и само подноситъ ей свои великія открытія для подкрѣпленія господства ея надъ человѣкомъ и его счастіемъ. Проживъ безвѣріе гордаго полузнанія, которое окунуло въ кровь вѣкъ восемь-

надцатый, мы казалось бы, должны бъ быть благодарны просвѣщенію, такъ скоро отдѣлившему насъ стѣною свѣта отъ этой мрачной эпохи заблужденія и злополучія; должны бы пособлять всѣми силами его успѣхамъ, чтобы оно умчало насъ отъ нея какъ можно дальше, а не вооружать противъ него умы, еще непримѣчающіе его благодѣяній! Я увѣренъ, что переводчикъ «Дочери знаменитаго артиста» совершенно согласенъ со мною въ этомъ отношеніи. Но почтенный пустынникъ думаетъ совсѣмъ иначе: онъ не жалуетъ просвѣщенія, учености, наукъ, потому-что они «не дѣлаютъ человѣка лучшимъ»!

Отдавая полную справедливость благонамѣренности почтеннаго пустынника, мы — я и переводчикъ «Дочери артиста» — долгомъ считаемъ покорнѣйше представить на его соображеніе, какъ неумѣстно и даже вредно у насъ, въ наше время, подвергать анаѳемѣ все «нынѣшнее» просвѣщеніе, въ которомъ конечно можно отличать на досугѣ разные недостатки, неизбѣжные во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, но котораго никакъ нельзя опорочивать безусловно, и еще отъ имени религіи. Изъ всѣхъ наукъ, почтенный пустынникъ уважаетъ одну грамматику. Конечно, это очень хорошая наука, быть-можетъ одна изъ всѣхъ, которая видимо дѣлаетъ человѣка лучшимъ; но мы не думаемъ, чтобы она много улучшила излишнюю гнѣвливость автора, и чтобы гоненіе, объявленное имъ на какого-то г-на Г. Р., который, по словамъ Досугов, «не имѣетъ никакихъ познаній въ русской грамматикѣ», совершенно сходствовало съ духомъ той

христіанской кротости, того евангельскаго смиренія, какія желаетъ онъ перелить изъ себя въ читателя. Забота почтеннаго пустынника о грамматическихъ свѣденіяхъ г-на Г. Р. — тоже суета, большая суета, и весьма непріятно поражаетъ умъ въ твореніи аскетическомъ, среди отрывковъ, оригинальныхъ и переводныхъ «съ иностраннаго», посвященныхъ предметамъ высокимъ, дышащимъ вѣрою и небомъ, и вполнѣ способныхъ принести душевную пользу читателямъ, не думающимъ ни о грамматикѣ, ни о романтизмѣ, ни о познаніяхъ г-на Г. Р. въ языкѣ, ни о таковыхъ же самого автора «Досуговъ».

—

О бѣлой горячкѣ *или Мозговой горячкѣ отъ пьянства. Сочинилъ* Христіанъ Виттъ, *старшій докторъ Придворнаго Госпиталя, и проч.*

Рекомендуемъ чтеніе этого небольшаго сочиненія всѣмъ любителямъ пѣнника и рому, сожалѣя съ нашей стороны, что авторъ не далъ своему ученому труду болѣе популярной формы. Возбужденіе любопытства ясностью и заманчивостью изложенія необходимо въ книгахъ этого рода, и тѣсно связано съ пользою, обѣщаемою ими обществу. Какъ быстро подвигалось бы впередъ просвѣщеніе нашего отечества, еслибъ у насъ писали о важныхъ ученыхъ вопросахъ такъ мило, живописно и вразумительно для всѣхъ понятій, какъ пишутъ Араго̀, Вевель или Джонъ Ренни! По-

пробуйте, русскіе ученые: это не унизитъ вашихъ познаній, а благодарность публики и слава щедро вознаградятъ васъ за снисхожденіе.

—

1835.

О недостовѣрности древней русской исторіи *и о ложности мнѣнія касательно древности русскихъ лѣтописей сочиненіе* Сергія Скромненка. (С. Строева).

Это манифестъ юной исторической школы, отвергающей общепринятыя нами историческія повѣрья, за которыя сражался Шлецеръ, Карамзинъ, и теперь стоитъ М. П. Погодинъ. Школа эта родилась недавно, около 1827 года, такъ что ей теперь съ небольшимъ тридцать веснъ. По молодости лѣтъ, она не успѣла еще совершенно развиться и выказать себя: опровергать ее слишкомъ рано, спорить съ ней не слишкомъ выгодно. Въ молодыхъ лѣтахъ, люди и школы всегда бываютъ рѣзки, заносчивы, крикливы, все бранятъ, во всемъ сомнѣваются. Дайте срокъ юной школѣ: когда она подрастетъ, возмужаетъ, тогда можно будетъ толковать съ нею и спорить.

Г. Скромненко защищаетъ ученіе своей школы съ примѣчательнымъ искусствомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ успѣхомъ: онъ удачно разрушилъ важный аргументъ своихъ противниковъ, основывающій древность первой нашей лѣтописи на особенныхъ формахъ языка. Онъ могъ бы еще прибавить, что тамъ, гдѣ пишутъ на языкѣ условномъ и чуждомъ бесѣдѣ, гдѣ изящность полагаютъ въ подражаніи данному филологическому образцу, гдѣ ученость заключается въ томъ, чтобы писать не такъ, какъ говорится, но какъ на-

писано въ извѣстномъ мѣстѣ и на извѣстномъ нарѣчіи, — тамъ нѣтъ возможности опредѣлить по формамъ языка древность сочиненія. Подражатель XV столѣтія можетъ быть ученѣе и искуснѣе подражателя XI вѣка, и языкъ его книги, будучи ближе къ образцовому, покажется вамъ гораздо древнѣе. Въ Греческой Имперіи, въ западной Европѣ, на Руси, на Востокѣ, всюду, господствовало общее мнѣніе, что для того, кто знаетъ грамотѣ, унизительно писать на другомъ языкѣ, кромѣ ученаго. Византійцы корчили старинныя формы Ѳукидидовы, западные писали по-латыни, восточные по-арабски, мы по-славянски, то есть на нарѣчіи, принесенномъ къ намъ въ книгахъ Св. Писанія. Кто лучше владѣлъ этимъ нарѣчіемъ и умѣлъ ловче избѣгать словъ и формъ простонародныхъ, признаваемыхъ тогда пошлыми и неблагородными, тотъ былъ отличнѣйшій писатель. Если судить по слогу о древности писаній на языкѣ ученомъ, то придется признать Гейне современникомъ Цицерона и писателемъ по-крайней-мѣрѣ десятью столѣтіями старѣе Плано-Карпини или Ѳомы Кемпенскаго. Языкъ въ такихъ случаяхъ ровно ничего не доказываетъ, кромѣ бо̀льшаго или меньшаго искусства того, кто писалъ. Мы еще видимъ это въ нынѣшней русской литературѣ, гдѣ, вслѣдствіе общаго вкуса минувшаго времени, по-сю-пору господствуютъ остатки языка условнаго, бывшаго нѣкогда образцовымъ: не трудно было бы показать филологамъ два такія сочиненія 1833 года, изъ которыхъ одно, судя по языку, могло бъ быть сочтено древнѣе другаго двумя или тремя столѣтіями.

—

Корсунскія врата, находящіяся въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. *Описаны и объяснены* Ѳедоромъ Аделунгомъ.

Мы не скажемъ, подобно Бекону, что «большая книга — большое зло», но должны признаться, что это «большая скука», особенно, когда книга сочинена неискусно, переведена языкомъ, ужасающимъ слухъ и зрѣніе, и доказываетъ на сотняхъ огромныхъ страницъ то, что̀ можно было объяснить на одномъ листѣ — что̀ даже не требовало доказыванія и могло быть поставлено внѣ спора однимъ точнымъ рисункомъ предмета. Въ самомъ дѣлѣ, довольно взглянуть на вѣрное изображеніе такъ-называемыхъ Корсунскихъ Вратъ Новгородскаго Софійскаго Собора, и разобрать ихъ надписи, чтобъ убѣдиться, что эти врата произведеніе германскихъ художниковъ, и не могли быть привезены изъ Корсуни, или древняго Херсона. Объясненіе фигуръ, находящихся на доскахъ одно было бы достаточно, и не превосходило бы занимательности предмета. Изданное въ Берлинѣ въ 1823 году описаніе Новгородскихъ Корсунскихъ Вратъ, напротивъ того, вооружилось цѣлымъ арсеналомъ эрудиціи, чтобъ явиться большою *ученою* книгою и придать вопросу важность, огромность, многосложность, которыхъ онъ не имѣетъ. Ученый нѣмецкій сочинитель сообразовался въ этомъ случаѣ съ модою, господствовавшею тогда въ германскомъ ученомъ свѣтѣ, который презиралъ тонкія книжки, и литературныя произведенія цѣнилъ по числу выносокъ и примѣчаній, присоединенныхъ къ тексту, хоть-бы даже не кстати. Нынче онъ,

безъ сомнѣнія, описалъ бы Корсунскія Врата совсѣмъ другимъ образомъ, не будучи принужденъ требованіемъ *гелертеровъ* и обычаемъ книгодѣлія увеличивать объемъ сочиненія разсужденіями, съ виду многоучеными, но на дѣлѣ не представляющими никакого результата, и нарочною эрудиціей, которая по необходимости бываетъ во многихъ случаяхъ натянута и ложна. Русскіе переводчикъ и издатель, не находясь въ 1834 году подъ вліяніемъ обстоятельствъ, нѣкогда стѣснявшихъ автора, не имѣли никакой нужды передавать намъ его сочиненіе съ главными его недостатками: они могли дать изъ него соотечественникамъ приличное, хорошо обдѣланное извлеченіе, улучшить слабыя части, исправить разсужденія ошибочныя, устранить излишнія. Сами они признàютъ, что прибѣгать къ Ассемани и съ нимъ отправляться въ Сирію за объясненіемъ извѣстнаго символа—«Рука выходящая изъ облаковъ», значитъ то же, что изъ Петербурга ѣхать въ Ригу на Тобольскъ. Мы не знаемъ, для чего сохранены въ переводѣ доказательства, подобныя слѣдующему: Новгородскія Врата сдѣланы въ Германіи, а не въ Греціи, потому-что въ Германіи литейное искусство процвѣло прежде чѣмъ во *многихъ* странахъ Востока. Между *многими* странами Востока, не знавшими литейнаго искусства, были поэтому *немногія,* которыя его знали? Въ числѣ ихъ довольно было одной страны, знавшей литейное дѣло, чтобъ Врата могли быть сдѣланы на Востокѣ. Не цѣлому же Востоку отливать однѣ двери! И справедливо ли это, что въ Германіи литейное дѣло процвѣло

прежде чѣмъ гдѣ-нибудь на Востокѣ? По-крайней-мѣрѣ нельзя сказать этого ни о Греціи, ни объ Аравіи, ни объ Индіи, ни о Тибетѣ, ни Китаѣ: всѣ литейщики магдебургскаго епископа Вихмана навѣрное не сдѣлали бъ порядочной ноги къ золотой павѣ арабскаго халифа, приводившей въ восхищеніе поэтовъ и прозаиковъ. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что у насъ, встарину, всѣ отличнѣйшія произведенія художества, покупаемыя у иностранцевъ, назывались «корсунскими»; и это обыкновеніе было столь общее, что первую эпоху русскаго искусства собственно должно именовать «корсунскою». Слѣдственно нынѣшнюю эпоху русскаго искусства слѣдуетъ называть «англійскою», потому-что отборнѣйшіе плоды промышлености носятъ въ просторѣчіи имя англійскаго издѣлія? Прибавьте жъ къ тому, что эта корсунская эпоха «русскаго искусства», только покупала чужестранныя хорошія произведенія, а сама ничего не производила. Странная эпоха искусства!

Но если Новгородскія Софійскія Врата очевидно произведеніе германское, то въ какомъ же городѣ онѣ были сдѣланы? На этотъ вопросъ ученый археологъ, послѣ длиннаго разсужденія и множества выносокъ, отвѣчаетъ—*вѣроятно*, въ Магдебургѣ. И вѣроятно—потому-что нѣтъ никакихъ доказательствъ этому въ магдебургскихъ лѣтописяхъ! Оставалось разрѣшить еще одно сомнѣніе — какимъ образомъ изъ Германіи перешли они въ Новгородъ. Результатъ обширныхъ изысканій тотъ, что исторія Вратъ неизвѣстна. Стоило ли умножать число страницъ для открытія такихъ

фактовъ? Содержаніе и всѣ доводы этой большой книги можно весьма удобно заключить въ слѣдующихъ словахъ: Новгородскія Софійскія Врата, обыкновенно называемыя Корсунскими, произведеніе не греческое, а нѣмецкое, какъ то всякъ ясно можетъ видѣть, взглянувъ на ихъ рисунокъ.

Мы распространились о родѣ учености книги, лежащей передъ нами, чтобъ показать, что сочиненіе можетъ быть чрезвычайно ученое и во многомъ любопытное, и вмѣстѣ съ тѣмъ не соотвѣтствовать цѣли хорошихъ археологическихъ изысканій..

Лучшія части ея — объясненіе досокъ, составляющихъ Корсунскія Врата, и статья о Шведскихъ Вратахъ; онѣ могли еще быть значительно усовершенствованы въ русскомъ переводѣ. Но главнѣйшее и необходимое улучшеніе должно было обратиться на рисунокъ Вратъ, который не сообщаетъ никакого объ нихъ понятія: вмѣсто того, чтобъ списывать неискусный чертежъ, приложенный къ подлиннику, русскіе издатели сдѣлали бъ большое удовольствіе своимъ читателямъ и придали бъ особенную цѣнность сочиненію, украсивъ его изображеніемъ болѣе изящнымъ, болѣе художественнымъ, обнаруживающимъ степень красоты и искусства, содержащихся въ отдѣлкѣ фигуръ, надписей и принадлежностей. Что̀ касается до языка и слога перевода, то мы не беремся рѣшить, какому вѣку они нринадлажатъ: *вѣроятно*, корсунской эпохѣ искусства русскаго слова.

Арабески. *Разныя сочиненія* Н. Гоголя. *Двѣ части.*

Великіе писатели имѣютъ свою особенную логику и свой тонъ обращенія въ публикѣ, которыхъ намъ, людямъ обыкновеннымъ, употреблять не приказано, подъ карою безсмыслія. Еслибъ, напримѣръ, мы, люди обыкновенные, написали такое предисловіе къ своей книгѣ, — всѣ померли бъ со смѣху:

«Собраніе это составляютъ піэсы, писанныя мною въ разныя времена, въ разныя эпохи моей жизни. *Я не писалъ ихъ по заказу.* Онѣ высказывались отъ души, и предметомъ избиралъ я только то, что̀ сильно меня поражало. Между ними читатели безъ сомнѣнія найдутъ *много молодаго.* Признаюсь, нѣкоторыхъ піэсъ я бы можетъ-быть не допустилъ вовсе въ это собраніе, *если бы издавалъ его годомъ прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ.* Но вмѣсто того, чтобы строго судить свое *прошедшее,* гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ.* Истреблять прежде написанное нами, кажется *также несправедливо, какъ позабывать минувшіе дни своей юности.* Притомъ если сочиненіе заключаетъ въ себѣ *двѣ, три еще несказанныя истины, то уже авторъ не вправѣ скрывать его отъ читателя,* и за двѣ, три *вѣрныя* мысли можно простить несовершенство цѣлаго».

Только Гёте и только г. Гоголь могутъ говорить съ публикою такимъ образомъ. Они знаютъ, что публика приметъ съ благоговѣніемъ все, что̀ они ей ни кинутъ, и что каждая ихъ строка, хоть бы въ ней, вмѣсто пользы, толку и красотъ, было одно только молодое, драгоцѣнно для ней и для ея потомства. Они проникнуты тою истиной, что всякій лоскутокъ бумаги, который освятили они перомъ своимъ, когда еще учились писать, есть собственность цѣлаго рода

человѣческаго, и что истреблять его — значитъ нарушать права умственнаго міра: на этомъ лоскуткѣ, говорятъ они, могутъ находиться еще никѣмъ несказанныя истины и великія мысли, которыя мы нечаянно уронили! Гёте не сказалъ этого, изъ скромности; г. Гоголь не счелъ нужнымъ церемониться съ потомствомъ — и очень хорошо сдѣлалъ. Гёте предоставилъ своимъ наслѣдникамъ и обожателямъ подобрать всѣ лоскутки его молодости и издать ихъ по его смерти; г. Гоголь, не полагаясь на разборчивость наслѣдниковъ и обожателей, начинаетъ свое литературное поприще тѣмъ, что самъ издаетъ свои «посмертныя сочиненія». Мы, кажется, въ первый разъ встрѣчаемъ въ нашей словесности имя этого великаго писателя? Нужды нѣтъ. Онъ уже долженъ быть великъ, когда самъ говоритъ, что еще въ прошломъ году быть-можетъ онъ не издалъ бы такихъ бездѣлицъ, но въ нынѣшнемъ уже не смѣетъ быть строгимъ къ старымъ трудамъ своимъ, и считаетъ себя не въ правѣ скрывать ихъ отъ читателя.

Послѣ подобнаго предисловія, не знаешь, какъ и говорить о книгѣ. Мы думаемъ однакожъ, что молодой авторъ избралъ себѣ ложный путь: кто на первой своей страницѣ отзывается къ читателямъ такъ диктаторски, тотъ заслуживаетъ, чтобы ему откровенно показали мѣсто его въ умственномъ мірѣ. Самонадѣянность тѣмъ особенно не выгодна, что теряетъ право на снисхожденіе. Признаться, мы никогда не были большіе охотники до посмертныхъ сочиненій, но подобныхъ этимъ никогда еще не видали. Это ужъ

полная мистификація наукъ, художествъ, смысла и русскаго языка! Авторъ пишетъ обо всемъ свѣтѣ: онъ рядитъ объ исторіи, географіи, музыкѣ, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, Пушкинѣ; описываетъ извѣстныя мѣста, которыхъ другіе не описываютъ, и предлагаетъ переписки собачекъ. Это значитъ, что авторъ все знаетъ. Книга его составлена изъ разнородныхъ статей, которыя можно раздѣлить на важныя и неважныя, то есть, на ученыя и шуточныя. Сперва объ ученыхъ. Все, что̀ бы мы здѣсь ни сказали, не въ состояніи дать надлежащаго понятія объ уродливости сужденій и слога, о тяжкихъ грѣхахъ противъ вкуса, логики и простыхъ, обыкновенныхъ познаній въ наукахъ и художествахъ: о напыщенности фразъ, внутренней пустотѣ мысли и дисгармоніи языка, какими отличаются эти «піэсы, высказывавшіяся отъ души въ разныя эпохи жизни и не по заказу». Читаешь, и глазамъ своимъ не вѣришь! Мы должны для образчика привести хоть нѣсколько отрывковъ, взятыхъ на выдержку изъ ученыхъ пьесъ автора, передъ которыми стоимъ въ совершенномъ остолбенѣніи.

«Теперь разсмотрите, между какими колоссальными событіями заключается время Среднихъ Вѣковъ! Великая Имперія, повелѣвавшая міромъ, двѣнадцативѣковая нація, дряхлая, истощенная, падаетъ; *съ нею валится полсвѣта, съ нею валится весь Древній Міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей, безвкусными писателями,* гладіаторами, статуями, *тяжестью роскоши и утонченностію разврата.* Это ихъ начало. Оканчиваются Средніе Вѣка тоже самымъ огромнымъ событіемъ: *всеобщимъ* взрывомъ подымаю*щимъ* въ воздухъ все и обращаю*щимъ* въ ничто всѣ страшныя власти, такъ *деспотически* ихъ *обнявшія.*

Власть Папы подрыва*ется* и падаетъ, власть невѣжества подрыва*ется, сокровища* и всемiрная торговля Венецiи подрыва*ются,* и когда всеобщiй хаосъ переворота очища*ется* и про*ясняется,* предъ изумленными очами явля*ются* Монархи, держащiе мощною рукою свои скипетры, корабли, *расширеннымъ взмахомъ несущiяся* по волнамъ необъятнаго Океана *мимо Средиземнаго моря;* въ рукахъ у Европейцевъ вмѣсто безсильнаго оружiя — огонь; *печатные листы разлетаются по всѣмъ концамъ мiра;* и *все это результаты Среднихъ Вѣковъ. Сильный напоръ* и *усиленный гнетъ* властей, казалось, были для того только, чтобы *сильнѣе* произвесть всеобщiй взрывъ. Умъ человѣка, *задвинутый крѣпкою толщею,* не могъ иначе прорваться, какъ собравши всѣ свои *усилiя,* всего себя. *И отъ того-то, можетъ-быть, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытiй,* какъ XV вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются Среднiе Вѣка, величественные *какъ колоссальный готическiй храмъ, темные, мрачные,* какъ его *пересѣкаемые одинъ другимъ* своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и *куча изузоривающихъ* его украшенiй, возвышенные, *исполненные порывовъ, какъ его летящiе къ небу столбы* и *стѣны,* оканчивающiеся мелькающимъ въ облакахъ шпицемъ».

Надобно же имѣть странное понятiе о познанiяхъ и слухѣ русскихъ читателей 1835 года, чтобъ такъ писать объ исторiи, и такъ писать по-русски! Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей прижалъ, изволите видѣть, такъ сильно умъ человѣческiй, задвинутый крѣпкою толщею, что этотъ несчастный умъ, собравъ всѣ свои усилiя, вспыхнулъ такъ ужасно, что съ отчаянiя открылъ порохъ, печать и Америку! Это сравненiе среднихъ вѣковъ съ готическимъ храмомъ неподражаемо. Но, если судить по этимъ «пересѣкаемымъ одинъ другимъ» сводамъ и по этимъ «порывамъ столбовъ, летящихъ къ небу», то авторъ, ка-

жется, никогда не видалъ готическаго храма? Тутъ что-то есть большая «куча и*зозузо*зурованнаго»! А онъ чрезвычайно любитъ готическую архитектуру! «Изъ милости, изъ состраданія, молитъ онъ насъ, не ломайте, не коверкайте *ее*!» Это обращеніе къ намъ, Русскимъ, чтобы мы *не ломали* готическую *архитектуру*, которой никогда у насъ не было, трогательно, и доказываетъ, что авторъ читалъ съ большой пользою романъ Виктора Гюго̀. Но вообще средніе вѣка и готическія зданія — любимыя куклы воображенія нашего писателя. Онъ бы все перестроилъ на манеръ готическаго. Онъ такъ и сыплетъ цвѣтными окнами, шпицами и «пересѣкаемыми одинъ другимъ» сводами — и по этой части надобно послушать его въ пьесѣ объ архитектурѣ — особенно гдѣ говорится о куполахъ древнихъ Аѳинянъ! Тутъ есть вещи, о которыхъ исторія искусства не имѣетъ и понятія. У него страсть къ куполамъ.

«Куполъ, говоритъ онъ, это прелестнѣйшее созданіе вкуса, *сладострастный, воздушно-выпуклый*, который...... отдыхаетъ на массѣ зданія *бѣлою*, облачною своей поверхностью. Я люблю куполъ, тотъ прекрасный куполъ, *который возродилъ вкусъ Грековъ* (τὰ εστι? che cosa è questa?) въ вѣкъ Антологіи легкой, *душисоой*, *дышащей сладострастіемъ*, лѣнію и роскошію.»

Тутъ ужъ надобно привести сфинкса, чтобъ онъ растолковалъ вамъ этотъ логогрифическій хаосъ. Такъ писаны сплошь всѣ серіозныя пьесы: въ нихъ вкусъ и логика изнасилованы (извините! начитавшись великаго писателя мы тоже проговорили въ дурномъ тонѣ) — вкусъ и логика попраны почти на каждой страницѣ. Вообще было бы гораздо лучше, когдабъ статьи

этого рода высказывались не изъ души, а изъ предварительной науки. Но ученость повидимому не далась великому писателю. Что касается до языка и слога, то читатели могли уже составить себѣ понятіе объ этомъ изъ приведенныхъ отрывковъ, гдѣ замѣтно что-то болѣе чѣмъ молодое. Мы можемъ взять еще нѣсколько мѣстъ, не касаясь даже Египта *повитаго* іероглифами, помавающаго *тонкими пальцами, жилицами своихъ равнинъ, понижающаго ниже* свои пирамиды, и тысячи другихъ вещей въ томъ же родѣ.

Мы списали всѣ эти красоты со страницъ, слѣдующихъ непосредственно одна за другою, чтобы показать, что это не изъятія, а общій характеръ слога, и оправдать судъ нашъ о неслыханной странности произведенія, которое явилось въ свѣтъ съ такою надменностью, подъ затѣйливымъ названіемъ «Арабесковъ». Быть-можетъ это арабески — но это не литература. Немногія выписки достаточно показали степень ясности и обработанности мысли, управлявшей сочиненіемъ статей, относящихся къ предметамъ наукъ и художествъ. Что касается до еще несказанныхъ истинъ и до вѣрныхъ мыслей, о которыхъ говорится въ предисловіи, то желательно, чтобы ужъ авторъ самъ потрудился избрать ихъ, и напечаталъ бы ихъ особымъ собраніемъ: мы бы тогда по-крайней-мѣрѣ узнали, что̀ такое онъ называетъ новыми истинами и вѣрными мыслями. Такъ мы ихъ не отыщемъ.

Но оставимъ эти несчастныя статьи. Мы бы даже не стали оцѣнивать ихъ по достоинству, еслибъ въ той самой книгѣ не примѣтили слѣдовъ таланта, ко-

торый со-временемъ можетъ образоваться и сдѣлаться очень пріятнымъ въ нашей словесности. Когда перо автора встрѣчаетъ предметы смѣшные, фигуры карикатурныя, оно является исполненнымъ силы и жизни. Карикатура — преимущество и недостатокъ его дарованія: недостатокъ — когда онъ желаетъ говорить какъ знатокъ о предметахъ важныхъ, потому-что тогда статьи его выходятъ настоящія карикатуры то на бѣдную исторію, то на архитектуру, музыку, живопись или скульптуру; преимущество — когда захочетъ онъ быть безъ притязаній, и занимается веселыми вещами. Нѣкоторыя изъ страницъ его въ шуточномъ родѣ непритворно смѣшны, и развеселятъ самаго угрюмаго человѣка. Очень забавна исторія одного нѣмецкаго носа, спасеннаго отъ неминуемой погибели поручикомъ Пироговымъ. «Клочки изъ записокъ сумасшедшаго» отличаются тѣми же достоинствами, и были бы еще лучше, еслибъ соединялись какою-нибудь идеей. Мѣсто не позволяетъ намъ ничего привести изъ этой статьи, о которой намъ пріятно отзываться съ похвалою. Читая эти страницы, очень немногочисленныя, но писанныя слогомъ пріятнымъ, чистымъ и живымъ, искренно сожалѣешь, что авторъ «Арабесковъ» обманываетъ себя дотого, что хочетъ провозглашать какія-то новыя истины по части наукъ и художествъ, блистать какимъ-то юнымъ слогомъ, быть высокопарнымъ и заставлять безпристрастнаго читателя смѣяться надъ неловкостью своихъ начинаній, тогда какъ по роду своего дарованія онъ могъ бы смѣшить его и писать хорошія сказки.

—

Русско-Французскій Словарь. *Этимологическій Лексиконъ Русскаго языка. Составленный* Филиппомъ Рейфомъ.

Г. Рейфъ даритъ нашъ отечественный языкъ самымъ нужнымъ и самымъ полезнымъ пособіемъ. При составленіи его требовалось столько постояннаго труда, столько терпѣнія, столько мелочныхъ справокъ и соображеній, что на произведеніе г. Рейфа можно смотрѣть какъ на вещь удивительную.

По одному первому тому нельзя еще судить объ общемъ достоинствѣ «Этимологическаго Лексикона», ни говорить объ его полнотѣ. Но изъ перваго тома уже видно, что г. Рейфъ долго занимался предметомъ; что ему извѣстны труды его предшественниковъ, русскихъ этимологовъ; что онъ перебралъ много книгъ, выписывалъ и занималъ изъ нихъ все, что̀ казалось ему нужнымъ для лексикона. Какъ компилляція, книга его превосходна; но едва ли подвинетъ она русскую этимологію впередъ: мы опасаемся даже, чтобы она не запутала ея еще хуже. Самая слабая сторона этого огромнаго и мучительнаго труда—сближеніе русскихъ словъ съ иностранными. Языкъ славянскій, безъ всякаго сомнѣнія, одинъ изъ коренныхъ, туземныхъ языковъ Европы: русскій только одна изъ формъ этого языка. Чтобъ отыскать источники славянскихъ и русскихъ словъ, авторъ призвалъ въ помощь всѣ языки — и такіе даже, которые не имѣютъ ни малѣйшей этимологической связи съ европейскими, напримѣръ турецкій, еврейскій, и арабскій. Въ эту погрѣшность впадаютъ всѣ корнесловы, которые ищутъ сходныхъ звуковъ по словарямъ, не изучивъ напередъ

большаго числа языковъ западныхъ и восточныхъ и не проникнувшись ихъ духомъ. Правда, что всѣ языки составились изъ смѣси множества древнѣйшихъ языковъ, принадлежащихъ разнороднымъ поколѣніямъ, которыя вошли въ составъ нынѣшнихъ народовъ; но само собою разумѣется, что въ этой смѣси должны находиться только слова изъ языковъ тѣхъ племенъ, которыя когда-нибудь были въ соприкосновенности между собою, и которыхъ поколѣнія могли переходить изъ одного народа въ другой. Поэтому, историческія вѣроятности должны быть первымъ основаніемъ всякаго этимологическаго производства. Никакія историческія данныя не заставляютъ насъ думать, чтобы первобытныя европейскія племена были когда-нибудь въ связи, войнѣ или сообщеніи, съ первобытными Патагонцами: слѣдственно, если какое-нибудь слово составлено изъ однихъ и тѣхъ же звуковъ въ языкахъ европейскихъ и въ языкахъ американскихъ Индійцевъ, это простой случай, а не признакъ родства или тождественности. Можно ли предположить, чтобы арабскія поколѣнія древняго міра нѣкогда проникали въ самый центръ древней Европы и сливались съ первобытнымъ ея населеніемъ? Конечно, нельзя. Итакъ, по одному этому соображенію, не зная даже того, сколько духъ арабскихъ, или семитическихъ, языковъ противенъ духу европейскихъ, осторожный этимологъ исключитъ языки арабскаго корня, еврейскій, арабскій, сирійскій, халдейскій и финикійскій, изъ числа источниковъ всякаго европейскаго языка. Этимологъ прежде всего долженъ

предложить себѣ вопросъ — какія были коренныя племена средней и южной Европы, и какія азіятскія поколѣнія могли присоединиться къ нимъ при образованіи новѣйшихъ народовъ? Коренныя племена были — греко-латинское, германское, славянское и гальское. Слѣдственно, и коренные европейскіе языки должны быть смѣсь, густая, плотная, химическая, словъ греко-латинскихъ, германскихъ, славянскихъ и гальскихъ. Которому изъ языковъ четырехъ племенъ первоначально принадлежало такое-то слово, этого рѣшить невозможно: довольно того, что оно находится въ трехъ или во всѣхъ четырехъ этихъ языкахъ — и слѣдовательно оно коренное европейское слово, оно слово общаго европейскаго языка, греко-латино-славяно-германскаго, обогащеннаго еще значительною примѣсью языка гальскаго, который, по своимъ особеннымъ формамъ, не весь вошелъ въ это однородное лексикографическое семейство. Основаніе (fond) каждаго новѣйшаго собственно европейскаго языка состоитъ, поэтому, изъ словъ общихъ, равномѣрно принадлежащихъ всѣмъ тремъ племенамъ, всѣмъ тремъ первоначальнымъ языкамъ, греко-латинскому, германскому и славянскому, и въ извѣстной степени четвертому, гальскому. Всѣ слова этого основанія должны находиться, въ первобытномъ смыслѣ или подъ разными видоизмѣненіями, въ нарѣчіяхъ языковъ по-крайней-мѣрѣ этихъ трехъ первыхъ племенъ, если не всѣхъ четырехъ. Такъ, слово *око* сохранило первобытный смыслъ и почти одинаковую форму во всѣхъ нарѣчіяхъ греко-латинскихъ, германскихъ и славян-

скихъ; такъ слово *пусъ*, pes, pus, podos (нога), въ германскихъ языкахъ удерживаетъ еще общій первобытный смыслъ, fuss, foot, *футъ*, а въ славянскихъ означаетъ уже другой предметъ, *путь*, дорогу, связанный логически съ первобытнымъ смысломъ слова.

Послѣ общаго основанія (fond) четырехъ европейскихъ языковъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на большіе приливы къ нимъ языковъ иноплеменныхъ, древніе и позднѣйшіе. Приливы древніе относятся равномѣрно къ цѣлой массѣ четырехъ языковъ; приливы позднѣйшіе только къ языкамъ, родившимся отъ этихъ четырехъ. Съ кѣмъ общее европейское племя было въ тѣсномъ соприкосновеніи въ первое время образованія народовъ? Съ поколѣніями персскаго колѣна. Греки граничили съ ними въ Азіи, и разныя персскія поколѣнія переходили въ Европу, жили на западномъ берегу Чернаго Моря, постоянно втекали большими массами въ туземное европейское племя. Персскими поколѣніями называемъ мы народы, говорившіе языками старымъ персскимъ, пароскимъ, пеглійскимъ, курдскимъ, иранскимъ, и прочая, къ которымъ принадлежитъ и санскритскій, отброшенный временемъ далеко на востокъ. Оттого находите вы такое множество словъ и формъ персскихъ въ языкахъ греко-латинскомъ, германскомъ и славянскомъ, несмотря на существенную разность духа персскихъ языковъ съ духомъ европейскихъ. И доказательство тому, что это только приливъ, а не слѣдствіе общаго корня, имѣете вы въ примѣчательномъ обстоятельствѣ, что персскія формы сохранились наиобильнѣе и довольно чисто, въ одномъ грече-

скомъ языкѣ, какъ сосѣдственномъ; что не однѣ и тѣ же перскія формы и слова встрѣчаются во всѣхъ европейскихъ языкахъ, а разныя; что такая-то форма или такой-то рядъ словъ перcскихъ есть въ одномъ изъ трехъ языковъ, а въ другихъ двухъ его нѣтъ, или есть въ двухъ, а нѣтъ въ третьемъ; что наконецъ эти слова и формы принадлежатъ не къ одному какому языку перcскаго корня, но къ разнымъ: однѣ изъ нихъ находятся въ санскритскомъ, другія въ пеглійскомъ, третія наконецъ въ курдскомъ и новѣйшемъ персидскомъ. Что жъ это доказываетъ? Очевидно то, что языки перcскаго корня вливались въ главные европейскіе разновременно, съ разныхъ сторонъ, изъ различныхъ источниковъ и не одинаково въ каждый языкъ. Слѣдственно, разбирая этимологически какой-нибудь европейскій языкъ, напримѣръ славянскій, должно сперва смотрѣть, нѣтъ ли даннаго перcскаго слова въ языкахъ греко-латинскихъ, германскихъ и гальскихъ, не пришло оно въ славянскій черезъ одинъ изъ этихъ языковъ, и потомъ уже, когда окажется, что его въ нихъ нѣтъ, что оно пришло къ нему прямо и сохранило въ немъ свою перcскую форму, обращаться къ персидскому и санскритскому.

Послѣ этихъ двухъ фазъ коренныхъ языковъ, наступаетъ третья—образованіе одного изъ языковъ производныхъ, напримѣръ русскаго изъ славянскаго. Вы берете русскій языкъ. Прежде всего должны вы разыскать, въ какихъ мѣстахъ онъ образовался, какіе получилъ позднѣйшее приливы на собственную свою долю, и откуда. Здѣсь уже руководствуетъ васъ ис-

торія. Русскій языкъ образовался среди и на развалинахъ языковъ финскихъ: слѣдственно въ немъ таится болѣе или менѣе значительный приливъ финнизма, и въ произношеніи и словахъ. Финскіе языки чрезвычайно разнообразны: но связаны между собою, такъ же какъ европейскіе, общимъ духомъ, формами и основаніемъ; къ породѣ этихъ языковъ принадлежатъ не только тѣ, которые обыкновенно называются ихъ именемъ, чухонскій, лапландскій, венгерскій, самоѣдскій, вогульскій и такъ далѣе, но и самый турецкій, даже монгольскій и маньджурскій. Это все одна, разродившаяся семья: ее можно назвать семьею »сѣверныхъ языковъ», и она распространилась по сѣверу отъ океана до океана, подобно тому какъ семья «южныхъ языковъ», греко-латинскаго, германскаго, славянскаго и гальскаго, заняла подъ нею низшую полосу отъ Малой Азіи до Британскихъ острововъ. Финскіе языки вливались очень давно въ европейскіе съ сѣвера, подобно тому какъ персскіе съ востока, хотя и не такъ сильно: вы находите слѣды ихъ не только въ германскомъ, славянскомъ, но и въ греческомъ; однакожъ самый значительный приливъ ихъ извергся позже на русскій языкъ, въ которомъ можно насчитать до тысячи словъ этого корня, кромѣ общаго дѣйствія на раствореніе слоговъ гласными. Напримѣръ *дорога*, синонимъ слова *путь*, слѣдственно слово позднѣйшаго прилива, потому-что *путь* есть коренное слово европейскихъ языковъ—это слово *дорога*, какъ большая часть словъ оканчивающихся на *га*, происходитъ изъ языковъ финскихъ; оно одинаково вошло изъ нихъ въ греческій,

какъ въ русскій и польскій; оно существуетъ даже въ маньджурскомъ (*доро*, безъ окончанія *га*), который ужъ навѣрное не заимствовалъ его изъ греческаго. Напримѣръ *лапти*, которыя г. Рейфъ производитъ отъ *лапа*, хотя у человѣка нѣтъ лапъ и обувь эта надѣвается на ноги, а не на лапы, то есть, руки: они и по-маньджурски *лаптà*; напримѣръ *Волга*, которая, говорятъ, проистекаетъ отъ *влаги*: а *волга* въ разныхъ финскихъ нарѣчіяхъ значитъ *святой* и *Волга рѣка* выходитъ —«святая рѣка», и т. д. Сколько соображеній нужно при этимологическомъ разборѣ языка! Сходство звуковъ тутъ недостаточно. Сходство звуковъ ведетъ только къ такимъ ошибкамъ, въ какія впалъ нашъ авторъ, усматривая напримѣръ тождественность начала между вѣрою и турецкою, податью—между словами европейскимъ *вѣра*, то есть, правда, оттоманскимъ *вирè*, дань, дача, подать, и персидскимъ *баверъ*, которое даже и буквами на нихъ не похоже, не говоря уже объ его происхожденіи вѣра просто—слово готѳское и англо-саксонское, voere, *вèре*, обѣтъ, союзъ, проявляющееся въ нѣмецкомъ подъ формою wadr, въ латинскомъ подъ формою vere, verus. Мы могли бъ привести тысячу такихъ примѣровъ изъ лексикона, который разсматриваемъ.

Послѣ этого перваго прилива, русскій языкъ испыталъ еще два другіе изъ родственныхъ ему языковъ. Онъ получилъ сперва огромную массу словъ, формъ и значеній, изъ языка церковно-славянскаго, образованнаго подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, потомъ такую же массу изъ польскаго.

Сверхъ приливовъ, должно еще отличить примѣси. Въ русскій языкъ вошли во-первыхъ ряды словъ нормандскихъ, во-вторыхъ, словъ греческихъ съ извѣстнымъ числомъ еврейскихъ, произносимыхъ по-гречески. Назовемъ первую изъ этихъ примѣсей нормандскою, втотую византійскою. Третью примѣсь можно наименовать татарскою: она ввела въ нашъ языкъ ряды словъ турецкихъ, монгольскихъ, персидскихъ и арабскихъ, произносимыхъ по-татарски. Четвертая примѣсь, западная, начинается со временъ преобразованій, предпринятыхъ Петромъ Великимъ, и заключаетъ въ себѣ ряды словъ голландскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и итальянскихъ. Наконецъ послѣдняя примѣсь состоитъ изъ новыхъ значеній, сообщенныхъ старымъ русскимъ словамъ, или изъ русскихъ словъ, вновь образованныхъ, подъ вліяніемъ литературъ латинской, французской и нѣмецкой, и эту примѣсь можно отличить именемъ—литературной: напримѣръ *изящный*, *кислородъ*, *знаменитость* и тысячи подобныхъ.

Ловить наудачу изъ всѣхъ возможныхъ языковъ слова болѣе или менѣе сходствующія звуками съ словами даннаго языка не значитъ еще разбирать этотъ языкъ этимологически. Правда, что по-сю-пору всѣ такъ дѣлали, но надобно жъ когда-нибудь оставить колею, старую и ложную, и начать дѣлать правильно, систематически, основывая изысканія свои на разсудительной теоріи образованія языковъ. Г. Рейфъ, къ сожалѣнію, не предписалъ себѣ никакой системы, и занимался простою ловлею словъ. Сближеніе словъ рус-

скаго языка съ болѣе или менѣе похожими на нихъ словами разныхъ иностранныхъ языковъ долженствовало стоитъ ему неимовѣрнаго труда, и между-тѣмъ этотъ трудъ не представляетъ никакой пользы, потому-что три-четверти этихъ сближеній существенно ложны, ошибочны, обманчивы. Такъ напримѣръ слова татарской примѣси—*армякъ* онъ производитъ отъ Арменіи, *бирючъ* отъ *брать*, и прочая; слова литературной примѣси—*банникъ* (артилерійскій) отъ *бани*, *губный* (уголовный), выраженіе взятое изъ германской юриспруденціи, huba, отъ *губить*, и прочая; слово польскаго прилива *уваженіе* отъ *ваги* (вѣсъ), и прочая. Конечно, въ польскомъ языкѣ *уваженіе* происходитъ отъ *вага*, но въ русскомъ оно происходить отъ него не можетъ, потому-что русскій языкъ принялъ изъ польскаго слова *вага* совсѣмъ въ другомъ значеніи, да притомъ и самое слово *вѣсъ* не что̀ иное какъ особенная форма слова *вага*, wage. *Гибнуть* — слово, принадлежащее къ основанію (fond) европейскихъ языковъ, происходитъ у него отъ ново-персидскаго *гумъ*, утраченный, несостоящій налицо, и отъ арабскаго *айбъ*, порокъ, а *гибель* отъ *гибнуть*, тогда какъ *гибель* есть настоящій коронь глагола *гибнуть* и чистое германское слово übel, безъ всякой связи съ персидскимъ *гумъ* и съ арабскимъ *айбъ*. *Бавить*, fab, fabulari, поставлено подъ корнемъ *быть*. *Пчела*, *печела*, *вчела*, apex, pex, pecchia, peccia, pecciola, apicula, apicella, выведена отъ глагола *бучать*, какъ бы *бчела*, *бчало*, *бучало*. Мы не можемъ слѣдовать повсюду за словопроизводствомъ автора: корни его во многихъ случаяхъ не вѣрны

и перемѣшаны одни съ другими, а почти всѣ его сближенія съ восточными словами такъ же произвольны, какъ напримѣръ слѣдующее: при словѣ *князь*, вы находите татарское *ханъ*, германское koenig и английское knight,—какъ будто *ханъ* имѣетъ что-нибудь общаго со словомъ koenig или koenig со словомъ knight!

Мы предложимъ соображенію автора мысли наши о системѣ, которой надлежало бы слѣдовать при этимологическомъ разборѣ русскаго языка.

I. Нужно напередъ опредѣлить тѣ ряды корней, которые составляютъ основаніе (fond) русскаго языка, какъ одного изъ славянскихъ, и общи языкамъ славянскому, германскому, греко-латинскому, и отчасти гальскому. Многія слова перскаго и древне-финскаго приливовъ перешли въ славянскій языкъ черезъ языки греко-матинскій и германскій: слѣдственно и эти слова должны быть присоединены къ основанію. Изъ развитія корней этого отдѣленія возникаютъ главныя и самыя богатыя семейства словъ: это собственный языкъ. Здѣсь заключается вся его плодородная сила. Корни всѣхъ слѣдующихъ отдѣленій даютъ мало производныхъ словъ, или не даютъ никакихъ.

II. Опредѣлить потомъ рѣченія персскаго и древне-финскаго приливовъ, вошедшія въ составъ славянскаго языка отдѣльно, и ненаходящіяся ни въ германскомъ, ни въ греко-латинскомъ.

III. Опредѣлить отдѣльно корни и слова трехъ позднѣйшихъ приливовъ, относящихся лично къ русскому языку: *а*) ново-финскаго, *б*) церковно-славянскаго и *в*) польскаго.

IV. Опредѣлить еще ряды словъ, принадлежащихъ примѣсямъ: *а*) нордманской; *б*) византійской; *в*) татарской, съ раздѣленіемъ ея на порядки словъ монгольскій, китайскій, турецкій, персидскій и арабскій; *д*) западной, и *е*) литературной.

V. Каждую изъ этихъ одиннадцати составныхъ частей языка, какъ-то, основаніе, два древніе прилива, три новѣйшіе, и пять примѣсей, съ раздѣленіемъ каждой на порядки словъ по языкамъ, изъ которыхъ они перешли въ русскій, означить особыми знаками; вездѣ отмѣчать, къ какому отдѣленію и порядку принадлежитъ корень или слово — чѣмъ опредѣлятся, такъ сказать, лѣта его возраста — и при отыскиваніи его въ иностранныхъ источникахъ строго держаться предѣловъ отдѣленій, не блуждая наудачу внѣ положенныхъ заранѣе чертъ словопроизводства и не охотясь въ Индіи, Аравіи, Персіи, около Байкала, за словомъ, которое можно поймать въ Европѣ.

Такимъ только образомъ этимологія можетъ озарить новымъ свѣтомъ внутреннее зданіе языка и сдѣлать его яснымъ для каждаго. Дѣйствовать иначе—значитъ лишь увеличивать хаосъ. Мы очень хорошо знаемъ, что для выполненія этого плана потребны необъятныя лингвистическія познанія, надобно создать критическую исторію каждаго слова, изслѣдовать его похожденія во всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, употребить на то цѣлую жизнь человѣческую: поэтому мы и не упрекаемъ автора, что онъ не предписалъ его себѣ и не старался привести въ дѣйствіе. Мы говоримъ только, что весьма желательно, чтобы русскій языкъ былъ разобранъ такимъ-об-

разомъ, и что всякій другой трудъ этимологическій, не основанный на этихъ началахъ, безполезенъ для языка — ежели только не вреденъ.

До-симъ-поръ, не знаю почему, разсматривали мы «Лексиконъ» г. Рейфа какъ книгу русскую и назначенную для Русскихъ. Только теперь мы примѣчаемъ, что она совсѣмъ не русская. Авторъ объясняетъ корни и производныя слова по-французски: слѣдственно онъ предназначаетъ трудъ свой иностранцамъ, изучающимъ русскій языкъ. Въ этомъ отношеніи, «Лексиконъ» г. Рейфа вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли — даже превосходитъ ее, потому-что, для иностранцевъ, сближенія русскихъ корней съ восточными словами были совершенно излишни, и составляютъ истинную роскошь корнесловія. Какая надобность Французу узнавать изъ русскаго словаря, что *амулетъ* происходитъ отъ арабскаго *хамаиль* (авторъ хотѣлъ сказать *хамуле*), когда онъ видитъ, что это слово сдѣлано прямо изъ французскаго amulette? Вѣдь не Русскіе взяли его отъ Аравитянъ, а Французы? Но иностранецъ, желающій основательно изучить наше слово, не можетъ найти для себя сочиненія, которое бы такъ широко раскрывало передъ нимъ родословную русскихъ рѣченій и такъ глубоко вводило его въ нѣдра языка. Этотъ этимологическій словарь, какъ учебное пособіе для иностранцевъ, заслуживаетъ величайшую похвалу, и того, чтò не могло бъ быть одобрено въ словарѣ для Русскихъ, почти не должно почитать погрѣшностью въ книгѣ, имѣющей цѣлію знакомить иноземца съ слововѣденіемъ чуждаго для

нихъ языка и выкупающей частные недостатки огромною массою пользы въ цѣломъ.

Еслибъ это была русская книга, мы бы еще пожаловались автору на отсутствіе въ этимологическомъ лексиконѣ множества нашихъ архаизмовъ, или обветшалыхъ рѣченій, живущихъ въ нашихъ лѣтописяхъ, преданіяхъ и пословицахъ. Такъ напримѣръ подъ корнемъ *висѣть* мы не находимъ слова *виски*, названія одного изъ орудій пытки, оставшагося въ пословицѣ — «За виски да и въ тиски»; подъ статьею *вѣнчать* нѣтъ глагола *привѣнчать*, то есть водить дѣтей, прижитыхъ до брака, около налоя, чтобъ сдѣлать ихъ законными, и прочая. Но г. Рейфъ не разбираетъ языка исторически: онъ беретъ его въ настоящемъ его положеніи, и притомъ тѣ, кто будетъ учиться русскому языку по его словарю, вѣроятно, не станетъ читать нашихъ лѣтописей, ни углубляться въ смыслъ нашихъ старинныхъ пословицъ. Намъ остается только отдать полную справедливость трудолюбію, терпѣнію и похвальнымъ усиліямъ автора, и совѣтовать иностранцамъ, изучающимъ нашъ языкъ, прибѣгнуть къ его книгѣ, какъ лучшему и доселѣ единственному у насъ пособію къ приблизительному познанію теоріи развитія русскихъ рѣченій отъ своихъ началъ, или корней.

—

Полный новѣйшій пѣсенникъ, *собранный* И-мъ Гурьяновымъ. *Москва.*

Мы всегда радуемся, когда люди поютъ, но появленіе этого пѣсенника въ тринадцати частяхъ при-

водитъ насъ въ ужасъ. Г. Гурьяновъ очевидно хочетъ разорить нашихъ слугъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его пѣсенникъ, которому типографія г. Степанова сообщила всю неподражаемую изящность своихъ произведеній, будетъ имѣть большой успѣхъ въ переднихъ: изданіе совершенно лакейское, отмѣнно приспособленное къ сальнымъ свѣчамъ, и отличается даже опрятностью и духомъ русской лакейской. Сверхъ-того, издатели нарочно придали ему форматъ рѣпы, чтобы въ случаѣ нужды, каждая изъ тринадцати частей, посверленная немножко ножемъ, могла служить подсвѣчникомъ. Мы не знаемъ формата, который бы позволялъ книгѣ удобнѣе помѣщаться въ залавкѣ вмѣстѣ со щетками, ваксою и сапогами.

Въ числѣ пѣсенъ находятся отрывки изъ поэмъ Пушкина, баллады Жуковскаго и такія стихотворенія, которыя никогда не были пѣснями. Вѣроятно, гг. Гурьяновъ и Степановъ пропѣли ихъ вмѣстѣ, чтобы удостовѣриться въ ихъ пѣвучести, и особенно, что они пріобрѣли законнымъ образомъ право перепечатанія ихъ въ своемъ собраніи: было бы непростительно, еслибъ, подъ предлогомъ пѣснопѣнія, они подавали нашимъ людямъ опасный примѣръ искусства похищать чужую собственность безъ спросу.

Нотъ не приложено къ собранію никакихъ; но самое содержаніе многихъ пѣсенъ показываетъ, что онѣ поются только *пьяно — пьяниссимо*.

—

Грамматическіе уроки русскаго языка. Димитрія Каширина, *старшаго учителя Пинскаго Дворянскаго училища. 1835.*

Здѣсь только первая тетрадь, и въ ней заключается одно введеніе. Г. Каширинъ, который, какъ видно изъ заглавія, разводитъ русскую грамматику въ пинскихъ болотахъ, принужденъ былъ, по тщательному соображенію свойствъ тамошней почвы, придумать совершенно новыя правила для нашей грамоты. Видя топкость этихъ угрюмыхъ болотъ, онъ убѣдился, что маленькимъ русскимъ буквамъ тамъ очень опасно, и что буква должна быть вышиною по-крайней-мѣрѣ съ пинскую сосну, чтобъ не потонуть въ землѣ Ятвяговъ. На этомъ основаніи онъ принялъ общую мѣру — всѣ существительныя, какъ слова плотныя и тяжелыя, писать большими, прописными буквами: если они и завязнутъ въ болотѣ до половины, все-таки верхушки ихъ останутся видны; глаголы, прилагательныя и нарѣчія оставить при маленькихъ буквахъ: они кое-какъ перепрыгнутъ съ кочки на кочку, а если которое прилагательное и утонетъ, такъ еще не велика бѣда. Г. Каширинъ дѣлаетъ изъятіе только для трехъ существительныхъ — матроса, солдата и дьячка, которые, какъ онъ увѣренъ, снявъ сапоги и засучившись хорошенько, пройдутъ обитаемыя имъ болота и въ маленькихъ буквахъ.

Эта грамматика намъ очень нравится: она очень ясно показываетъ, что правила правописанія не могутъ быть одинаковы для всей Русской Имперіи, и что они должны измѣняться, смотря по мѣсту и по головѣ.

Смѣшно было бы привязывать важность граммати-

ской правильности въ употребленіи малыхъ или большихъ буквъ въ извѣстныхъ словахъ: никто, кромѣ общаго обыкновенія и ясности смысла, не имѣетъ права предписывать въ этомъ случаѣ законовъ, подъ карою взысканія за педантство. Но г. Каширину и многимъ другимъ, вѣроятно, неизвѣстно, что̀ было поводомъ къ ограниченію употребленія прописныхъ буквъ у всѣхъ народовъ, которые заботятся объ изящности и обладаютъ вкусомъ. Во всѣхъ хорошихъ типографіяхъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, голландскихъ, словомъ, гдѣ только пекутся о красивости изданій, признано коренною системою, что ничто такъ не пестритъ, не обезображиваетъ, не мараетъ печати, какъ множество прописныхъ буквъ; что чѣмъ меньше такихъ буквъ на страницѣ, тѣмъ печать ровнѣе, чище и пріятнѣе для глазъ. Умные литераторы, выслушавъ это замѣчаніе типографщиковъ со вкусомъ, и подумавъ немного, согласились, что въ самомъ дѣлѣ не произойдетъ никакого вреда ни человѣчеству, ни государственному порядку, ни языку, если вмѣсто прописныхъ они станутъ писать всюду маленькія, за исключеніемъ однихъ собственныхъ именъ, которыя надо непремѣнно отличить чѣмъ-нибудь отъ нарицательныхъ — *поручикъ*, *генералъ*, *философъ*, *историкъ*, *докторъ*, никѣмъ въ свѣтѣ не могутъ быть смѣшаны съ *капитаномъ*, *фельдмаршаломъ*, *математикомъ* или *романистомъ*, а тѣмъ менѣе съ *чернилицею*, *саблею*, *здоровьемъ*, или другимъ нарицательнымъ именемъ, хотя бы всѣ они начинались маленькою буквою; — что кланяться большими буквами из-

вѣстнымъ званіямъ ни на что̀ не похоже, потому-что буквы не созданы для поклоновъ, а должны стоять прямо; что *докторъ*, *сапожникъ*, *авторъ*, *трубочистъ*, *столяръ*, *историкъ*, *плотникъ*, *философъ*, *астрономъ* и *кузнецъ* принадлежатъ въ языкѣ къ одному разряду словъ, и слѣдственно должны быть выражаемы въ письмѣ одинаково; что въ произношеніи нѣтъ ни малыхъ ни большихъ буквъ — и слѣдственно, употребленіе ихъ совершенно произвольно — и слѣдственно, можетъ и должно быть подчинено требованіямъ красивости страницы. Вотъ почему всѣ эти умные литераторы, оставивъ прописныя педантамъ и людямъ безъ глазъ, начали въ нарицательныхъ именахъ вообще употреблять маленькія, и понынѣ употребляютъ ихъ съ большимъ успѣхомъ: изъятіе сдѣлано ими только для двухъ родовъ словъ — Богъ, Спаситель, Дѣва и прочая, и Государь, Императоръ, Король и прочая, разумѣя подъ первыми истиннаго христіанскаго Бога, истиннаго Спасителя, и такъ далѣе, а подъ вторымъ собственнаго своего Государя, Императора, Короля, Герцога, для различія его отъ постороннихъ владѣтельныхъ лицъ, которыхъ приличнѣе писать тоже маленькими буквами — король, государь, императоръ герцогъ, и такъ далѣе.

Г. Каширинъ безъ-сомнѣнія согласится съ нами, что въ нашемъ вѣкѣ, который обожаетъ изящность и роскошь въ изданіяхъ, и платитъ щедро за то, чтобы они были красивы, нельзя же искажать миловидности печати кучею прописныхъ буквъ, образующихъ на страницѣ тму широкихъ, черныхъ пятенъ, превращаю-

щихъ книгу въ родъ чернокнижія, единственно изъ угожденія произволу грамматиковъ, которые отъ нечего-дѣлать спорятъ о формѣ буквъ и приписываютъ объему буквъ какія-то мистическія значенія.

Желаемъ автору, въ слѣдующихъ частяхъ грамматики побольше чистаго вкуса — первой потребности русскаго языка.

—

1836.

Новый оракулъ, *или руководство къ предсказыванію будущаго, Москва.* — **Основныя начертанія общей и частной физіологіи**, *или физика органическаго міра, сочиненныя*, и прочая. *Для руководства къ чему-то такому. Спб.*

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ спекуляцій, спекуляція на слабость человѣческаго ума — самая прибыльная и вѣрная. Надобно только быть смѣлымъ, высокопарнымъ, туманнымъ, рѣзкимъ; надобно утверждать незапинаясь, сбивать съ толку слушателей, увѣрять, что вы проникли прошедшее или будущее, и вы всегда найдете слабыя головы, которыя будутъ въ восторгѣ отъ вашихъ прорицаній. Стремленіе къ таинственному неодолимо въ человѣкѣ: умный имъ пользуется, и все тутъ. Отсюда успѣхъ гаданій и умозрѣній.

Говорите людямъ, сколько угодно, что будущаго знать нельзя, не должно, не хорошо, не годится — люди все-таки хотятъ и будутъ хотѣть узнать будущее. Они готовы смѣяться вмѣстѣ съ вами надъ тайнымъ знаніемъ, готовы, такъ же какъ и вы, не вѣрить снамъ, ворожеямъ, гадателямъ, и при первомъ удобномъ случаѣ протянутъ руку къ цыганкѣ или поѣдутъ къ гос-

пожѣ Lenormant. Впрочемъ, это все равно что̀ лотерея, банкъ, любовь: нѣтъ человѣка, который бы не проигралъ въ эти три азартныя игры, и между-тѣмъ каждый готовъ еще разъ испытать счастіе, лишь-только представится случай.

Говорите опять людямъ, сколько угодно, что давнопрошедшаго начала вещей отгадать невозможно; что смѣшно и непозволительно достраивать безконечными ипотезами, до самаго неба, скромный этажъ нѣсколькихъ фактовъ, узнанныхъ опытомъ только отчасти и въ дѣйствительности которыхъ самъ опытъ еще сомнѣвается; что мы еще не знаемъ, что̀ такое электричество, магнитизмъ и химизмъ — суть ли это дѣятели или феномены — отдѣльныя силы или оттѣнки одной и той же силы — и поэтому объяснять рѣзко и смѣло, какимъ образомъ составлялись міръ и человѣкъ изъ сочетанія, дѣйствія и противодѣйствія электризма, магнитизма и химизма, значитъ воевать пустыми словами, во зло употреблять минутное заблужденіе опыта, который выдумалъ наскоро эти слова; и насмѣхаться надъ здравымъ смысломъ; говорите имъ, что единственный путь къ *приблизительному* познанію созданной природы есть путь трудолюбиваго, опытнаго изслѣдованія; что, схвативъ два, три факта, плохо извѣданные опытомъ и отъ которыхъ самый опытъ нынче отказывается, погружаться съ ними въ самого себя и выносить оттуда цѣлую исторію сотворенія, слѣпленную изъ такихъ матеріяловъ заносчивымъ умозрѣніемъ, весьма похоже на фокусъ, въ которомъ берутъ перчатку, кладутъ ее въ порожній ящикъ, и черезъ ми-

нуту вынимаютъ оттуда вѣкшу; говорите все это людямъ, напоминайте имъ, что ихъ морочатъ, что это только гаданіе, представленіе, простой нѣмецкій Vorstellung — нѣтъ, имъ забарабанятъ въ уши громкими словами — *электризмъ, химизмъ, магнитизмъ, свѣтъ въ тяжести, тяжесть въ свѣтѣ* — и они въ остолбенѣніи — и они рукоплещутъ гадателю — и они добродушно увѣрены, что онъ имъ разгадалъ прошедшее и настоящее — платятъ и прославляютъ!

У насъ на Руси, которая, правда, не славилась своею ученостью, но славилась всегда здравымъ смысломъ, строго запрещали прежде, какъ грѣхъ, всякія гадательныя книги. Однакожъ, не смотря на всѣ запреты, отцы наши гадали по книжкѣ «Премудраго царя Саломона», гдѣ на кружокъ надобно было бросить зернушко или орѣхъ и потомъ пріискивать отвѣтъ. Впослѣдствіи, сочиненія этого рода размножились, и являлись подъ разными названіями — «Древній астрологъ, или Оракулъ искуснѣйшихъ въ гаданіи Мартына Задека, Іосафа Мута, Тихобраге и Лафатера» — «Древній и новѣйшій всеобщій гадательный оракулъ» — «Золотой угадчикъ» — «Умозрительная физика», съ наградою въ пять сотъ рублей, объявленною въ журналахъ, тому, кто докажетъ несправедливость хоть одного ея оракула — «Арабскій кабалистикъ» — другая «Умозрительная физика», вышедшяя недавно въ Москвѣ-Бѣлокаменной — «Загадчивый, угадчивый и предсказчивый цыганъ», и прочая, и прочая. Списокъ всѣхъ ворожейныхъ и гадательыхъ книгъ,

вышедшихъ на русскомъ языкѣ, такъ длиненъ, что мы не беремся составлять его.

Два новыя сочиненія, которыя мы имѣемъ передъ собою — одно «Новый Оракулъ», другое «Основныя начертанія общей и частной физіологіи» — одно «руководство къ предсказыванію будущаго» другое *руководство* къ вороженію о прошедшемъ, или истолкованію устройства человѣка по гаданіямъ забытаго всѣми Гейнрота, и наперекоръ всѣмъ новѣйшимъ открытіямъ опытной физіологіи, которыя кажутся неизвѣстными автору — оба равнаго достоинства. Все это кабалистика. Что̀ касается до ясности, то мы даже готовы отдать преимущество «Новому оракулу» передъ «Основными началами общей и частной физіологіи». Можно сравнить одно или два мѣста. Возьмемъ напередъ изъ «Оракула:

«*Что̀ такое пѣніе?* Если у васъ есть супруга и пріятель, который прекрасно поетъ, и супруга ваша со тщательнымъ вниманіемъ слушаетъ пѣніе *онаго* пріятеля и вздыхаетъ, то *сіе* значитъ, что у васъ выростутъ на лбу рога; *ибо* арабскій мудрецъ Гарунъ Альрашидъ говоритъ, какъ ржаніе осла дѣйствуетъ на ослицу, такъ точно пѣніе мужчины дѣйствуетъ на женщину».

По-крайней-мѣрѣ это ясно! И притомъ сближеніе человѣческаго пѣнія съ ослинымъ ржаніемъ, надо отдать справедливость «Оракулу», весьма удачно, даже въ физіологическомъ отношеніи. Посмотримъ теперь, какъ гадаютъ въ «Основныхъ началахъ общей и частной физіологіи» — что̀ такое пѣніе.

«Пѣніе есть *дыханіе въ высшей духовной атмосферѣ, и разговоръ, касающійся одной чувствительности,* который не-

токмо *водворяетъ единство* въ собственномъ *внутреннемъ нашемъ существѣ*, но какъ *общая музыка, соединяетъ насъ съ внѣшнимъ міромъ*, гдѣ музыкальные тоны, извлекаемые изъ нѣмыхъ, неодушевленныхъ вещей, *сливаются съ живымъ человѣческимъ голосомъ въ органическую стройность, чувствуемую съ самосвѣденіемъ. Въ семъ чувствованіи внѣшній міръ представляется внутреннимъ, а внутренній, какъ предметъ познанія, содѣлывается внѣшнимъ. Таковое обоюдное сношеніе происходитъ въ музыкѣ, гдѣ тоны звенящихъ тѣлъ вливаются во внутреннее чувство, а образуемые пѣніемъ истекаютъ въ наружный міръ*; но и тѣ и другіе имѣютъ начало свое отъ одного и того же источника».

Вотъ и все! Пѣніе разгадано! Пойте! теперь все ясно. Воля ваша, а я этого пиѳическаго оракула не понимаю. Это логогрифъ!... Нѣтъ, «Новый оракулъ» несравненно лучше этихъ «Основныхъ начертаній» знаетъ физіологію. И еслибъ онъ немножко поучился акустикѣ, я увѣренъ, что онъ могъ бы съ выгодою замѣнить «Основныя начертанія» даже какъ руководство къ изученію физіологіи. Но та бѣда, что и «Оракулъ» и «Основныя начала», кажется, чужды акустикѣ и физіологіи человѣческаго голоса, хотя оба разсуждаютъ о пѣніи! По-крайней-мѣрѣ не видно, чтобы кому-нибудь изъ нихъ были извѣстны новѣйшія изслѣдованія по этой части.

Что̀ жъ вы скажете, если мы васъ удостовѣримъ, что «Основныя начертанія», съ начала до конца, отъ первой до послѣдней строки, гадаютъ о вещахъ человѣческихъ точно такимъ же языкомъ и слогомъ, какъ въ этомъ отрывкѣ!... Вѣдь это темнѣе чѣмъ подъ треножникомъ Сивиллы, гдѣ однакожъ было довольно темно. На первый случай довольно было бы съ васъ

и пѣнія, но мы, кажется, обѣщали выписать *одно или два* мѣста. Извольте; для точности собственнаго нашего слога, выпишемъ еще одно мѣсто. Вопросъ: человѣкъ ли образовался на землѣ, или земля образовалась въ человѣкѣ?

«Новый оракулъ» говоритъ:

«Человѣкъ, являясь на землѣ, называемой философами земною планетою, *содѣлался* господиномъ *оной. А посему*, когда вы видите во снѣ землю......», и прочая.

Я не защищаю слога «Оракула»; слогъ дуренъ; но я говорю, что онъ ясенъ. Нѣтъ ничего яснѣе въ свѣтѣ — человѣкъ явился, то есть образовался, на землѣ, и сдѣлался ея господиномъ. Это согласно и съ физіологіею. Но «Основныя начертанія» утверждаютъ, что *земной шаръ образовался въ человѣкѣ*. Странно! Надобно полагать, что какъ-нибудь помощію литотоміи вырѣзали потомъ изъ человѣка этотъ огромный камень. Впрочемъ, это рѣшите вы сами, потому-что я во всей этой исторіи не понимаю ни слова:

«Образованіе земной планеты совершилось въ человѣкѣ, представляющемъ *идеальную дѣятельность и реальное произведеніе Творческаго Духа, являющагося въ историческихъ событіяхъ*. Натура образуется по извѣстнымъ законамъ, опредѣляющимъ стройность, соразмѣрность, удобство и красоту ея формъ; а *Исторія представляетъ несообразность и борьбу противныхъ происшествій, усиливающихся къ воздѣланію и разрушенію предметовъ идеальнаго содержанія*. Но физическій и психическій міръ произошли отъ одного абсолютнаго начала, *являющагося первымъ въ наружной безпредѣльности, а вторымъ во внутренней безконечности*. Посему оба находятся во взаимномъ отношеніи, и форма физическаго міра сообразна качеству психическаго. — Физическому качеству человѣка должно

соотвѣтствовать психическое его свойство, по которому человѣкъ, *знамгнующій идеальную сущность всеобщей жизни*, равнозначителенъ универсу, представленному въ его персонѣ».

Прекуріозная исторія! Здѣсь не мѣсто заниматься подобными вещами, но когда нибудь мы непремѣнно представимъ полный сравнительный разборъ этихъ двухъ важныхъ руководствъ: «Новаго оракула» и «Основныхъ начертаній общей и частной физіологіи» и постараемся показать, въ чемъ они сходны и въ чемъ различны между собою. Равнозначителенъ универсу, представленному въ его персонѣ!...

—

Стихотворенія Аполлона Де***. *Москва.*

Аполлонъ, извѣстный сынъ Юпитера и Латоны, братъ Діаны, президентъ академіи музъ, былъ большой волокита, насмѣшникъ, забіяка; сдиралъ кожи, приставлялъ ослиныя уши, переодѣвался, бродилъ вездѣ, былъ даже раза два вытолканъ съ неба батюшкой очень неучтиво. Куда ему дѣваться? Онъ ушелъ въ Москву, зная что тамъ крѣпко пишутъ стихи — это по его части — прибавилъ къ своему имени частицу *де*, чтобъ показать свое старинное благородное происхожденіе, и называется теперь Apollon de Moscou. Теперь онъ издалъ свои московскія стихотворенія, съ своимъ гербомъ, вмѣсто виньетки, на которомъ изображенъ лавръ; на вѣтвяхъ виситъ лира; подъ лавромъ лежатъ посохъ и пастушескій кувшинъ. Это Аполлонъ! Аполлонъ, самъ Аполлонъ, нѣтъ сомнѣнія

что онъ теперь въ Москвѣ, волочится за какою-нибудь Московскою Дафною и напѣваетъ ей:

„Прошла пора, пора мечтаній.
Пора думъ сладкихъ и любви.
Когда *рой* пламенныхъ желаній
Тѣснился и *кипѣлъ въ крови*". —

Да, почтеннѣйшій! прошла эта пора. Нынче вамъ и стихи не удаются!

—

1838.

Наука вещественной пригоды, *или Динамика вещества. Сочиненіе Іосифа Вебера. Переводъ съ нѣмецкаго. Кіевъ.*

Плохо Кіевъ начинаетъ свое физическое поприще! Очень плохо! Недалеко онъ уйдетъ въ познаніи природы, если станетъ изучать ее по такимъ книгамъ.

Самое заглавіе этой физики указываетъ уже, если не на содержаніе, по-крайней-мѣрѣ на ея направленіе. Хотите ли узнать болѣе -- вотъ опредѣленіе: «Наука о природѣ, физика, есть наука *объ общемъ (совокупномъ) бытіи*». Если и теперь вы еще не совсѣмъ хорошо поняли автора — вотъ поясненіе: «Когда физику мы называемъ наукою, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, и можемъ оправдать это названіе (Allg. Dyn. 26 и пр.), то физика, какъ наука, *должна утверждаться на безусловномъ (самостоятельномъ) началѣ* (Princip), *по которому всѣ предметы природы имѣли бы связь, значеніе и единство, и слѣдовательно въ нашемъ понятіи соединялись* бы (!) *въ одно органическое цѣлое. Такое* начало есть *Все-бытіе* (Allsein), *дѣятельно проявляющееся въ пространствѣ и вре-*

мени, или *бытіе безконечное*, открывающее себя въ *безконечныхъ конечностяхъ»*. Это собственныя слова автора; онъ кажется самъ видитъ, что эти вещи для насъ непонятны и потому, на стр. 6, говоритъ уже *«языкомъ школьнымъ»*. Позвольте представить и этотъ чудесный языкъ: «Употребимъ языкъ школьный: все, опытно познаваемое, для испытателя, *есть явленіе динамической тройственности*, которую мы выражаемъ *чрезъ синтезъ експансивной и контрактивной дѣятельности* (соединеніе силы расширительной и препятствующей расширенію, сжиматальной)». Послѣ этого г. Веберъ и его переводчикъ дѣлятъ физику на «вещественную, невещественную *(физику невещественную!)* и органическую. Предметъ настоящаго сочиненія есть динамика природы вещественной».

Намъ хочется ясно высказать наше мнѣніе, какъ объ этой книгѣ, такъ и обо всѣхъ ей подобныхъ. У г. Вебера господствуетъ какая-то странная смѣсь туманнаго съ яснымъ, непонятнаго съ самымъ простымъ, и при переходѣ изъ одного въ другое нѣтъ никакой постепенности. Изъ области Божіяго свѣта вы вдругъ, стремглавъ, опрокидываетесь вмѣстѣ съ авторомъ и переводчикомъ въ пропасть чернаго мрака. Бываютъ же на свѣтѣ головы, устроенныя такимъ чуднымъ образомъ! Но это еще не все: та же самая туманность ведетъ автора къ принятію, за факты, предположеній уродливыхъ и ничѣмъ не доказанныхъ. Въ статьѣ о тяготѣніи, которую мы только-что похвалили, вы находите удивительную странность: смотря на природу съ заоблачной точки зрѣнія, авторъ вдругъ при-

нимается объяснять сжатость земли у полюсовъ самымъ матеріяльнымъ и столярнымъ образомъ, котораго даже физики, закоснѣлые въ грубыхъ опытахъ и никогда не умствующіе, не употребляютъ безъ оговорки. «Земля наша, въ 24 часа обращается на своей оси съ запада къ востоку; притомъ, большая часть ея окружена водою, а вода отъ обращенія, получаетъ стремленіе удалиться отъ центра, соразмѣрное величинѣ круговъ, ею описываемыхъ: *поэтому-то воды, увлекая съ собою ихъ, должны были скопиться у экватора и оброзовать тамъ землю возвышенную, между-тѣмъ какъ у полюсовъ вода должна была стать ниже и земля углубиться»*. А позвольте спросить, отчего луна сплюснута у полюсовъ, между-тѣмъ какъ мы нынче знаемъ, что на лунѣ нѣтъ ни воды, ни даже огня и вулкановъ? Отчего яблоко, которое кажется не имѣетъ вращенія на оси, тоже сплюснуто у своихъ полюсовъ? — потому-что яблоко имѣетъ настоящіе полюсы, отрицательный, или южный, у хвостника, и положительный, или сѣверный у глазка. Авторъ или переводчикъ могли бъ найти любопытные опыты по этому предмету въ четвертой части творенія Бекереля. Здѣсь-то и извинительно было бы пуститься въ нѣкоторыя умозрѣнія: по-крайней-мѣрѣ, вовсе не извинительно такому великому умозрителю объяснять какъ горшечнику, водою и иломъ, одну изъ самыхъ общихъ и самыхъ загадочныхъ формъ въ природѣ, когда природа производитъ шаровидныя тѣла. И послѣ этого опять начинаются туманности, опять идутъ умозрительные вздоры, гдѣ авторъ безъ всякой церемоніи и

оговорки утверждаетъ за вещи дознанныя и совершенно ясныя, что — *магнитизмъ есть жизнь линейная, электричество есть жизнь поверхностная, а химизмъ есть жизнь кубическая!* Надобно однакожъ сказать къ чести его, что послѣ этой смѣшной программы, онъ мало входитъ въ высокія умозрѣнія, вездѣ говоритъ ясно, все начинаетъ коротенькой исторіею предмета, и можетъ-быть успѣлъ бы заставить насъ забыть его выспреннюю мудрость, если бы кой-гдѣ не встрѣчались безсмысленкыя выраженія — «линейная безразличность», «динамическая тройственность», или напримѣръ нижеслѣдующая нелѣпость: «Для полноты всей жизни природы вещественной не достаетъ еще *жизни въ формѣ глубины, жизни пространственной* (räumliche), *по всѣмъ измѣреніямъ, кубичной. Таковую пространственную жизнь* природы мы находимъ въ химическомъ процессѣ, *то есть, въ такомъ происшествіи, гдѣ пространственныя различія извлекаются изъ безразличія и, потомъ, опять обратно приводятся въ пространственное безразличіе»!*

Этимъ мы кончимъ наши выписки. Теперь поговоримъ обо всемъ сочиненіи: мы считаемъ это обязанностью, не потому, чтобы книга стоила подробнаго разбора, но потому, что можетъ-быть найдутся еще другіе охотники переводить подобныя книги, то есть безполезно отнимать у себя время и сбивать съ толку молодыхъ людей, которые безъ этихъ умозрѣній были весьма дѣльными людьми. Вотъ главный вредъ умозрительной физики: сѣти ея очень тонкія, и въ нихъ

неопытному уму попасть чрезвычайно легко; онѣ сплетены изъ лѣни и тщеславія, самыхъ сильныхъ обольстителей юности. Въ самомъ дѣлѣ, умозрительная философія, нѣсколькими туманными листками, которыхъ не понимаютъ ни они ни ихъ наставники, даетъ имъ полное право, во-первыхъ, судить сплеча обо всемъ и считать себя постигшими всю подноготную природы, никогда ею и ничѣмъ не занимаясь, во-вторыхъ, съ перваго шагу въ свѣтѣ имѣть врагами всѣ здравые умы или *всю толпу*, какъ выражаются юные питомцы умозрѣнія. Эти выраженія льстятъ маленькому самолюбію учениковъ, но жаль, что многіе изъ нихъ остаются надолго, а нѣкоторые и навсегда, въ этомъ состояніи юности. Мы весьма уважаемъ Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, какъ людей геніяльныхъ, какъ великихъ поэтовъ — Канта даже какъ разсудительнаго и осторожнаго философа, который рѣдко забирается туда, куда уму человѣческому ходить не приказано, подъ опасеніемъ заплатить за попытку потерею здраваго смысла. Они были поэты своего рода, они творили системы, творили свои міры, строя ихъ на тѣхъ законахъ міра видимаго, какіе были извѣстны въ ихъ время. Но, главное, они доискивались *истины;* ложными или хорошими путями, но они стремились къ истинѣ, и повѣряли свои заключенія многолѣтнимъ и труднымъ сравненіемъ, долгимъ напряженіемъ ума. Они все знали, что человѣкъ могъ знать въ ихъ время, и по-крайней-мѣрѣ имѣли право судить о человѣческомъ знаніи. Что же ихъ послѣдователи? О! эти и не думаютъ напрягать мысли, сравнивать, повѣрять, добиваться до

собственныхъ своихъ умозаключеній. Учиться основательно, мучительно, всему въ нынѣшнемъ году извѣстному — начто имъ это! Шеллингъ и Гегель за нихъ учились и думали. Они берутъ готовое, а трудъ и науку презираютъ какъ ненужное. Имъ и въ голову не приходитъ, что это готовое для того только можетъ быть понятно, кто, подобно этимъ необыкновеннымъ людямъ, самъ лично, собственнымъ трудомъ, изучилъ все положительное знаніе своего вѣка. Формы, которыми Шеллингъ и Гегель изъяснялись, формы темныя, невыражавшія въ точности ихъ мысли, которой часто и выразить было невозможно, непонятныя ни для кого болѣе кромѣ ихъ самихъ, потому-что философія никакого геніяльнаго человѣка не можетъ быть перелита изъ его головы въ другую, не подвергаясь тотчасъ же измѣненію, порчѣ и совершенному уничтоженію, эти-то формы, іероглифы чужой сокровеннѣйшей мысли, послѣдователи шеллингизма и гегелизма принимаютъ за дѣйствительность, несовершенное твореніе ума за сущность природы; и, прилагая худо понятыя формы къ положеніямъ разныхъ опытныхъ наукъ, только дѣлаютъ жалкую каррикатуру изъ опытной науки и изъ философіи. Посмотрите, отступники отъ здраваго смысла, жрецы восторженной мудрости, которая отлетѣла съ земли вмѣстѣ съ жизнію Гегеля и умомъ Шеллинга, какъ опасно тащиться въ колеѣ геніевъ: посмотрите на Байрона! Быть-можетъ этотъ примѣръ будетъ для васъ понятнѣе германской философіи. Не то ли самое видѣли мы въ школѣ Байрона? Какую породилъ онъ тучу по-

дражателей, которые всѣ считали себя Байронами и поэтами, какъ вы считаете себя философами, равными Шеллингу и Гегелю! Вы сами, стоя сбоку, смѣялись надъ этими каррикатурами генія, надъ этими пародіями величайшаго изъ новѣйшихъ *поэтовъ чувства*. Какъ же вы хотите, чтобы люди со здравымъ смысломъ, глядя на васъ со стороны, не смѣялись теперь надъ вами, когда вы точно такимъ же образомъ передразниваете великихъ *поэтовъ мысли?* Поглядитесь въ зеркало: вы смѣшны! Обезьяна Канта, надѣвъ на себя его ночной колпакъ и кушая кофе изъ его чашки, тоже считала себя философомъ. Полноте мечтать, господа. Вамъ не суждено быть Шеллингами и Гегелями: такъ изучайте же природу другимъ образомъ, осторожно, опытно, положительно, шагъ за шагомъ, какъ изучали ее всѣ люди, которые основали науки и раскрыли тайны природы самому Шеллингу и Гегелю. Можетъ-статься вы будете Гумбольтами, Фареденми, Гауссами. И знаете ли, какая прекрасная роль въ человѣчествѣ — роль Гумбольта!... Гумбольтами вы можете сдѣлаться: для этого нужны свѣтлый умъ и неутомимое прилежаніе къ наукамъ и наблюденію. Но Шеллингами и Гегелями не бывать вамъ никогда. Я не спорю, что, со-временемъ, изъ вашего благороднаго колѣна, возникнутъ быть-можетъ геніи во сто разъ глубокомысленнѣе обоихъ германскихъ философовъ; да пока это будетъ, вы между-тѣмъ — прежалкіе философы, и притомъ подвергаетесь опасности лишиться послѣдней капли ума, которой еще не вы-

сосали изъ насъ безплодныя умозрѣнія *на-манеръ* Шеллинговыхъ и Гегелывыхъ.

Эта длинная проповѣдь не обращается ни къ кому изъ нашихъ сосѣдей. Сохрани насъ, Господи! Мы абсолютно уважаемъ всѣхъ нынѣ на лицо состоящихъ здѣсь, въ Москвѣ и въ Кіевѣ, русскихъ Шеллинговъ, Гегелей и Океновъ; желаемъ имъ премудрыхъ умозрѣній и безпредѣльной жизни линейной, квадратной, кубической, поверхностной и пространственой. Вся наша выходка перпендикулярно направлена на г. Вебера и на подобныхъ ему физиковъ, которые лучше бы сдѣлали, если бъ занялись тщательными наблюденіями барометра и магнитной стрѣлки чѣмъ писать о физикѣ такія безобразныя книги, и прекраснѣйшую изъ опытныхъ наукъ искажать примѣсью устарѣлыхъ философическихъ пошлостей. Хотите ли принести истинную пользу опытнымъ наукамъ и человѣчеству?— будьте въ нихъ истинными христіанами, а не океннистами; будьте въ физикѣ, физіологіи, геологіи, философами откровенія, а не философами умозрѣнія; обнаруживайте на всякомъ шагу мудрость, величіе и благость Создателя: показывайте дивные пути Провидѣнія, заставляйте насъ во всемъ созданномъ находить утѣшеніе и надежду: вотъ гдѣ прямая польза приложенія философіи къ изученію вещественной природы, а не въ самонадѣянномъ рѣшеніи посредствомъ пустыхъ ипотезъ того, что̀ никогда не будетъ рѣшено умомъ человѣческимъ.

Обращаясь еще перпендикулярнѣе къ г. Веберу, скажемъ, что онъ, собственно говоря, и не умозритель-

ный физикъ и не опытный. Съ нимъ случилось точно то же, что̀ часто случается съ людьми, воспитанными въ школѣ самаго закоренѣлаго классицизма, которые половину жизни провели въ раздѣленіи слога на высокій, средній и низкій, въ составленіи силлогизмовъ, періодовъ, хрій, и вдругъ лѣтъ въ сорокъ увидѣли, что они отстали отъ вѣка, что теперь непремѣнно надобно быть *романтикомъ* — такъ называютъ они всякаго, кто ищетъ источника слога въ природѣ, а не въ риторикѣ. Можете представить ихъ положеніе!..... По-русски оно называется — ни ракъ ни рыба. Точно таково положеніе автора «Динамики вещественной природы»: его умозрѣнія никакъ не вяжутся съ подробностями опытной части.

Послѣднюю перпендикулярную изъ нашего штандпункта мы должны вывести прямо на Кіевъ: она тамъ неизбѣжно упрется въ неизвѣстнаго переводчика «Динамики вещественной природы». Вотъ наше мнѣніе объ его трудѣ, если ему угодно знать, что̀ мы думаемъ: онъ трудился долго, усердно, длятого чтобъ подарить русскую физическую литературу ненужною книгою, и для насъ это очень прискорбно. Къ счастію, онъ не разорился, переводя ее, ни на отличный слогъ, ни на хорошій русскій языкъ: это одно будетъ служить ему и намъ утѣшеніемъ.

—

1840.

Сокращеніе русской грамматики *Москва.*

Разные разно опредѣляли грамматику. Но, чтобы устранить всякія недоразумѣнія, условимся сперва въ

подлинномъ, настоящемъ, несомнѣнномъ значеніи этого слова, «грамматика». Грамматика, собственно, есть старинная, маститая, достопочтенная наука, которая учитъ говорить и писать именно такимъ образомъ, какъ никто на свѣтѣ не говоритъ и какъ, слѣдовательно, никто не долженъ писать. Этимъ полезнымъ дѣломъ она усердно занималась со времени своего изобрѣтенія. Я не шучу: самое ея названіе показываетъ, что съ первой минуты появленія своего на свѣтъ она старалась поссорить людей съ книгами, убѣждая книги говорить иначе, нежели какъ говорятъ люди, говорить наперекоръ и на-зло имъ. Слово *грамматика*, въ греческомъ языкѣ, буквально значитъ — *писательство*, то есть искусство писать на какомъ-нибудь языкѣ. Замѣтьте, искусство писать, а не искусство говорить. Сначала, когда книги еще были рѣдки и не многіе знали грамоту, она хотѣла только учить людей книжному дѣлу, то есть хотѣла растолковать имъ, *какъ пишутся книги*, гдѣ какую ставить букву, какое окончаніе присвоить данному слову въ данномъ случаѣ, какимъ образомъ расположить слова. Чтобы подкрѣпить правила примѣрами, она съ перваго шагу должна была принять за образецъ книги уже существующія, давно написанныя, завѣщанныя предками потомству, и почерпать всѣ примѣры изъ этихъ старинныхъ и обветшалыхъ источниковъ. Такимъ образомъ, вы видите, что самая первая грамматика, прародительница всѣхъ грамматикъ, была уже отсталою наукою, и даже по необходимости: книги тогда появлялись только столѣтіями, и примѣровъ, образцовъ, не откуда было взять,

развѣ только изъ старинныхъ писаній; слѣдовательно, самая первая грамматика старалась уже оттащить людей назадъ, къ былому, прошедшему, не существующему въ современномъ языкѣ. И съ того времени грамматика навсегда сохранила это направленіе; она и донынѣ не измѣнила своего первоначальнаго духа: только честолюбіе ея увеличилось; однажды, ночью, къ вывѣскѣ своей, послѣ слова «*писать*», она тихомолкомъ прибавила — «и *говорить*», и на слѣдующее утро открыла магазинъ мнимыхъ правилъ того, какъ должно писать и *говорить*. Вывѣска другая, но товаръ старый: она все учитъ такъ же писать книги, какъ была написана первая книга, увѣряя только на-придачу, будто языкъ этой книги очень хорошъ и для того, чтобы говорить имъ, несмотря ни накакіе успѣхи людей, обществъ и языковъ въ образованности и изяществѣ. Для нея изящно, правильно то, что̀ было, а не что̀ есть: про то, что̀ есть, что̀ современно, усовершенствовано, употребительно и всѣми принято, она и знать не знаетъ. Будь же разсудительнѣе, грамматика! нельзя же мнѣ, который ѣзжу на парахъ по пятидесяти верстъ въ часъ, въ непроницаемомъ для дождя испанскомъ плащѣ, писать и говорить какъ, бывало, писалъ, и даже говорилъ — чему я впрочемъ не вѣрю — мой бородатый предокъ, который, закутавшись въ татарскую епанчу, тащился въ скрипучей колымагѣ восемь дней изъ Вязьмы въ Москву на долгихъ! Не могу же я, въ модномъ трактирѣ, ни написать, ни произнесть при порядочныхъ людяхъ, по твоимъ правиламъ и примѣрамъ, грамматика: «*Внемли гласу* мо-

ему, о лакей: въ *семъ* супѣ плаваютъ *власы;* я не хочу *сего* супа; подай мнѣ *оныхъ* цыплятъ, *кои столь* пахнутъ масломъ, *а посему и* долж*енствуютъ* быть очень вкусны; *а также* прибавь къ *онымъ* зеленаго гороха, *дабы* покормить ихъ хотя послѣ смерти, *ибо упомянутые* цыплята *по-видимому* умерли отъ голода, какъ *сіе* видно изъ ихъ кожи, *объемлющей* однѣ только кости». Вы думаете, что я преувеличиваю? Да точно такимъ языкомъ, и такъ же изящно, написанъ періодъ, составляющій предисловіе къ одной «Краткой русской грамматикѣ», которая, уча насъ *писать* и *говорить* такъ же *правильно*, какъ изволитъ писать и говорить сама, уже достигла, кажется, десятаго изданія? Я вмѣстѣ съ вами очень уважаю эту краткую грамматику, но она очевидно была написана еще до вымышленія паровозовъ — хотя порохъ уже былъ выдуманъ въ то время — и я не полагаю, чтобы такой образецъ былъ теперь обязателенъ для меня. Мой предокъ въ татарской епанчѣ могъ такъ писать и говорить: въ то время, это было и правильно и изящно; но я никакъ не могу. Мои привычки, мои мысли, мой языкъ, тонъ, вкусъ — совсѣмъ другіе. Я человѣкъ моего времени, и не вижу причины, зачѣмъ бы грамматика отталкивала меня отъ него за нѣсколько столѣтій назадъ. Я ей не повѣрю, будто языкъ грубой и необразованной эпохи, которая не знала, ни паровыхъ машинъ, ни воздушныхъ шаровъ, былъ изящнѣе или правильнѣе моего современнаго языка. На землѣ все совершенствуется, все стремится къ большему изяществу, все становится умнѣе — исключая

конечно, грамматики: таковъ законъ природы. Для меня, слѣдовательно, правильно то, что̀ есть, что̀ употребительно нынче, въ мое время, а не то, что̀ было или будетъ, и я совершенно правъ, утверждая во всеуслышаніе, что на русскомъ языкѣ есть много грамматикъ, которыя учатъ «правильно писать и говорить», но нѣтъ ни одной, которая бы сама писала и говорила *правильно.* Формы языка профессора элоквенціи Тредіаковскаго, которыя до-сихъ-поръ онѣ проповѣдуютъ, не могутъ служить намъ закономъ. А если такимъ образомъ доказано, что грамматика есть наука, которая учитъ людей говорить такъ, какъ никто не говоритъ, и именно такъ, чтобы всѣ помирали со смѣху, когда заговоришь въ точности по ея правиламъ, и писать такъ, какъ писали педанты во время оно и какъ теперь нельзя писать, то зачѣмъ же мнѣ и разбирать русскія грамматики? Потому-ли только, что онѣ новы? Да Богъ съ ними! Какое мнѣ дѣло до ихъ содержанія, до ихъ правилъ, когда эти правила вовсе не примѣняются къ тому языку, которымъ говоримъ, я, вы, и прочіе мои образованные и изящные современники? Да и какъ мнѣ судить о добротѣ или дурномъ качествѣ правилъ какого-то русскаго языка несуществующаго, небывалаго и невозможнаго? Будь они дики какъ носороги, страшны какъ индійскіе боги, смѣшны какъ турецкіе дервиши, рогаты какъ буйволы, будь заимствованы изъ славянскаго, хазарскаго, японскаго или изъ языка Осѣдлыхъ Чукчей: не все ли равно? — я ихъ не знаю, не замѣчалъ ихъ никогда въ рѣчи ни одного образованнаго человѣка, и не

могу разсуждать объ ихъ относительномъ достоинствѣ. Почему мнѣ знать, какое окончаніе болѣе правильно въ языкѣ, существующемъ только въ воображеніи нѣсколькихъ сотъ педантовъ и семинаристовъ? что̀ изящнѣе и болѣе грамматически, въ такомъ языкѣ — *пороха*, или *пороха-ха-ха-ха-ха*? Судя по эффекту, мнѣ кажется, что послѣдняя форма должна быть настоящая и болѣе грамматическая, потому-что она очевидно еще смѣшнѣе первой: но, впрочемъ, можетъ-быть, я ошибаюсь.

Такимъ образомъ, я очень радъ, что мнѣ не нужно разбирать «Сокращенія русской грамматики», вышедшей теперь въ Москвѣ, и въ которой я нахожу, что «Слова составляющія языкъ, *произносятся буквами, коихъ* въ русскомъ языкѣ 35». Когда грамматика станетъ прислушиваться къ рѣчи образованнаго общества, и изъ нея выводитъ свои правила; когда она будетъ собраніемъ законовъ языка живаго, современнаго — неподдѣльнаго языка русскихъ людей девятнадцатаго вѣка; когда языкъ ея не будетъ въ явномъ разногласіи съ языкомъ людей хорошо воспитанныхъ; когда я буду увѣренъ, что, изъясняясь по ея правиламъ и образцамъ, не возбужу смѣху надъ собою; словомъ, когда она будетъ учить отнюдь *не писать* и *не говорить* такъ, какъ сама теперь говоритъ и пишетъ, тогда только я признаю ее достойною критики и буду разсуждать объ ней съ вами. А до-тѣхъ-поръ я называю ее старымъ ночнымъ колпакомъ Тредіаковскаго.

—

Опытъ ученія о повальныхъ болѣзняхъ *между домашними животными, изданный* Всеволодомъ Всеволодовымъ.... одиннадцать строкъ титуловъ автора.

Страницы книги я счелъ кое-какъ, но рѣшительно не умѣю вамъ сказать, во сколькихъ частяхъ или томахъ это великое ветеринарное твореніе. Книги передо мною, на лицо, двѣ; заглавія два, и оба — одинаковыя, обертки двѣ, и обѣ грязно-синія; но нумерація страницъ и параграфовъ идетъ сплошь одна, нигдѣ, ни въ началѣ ни въ концѣ не напечатано «конецъ», и даже оглавленія нѣтъ никакого. Видно, для медицинскихъ книгъ на пользу животныхъ существуютъ въ природѣ особенныя формы, совершенно различныя отъ тѣхъ, по которымъ пишутся врачебныя книги на пользу людей.

Съ достодолжнымъ почтеніемъ налюбовавшись на всѣ латинскіе рецепты, которые авторъ такъ щедро и такъ учено прописываетъ лошадямъ, коровамъ, овцамъ, собакамъ и ......другимъ животнымъ, и не зная что̀ сказать объ этой цѣлебной книгѣ, я уже хотѣлъ-было прибѣгнуть къ одной изъ самыхъ пошлыхъ формулъ русскаго фёльетониста, и торжественно провозгласить — «*Благодаримъ* почтеннѣйшаго автора *за столь полезный подарокъ...*», какъ вдругъ вспомнилъ, что не имѣю никакого права благодарить его: ни лошади, ни коровы, ни овцы, ни собаки, ни...... другія животныя, не давали мнѣ порученія изъявлять ему признательности отъ ихъ имени. Что̀ я за представитель почтенныхъ паціентовъ автора этого «Ученія»? Они могутъ сказать мнѣ, и совершенно основательно, что я самопроизволь-

но вмѣшиваюсь въ предметъ, лично до нихъ касающійся. Не человѣческое дѣло, могутъ сказать они, судить о животной медицинѣ, произносить приговоры о пользѣ и достоинствѣ латинскихъ рецептовъ и нѣмецкихъ лекарствъ, изобрѣтенныхъ для ихъ безсловесной націи, благодарить кого-нибудь за врачебныя системы, которыхъ вся тяжесть должна упасть исключительно на ихъ четвероногое племя. Извольте, могутъ они сказать, смотрѣть за своей собственной медициной. довольны ли вы ею?.......

И я, на это, признаться, не нахожу никакого возраженія.

Теперь уже довольно хорошо извѣстно, что̀ мы, люди, думаемъ о своихъ докторахъ: но что́ думаютъ лошади, коровы и овцы о своихъ?.... Это еще—великій вопросъ! А для истинной философіи весьма любопытно было бы узнать настоящее мнѣніе, по-крайней-мѣрѣ, лошадей, коровъ и овецъ о своихъ докторахъ и о медицинѣ, которую они для нихъ создали: мнѣніе собакъ и..... другихъ животныхъ, не столь важно въ этомъ случаѣ, по безнравственности тѣхъ и по грязному тупоумію другихъ.

Нѣкогда читалъ я Зендъ-Авесту, и помню, что тамъ, въ одномъ мѣстѣ, именно, въ седьмой главѣ Вендидадъ-Саде, очень глубокомысленно разсуждается объ этомъ предметѣ. «О великій Ормузда! сказалъ мудрый «Зороастръ: сидя за облаками, на вершинѣ горы Кафъ, «ты все видишь и все знаешь; научи меня великой «мудрости: на комъ должны учиться *маздаязнанъ*, док- «тора, лечить болѣзни сыновъ твоихъ, на природныхъ «Персахъ ли, или на презрѣнныхъ греческихъ рабахъ?

«Великій Ормузда отвѣчалъ: О мудрый Зороастръ! греческіе рабы, хоть они и поклоняются злому духу, «Юпитеру, тѣ же люди какъ и мои поклонники, Персы. Я, Ормузда, по неисчерпаемой благости моей, «не позволяю мучить ихъ напрасно лекарствами. Доктора должны учиться лечить на докторахъ. Пусть «тотъ, кто изучилъ свойства зельевъ по книгамъ у «докторовъ, ждетъ, пока кто-нибудь изъ нихъ не заболѣетъ: тогда пусть онъ лечитъ его по ихъ докторскимъ ученіямъ; если вылечитъ, и не залечитъ, то «пусть ждетъ онъ еще, пока не заболѣетъ другой «докторъ; если и того вылечитъ, и не залечитъ, то «пусть ждетъ онъ, пока опять не заболѣетъ третій «докторъ: если и этого вылечитъ, и не залечитъ, тогда, о мудрый Зороастръ! онъ — совершенный врачъ, «и можетъ свободно заниматься своимъ ремесломъ и «лечить Персовъ и презрѣнныхъ Грековъ; но если «третьяго доктора онъ не вылечитъ, и залечитъ, то «пусть начинаетъ испытаніе снова и лечитъ своихъ наставниковъ, докторовъ, пока не вылечитъ трехъ сряду, и ни одного не залечитъ. Иначе я, Ормузда, по «неисчерпаемой благости моей, не позволяю примѣнять «врачебныхъ ученій къ людямъ. Мудрый Зороастръ «сказалъ опять: О великій Ормузда! мудрость твоя «удивительна. Научи меня теперь другой великой мудрости: ты открылъ намъ неисповѣдимое таинство переселенія душъ; мы знаемъ теперь, что души умирающихъ грѣшниковъ переходятъ въ тѣла животныхъ: «то на комъ должны доктора животныхъ учиться лечить ихъ болѣзни, на тѣхъ же животныхъ или на

«презрѣнныхъ греческихъ рабахъ, у которыхъ нѣтъ «души? Ормузда отвѣчалъ: О мудрый Зороастръ! на «живыхъ существахъ я рѣшительно запрещаю всякіе «врачебные опыты. Пусть доктора животныхъ учатся «лечить ихъ болѣзни на себѣ подобныхъ докторахъ-«животныхъ: пусть такой докторъ, изучивъ свойства «зельевъ по книгамъ, ждетъ, пока не заболѣетъ кто-«нибудь изъ его собратовъ: тогда пусть онъ лечитъ «его по ихъ докторскитъ ученіямъ для животныхъ; «если вылечитъ, и не залечитъ, то пусть ждетъ онъ «пока не заболѣетъ другой докторъ животныхъ, по-«томъ третій, дотого, что онъ наконецъ вылечитъ «трехъ сряду, и ни одного не залечитъ: тогда, о му-«дрый Зороастръ! онъ — совершенный докторъ жи-«вотныхъ и можетъ лечить всѣхъ ихъ; а если кото-«раго-нибудь залечитъ, то пусть начинаетъ испытаніе «съизнова. Мудрый Зороастръ опять сказалъ: О великій «Ормузда! мудрость твоя удивительна. Научи меня те-«перь еще третьей великой мудрости: есть на зенд-«скомъ языкѣ чудесная книга, по названію *Яваэта «яваэтатаэна вимадаянта анаснато ямагонти*, такъ «сказать, «Наука лечить повальныя болѣзни домаш-«нихъ животныхъ»: можно ли по этой книгѣ выле-«чить какое-нибудь животное, и не залечить его? Ве-«ликій Ормузда не отвѣчалъ ни слова: изъ чего му-«дрый Зороастръ заключилъ, что и самъ Ормузда, ко-«торый сидитъ за облаками, на вершинѣ горы Кафъ, «ничего не знаетъ, годится ли эта книга къ чему-ни-«будь или нѣтъ: такая-то по истинѣ мудреная вещь— «медицина безсловесныхъ тварей!.....»

—

1841.

Исторія Новой Сѣчи, *или послѣдняго Коша Запорожскаго.* А. Скальковскаго.

Г. Скальковскій, имѣвъ случай собрать нѣсколько достовѣрныхъ свѣденій о Новой Запорожской Сѣчи, составилъ и предлагаетъ намъ опытъ исторіи этой военной республики или, какъ онъ говоритъ, *«славянскаго военнаго ордена»*.

Собственно Запорожское Низовое войско владѣло обширнымъ пространствомъ земель нынѣшняго Новороссійскаго Края, почти всею Херсонскою и всею Екатеринославскою губерніями. Гнѣздо его было на низовьяхъ Днѣпра, за порогами. Тамъ-то находился *Кошъ*—слово татарское, собственно *кочъ*, ставка, улусъ, лагерь. Кошомъ, или *Сичью*, Сѣчью, собственно назывался городокъ весьма оригинальной постройки, укрѣпленный валомъ, палисадами, башнями, окруженный рвомъ и глубокою рѣчкой Подпольною, впадающей въ Днѣпръ. Въ этомъ городѣ была главная квартира войска: онъ заключалъ въ себѣ *курени*, или казармы для жительства казаковъ, здѣсь имѣли пребываніе всѣ войсковыя власта, архимандритъ, его подчиненные, и *армата*, то есть артиллерія. Здѣсь же хранились и войсковые клейноды, знамена, бунчуки, перначи, трубы, литавры, трости, печати.

Внутреннее устройство запорожскаго войска представляетъ разительное сходство съ устройствомъ янычаръ; то же раздѣленіе, тѣ же чины, та же управа. Кажется, что Стефанъ Баторій, который далъ правильное учрежденіе казакамъ, взялъ за образецъ янычарское сословіе, тогда столь знаменитое въ военномъ

свѣтѣ. Отсюда, вѣроятно, происходитъ и эта смѣсь терминовъ польскихъ, турецкихъ, венгерскихъ. Общество раздѣлялось на два сословія—на рыцарскихъ конюшихъ, *товариство*, то есть холостыхъ казаковъ, несшихъ военную службу, и на толпу, *посполъство*, то есть женатыхъ жителей, которые не служили въ войскѣ, но жили въ селахъ и обработывали землю. Слово *товаришъ*, товарищъ, введенное Поляками, нѣкогда означало у нихъ именно то самое военное званіе, какъ слова écuyer, esquire, у Французовъ и Англичанъ. Впрочемъ, и у янычаръ воины назывались «товарищами», *іолдашъ*. Товарищи, у Запорожцевъ, раздѣлялись на «*курени*, то есть избы», а посполъство на *поланки*, укрѣпленныя мѣстечки. Эти слово—венгерское.

Главнымъ начальникомъ и правителемъ былъ *кошевой гетманъ*, headman, или *атаманъ*, совершенно то же что̀ янычарскій ага: онъ окончательно рѣшалъ всѣ дѣла и тяжбы, произносилъ смертные приговоры, утверждалъ чиновниковъ и распредѣлялъ по поланкамъ земли. Но его обширная власть ограничивалась, съ одной стороны, общею войсковою *радою*, или совѣтомъ, потому-что кошевой, при рѣшеніи каждаго важнаго вопроса, долженъ былъ сзывать всѣхъ старшинъ; съ другой, вліяніемъ *куренныхъ атамановъ*, — то же что̀ у янычаръ оды-баши, которые пользовались большимъ уваженіемъ въ своихъ отрядахъ и могли противоборствовать могуществу кошеваго.

За кошевымъ атаманомъ, по степени важности, слѣдовали *войсковые старшины*: это были люди, бо̀льшею частію, престарѣлые, изъ заслуженыхъ полковни-

ковъ. Изъ нихъ выбирались всѣ первостепенные чиновники войска—*судья*, у янычаръ кадій, главное послѣ кошеваго лицо, къ которому поступали по апелляціи дѣла недовольныхъ рѣшеніемъ куреннаго или поланковаго атамана; *писарь*, у янычаръ языджи, то есть, правитель канцеляріи, въ которой составлялись именные списки товарищей, производитель дѣлъ и хранитель войсковой печати; *обозный*, или военный полицеймейстеръ; *есаулъ*, намѣстникъ кошеваго; наконецъ *булавничій*, *перначникъ*, *бунчужный* и *хорунжій*, почетные чиновники, которые при торжественныхъ случаяхъ носили войсковые клейноды, совершенно тѣ же, какіе употреблялись и янычарами. Къ общему управленію принадлежали также—*войсковой довбышъ*, или *добошъ*, то есть, профостъ prévôt (а не барабанщикъ), который сзывалъ старшинъ на раду и разъѣжалъ по поланкамъ для надзора за исполненіемъ приказовъ кошеваго атамана, для клички «товарищей», сбору подводъ, хлѣба, и прочая; *войсковой пушкарь*, начальникъ артиллеріи; *кантарлей*, надзиратель мѣръ и вѣсовъ, сборщикъ пошлинъ съ торговли; *толмачъ*, переводчикъ, знающій иностранные языки; и *шафарь*, или ключникъ, родъ провіантмейстера, который, вѣроятно, былъ въ то же время войсковымъ казначеемъ.

Такова была запорожская іерархія, вѣрный сколокъ янычарской, совершенно выпущенной изъ виду г. Скальковскимъ, который, разсматривая это учрежденіе вмѣстѣ съ образомъ жизни казаковъ, приходитъ къ своему любимому заключенію, будто запорожское войско составляло родъ военнаго братства

совершенно подобнаго католическимъ монашеско-рыцарскимъ орденамъ. Эту смѣшную идею авторъ развиваетъ съ удивительнымъ наслажденіемъ, пріискивая для ней такія точки сходства съ templаріями, меченосцами и тевтонскими рыцарями, которые конечно не пришли бы ему въ голову, если бы онъ лучше изучилъ свой предметъ. Все, что̀ ему кажется здѣсь латинскимъ, принадлежитъ кореннымъ образомъ Турціи, съ примѣсью нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, обычаевъ республиканской Польши. Никто не могъ дѣйствовать отдѣльно; никто не имѣлъ своей личности: все рѣшалось міромъ, *громадой*; права личности принадлежали только цѣлому обществу: товарищи, неисключая и самого кошеваго, не имѣли никакой частной собственности: земли, дома̀ и стада находились во владѣніи *посполитыхъ*, а товарищъ располагалъ только конемъ, оружіемъ и своей долей военной добычи. Частная собственность появилась уже въ послѣднія двадцать лѣтъ существованія Запорожья: до того времени даже и пища у товарищей, точно какъ у янычаръ, была всегда общая, приготовленная однимъ куреннымъ *кухаремъ*. Важность этого лица въ янычарскомъ сословіи извѣстна: *чорбаджи-баши*, какъ и запорожскій *кухарь*, былъ человѣкъ весьма уважаемый; тому ага и янычары, другому кошевой и казаки, всегда кланялись почтительно, говоря спасибо и бросая въ особый ящикъ по деньгѣ съ человѣка на жалованье ему и его помощникамъ. Здѣсь и тамъ котлы и горшки были символомъ братства, для каждаго куреня, для каждой оды. Не какъ въ католическихъ ре-

факторіяхъ, а какъ въ янычарскихъ одахъ, казаки, принадлежавшіе къ одному куреню, садились за обѣдъ всѣ вмѣстѣ, подъ начальствомъ своего атамана. Вѣра также у всѣхъ Запорожцевъ была общая: всякій вступающій въ войско непремѣнно долженъ былъ или принадлежать къ восточной церкви, или принять ее; извѣстно, что то же самое условіе существовало и у янычаръ, которыхъ число первоначально и умножилось иновѣрцами, обращенными въ мусульманство. Подобно янычарамъ, Запорожцы давали клятву повиноваться безпрекословно кошевому атаману. Это правило распространялось у нихъ даже на духовенство, потому что хотя Сѣчь считалась эпархіею кіевскаго межигорскаго монастыря, откуда вышли первые ея святители, однакожъ кошевое начальство само назначало священниковъ и ни въ какомъ случаѣ не хотѣло повиноваться епархіальному архіерею. Безбрачіе было необходимымъ правиломъ для жизни и въ казачьихъ куреняхъ и въ янычарскихъ одахъ: женщинамъ вовсе не позволялось жить въ Кошѣ; нарушеніе было признаваемо за преступленіе первой степени и наказывалось смертью. Женатые товарищи (зимовники) и женатые іолдаши жили въ селеніяхъ и обработывали землю или занимались извѣстными ремеслами. Наконецъ, въ доказательство, что Баторій подражалъ въ учрежденіи казаковъ знаменитому турецкому войску, а не рыцарскимъ орденамъ, можно привести еще то важное обстоятельство, что онъ далъ казачьему атаману не крестъ и мечъ, но бунчукъ, знамя, перначъ, литавры, большой барабанъ, и другіе коренные клейноды сана янычар-

скаго аги, вмѣстѣ съ булавою или жезломъ польскаго гетмана. Этотъ государь, правда, имѣлъ намѣреніе учредить въ Украйнѣ духовно-рыцарскій орденъ, но устройство его понималъ онъ иначе, намѣреваясь раздѣлить новое рыцарство на коммандоріи, а не на курени или янычарскія оды.

—

1842.

Исторія Малороссіи. Н. Маркевича. *Москва.*

Еще одна «Исторія Малороссіи!...» Когда же будетъ этому конецъ?

Авторъ новой исторіи донынѣ былъ извѣстенъ болѣе въ музыкальномъ чѣмъ въ литературномъ свѣтѣ. Любовь свою къ родной Малороссіи онъ прежде всего, обнаружилъ изданіемъ нѣсколькихъ малороссійскихъ пѣсней, положенныхъ на ноты болѣе или менѣе музыкально. Теперь является онъ передъ публикою съ исторіей своей родины, изложенною болѣе или менѣе литературно.

Но какъ бы то ни было, четыре тома исторіи одной провинціи, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ любопытства людей, обращающихся съ книгами.

Самая непостижимая вещь въ свѣтѣ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, это, безспорно, та непоколебимая, безподобная важность, съ какою нѣкоторые малороссійскіе историки, одушевляясь покойнымъ казацкимъ патріотизмомъ, оплакиваютъ паденіе «гетманщины», воспѣваютъ блаженство жителей Украйны подъ батогомъ казачества, подъ управленіемъ вооруженной и безпо-

койной орды отчаянныхъ головорѣзовъ и грабителей по ремеслу, и обвиняютъ въ притѣсненiяхъ сосѣдей, которые, для своей безопасности и для пользы самой страны, старались унять буйства этого правительствующаго ополченiя, всегда готоваго къ бунту или къ набѣгу. Эти господа и до-сихъ-поръ не умѣютъ отличить интереса Малороссiи какъ русской страны, отъ личнаго интереса «казачества», сборнаго сословiя искателей приключенiй и добычи, дикой и вѣчно мятежной рати, которая овладѣла и правила ею съ саблею и нагайкою въ рукѣ. Во всей исторiи человѣчества нѣтъ двухъ фактовъ болѣе похожихъ другъ на друга какъ малороссiйское «казачество» и египетское «мамлюкство», какъ состоянiе Украйны подъ правленiемъ запорожскаго войска и состоянiе Египта подъ управленiемъ мамлюковъ. Намъ еще не случалось читать ни одного египетскаго писателя, который бы проливалъ слезы о минованiи тѣхъ блаженныхъ временъ и дѣлалъ изъ грабительствъ, разбоевъ и набѣговъ мамлюкскихъ статью мѣстнаго патрiотизма, предметъ любви къ своей родинѣ. Малороссiйскiе писатели девятнадцатаго вѣка—напротивъ: для нихъ Малороссiя, богатая земля, которая вмѣстѣ съ за-днѣпровскою Украйною считала болѣе миллiона жителей и сорокъ тысячъ буйнаго казацкаго войска, которое содержала ее въ рабствѣ, нищетѣ и варварствѣ, это — одно и то же. Когда казаки грабятъ, рѣжутъ и жгутъ своихъ сосѣдей, это — подвиги геройства. Когда сосѣди принимаютъ мѣры для своей защиты и хотятъ прiучить казаковъ къ порядку и уваженiю чужой соб-

ственности, это—вопiющее притѣсненiе *Малороссiи.* Украйна принадлежитъ польской республикѣ, которую казаки безпрерывно или опустошаютъ или ссорятъ съ сосѣдними державами, и Польша старается уничтожить или, по-крайней-мѣрѣ, ограничить казачество: это—*злодѣйскiй умыселъ противъ Малороссiи!* Казаки отдаютъ себя и свое государство подъ власть московскаго царя, котораго они опять ссорятъ съ сосѣдями, безпокоятъ на внутреннихъ границахъ и поставляютъ въ величайшее затрудненiе своими мятежами и измѣнами, и московскiй государь прiискиваетъ средства къ обузданiю казачества: это — *нарушенiе правъ и вольностей Малороссiи.* Безсильная Польша не могла управляться съ казачествомъ, но самодержавная мудрость сильныхъ русскихъ государей скоро его уняла и потомъ воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы его совершенно уничтожить, для блага самой Малороссiи, которой только съ того времени и открылся путь къ спокойствiю, порядку, образованности, просвѣщенiю, промышленымъ и умственнымъ успѣхамъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что если бы казачество было уничтожено въ концѣ шестнадцатаго столѣтiя, Малороссiя, Россiя и человѣчество чрезвычайно много выиграли бы отъ этого. Малороссiя уже съ того времени поступила бы въ число образующихся государствъ, и московскiе государи безъ труда распространили бы свое владычество на всю Украйну еще до начала унiи. Самозванцы не имѣли бы никакого успѣха въ Россiи, которая такимъ образомъ избавилась бы отъ всѣхъ ужасовъ междуцарствiя и

гораздо ранѣе начала бы просвѣщаться. Всѣ варварства, всѣ кровопролитія, всѣ несчастія, которыми обременила бѣдное человѣчество борьба сословія казаковъ съ Польшею и его измѣны новой своей покровительницѣ, Россіи, все это не пятнало бы теперь страницъ исторіи рядомъ такихъ событій, которыя въ образованномъ читателѣ порождаютъ только ужасъ и отвращеніе. Историкъ, который беретъ перо въ руки въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, писатель съ образованнымъ умомъ и просвѣщенными чувствами, которому дороги успѣхи рода нашего на поприщѣ гражданственности, не можетъ имѣть другаго взгляда на предметъ. Нельзя же, въ наше время, писать исторіи кнутовищемъ кровавой нагайки Дорошенки въ странѣ, гдѣ теперь на разстояніи двухъ сотъ верстъ есть два университета и двѣ каѳедры всеобщей исторіи, изъ которыхъ каждая въ состояніи объяснить тѣмъ, которые сбираются писать о прежнихъ временахъ Малороссіи, что Запорожье было не что̀ иное какъ сухопутный Алжиръ Сѣвера, что казачество было несчастіе ея и человѣчества. Образованный Малороссіянинъ-историкъ долженъ умѣть отдѣлить свою родину отъ казачества, этого разноплеменнаго сброда, которое овладѣло страною, не имѣя на нее никакого права; провести черту между народомъ и его незаконнымъ господиномъ, войскомъ, навлекшимъ на него всѣ бѣдствія ратныхъ правленій, и явиться хладнокровнымъ судьею лицъ и событій, а не фанатикомъ Сѣчи, сеидомъ войсковой канцеляріи. Что̀ была бы теперь Малороссія, если бы, по какому-нибудь случаю, она

до-сихъ-поръ оставалась «гетманщиною?» И самъ г. Маркевичъ написалъ ли бы такіе четыре тома, какіе онъ написалъ, если бы его уѣздомъ правилъ нынче какой-нибудь чигиринскій полковникъ? Собственно говоря, такіе четыре тома безвкусныхъ возгласовъ, легкомысленныхъ сужденій, дѣтскихъ сказокъ и грубыхъ выдумокъ невѣжественныхъ мѣстныхъ лѣтописцевъ, можно списать во всякое время; но дѣло въ томъ, что, наслаждаясь великимъ блаженствомъ Малороссіи подъ управленіемъ ясновельможныхъ гетмановъ, авторъ, вѣроятно, еще не зналъ бы грамотѣ, чтобы списать все это и выдать за исторію.

—

Сочиненія Николая Гоголя.

Одно изъ величайшихъ несчастій, какія только могутъ на литературномъ поприщѣ постигнуть человѣка съ истиннымъ дарованіемъ, это — ослѣпленіе непомѣрнымъ тщеславіемъ. Писатель, которому злая судьба послала это прискорбное ослѣпленіе, неизбѣжно теряетъ во всѣхъ отношеніяхъ; онъ не видитъ своихъ недостатковъ, не можетъ ничего развить и усовершенствовать въ своемъ талантѣ; пароксизмы необузданной самонадѣянности нерѣдко подвергаютъ его дикимъ корчамъ самолюбія, которыя дѣлаютъ его смѣшнымъ въ глазахъ читателей; и люди основательные невольно начинаютъ даже сомнѣваться въ существенности такого таланта: они знаютъ, какъ-нельзя лучше, что первой инстинктъ большаго дарованія и хорошей науки—недовѣрчивость къ собственнымъ своимъ силамъ, или то чувство слабости человѣческаго искусства въ срав-

ненiи съ могуществомъ природы и творческой мысли, которое въ людяхъ съ высшимъ умственнымъ назначенiемъ необходимо поселяютъ робость и сомнѣнiе въ самомъ себѣ. Авторская скромность — не пустая выдумка. У великихъ писателей она всегда была природнымъ результатомъ ихъ генiя; у посредственностей она — искусное подражанiе великимъ писателямъ и хорошее средство скрыть недостатокъ въ генiи.

Авторъ этихъ «Сочиненiй» началъ, какъ извѣстно свое литературное поприще изданiемъ собранiя нѣсколькихъ анекдотовъ, разсказанныхъ въ видѣ небольшихъ повѣстей подъ заглавiемъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». Эти анекдоты, разсказы или повѣсти, понравились. Въ нихъ пробивался, возлѣ прiятнаго дарованiя, особенный провинцiяльный юморъ малороссiйское *жартованiе*, котораго типъ и идеалъ — малороссiйская Энеида.

Выше этого знаменитаго творенiя, съ такимъ наслажденiемъ перечитываемаго земляками поэта, украинскiй юморъ не создавалъ ничего. Эпитеты Котляревскаго, иногда черезчуръ отважные, другiе замѣняютъ словами болѣе гармоническими, *подлецъ*, *свинья*, *канальи*, нагружая свои картины пудами прибавочной грязи (по-малороссiйски — *поэзiи*).... Конечно, такой способъ быть забавнымъ нисколько не согласуется съ изяществомъ литературныхъ понятiй: но какъ въ первыхъ повѣстяхъ г. Гоголя господствовала нѣкоторая воздержность, и какъ притомъ предметы этихъ повѣстей были заимствованы большею частiю изъ мѣстныхъ преданiй и требовали мѣстнаго колорита, то и

этотъ украинскій юморъ епроизвелъ своимъ запахомъ и цвѣтомъ слишкомъ непріятнаго ощущенія. Было сносно. Но большое тщеславіе, среди перваго успѣха, всегда плыветъ въ лодкѣ безъ веселъ и руля, увлекаясь игрою волнъ, въ которыя попасть ему случилось. Это судьба каждаго тщеславія. Первое пріятное качаніе волнъ убаюкиваетъ его: оно предается льстивымъ сновидѣніямъ, а между-тѣмъ лодка несется, и — дарованіе очутилось въ грязномъ прибережьѣ, въ вязкой тинѣ, закрытой тростникомъ. *Жарты*, болѣе или менѣе забавныя шутки, картины, не совсѣмъ миловидныя, повторились съ бо̀льшимъ изобиліемъ въ другомъ собраніи анекдотовъ-повѣстей автора, изданныхъ подъ заглавіемъ «Миргородъ». Около того же времени явился въ свѣтъ рядъ болѣе серіозныхъ статей того же пера, окрещенный «Арабесками». Этотъ томикъ много повредилъ ему въ мнѣніи людей основательныхъ: страшное тщеславіе пробивалось сквозь каждую строчку; заносчивыя сужденія о предметахъ, очевидно извѣстныхъ писателю очень поверхностно, напыщенность выраженій, замашки старой семинарской риторики, жестокое притязаніе на блестящій слогъ — при печальномъ неустройствѣ фразы и неумѣньѣ владѣть языкомъ, все это весьма непріятно поразило тѣхъ, которые, по двумъ первымъ книгамъ, радовались появленію примѣчательнаго таланта, надѣясь, что онъ современемъ образуется, очистится и подчинитъ себя законамъ хорошаго вкуса.

Надежда эта уже не могла сбыться при такомъ направленіи ума молодаго писателя. Онъ смѣло, и даже

съ гордостью, брелъ далѣе и далѣе въ тину украинскаго юмора, хотя, должно сказать тутъ же съ бòльшею зрѣлостью автора, произведенія его получали болѣе окончательности, до такой степени, что «Старосвѣтскіе помѣщики», обрисованные опять по нѣскольким мѣстнымъ анекдотамъ, относительно къ повѣствовательному искусству могли уже почитаться образцомъ наивности и деревенской прелести. Это — совершенно малороссійская идиллія, но идиллія, исполненная художественной истины. Съ другой стороны «Тарасъ Бульба», новый старый анекдотъ въ разсказѣ, представилъ повѣсть превосходно обдуманную, согрѣтую живымъ чувствомъ, исполненную характернаго мѣстнаго колорита. Чтобы усовершенствоватъ эту прекрасную повѣсть, стоило только исправить въ ней русскій языкъ, придать нѣсколько болѣе логической строгости фразѣ, устранить грубые *жарты* и немножко обмыть нѣкоторыя картины. Но тщеславіе никогда не знаетъ своихъ настоящихъ выгодъ. Понятія автора о своемъ значеніи въ искусствѣ раздувались болѣе и болѣе. Литературная котерія, имѣвшая нужду въ его талантѣ, разгорячала это болѣзненное тщеславіе необузданными панегириками, чтобы удобнѣе имъ пользоваться. Автору показались его повѣсти великими идеями, потому-что они построены изъ крупныхъ анекдотовъ, и онъ, повѣривъ лести, сталъ приписывать имъ, не только поэтическую, но даже и философскую важность. Онъ довѣрился коварнымъ совѣтамъ, а эти совѣты были пустой плескъ волнъ. Въ собраніи его «Сочиненій» мы уже не видимъ прежняго Тараса: изъ обширной

по сюжету, но хорошо сжатой, повѣсти, раскинулась цѣлая украинская пустыня, и большая часть достоинствъ прежняго «Бульбы» утонула въ степномъ ковылѣ. Еще заслуженный успѣхъ — къ нему повелъ снова одинъ старый анекдотъ, передѣланный въ безвидную комедію съ нѣсколькими прекрасными сценами — и нашъ авторъ, величая свои милыя передѣлки старыхъ анекдотовъ *«моими твореніями»*, бросился на утлой лодкѣ въ бурное и опасное море. Одною рукою схватилъ онъ за рога бодастую сатиру, а другою, по обыкновенію, пошлый и совершенно не-литературный анекдотъ, отрекся отъ своего стараго добраго конька, безъ утвержденія публики провозгласилъ себя *комико-сатирико-философо-поэтомъ* и напалъ, безъ слога, безъ воображенія, безъ доказательствъ о своемъ тонкомъ вкусѣ и чувствѣ приличій, на весь свѣтъ, на всѣ его странности, пороки и недостатки. На худой конецъ, для этого требовалась *по-крайней-мѣрѣ* наблюдательность, не та что̀ умѣетъ подмѣчать, въ какомъ мѣстѣ у какого чиновника протерлось платье и *какой духъ* распространяютъ около себя *лакеи*, но та наблюдательность, которая слѣдитъ за всѣми біеніями сердца, читаетъ въ душѣ, знаетъ людей и свѣтъ, и умѣетъ опредѣлить что̀ важно для успѣховъ нравственности, а что̀ не стоитъ вниманія въ обычаяхъ и занятіяхъ сословій. Отсутствіе этой художнической наблюдательности нашъ украинскій юмористъ замѣнилъ коллекціей гротесковъ, оригиналовъ, чудаковъ и плутовъ безъ всякой важности для философической сатиры; ихъ грязныя похожденія объявилъ *«перлами* своего

созданія»; тѣшится надъ ними отъ души, заставляетъ ихъ, ради *лирическаго* смѣха, *сморкатьсн*, *чихать*, *падать*, и ругаться сколько душѣ угодно *канальями*, *подлецами*, *мошенниками*, *свиньями*, *свинтусами*, *ѳетюками;* мараетъ ихъ сажей и грязью; и все это, въ своемъ тщеславіи, очень серіозно называетъ *поэмою*, *эпопеей*, давая уразумѣть, что онъ — новый *Гомеръ*. Это имя было даже неоднократно произнесено, безъ малѣйшей запинки, органами нашего украинскаго юмориста, тѣми же, которые увѣрили его, будто онъ философъ и поэтъ. Несчастно, сто разъ несчастно дарованіе, которое попадаетъ въ кругъ такихъ цѣнителей.

Въ «Мертвыхъ душахъ» обрисовка нѣкоторыхъ характеровъ, безспорно, показываетъ въ авторѣ большой карикатурный талантъ, и есть страницы, гдѣ этотъ талантъ сильно похожъ на талантъ знаменитаго англійскаго юмориста, Диккенса. Честолюбіе нашего украинскаго юмориста, если оно не совсѣмъ уже недоступно благоразумію, должно бы устремиться къ достиженію еще полнѣйшаго сходства съ этимъ писателемъ и избрать его образцомъ себѣ. Конечно, между литературнымъ саномъ Гомера и чиномъ Диккенса — цѣлая пропасть; но если украинскому юмористу и его «органамъ» удастся когда-нибудь прочесть Гомера и еще кое-что изъ хорошихъ вещей на свѣтѣ, то они очень, очень будутъ рады удержать для пѣвца Чичикова, мѣстечко хоть возлѣ пѣвца Пиквика. Не должно думать, чтобы это было сказано въ униженіе таланта пѣвца Чичикова. Надобно же будетъ, рано или поздно,

его колоссальному тщеславію подать въ отставку отъ потѣшнаго званія «перваго поэта нашего времени» за неспособностью къ этому званію и за ранами, нанесенными самолюбію: а для отставнаго Гомера, право, очень лестно не стоять ниже Диккинса! «Записки Пиквикскаго Клуба» разошлись въ первые годы въ числѣ шестидесяти тысячъ экземпляровъ и, до-сихъ-поръ, безпрерывно перепечатываются и читаются. Этотъ страшный успѣхъ долженъ имѣть основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, «Записки Пиквикскаго Клуба» едва-ли не самый примѣчательный сатирическій романъ нашего вѣка. Не называя Диккенса англійскимъ Сервантесомъ, нельзя однакожъ не видѣть большаго сходства между его знаменитымъ романомъ и «Донъ-Кихотомъ». Пиквикъ рѣшительно — англійскій Донъ-Кихотъ великобританской филантропіи, которая въ наше время пускается въ такіе же подвиги, какъ нѣкогда странствующее рыцарство. Отъ всей души можно пожелать новому *Гомеру*, чтобы ему удалось сдѣлаться русскимъ Диккенсомъ, но, покамѣстъ, мало надежды. Насчетъ грязи, нашъ *Гомеръ* можетъ дружески пожать руку англійскому *Сервантесу*. Въ веселости и каррикатурѣ они не уступятъ другъ другу. Но Диккенсъ доказалъ, характеромъ Пиквика, что онъ понимаетъ сущность высшаго сатирическаго романа: этотъ характеръ — въ превосходной степени смѣшонъ, и въ то же время, читатель столько же привязывается къ нему какъ и къ Донъ-Кихоту. Пиквикъ — чудесный характеръ, не чета Чичикову, герою «Мертвыхъ душъ»! Кромѣ-того, у Диккенса есть воображеніе, изобрѣтательность, планъ,

хорошее дѣйствіе: онъ не перестроиваетъ старыхъ анекдотовъ въ мнимые *«перлы* созданія» и «Ревизора» своего не разнообразитъ на разные виды. У Диккенса есть также классическія познанія, образованный вкусъ, чувство приличій: онъ не называетъ своихъ романовъ *поэмами*, предоставляя этотъ пышный титулъ такимъ *«перламъ* созданія», въ которыхъ дѣйствующія лица ругаются какъ извозчики. Наконецъ у Диккенса есть слогъ: онъ отлично знаетъ свой языкъ, и его «Diary» можетъ убѣдить всякаго, что онъ владѣетъ въ совершенствѣ всѣми тонкостями хорошаго слога. Еще одно важное преимущество Диккенса передъ русскимъ *Гомеромъ*: онъ умѣетъ пользоваться замѣчаніями и не сердится на своихъ критиковъ. Не то чтобъ мы, здѣсь, боялись гнѣва почтеннѣйшаго *Гомера* Втораго: на насъ раздражительное самолюбіе украинскаго юмориста не можетъ вооружиться. Не за что̀! мы критики не пишемъ! Гдѣ жъ тутъ критика? Одни чистые факты — дѣло лѣтописное — да и только! Но за своего «Ревизора», за печатныя и изустныя мнѣнія о «Ревизорѣ», почтеннѣйшій *Гомеръ* Второй дотого разсердился, что въ защиту этого плохаго драматическаго анекдота — анекдотъ плохъ: это также — фактъ, — написалъ огромную статью подъ названіемъ «Разъѣздъ», которымъ и заключается четвертый томъ его «Сочиненій».

Этотъ «Разъѣздъ» — самая смѣшная и жалкая вспышка уязвленнаго тщеславія, которое полагаетъ, будто всѣ точно такъ же заняты судьбою *творенія* автора «Ревизора», какъ самъ онъ, между-тѣмъ какъ всѣ давно

уже забыли объ его *твореніи;* самое неудачное подражаніе Байрону, Мицкевичу, Мольèру. Въ этомъ «Разъѣздѣ» столько лицъ, что и десятой доли ихъ не бываетъ въ Александринскомъ театрѣ при самыхъ выгодныхъ для дирекціи представленіяхъ «Ревизора». Всѣ разъѣзжающіеся зрители раздѣляются на двѣ партіи: одни утверждаютъ, что должно бранить чиновниковъ; другіе говорятъ, что не должно. Первые говорятъ немного покраснвѣе; въ числѣ вторыхъ помѣщены и литераторы. Изъ такой діалектики авторъ начинаетъ выводить результаты въ свою пользу, облекая ораторскую рѣчь свою трагическимъ паѳосомъ. Есть минуты, въ которыя читателю становится страшно, чтобы, для бóльшаго эфекта, почтеннѣйшій *Гомеръ* Второй не закололся. Къ счастію, онъ пощадилъ себя. Посмѣявшись, по-своему, съ своимъ украинскимъ юморомъ, надъ публикой, надъ критикою, надъ всею этою безсмысленною толпою, которая «не поняла *моего творенія*»; наказавъ память покойнаго Дюра, разбранивъ всѣхъ, расхваливъ себя, авторъ, который, судя по трагическому «Разъѣзду», уже возненавидѣлъ-было и театръ, и публику, и себя, вдругъ ставитъ на сцену другую комедію, другой старый анекдотецъ «Женитьбу». Вѣрно, никто не ожидалъ такой комической развязки!.... Но чѣмъ же Дюръ виноватъ? спросите вы. — Какъ, чѣмъ! Онъ долженъ былъ съиграть Хлестакова *лицомъ, даже добродѣтельнымъ!* Такъ хочетъ авторъ, *Гомеръ* Второй. — Но мосьё Хлестаковъ, возражаете вы, просто негодяй: онъ изволитъ безстыдно обирать чужіе кар-

маны и отнимать у бѣдныхъ людей даже полтинники и гривенники! — Все-равно: въ понятіи автора онъ — *лицо даже добродѣтельное*; ни Дюръ ни вы ничего не понимаете: обирать чужіе карманы, отнимать полтинники и двугривенники — да это *лирическій смѣхъ*, а не мошенничество!... Странно только — одно: «Ревизоръ», *твореніе, котораго никто не понялъ*, имѣлъ сначала большой успѣхъ: а «Женитьба», которую всѣ поняли... какъ не понимать!... ясно, какъ дважды два четыре!... встрѣчена всеобщимъ отвращеніемъ. Какъ согласить это?.. Развѣ авторъ напишетъ второй «Разъѣздъ» и отдѣлаетъ по-свойски актеровъ и публику зато, что, теперь они, со страху, ужъ слишкомъ хорошо все поняли, тогда какъ этихъ высокихъ красотъ слѣдовало *даже не понимать*.

Въ изданіи «Сочиненій» помѣщены нѣкоторые драматическіе отрывки и родъ повѣсти, «Шинель». Все то же что̀ и въ «Ревизорѣ», что̀ и въ «Женитьбѣ», что̀ и въ Чичиковѣ: такая же напряженная малороссійская сатира противъ великороссійскихъ чиновниковъ, такія же сказки про игроковъ. Но болѣе всего поразительно въ этомъ изданіи — предисловіе, въ которомъ авторъ свои лучшія вещи, именно «Вечера на Хуторѣ», совѣтуетъ читателю пропустить безъ вниманія, а заняться чтеніемъ, вѣроятно, его драматическихъ и сатирическихъ произведеній. Не слушайте его, читатели: обманутый своимъ раздражительнымъ самолюбіемъ, онъ невольно васъ обманываетъ. Это предисловіе — то же что̀ и послѣсловіе, или «Разъѣздъ». Онъ съ родительскою нѣжностью пристращается къ своимъ хво-

рымъ чадамъ и насильно хочетъ заставить васъ читать самыя слабыя произведенія свои. Читайте его повѣсти!

Еще одно, весьма важное, явленіе въ этомъ изданіи: авторъ отказался отъ учености въ исключительную пользу сатиры. Всѣ высокопарно *ученыя* статьи, блиставшія нѣкогда въ «Арабескахъ», изъ этого изданія исключены, и объ нихъ ни помину. Вотъ это — дѣло! Право, не стоитъ хлопотать. Сатирикомъ еще можно притвориться, но ученымъ — никакъ нельзя.

—

Амарантосъ, *или Розы возрожденной Эллады. Произведенія поэзіи нынѣшнихъ Эллиновъ,* Эвлампіоса.

Изящно напечатанная и отчасти, любопытная небольшая книга; переводъ пѣсенъ, съ ново-греческимъ текстомъ этихъ благоуханыхъ *розъ*, изъ которыхъ одна — грецкій орѣхъ: нераскусимая сказка, которую слышалъ г. Эвлампіосъ ночью, плывя на греческомъ суднѣ съ Псары на Андросъ, и выслушавъ, *записалъ слово въ слово.* Если я рѣшился назвать эту книгу любопытною, такъ единственно по случаю сказанной нераскусимой сказки: ея нѣтъ возможности дочитать доконца, но въ ней встрѣчается большая рѣдкость — *настоящій ново-греческій языкъ въ печати* — настоящій, подлинный, неподдѣльный, съ небольшими только *усовершенствованіями.* Ново-греческая литература находится еще въ томъ жалкомъ и безплодномъ положеніи, въ какомъ была русская въ восьмидесятыхъ годахъ. Нынѣшніе грамотные Греки, подобно нашимъ писателямъ той славянолюбивой эпохи, презираютъ свой природ-

ный языкъ и всѣми силами гнутъ его къ формамъ и фразеологіи древняго, забытаго, эллинскаго. Они даже стыдятся имени *Грековъ*, которое лондонская конференція возвела великодушно въ санъ политическаго титула, не хотятъ жить въ отнятой для нихъ у Турковъ *Греціи*, думаютъ всё еще прогнать Римлянъ изъ Эллады и зажить *Эллинами* на аѳинской агорѣ. Эта несчастная мечта объ *Элладѣ*, о *возрожденіи Эллады*, о возвратѣ къ классическимъ *эллинскимъ* формамъ, еще долгое время будетъ останавливать умственное развитіе Грековъ, успѣхи ихъ литературы, даже ихъ благосостояніе. Римляне въ Италіи давно уже рѣшились быть Италіянцами; въ Галліи они съ гордостью называютъ себя Французами, въ Испаніи Испанцами, въ Лузитаніи Португальцами и, благодаря этой мѣрѣ, образовали себѣ прекрасные новые языки, дожили до чудесныхъ литературъ. Въ одной Греціи Римляне, *Ромеи*, не хотятъ быть тѣмъ, чѣмъ сдѣлали ихъ двѣсти вѣковъ и сто политическихъ переворотовъ: не хотятъ жить въ римской провинціи, Греціи, называться по ея имени и имѣть свой собственный языкъ, отдѣльный отъ языка древнихъ обитателей страны, совершенно и навсегда исчезнувшихъ Эллиновъ. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, уродливѣе ихъ нынѣшняго литературнаго языка, который величаютъ они *ново-эллинскимъ*, тогда какъ настоящее названіе ихъ разговорнаго языка—римскій, *ромеика*. Набодно знать, что этотъ разговорный языкъ ихъ—несравненно музыкальнѣе, пріятнѣе для слуха и даже, филологически, лучше, стройнѣе древняго, классическаго: къ нему находится

онъ совершенно въ томъ же отношеніи какъ итальянскій къ латинскому; потерялъ его гнусливыя носовыя окончанія на *н* и часть шипящихъ суконныхъ окончаній на *с*, умножилъ число гласныхъ на концахъ словъ, отвергъ его многосложныя, запутанныя и безполезныя формы въ глаголахъ и причастіяхъ, образовалъ себѣ добровольно грамматику такую же простую и естественную какъ итальянская и англійская, набралъ отвсюду новыхъ словъ съ новыми понятіями, и бо̀льшей половинѣ древнихъ присвоилъ совсѣмъ другія значенія. По характеру своему, ромейскій или ново-греческій языкъ—языкъ существенно *новѣйшій*: въ немъ не осталось ничего древняго, кромѣ нѣкоторой части словъ, болѣе или менѣе сходныхъ со словами языка Эллиновъ. Вообразите, что нынѣшніе ромейскіе грамотѣи вздумали вывернуть своей мудростью все это зданіе двухъ тысячелѣтій и заставить подданныхъ греческаго короля заговорить языкомъ Платона и Аристотеля!.... коверкаютъ свои простыя, прекрасныя новѣйшія формы, вводятъ обветшалыя, давно забытыя, принадлежащія къ другому порядку идей, придаютъ новымъ словамъ древнія окончанія словомъ, уродуютъ всѣми мѣрами свой современный языкъ, чтобы сообщить ему ложный отблескъ классическаго. И посредствомъ этихъ румянъ, этой мишуры, этихъ поддѣльныхъ красотъ, этого занимаемаго на прокатъ изящества, продолжая невѣжественно безвкусіе Византійцевъ, надѣются они достигнуть какой-нибудь самостоятельной и прочной литературы! Можетъ ли упрочиться литература тамъ, гдѣ у каждаго писателя совсѣмъ другой

языкъ, смотря по количеству того, что̀ онъ успѣетъ или съумѣетъ нахватать изъ древняго нарѣчія? гдѣ вы можете быть общепонятнымъ не иначе какъ съ условіемъ перестать быть изящнымъ?... Заговорите въ Греціи на томъ языкѣ, на которомъ пишутъ тамъ книги: двѣсти тысячъ подданныхъ короля Оттона вдругъ покатятся отъ смѣху, а другія двѣсти тысячъ заткнутъ уши, полагая, что вы изъясняетесь *по-баварски*. Педанты между-тѣмъ въ восторгѣ отъ своего творенія: они увѣрены, что такъ языкъ долженъ быть, что это — удивительно какъ красиво, важно и возвышенно! Нѣтъ, не начиналъ еще настоящей литературы тотъ народъ, который не умѣетъ довольствоваться своимъ живымъ языкомъ, не научился отъискивать въ его естественныхъ предѣлахъ всѣхъ красотъ, нужныхъ искусству, и ходитъ за украшеніями для слога въ другіе языки и другіе вѣка. Но, въ такомъ положеніи дѣла, для тѣхъ, которые желаютъ познакомиться въ печати съ настоящимъ ново-греческимъ или ромейскимъ языкомъ, для тѣхъ, чей вкусъ питаетъ отвращеніе ко всему поддѣльному и ложному, что сказка, напечатанная г. Эвлампіосомъ, будетъ, филологически, любопытна, несмотря на совершенное безсмысліе своего содержанія. Мы очень рады видѣть издателя въ добрыхъ правилахъ, относительно къ его родному языку: за напечатаніе сказки *отъ слова до слова*, онъ заслуживаетъ похвалы, которая даже могла бы быть полною, если бы онъ совершенно удержался отъ притягиванія формъ новѣйшаго языка къ древней мѣркѣ. Къ сожалѣнію, онъ не вездѣ устоялъ противъ искушенія аѳинской моды.

Историческія замѣтки издателя состоятъ въ извѣстіяхъ о разныхъ случаяхъ, при какихъ употребляются Греками собранныя имъ пѣсни — поминкахъ, когда они поютъ *мирологи*, родъ нашихъ старинныхъ причитаній, — свадьбахъ, народныхъ играхъ, и прочая. Тутъ любопытное для читателя заключается просто въ сличеніи съ тѣмъ, что́ дѣлается при такихъ же случаяхъ у насъ.

Издатель и переводчикъ этихъ пѣсней, безполезно и даже не совсѣмъ прилично, несправедливъ къ г. Форіелю, который первый познакомилъ Европу съ народною ново-греческою *поэзіею* — если только тутъ есть сколько-нибудь поэзіи. Г. Эвлампіосъ увѣряетъ, будто Форіелево собраніе есть *сборъ испорченнаго, сшитаго на живую нитку*, гдѣ *кусокъ изъ одной пѣсни приклеенъ къ другой*, между *картинными стихами* встрѣчается *сущая проза*, *площадныя пошлости*, *произведенія невѣжества;* словомъ, что весь этотъ трудъ совѣстливаго литератора, доброжелательнаго друга поэтической славы Ромеевъ—*странная смѣсь*, украшенная *пышными названіями*. Онъ укоряетъ своего трудолюбиваго предшественника за то, что г. Форіель взялъ только пѣсни клефтовъ. Нашъ издатель, напротивъ, отвергъ всѣ эти пѣсни, собралъ мирологи, свадебные припѣвы, и тому подобное. Жестокое обвиненіе взведено на г. Форіеля еще за то, будто онъ *передѣлывалъ* пѣсни. «Несвязность пѣсней и невѣрность ихъ текста, говоритъ г. Эвлампіосъ, объясняются отчасти тѣмъ, что авторъ, *какъ онъ самъ признается*, принялъ на себя трудъ

исправлять греческій подлинникъ пѣсней, въ духѣ народномъ, какъ говоритъ онъ. Я приведу его собственныя слова. Dans le choix des diverses *leçons*, j'ai toujours donné la préférence à celles qui m'ont semblées le plus dans le goût et dans l'idiome du peuple, et, en général, les corrections qu'il a été *par fois* indispensable de faire à des copies *fautives et uniques*, ont toutes été faites dans le même sens. «Я не знаю, присовокупляетъ г. Эвлампіосъ, можетъ ли иностранецъ усвоить себѣ духъ чуждаго ему народа до такой степени, чтобы отважиться *поправлять* и *передѣлывать* созданія *народнаго генія»*, и прочая. А между-тѣмъ г. Форіель поступалъ какъ умный человѣкъ. Хорошо зная Грековъ и ихъ языкъ, онъ увидѣлъ, что вся ново-греческая *поэзія* заключена въ пѣсняхъ клефтовъ, а остальное—жалкія произведенія безжизненности, невѣжества и безвкусія. Если въ пѣсняхъ клефтовъ есть кое-гдѣ проза и пошлости—не его вина. Что онъ, будто бы, перепуталъ многое, опять не его вина, когда, при всемъ стараніи, не могъ достать вѣрныхъ списковъ, долженъ былъ часто довольствоваться копіями единственными (uniques), находился въ необходимости разбирать писанія безграмотныя (fautives), каковы вообще рукописные сборники подобныхъ произведеній. И съ чего взялъ послѣдователь его, будто г. Форіель *самъ признается, что онъ передѣлывалъ пѣсни Грековъ?* Тутъ, очевидно, есть маленькое недоразумѣніе со стороны г. Эвлампіоса. Вотъ буквальное значеніе словъ, приведенныхъ имъ на г. Форіеля: «въ *выборѣ* между раз-

личными способами чтенія одного и того мѣста, стиха или слова (leçons) отдавалъ я преимущество тѣмъ, которые казались мнѣ болѣе другихъ подходящими ко вкусу и языку народа, и, вообще, *поправки*, которыя *иногда необходимо было сдѣлать въ ошибочныхъ и единственныхъ спискахъ*, всѣ сдѣланы въ этомъ духѣ». Гдѣ же тутъ *признаніе въ передѣлкѣ?* Г. Форіель сдѣлалъ только то, что̀ дѣлаетъ всякій ученый филологъ, всякій умный издатель народныхъ и не-народныхъ произведеній. Нельзя же пускать въ печать очевидныхъ описокъ безграмотнаго переписчика! И нельзя тоже платить такими нападеніями, такими презрительными отзывами, благородному иностранцу, который принимаетъ на себя трудъ возвышать въ глазахъ Европы умственныя способности вашихъ соотечественниковъ! Надобно опять замѣтить и то, что авторитетъ г. Эвлампіоса, въ филологической критикѣ и въ литературѣ, вообще не такъ еще великъ, чтобы читатель обязанъ былъ вѣрить ему на-слово, будто г. Форіель *перепуталъ* разныя пѣсни. Легко можетъ статься, что самъ г. Эвлампіосъ ихъ *перепутываетъ* въ своемъ воображеніи: вѣдь въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ editio princeps? — каждый знаетъ ихъ только такъ, какъ слышалъ отъ кого-нибудь въ народѣ, а народъ, вездѣ и по-всюду, отъ одного уѣзда къ другому разно поетъ одну и ту же пѣсню, склеивая нерѣдко ее изъ лоскутковъ разныхъ пѣсней. Лучше поступилъ бы г. Эвлампіосъ, если бы принялъ на себя трудъ свѣрить и исправить текстъ Форіеля (какъ сдѣлалъ Экономосъ для перевода Гнѣдича), и

присоединилъ бы его пѣсни къ своему «Амарантосу». тогда его собраніе украсилось бы дѣйствительно нѣсколькими цвѣтами чего-то похожаго на *розы поэзіи*. А теперь его «Амарантосъ или поэтическія *Розы возрожденной Эллады*», доказываетъ только то, что правду сказала знаменитая народная пѣсня—*О Аѳина, проти̂ хора, Ти гайдарусъ трефисъ тора!* — хотя издатель и не призналъ за благо помѣстить ея между *розами Эллады;* что поэзіи нѣтъ между прозаическими греческими простолюдинами, и что только при звукѣ оружія головорѣзовъ - клефтовъ иногда мелькала она между ними. Во всемъ *Амарантосѣ*—только одна пѣсня, гдѣ есть родъ поэтической идеи, и та не выдержана до конца. Вотъ первая половина пѣсни—она хороша:

«Что̀ воешь могила? что́ сталось съ тобой?
Что̀ стонешь ты такъ тяжело?
Земля ли тебя тяготитъ, или камень громадою давитъ?
Нѣтъ, не земля меня тяготитъ, не камень громадою давитъ:
Не могъ ты прохода другаго найти, и пробраться доро́гой другою,
А прямо пошелъ, и мнѣ дерзко на голову такъ наступилъ!
А развѣ и я не бывалъ молодымъ, не бывалъ я удалымъ?
И развѣ при свѣтѣ луны я не ратовалъ также,
Съ мечомъ въ десять пядей длиной, и съ саженнымъ ружьемъ?»

Вообще, перечитывая «Амарантосъ», нельзя надивиться именно совершенному отсутствію всякаго запаха поэзіи въ пѣсняхъ Грековъ, нелѣпости воображенія сочинителей, смѣси христіанскихъ чувствъ съ педантствомъ миѳологіи, и пустому, но между-тѣмъ изъисканному набору словъ. Вотъ, для примѣра, одинъ

мирологъ, или причитанье по мертвомъ, которое кажется издателю чудомъ изящества. Судите сами:

Слезы вдовы.

«Мнѣ слезы, мнѣ вопли,
Мнѣ мирологи пѣть,
Мнѣ вечернею порою
Плакать слѣдуетъ безъ шуму,
Мнѣ утромъ до разсвѣта
Сильно плакать достается,
А зоренька какъ займется,
Затяну я мирологъ:
«Охъ глаза вы мои, плачьте!
Охъ! рѣкою слезы лейтесь,
Слезы въ море обратитесь,
И въ море, и въ широкое!
Море! быстро, лейся, лейся,
До другаго міра, до нижняго!
Тамъ горящихъ освѣжи,
Жажду сильну утоли,
А ученымъ грамотѣямъ
Ты *чернила замѣни;*
Тобой (они) *страданія напишутъ*
Нашихъ дорогихъ мужей.
Увы! они насъ уже забыли,
Съ-тѣхъ-поръ, какъ переплыли
Мрачну, адскую рѣку.
Горькой изъ нея воды напившись,
Не только насъ уже забыли,
Но и домъ, и своихъ сиротъ».

Что̀ за странный наборъ словъ! Гдѣ тутъ хоть искорка поэзіи? Да, полно, точно ли еще это *народная* пѣсня? Правда, г. Эвлампіосъ не приказываетъ иностранцамъ имѣть сужденіе о *розахъ возрожденной Эллады;* при всемъ томъ, всякій изъ насъ, въ комъ есть хоть сколько-нибудь чувства греческаго и эллинскаго языковъ, не запинаясь объявить эту мнимую *народную* пѣсню поддѣлкою, подражаніемъ, риторическою піесою въ родѣ мирологовъ. И по размѣру, и по выраженіямъ, и по оборотамъ, и по понятіямъ, по всему видно, что тутъ работалъ какой-то *граматикосъ*, зѣло нахватавшійся эллинской мудрости. Да и сказка, о которой была рѣчь въ началѣ, тоже — подражаніе. Это — турецкая сказка, которую мы сами читали

въ подлинникѣ, только измѣненная отчасти въ подробностяхъ плохими прибавками греческаго разсказчика.

—

Объ усовершенствованіи души, *или нравственномъ воспитаніи.*

Эта желтая книга преважно выѣзжаетъ въ свѣтъ на конькѣ прошедшаго столѣтія, ученьѣ о «добродѣтели», или такъ-называемой «морали». Чудный былъ вѣкъ! Среди самаго страшнаго разгара пороковъ, среди всеобщей испорченности нравовъ, средь блестящаго безстыдства и утонченнѣйшаго соблазна, даже среди кровавыхъ оргій звѣрства и безбожія, «добродѣтель» была въ модѣ! Самые развратные люди съ жаромъ разсуждали о «добродѣтели». Самые безнравственные и опасные писатели усердно занимались теоріей «добродѣтели». Изверги, отъ ея имени, рѣзали головы своимъ согражданамъ и отнимали у нихъ имѣнія. Злодѣи, невѣрившіе въ Бога, воздвигали ей алтари, на которыхъ старыя, беззубыя актрисы, лишась ролей и любовниковъ, всенародно представляли живыя статуи добродѣтели. Въ каждомъ порядочномъ домѣ непремѣнно содержался «добродѣтельный человѣкъ», котораго откармливали какъ быка и показывали гостямъ какъ страуса или обязьяну. Нѣкоторые даже учреждали денежныя преміи въ пользу отличнѣйшихъ искусниковъ въ «добродѣтели», и одна изъ такихъ премій существуетъ донынѣ. Въ вѣкъ, въ который «добродѣтель» совершенно вышла изъ моды, одна изъ парижскихъ академій ежегодно присуждаетъ премію въ нѣ-

сколько тысячъ франковъ *добродѣтельнѣйшему изъ людей за прошедшій годъ.*

Адамъ Смитъ убилъ «мораль» и «добродѣтель» политическою экономіей, которая теперь замѣняетъ для общества прежнее «нравоученіе» или теорію добродѣтели. Этотъ положительный Великобританецъ, на мѣстѣ «морали», которая надѣлала столько зла въ восемнадцатомъ столѣтіи и, въ заключеніе, потрясла всю Европу, поставилъ *интересъ.* По его ученію, *трудъ* есть настоящее назначеніе общественнаго человѣка, *интересъ* есть начало труда, *строгая честность* есть наилучше постигнутый интересъ всякаго и корень всѣхъ успѣховъ труда, иначе *кредита*, а кредитъ есть *богатство.* Съ-тѣхъ-поръ Европа перестала спорить, ссориться и рѣзаться за «добродѣтель», слово отвлеченное и туманное; общества успокоились, и большинство людей стало несравненно добродѣтельнѣе, нежели какъ было когда-либо въ историческое время, особенно послѣ Сократа, самаго отчаяннаго и опаснѣйшаго болтуна о «добродѣтели». Тѣ, которые не восходятъ къ первымъ началамъ событій, довольствуясь ближайшими ихъ причинами, вообще и не подозрѣваютъ, сколько Сократъ и его послѣдователи, напримѣръ Цицеронъ, своими восторженными отвлеченностями о «добродѣтели» имѣли вліянія на бури, перевороты и войны прошедшаго столѣтія. Люди всегда рѣзались за слова, и именно, за слова безъ яснаго значенія, которыхъ никто не понимаетъ, потому-что всякій понимаетъ иначе. Честь и слава Адаму Смиту! Онъ—геній гораздо выше Сократа: онъ—бла-

годѣтель человѣчества, миротворецъ Европы. Посмотрите, какъ Европа усердно трудится, богатѣетъ, просвѣщается, очищается въ своихъ нравахъ, становится религіознѣе и избѣгаетъ кровопролитій, съ-тѣхъ-поръ какъ «трудъ» занялъ мѣсто умозрѣнія, «интересъ» и теорія кредита мѣсто теоріи добродѣтели. Въ лексиконахъ новѣйшихъ языковъ остается еще одно кабалистическое слово, тоже завѣщанное намъ древними умозрителями; слово безъ опредѣленнаго значенія, безъ практическаго смысла; слово гибельное, донынѣ волнующее общества своей непонятностью, которая, естественно, служитъ основаніемъ множеству противорѣчащихъ и сумасбродныхъ теорій: это слово—*свобода*. Великій будетъ человѣкъ тотъ, чей геній такъ же удачно замѣнитъ слово «свобода» другимъ словомъ съ положительнымъ практическимъ значеніемъ, какъ Адамъ Смитъ замѣнилъ слово «мораль» выраженіемъ—*наилучше постигнутый интересъ всякаго*, или *строжайшая честность*, корень кредита, дохода и богатства. Тогда только добродѣтель, существовавшая доселѣ просто на бумагѣ, добровольно придетъ въ полное практическое дѣйствіе, и настанетъ вѣкъ тишины, нравственности, чистаго и кроткаго духа. Къ чему служило богатство при теоріяхъ добродѣтели? Къ умноженію разврата! Къ чему служитъ оно теперь, при господствѣ теоріи труда и наилучше постигнутаго интереса трудящихся? Оно строитъ желѣзныя дороги, осушаетъ болота, разработываетъ землю и покрываетъ планету величественными памятниками промышлености человѣка, разливая довольство

и уменьшая порокъ въ нижнихъ слояхъ общества. Политическая экономія — великая нравственная наука!

Мораль прошлаго вѣка говорила: Perfice te! «совершенствуй себя», размышляя, возносись духомъ — и вѣкъ кипѣлъ пороками, сумасбродствами, преступленіями. Нравоученіе нынѣшняго столѣтія говоритъ: трудись, пріобрѣтай богатство и употребляй его къ умноженію общественныхъ, то есть твоихъ собственныхъ удобствъ, и вѣку — некогда предаваться порокамъ, сумасбродствамъ и преступленіямъ. Человѣкъ сталъ лучше, потому-что онъ занятъ и у него менѣе теперь времени для пустословія объ отвлеченностяхъ.

Таково положеніе *ѳики* въ наше время.

Желтая книга не поняла своего вѣка, когда она рѣшилась выѣхать верхомъ на умозрѣніяхъ о добродѣтели и самоусовершенствованіи, между-тѣмъ какъ первая и главная цѣль нынѣ господствующей науки — не дать человѣку времени предаваться умозрѣніямъ и воспламенять голову отвлеченностями, и послѣ того какъ царица столѣтія, политическая экономія, сказала ему — Баста о добродѣтели! полно! ты, толкуя объ ней, много напроказничалъ и разорился; усовершенствовать себя ты не умѣешь: совершенствуй лучше свой трудъ, будь честенъ въ трудѣ и добивайся до кредита: съ нимъ сдѣлаешь болѣе добра своимъ ближнимъ чѣмъ съ теоріей добродѣтели.

Это отнюдь не значитъ, чтобы желтая книга не заслуживала полнаго уваженія по своей благой цѣли и своему предмету: напротивъ, книга, ея цѣль и ея предметъ, въ высшей степени почтенны. Посильное

разсужденіе наше клонится только къ тому, что она опоздала полувѣкомъ и что ей трудно воспользоваться въ настоящее время вожделѣннымъ успѣхомъ. У каждаго вѣка—свой языкъ. Нынѣшній вѣкъ не понимаетъ даже и терминовъ «самоусовершенствованіе», «теорія добродѣтели», и тому подобныхъ. Напишите для него теорію наилучше постигнутаго интереса, теорію честности, это онъ станетъ читать съ жадностью. Честность—чистыя деньги. Прошедшій человѣкъ, съ теоріей добродѣтели въ карманѣ, шелъ въ картежный домъ, проигрывалъ тамъ пол-миліона и, выходя оттуда, карабкался по темной лѣстницѣ въ шестой этажъ, чтобы дать гривенникъ бѣдняку и удержать за собою репутацію добродѣтельнаго, самоусовершенствованнаго. Нынѣшній человѣкъ, съ честностью въ душѣ и съ чистыми деньгами въ карманѣ, идетъ прямо въ контору основательной компаніи, беретъ акціи на важное общественное предпріятіе и доставляетъ бѣдному средство, оставить лѣнь и порокъ, благородно заработать для себя приличное существованіе. Въ томъ же содержаніи измѣнились идеи и о другихъ принадлежностяхъ добродѣтели. Слова получили новыя значенія, почти вовсе неизвѣстныя желтой книгѣ.

—

1844.

Горный охотникъ. *Поэма.*

Есть два мнѣнія о ходѣ ума человѣческаго, оба чрезвычайно философическія, оба поддерживаются великими авторитетами, и за оба равно послѣдователи

ихъ готовы стоять изъ всѣхъ силъ. Одно утверждаетъ, будто умъ человѣческій идетъ впередъ, долженъ идти, и будетъ идти, безостановочно. Другое мнѣніе говоритъ, будто рѣченный умъ идетъ, идетъ, а потомъ вдругъ поворачиваетъ назадъ; погодя нѣсколько столѣтій, онъ опять начинаетъ идти впередъ; а тамъ опять повертывается; словомъ, танцуетъ вѣчную польку, вертится какъ векша въ колесѣ, подвигаясь все на одномъ мѣстѣ. Которое изъ двухъ мнѣній основательнѣе? Доказательства есть за и противъ, на оба мнѣнія.

Защитники вѣчнаго хода впередъ ссылаются на дикарей, увѣряя, будто умственное разстояніе отъ философа Новой-Голландіи до Ньютона далѣе чѣмъ отъ земли до солнца: отсюда происходитъ невѣжество древнихъ въ гальваническомъ золоченіи и современное искусство кататься на парахъ по морю и по сушѣ. Молодые люди рѣшительно всѣ держатся этого мнѣнія, потому-что, вслѣдствіе его, они непремѣнно должны быть умнѣе стариковъ. Компанисты застрахованія домовъ отъ огня согласны съ ними: доказательство безконечнаго совершенствованія человѣчества — безконечное возвышеніе цѣны на акціи этихъ компаній и ежегодная прибавка къ дивидендамъ.

Но противники доказываютъ, будто дикарь Новой-Голландіи ничуть не хуже парижскаго, лондонскаго или санктпетербургскаго дикаря: новоголландскіе философы живутъ своимъ чередомъ, а наши своимъ; тѣ и другіе несутъ ужасный вздоръ, только разными словами, наши — словами нѣсколько мудренѣе и изыскан-

нѣе новоголландскихъ, но нисколько не умнѣе; тѣ приписываютъ сверхъ-естественную силу деревянному болвану, образованный человѣкъ приписываетъ сверхвозможный умъ *безпристрастной критикѣ*, которою морочатъ его наши искусники; прежніе вѣрили во вліяніе звѣздъ и духовъ, нынѣшніе вѣрятъ въ *невѣсомыя жидкости;* и амвросія, которую пили древніе боги, право, ни мало не безтолковѣе электричества съ двумя полюсами или двухъ электричествъ съ однимъ. До изобрѣтенія книгопечатанія невѣжество было слѣдствіемъ рѣдкости книгъ и легкой утраты умныхъ мыслей въ рукописяхъ; нынче невѣжество будетъ слѣдствіемъ несмѣтнаго множества книгъ, которое уже и устрашаетъ любителей чтенія, низводитъ книгу на степень безцѣнностной щепки, и порождаетъ въ обществѣ презрѣніе или равнодушіе ко всему печатному. Гунновъ и Готовъ, вѣроятно, уже не удивитъ образованность, но мѣсто ихъ превосходно замѣнятъ фельетонисты: человѣкъ современемъ будетъ читать одни летучіе листки и печатальный станокъ распространитъ наконецъ тьму и варварство по всему земному шару. Что книжный умъ въ состояніи сдѣлать это среди самаго образованнаго вѣка, доказательство — французская революція, маленькій образчикъ того, что̀ можетъ когда-нибудь случиться въ большомъ видѣ отъ избытка теорій, ученой гордости, идей, и всего, что̀ пораждаетъ книгопечатаніе. Нравственной истины, новой, человѣкъ давно уже не открываетъ ни одной: всѣ онѣ высказаны съ самаго начала міра, и высказаны такъ хорошо, что нельзя ничего ни прибавить ни

убавить. Глупостей тоже невозможно изобрѣсть новыхъ: всѣ безъ изятія изобрѣтены нашими праотцами и повторяются вѣчно, съ маленькими только измѣненіями, вообще какъ развитія и дополненія первоначальныхъ, коренныхъ, инстинктивныхъ глупостей. Страсти у перваго и послѣднаго человѣка математически — однѣ и тѣ же: слѣдовательно и умъ — тотъ же; человѣкъ не можетъ быть ни злѣе, ни добрѣе, ни умнѣе того какъ былъ за пять тысячъ лѣтъ. Что̀ касается до физическихъ, вещественныхъ открытій и изобрѣтеній, то они, подобно глупостямъ, опять только — развитія и дополненія первоначальныхъ, коренныхъ, инстинктивныхъ. Это, просто, обдѣлка стараго, а не созданіе новаго: выдумать телегу и лукъ было даже мудренѣе, чѣмъ передѣлать телегу въ паровозъ и лукъ въ пушку. Люди, какъ говорятъ, уже нѣсколько разъ доходили до высочайшей степени образованности, и столько же разъ вслѣдъ за тѣмъ впадали въ глубочайшее невѣжество, естественное слѣдствіе наводненія обществъ ученостью. Древніе знали совсѣмъ не менѣе нашего. Посмотрите на чудеса промышлености, искусствъ, утонченности, вкуса, въ открываемыхъ подземельяхъ Помпеи, гробницахъ Этрусковъ, въ катакомбахъ Египтянъ, въ развалинахъ греческихъ городовъ. До совершенства древнихъ въ живописи, скульптуры, поэзіи, мы даже и достигнуть не надѣемся. То, что̀ уцѣлѣло изъ ихъ искусствъ и словесности, приводитъ насъ въ отчаяніе. Что̀ можетъ сравниться съ этими волшебными клочками совершенства? Какая высокая, прекрасная или умная мысль не трепетала на

струнахъ лиры древнихъ поэтовъ? Что̀ новаго выжали изъ своего мозгу новѣйшіе стихотворцы при всей помощи типографскаго станка? Куда дѣвалась даже эта чудная музыка слова, изобрѣтенная первоначальнымъ человѣкомъ подъ названіемъ «метра», которую онъ такъ тонко чувствовалъ и который мы уже и чувствовать не состояніи: до такой степени огрубѣло наше ухо! Наша образованность съ гордостью указывала на парики: приверженцы безконечнаго совершенствованія человѣчества выставляли парикъ какъ чисто новѣйшее изобрѣтеніе, какъ improvement вовсе неизвѣстный древнему міру; а теперь оказывается, что Египтяне свою знаменитую «мудрость» носили не иначе какъ подъ париками; три парика Фараоновъ висятъ за стекломъ въ англійскомъ національномъ музеѣ, и г. Вилькинсонъ доказываетъ, что парижскіе парикмахеры далеко еще не дошли до искусства парикмахеровъ Ѳивъ и Мемфиса. Словомъ, человѣчество, какъ кошка, вѣчно ловитъ свой собственный хвостъ, кружась на одномъ мѣстѣ, а ученымъ и студентамъ кажется, будто хвостъ движется впередъ и оно бѣжитъ за хвостомъ. Эта теорія очень нравится старикамъ, потому-что, на основаніи ея, старики выходятъ умнѣе молодыхъ.

Споры о прямолинейномъ и круговомъ движеніи человѣчества невольно приходятъ въ голову по поводу русской поэзіи. Если судить о ходѣ человѣчества по ходу нашей поэзіи, то приверженцы круговаго движенія рѣшительно правы. Было время, когда русская поэзія порождала допотопныхъ чудовищъ, «Телемахиды»

и «Россіяды», Синавовъ и Труворовъ. Потомъ настала эпоха усовершенствованій, процвѣтанія, золотаго вѣка. Помните ли этотъ золотой вѣкъ? Что̀ были за риѳмы, что̀ за стихи, что̀ за оды! Какія трагедіи, комедіи, элегіи, пѣсни, басни, поэмы! Царство нашей поэзіи было размежевано, распредѣлено, укрѣплено за владѣльцами записями. Одинъ былъ признанъ русскимъ Шольё, другой Лагарпомъ, третій Лафонтеномъ, четвертый Вольтеромъ, пятый Пиндаромъ, и такъ далѣе. Однихъ *образцовыхъ сочиненій* являлось, у насъ, помнится, по восемьнадцати томовъ. И вдругъ все пошло̀ задомъ-напередъ: разстроились лиры, лопнули струны, пропали стихи, разлетѣлись риѳмы, разбѣжались вдохновенія, высохла Иппокрена. Спустя немного возникаетъ Пушкинъ, несутся тучи Байроновъ, разверзаются гробы, выходятъ привидѣнія, въ лѣсахъ сверкаютъ ножи и кинжалы, пастухи и пастушки бѣгутъ передъ торжественнымъ шествіемъ цыганскаго табора: поэзія снова гудитъ, шумитъ, волнуется и потопляетъ всѣ низменныя мѣста ума человѣческаго. Альманахами хоть прудъ, бывало, пруди! И опять все исчезаетъ — все — кромѣ луны, мечты и дѣвы. Начинается настоящее фабричное производство лунъ, мечтъ и дѣвъ, дюжинныхъ, безцвѣтныхъ, безобразныхъ. Поэзіи какъ-будто не бывало. Теперь даже странно слышать, когда порой раздастся хриплый голосъ русской поэмы, зазвенитъ риѳма, промелькнетъ стишокъ! Да и что̀ за стихи теперь, что̀ за поэмы! что̀ за поэты!... Байроновъ какъ помеломъ вымело. Романа въ стихахъ въ глаза не увидишь. Правда, въ послѣднее время,

развелись у насъ Гомеры: но что̀ за Гомеры?... Гомеры малороссійскіе! «И *пошла писать*....» Да что̀ писать? «Иліады» *«чортъ знаетъ какія»!* Чувствительно благодаримъ.

Въ этотъ-то второй попятный періодъ русскаго стихотворства создалась поэма «Горный охотникъ». Она писана поэтическою прозою безъ запятыхъ, и прозаическими стихами безъ риѳмъ и безъ мѣры. Изъ содержанія ея толкъ исключенъ нарочно: и вотъ почему она — *поэма!* А почему она *Горный охотникъ*, это — тайна поэта.

—

Гамлетъ. *Трагедія В. Шекспира. Переводъ* А. Кронеберга. *Харьковъ,*

Люди, почитавшіе себя очень умными, много разсуждали о томъ, какъ должно переводить книги; иные даже жарко спорили. Вопросъ, кажется, не рѣшенъ донынѣ. Я полагаю, что его и не рѣшатъ никогда: это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые задаютъ себѣ новѣйшіе люди изъ удовольствія умничать о пустякахъ. Древніе были гораздо умнѣе насъ, нынѣшнихъ: они не спорили и не разсуждали объ этомъ; дѣло рѣшилось у нихъ само собою: ничего не переводили. Вѣкъ нашъ такъ погрязъ въ переводахъ, со времени изобрѣтенія книгопечатанія человѣкъ такъ привыкъ, не ломая себѣ головы, пускать въ продажу готовыя чужія мысли, болѣе или менѣе переодѣтыя въ новыя платья, что переводить книги, кажется ему теперь дѣломъ совершенно натуральнымъ и почти ни-

кто не вспомнитъ, что переводъ — изобрѣтеніе новѣйшее и весьма недавнее. Это — фактъ, что древнія литературы не знали переводовъ: оттого онѣ и не оставили намъ ни малѣйшаго слѣда этого рода трудовъ.

Востокъ до-сихъ-поръ не постигаетъ, чтобы можно было *перевесть* книгу — взять чье-нибудь твореніе и издать его, въ томъ же видѣ какъ она есть, другой головою и на другомъ языкѣ. У древнихъ, какъ и донынѣ у восточныхъ, переводъ замѣнялся *толкованіемъ*. Имъ извѣстны были, и то уже довольно поздно, только такъ-называемые «подстрочные переводы», то есть переводы, писанные между строчками какого-нибудь очень важнаго подлинника, слово противъ слова, для удобнѣйшаго понятія текста не твердо знающими языкъ, съ сохраненіемъ въ точности оборота и даже словосочиненія оригинальной фразы. Въ этихъ переводахъ языкъ, употребленный для *толкованія*, совершенно приносился въ жертву буквальности и въ переводной фразѣ часто не бывало смысла: ея нельзя было понять безъ подлинника. Такіе переводы писались и отдѣльно, не между строчками, въ видѣ особенныхъ книгъ, но всегда съ соблюденіемъ строчныхъ раздѣловъ подлинника. Персіяне съ арабскаго, Турки съ арабскаго и персидскаго, Маньджуры съ китайскаго, не иначе переводятъ еще и въ наше время. Когда древнему литератору нравилось какое-нибудь сочиненіе, писанное на другомъ языкѣ и не стоившее подстрочнаго «толкованія», то онъ, просто, усвоивалъ его себѣ посредствомъ *парафраза*: овладѣвалъ мыслями подлинника и разсказывалъ ихъ по-своему; пропуская

что̀ ему не нравилось и прибавляя, что̀ считалъ нужнымъ по сущности предмета или по своему образу мыслей. Переводимое сочиненіе становилось такимъ образомъ его собственнымъ сочиненіемъ. Слѣды такихъ «вольныхъ» — чрезвычайно *вольныхъ* — переводовъ встрѣчаются, мѣстами и у латинскихъ и греческихъ писателей. У восточныхъ, они довольно обыкновенны. Знаменитые *переводы* Аравитянъ съ греческаго, о которыхъ столько толкуютъ во всеобщей исторіи литературы, были именно такіе «парафразы». Но парафразъ служилъ только для прозы. Европейскіе ученые всегда удивлялись, какимъ образомъ Аравитяне, которые такъ много занимались въ извѣстное время языкомъ и литературою Грековъ, не вздумали перевесть ни одной знаменитой греческой поэмы. Они удивились бы еще болѣе, узнавъ, что во всей словесности Персіянъ и у Турковъ, для которыхъ арабская литература — классическая, и поэмы Аравитянъ — постоянный предметъ восторга и изученія, нѣтъ ни одного стиха, *переведеннаго* съ арабскаго. Народамъ, сохранившимъ у себя настоящее метрическое стопосложеніе, или искусство дѣлать музыку изъ словъ по законамъ музыки, и въ голову не приходитъ, чтобы можно было переводить стихотворенія съ одного языка на другой. Если бы г. Кронебергъ сказалъ арабскому, персидскому или турецкому стихотворцу, что онъ намѣренъ переводить на свой языкъ поэму Шекспира, который былъ большой *шаиръ*, большой поэтъ Ингилизовъ, *шаиръ эль шуара*, «поэтъ изъ поэтовъ», удивительный *нанизыватель словъ*, первоклассный *со-*

ловей, тотъ вскричалъ бы въ остолбѣненіи: «Нѣтъ силы ни крѣпости кромѣ какъ у Аллаха! Всѣ мы вышли изъ Аллаха и къ нему возвратимся! Развѣ какую-нибудь музыку можно перевесть на другую музыку? Музыка, такъ музыка! Всякая музыка — сама по себѣ. Ее надо слушать такъ, какъ она написана, не перемѣняя ни одной ноты, иначе, вся она тотчасъ исчезаетъ». Съ мнѣніемъ этого бусурмана совершенно были согласны Греки и Римляне: затѣя переводить стихи казалась имъ такимъ парадоксомъ, о которомъ и разсуждать они не хотѣли, и поэты древней Италіи охотно *подражали* греческимъ образцовымъ поэтамъ, съ большимъ наслажденіемъ крали изъ ихъ музыки мотивы, или мысли, но ни стиховъ ихъ отдѣльно, ни поэмъ ихъ въ цѣломъ, никогда не переводили, считая эго дѣломъ неестественнымъ и невозможнымъ. При возрожденіи наукъ на Западѣ, когда собственно и создалось нынѣшнее искусство и ремесло переводчиковъ, начали впервые переводить греческихъ поэтовъ на латинскій языкъ, но сперва только прозою и подстрочно, въ видѣ простаго толкованія. Затѣмъ уже стали появляться переводы въ латинскихъ стихахъ. Наконецъ очередь дошла до переводовъ греческихъ и латинскихъ поэмъ на новѣйшіе языки, а съ прошлаго столѣтія принялись переводить и новѣйшія поэмы на всѣ возможные діалекты. Вотъ уже болѣе трехъ сотъ лѣтъ, какъ стихотворцы всѣхъ европейскихъ народовъ переводятъ великихъ чужестранныхъ поэтовъ, древнихъ и новѣйшихъ: покажите мнѣ хоть одинъ изъ этихъ переводовъ, который можно было бы

читать по прочтеніи подлинника? Такъ не пора ли уже отказаться отъ предпріятія, которое рѣшительно никому не удается, согласясь съ древнимъ міромъ и съ Востокомъ, что переводъ поэмы, какъ музыкальной пьесы даннаго языка — дѣло противное логикѣ, природѣ и физической возможности?

Я говорю о переводахъ поэмъ для словесности. Но театры—не словесность въ наше время. Это нынче—простыя зрѣлища. Они имѣютъ свои условія, смотря по времени и мѣсту, и для нихъ нельзя переводить, безъ измѣненій, почти ни одного стариннаго поэта, особенно Шекспира, котораго даже и въ Англіи не ставятъ на сцену безъ очистки. Переводы стихотворныхъ пьесъ для сцены—дѣло кое-какъ понятное: оно объясняется любопытствомъ праздной толпы, потребностью эпохи. Но переводы тѣхъ же пьесъ для словесности?... А г. Кронебергъ переводитъ «Гамлета», какъ кажется, прямо для русской словесности, поддѣлывается подъ великаго поэта, желаетъ быть переводнымъ Шекспиромъ, хочетъ украсить русскій языкъ слѣпкомъ знаменитой поэмы.

—

1851.

Ярлыкъ хана Золотой Орды Тохтамыша *къ польскому королю Ягайлу.* 1392 — 1393. *Изданъ* княземъ М. А. Оболенскимъ.

Ярлыкъ значитъ — письмо. Князь М. А. Оболенскій усердный любитель отечественной исторіи, для которой онъ такъ часто извлекаетъ изъ забвенія любопытные документы, открылъ эту граммату въ московскомъ

Главномъ Архивѣ между бумагами бывшаго краковскаго короннаго архива, которыми пользовался извѣстный польскій историкъ, епископъ Нарушевичъ. Кстати, чтобы не забыть, тутъ же надо указать ученой дѣятельности его сіятельства на настоящій кладъ въ этомъ родѣ. Въ Петербургѣ, при Сенатскомъ Архивѣ, сохраняется прежній архивъ великаго княжества литовскаго. Въ этомъ архивѣ находятся цѣлые томы переписки литовскихъ государей съ ханами Золотой Орды, документовъ большой политической и исторической важности, касающихся очень часто дѣлъ московскихъ. Весьма желательно было бы пріобщить ихъ къ печатнымъ матеріяламъ для русской исторіи. Граммата, которая случайно очутилась въ Краковѣ, перешла оттуда въ Москву и теперь удостоилась изданія, навѣрное взята Нарушевичемъ или для Нарушевича изъ литовскаго архива, гдѣ она, по принадлежности дѣлъ, должна была храниться. Она писана на кипчакско-татарскомъ діалектѣ турецкаго языка монгольскими буквами, и при ней найденъ русскій переводъ ея,—изготовленный, какъ доказываетъ ученый издатель, вмѣстѣ съ подлинною грамматою въ канцеляріи Золотой Орды, для вѣрнѣйшаго уразумѣнія языка, котораго смыслъ и содержаніе онъ пополняетъ во многомъ. Обѣ бумаги, при всей ограниченности пользы своей для исторіи, очень замѣчательны въ археологическомъ отношеніи, особенно переводъ ярлыка, любопытный памятникъ западно-русскаго письмоводства въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Всѣ наличныя силы русско-оріентальной ученой области были собраны княземъ

для разбора и оцѣнки подлиннаго ярлыка. Такимъ образомъ, немногое остается прибавить къ полнотѣ и ясности дѣла, разсмотрѣннаго общимъ татарословнымъ ареопагомъ четырнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій и рѣшеннаго старѣйшинами новѣйшей оріентальной эрудиціи. Однѣ, быть-можетъ, заглавныя надписи ярлыка, какъ особенныя черты восточной дипломатики, представляютъ еще трудности, требующія болѣе точнаго объясненія. Вверху грамматы надписано жидкимъ золотомъ: *Тохтамышъ созюмъ.* Это — подпись великаго хана — такія подписи ставятся всегда вверху — подпись впрочемъ не собственноручная, а по правиламъ восточныхъ канцелярій выставляемая или визиремъ или главнымъ дьякомъ, «головою писарей». Непосредственно подъ нею, золотописная ханская печать и слѣва вторая надпись, но уже не золотомъ, а простыми чернилами. Относительно къ первой надписи — *Тохтамышъ слово мое* — не совсѣмъ вѣрное изображеніе смысла подлинной помѣтки, которая чрезвычайно интересна, какъ монгольское или турецкое воспроизведеніе еще вавилонскаго и сусскаго порядка высочайшихъ конфирмацій, какъ формула необыкновенно древняя на Востокѣ. Она встрѣчается еще въ манифестѣ царя Кира, сохраненномъ въ книгѣ Ездры, объ освобожденіи іудейскаго народа изъ плѣна, съ дозволеніемъ воротиться въ Іерусалимъ и возобновить храмъ Іеговы, и потомъ въ каменописныхъ манифестахъ и объявленіяхъ древнихъ персидскихъ царей. Всѣ этого рода акты начинаются словами: *Сказалъ я, Киръ царь* — или *Сказалъ я, Даріусъ царь* —

или *Сказалъ я, Хсерса Царь*, и такъ далѣе. *Тохтамышъ — мое слово* — та же самая формула, только выраженная оборотомъ другаго языка и которую, слѣдовательно, надо переводить такимъ же образомъ. Ярлыкъ хана Тохтамыша любопытенъ не столько тѣмъ, что въ немъ заключается, сколько понятіемъ, которое даетъ онъ о видѣ подлинной грамматы Кира, данной Израильтянамъ: въ ней также была, навѣрное, вверху листа надпись золотыми буквами *Сказалъ я*, *Киръ царь* — потомъ золотая печать — далѣе текстъ манифеста. Чтò касается до второй надписи, простыми чернилами, то она подала поводъ къ нѣкоторому несогласію между нашими оріенталистами. Группу нечеткихъ буквъ, которую мирза Каземъ-бегъ читаетъ *хану* (Ягайлѣ хану), г. Березинъ принимаетъ за простое окончаніе дательнаго падежа и пишетъ—*Ягайлу*. Этотъ нѣсколько римскій оборотъ противорѣчитъ извѣстному порядку подобныхъ граммататъ. Здѣсь долженъ быть звательный падежъ, а не дательный. И въ самомъ-дѣлѣ, то, что одинъ изъ ученыхъ профессоровъ читаетъ *ханъ*, а другой *га*, есть длинное *а* (*аа*, съ особеннымъ удареніемъ), обыкновенное окончаніе звательнаго падежа у Монголовъ и у Турковъ. Слѣдуетъ читать: *Ягайло а*! чтó, какъ извѣстно, значитъ: о, Ягайло! или: эй, Ягайло! Этотъ родъ звательнаго не чуждъ и русскому народу, который во многихъ мѣстахъ перенялъ его у Татаръ. Намъ бы хотѣлось обратить на него филологическую любознательность Н. И. Греча. Быть-можетъ—*Александръ-а*! *Иванъ-а!* должно признать настоящими звательными падежами русскаго

языка, который въ одно прекрасное утро монгольскаго ига оставилъ свои старинныя *Александре*! *Иване*! для болѣе модной методы клички на фасонъ татарскаго звательнаго окончанія. Въ ярлыкѣ значится: «Сказалъ я, Тохтамышъ. Эй, Ягайло! Съ извѣщеніемъ «о вступленіи на великій престолъ, посылали мы къ «тебѣ пословъ, главнѣйше Кутлу-бугу да Хасана. Ты «также присылалъ къ намъ посла. А третьяго-года нѣ«сколько человѣкъ *улановъ* (князей ханскаго дому), «главнѣйше Бегбулатъ, и прочіе, да нѣсколько бе«ковъ, главнѣйше Бекешь, и прочіе, тайно послали «человѣка верхомъ къ Тимуру (Тамерлану), да и по«двинули его на насъ. Тотъ и выступилъ, и лазутчи«ка подослалъ *. Въ руки имъ отдалъ и сердце и «языкъ. Нашествіе учинилъ. Мы, узнавъ, что онъ «идетъ, свалились всѣ въ кучу. А какъ пошла драка, «тѣ скверные люди удрали первые, а тамъ и народъ «ихъ удралъ. Вотъ причина того смутнаго дѣла, ко«торое было. Богъ намъ помогъ. Непріязнь чинившіе «намъ уланы и беки, главное Бегбулатъ, и прочіе, «захвачены. Затѣмъ, съ извѣщеніемъ о случившемся, «посылаемъ пословъ, главнѣйше Хасана да Тулуя. А «ты, съ тѣхъ, которыя намъ принадлежатъ, областей «выходы собери; да и посламъ ѣдущимъ отдай: въ казну «пусть пришлютъ. Да еще вотъ что́: по прежнему зако«ну, мои купцы и твои гости пусть ходятъ (взаимно по «нашимъ владѣніямъ), чтобы Великому Улусу и отъ «того были добро и польза. О чемъ и держимъ (из-

---

* Буквально: *съ языкомъ выступилъ*.

«даемъ) мы ярлыкъ съ золотымъ вензелемъ. Повелѣ-«но курячаго — семь-сотъ девяносто-пятаго года — мѣ-«сяца реджеба восьмаго дня; въ бытность Орды на Дону».

Этотъ переводъ нѣсколько разнится съ тѣми, которые изданы княземъ Оболенскимъ, но можетъ-быть онъ нѣсколько вѣрнѣе передаетъ оригинальное содержаніе татарской дипломатической бумаги. Исторіи она не доставляетъ никакого прибавочнаго свѣденія. Форма и слогъ ея не новы для оріенталистовъ. Но ученый издатель доставилъ имъ не малое удовольствіе приложеніемъ прекраснаго литографическаго снимка съ ярлыка, котораго подлинный видъ интересенъ для многихъ сравненій. Одно только слово *уланы* можетъ въ этой грамматѣ вызвать довольно занимательное историческое воспоминаніе, и оно касается происхожденія уланскихъ полковъ въ европейскихъ арміяхъ. *Уланъ*, по татарскому произношенію, *Угланъ* или *Огланъ* по оттоманскому и другимъ, значитъ собственно — молодецъ, молодой человѣкъ, мальчикъ, garçon. Въ Золотой Ордѣ титулъ «молодцовъ» былъ присвоенъ членамъ царствующей фамиліи, князьямъ отъ ханскаго роду, которыхъ всегда бываетъ множество при системѣ равномѣрной передачи правъ благородства и черезъ мужское колѣно и черезъ женское. Для различія отъ прочихъ подданныхъ, ханъ говорилъ о своихъ родственникахъ: мои молодцы, *уланъ*; о другихъ же: мои холопы, *кулъ, нукеръ*. Многіе изъ нихъ по личной важности равнялись уже простымъ дворянамъ, но все-таки были почитаемы выше бековъ, какъ по-

томки великаго героя Монголовъ, какъ люди отъ бѣлой кости Чингисхана. Между Тохтамышевыми Татарами, бѣжавшими въ Литву отъ грозы Тамерлана и тамъ оставшимися, было очень много улановъ. Роды ихъ тщательно сохраняли этотъ важный въ Золотой Ордѣ титулъ, но потомки этихъ чадъ Чингисхана до того размножились, что Сигизмундъ-Третій могъ составить изъ нихъ полную роту татарской благородной гвардіи, въ которую допускались одни *уланы.* Удальство и живописный костюмъ этой роты и послужили впослѣдствіи поводомъ къ образованію другихъ уланскихъ отрядовъ изъ охотниковъ. Изъ первоначальнаго костюма уцѣлѣла теперь только одна *шапка*, которая несмотря на всѣ измѣненія въ рукахъ европейскихъ мастеровъ, формою еще нѣсколько напоминаетъ послѣднюю моду Золотой Орды.

—

1854.

Игорь, князь сѣверскій. *Поэма. Переводъ* Н. Гербеля.

Орацїя или какъ говорилось запросто, *рацея* (слово) о *полку*, то есть, ополченіи князя Игоря Святославича, съ году на годъ пріобрѣтаетъ болѣе важности и славы у нашихъ беллетрическихъ критиковъ и пушкинскихъ *вѣщей*. Я не смѣю называть ихъ *поэтами*: это слово не всегда быть-можетъ прилагается въ полномъ его смыслѣ къ стихотворствующимъ обожателямъ «Слова о полку Игоревомъ», и предпочитаю, въ средней сложности, называть ихъ *вѣщами*. Этимъ я, навѣрное, дѣлаю имъ огромное удовольствіе, потому что слово *вѣщїй* или

вѣщъ, какъ я вижу, нравится имъ ужасно, хотя и нѣтъ достаточныхъ поводовъ думать, чтобы они знали настоящій его смыслъ или его происхожденіе. *Вѣщъ*—терминъ, изобрѣтенный въ старинныхъ польскихъ классахъ при переводахъ Горація и Виргилія. Въ польско-русскихъ школахъ шестнадцатаго, семьнадцатаго и восемьнадцатаго столѣтій онъ значилъ «поэтъ», или *піитъ*, отъ польскаго слова wieszcz, *вѣщъ*, которое было введено для приблизительной передачи латинскаго vates, любимаго прозванія ученыхъ римско-августовскихъ поэтовъ, и которое донынѣ употребляется польскими стихотворцами въ смыслѣ «поэтъ», почитаясь благороднѣе, выше или напыщеннѣе этого литературнаго титула, какъ и vates въ латинскомъ стиходѣліи. *Вѣщъ* (vates), *замышленіе* (conceptio, въ итальянскихъ школахъ concetto, въ польскихъ zamysl, zamyslenie, koncept), *вымышленіе* (excogitatio, venustas,—wymyslenie, wymysl), красный стиль или изысканный слогъ: въ этомъ смыслѣ употреблялъ ихъ и Курбскій, сочинявшій подъ вліяніемъ польско-русской учености, хвастаясь положительно тѣмъ, что онъ пишетъ съ *вымышленіемъ* и съ *замышленіемъ*, то есть краснымъ стилемъ и съ итальянскими *концептами*, concetti, которые когда были въ большой модѣ въ Польшѣ, Литвѣ и на Червленой Руси); наконецъ *повѣсть*, fabula, traditio—писали даже *красная повѣсть*, pięnkna powiesc, для выраженія латинскаго pulchra fabula или venusta traditio; *трудный* писатель, trudny autor—difficilis autor—то есть писатель, котораго сочиненія писаны высокимъ слогомъ,

съ *замышленiемъ* и *вымышленiемъ* — чисто классное понятiе и классное изрѣченiе; *мысленное* дерево, *мысленный* предметъ, objectum ideale, коренное выраженiе схоластическое, то есть принадлежащее Аристотелевой логикѣ: все это—термины одного разряда, одного происхожденiя и, главное, одной и той же эпохи. Я боюсь, что бо̀льшая часть читателей не совсѣмъ понимаютъ, что̀ такое хочу я сказать этимъ. Но г. Гербель понимаетъ меня превосходно. По моему убѣжденiю, онъ слишкомъ поверхностно понимаетъ сочиненiе, которое перевелъ такъ прекрасно и издалъ такъ великолѣпно. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что онъ совсѣмъ не понялъ «Слова о полку Игоревомъ». И это постараюсь я доказать.

Подивитесь чудному дѣйствiю мысли, случайно заброшенной въ человѣческiя головы, ничтожной и скромной идеи, которая сначала едва смѣетъ проявиться въ видѣ предположенiя, желанiя, надежды — потомъ непримѣтно укореняется и растетъ посредствомъ повторенiй—тамъ превращается уже въ увѣренность — далѣе въ моду, въ энтузiазмъ, въ фурор ъ—и наконецъ вспыхиваетъ огромнымъ и славнымъ фактомъ, которому уже требуютъ безусловнаго поклоненiя. «Слово о полку Игоревомъ» сначала было почитаемо только за любопытное сказанiе; потомъ — за обломокъ чего-то болѣе важнаго, нѣкогда существовавшаго, но теперь потеряннаго; впослѣдствiи стали несмѣло называть его поэтическою повѣстью, даже иногда поэмою, а теперь у нашихъ аристарховъ уже принято за доказанное и несомнѣнное, что «Слово о полку Игоре-

вомъ» — русская *эпопея* и *Иліада*. Переводятъ его ежегодно и прозою и стихами; удостоиваютъ его богатыхъ изданій и прекрасныхъ картинокъ; вскорѣ, я думаю, будутъ бросать ему букеты и воздвигать монументы. Г. Гербель открылъ даже, что старинная полу-славянская и полу-русская проза «Слова о полку Игоревомъ» отлично дѣлится на стихи малороссійскаго размѣра, безъ малѣйшей перестановки словъ, что — сказать между нами — вовсе не дѣлаетъ чести ни стихамъ малороссійскимъ, ни малороссійскому размѣру. Къ русскому стихотворному переводу своему, онъ приложилъ и подлинный текстъ «Слова», разбитый на такіе малороссійскіе стихи. И чтобы придать ему какъ можно болѣе эпическаго колориту и благоуханія, г. Гербель эти выкроенные изъ славяно-русской прозы слободско-украинскіе стихи раздѣлилъ еще на *пѣсни*, подобныя пѣснямъ «Иліады».

Я каждый разъ глубоко печалюсь, при видѣ этихъ взрывовъ энтузіазма, быть-можетъ чистосердечнаго, но навѣрное не обдуманнаго и, главное, чуждаго первыхъ началъ хорошей филологической критики. На мои глаза, они доказываютъ только то, что мы болѣе и болѣе удаляемся отъ изученія и познанія латинскихъ классиковъ, когда съ каждымъ днемъ менѣе видимъ и чувствуемъ то, что неизвѣстный сочинитель «Слова о полку Игоревомъ» былъ человѣкъ, напитанный Гораціемъ, Виргиліемъ и Цицерономъ, думалъ по-латыни и писалъ на славяно-русскомъ школьномъ, риторическомъ нарѣчіи выраженіями, оборотами и формулами латинской поэзіи временъ имперіи, съ сохраненіемъ

ся тона, походки, движенія, всѣхъ условныхъ пріемовъ, сколько позволяла сущность предмета. Въ крайнемъ случаѣ, онъ подражалъ польской поэзіи шестнадцатаго и семьнадцатаго вѣка, которая была вѣрнымъ ея сколкомъ. Или точнѣе, онъ пользовался тою и другою, явственно будучи знакомъ съ обѣими какъ нельзя лучше. Это бросается въ глаза почти при каждой строчкѣ.

Позвольте одно общее замѣчаніе, или одно общее мѣсто: оно необходимо, потому-что на немъ основывается всякая порядочная филологическая критика, а его-то совершенно выпускаютъ изъ-виду поклонники знаменитой «эпопеи» о полку Игоревомъ. Каждый вѣкъ человѣчества и каждый возрастъ обществъ имѣютъ свои формы для идей, свой слогъ, свой способъ разсужденія. Эта истина стара какъ свѣтъ. Покрой и осанка мыслей, образъ чувствованія и форма, способъ и тонъ ихъ выраженія, рисунокъ и колоритъ фразъ, чувствъ, въ разныя эпохи образованности носятъ на себѣ отпечатки, имъ однимъ свойственные и дотого разительные, что смѣшать ихъ между собою никакъ невозможно судьямъ, достаточно начитаннымъ. Эти различія становятся еще сильнѣе, когда образованности происходятъ изъ различныхъ источниковъ, какъ напримѣръ русская образованность отъ начала одиннадцатаго до половины пятнадцатаго столѣтія, которая исключительно заимствовалась вкусомъ Византіи, и русская же образованность шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка, проистекавшая отчасти изъ польскихъ училищъ и пропитанная латинскими идеями.

Третья наша образованность, нынѣшняя, происходитъ отъ французской и нѣмецкой, но она несравненно ближе ко второй, чѣмъ вторая къ первой, которой характеръ рѣзко отдѣляется отъ всего послѣдующаго и единственъ въ своемъ родѣ. Образованности французская и нѣмецкая—такія же родныя дочери латинской, римской, какова была и польская: мы только перемѣнили учителей, но съ шестнадцатаго столѣтія мы уже — Ново-римляне, какъ и вся западная и средняя Европа, тогда какъ до шестнадцатаго вѣка мы были Ново-византійцы. У даровитаго русскаго писателя второй эпохи общее движеніе мысли, форма идей и тонъ изложенія могутъ и должны быть тѣ же какъ у даровитаго нынѣшняго писателя русскаго, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго. Вся разница будетъ въ языкѣ, въ бо́льшей или меньшей изысканности выраженій, въ наружномъ видѣ словъ, въ значеніяхъ употребляемыхъ рѣченій. Но совсѣмъ другое дѣло — русскій писатель византійской эпохи. Это человѣкъ другой планеты для насъ, нынѣшнихъ. Онъ мыслитъ и говоритъ совсѣмъ другимъ образомъ. Этотъ ужъ навѣрное не станетъ вамъ разглагольствовать о *вѣщахъ*, то есть поэтахъ, о *вѣщихъ перстахъ*, то есть поэтическихъ пальцахъ, о *пѣсни*, то есть, стихѣ, о *живыхъ струнахъ*, то есть о лирѣ и лирическихъ вдохновеніяхъ, потому-что при этихъ словахъ нужно думать о Гораціи, школѣ котораго они принадлежатъ, а Горація не знали его византійскіе учители. Онъ не станетъ мотать смѣлыми эпитетами, потому-что ученіе объ эпитетахъ вышло изъ итальянскихъ академій,

ему вовсе неизвѣстныхъ. Онъ ни за что̀ въ мірѣ не введетъ въ свой разсказъ языческихъ божествъ, подобно автору «Слова о полку Игоревомъ». Онъ не позволитъ себѣ называть *стариннаго* и *труднаго* поэта Бояна *внукомъ Велеса*, то есть Аполлона, потому-что возрожденіе наукъ и искусствъ (Renaissance) еще нигдѣ не начиналось, а оно-то и пустило въ ходъ и честь миѳологію вмѣстѣ съ латинскими образцами вкуса. У этого мысль и слово движутся, для насъ, слишкомъ медленно, и важно. Иронію, насмѣшку, онъ счелъ бы грѣхомъ или, по-крайней-мѣрѣ, дѣломъ недостойнымъ высокаго сана грамотѣя. Язычества и языческихъ понятій онъ бы ужасался. Теплая вѣра и благочестіе автора и эпохи видны были бы при всякомъ движеніи чувства. Можно ли допустить, при малѣйшемъ присутствіи разборчиваго филологическаго чувства, чтобы писатель первой эпохи разсказывалъ и разсуждалъ такъ быстро, бойко, безцеремонно, какъ мы это видимъ въ «Ораціи» объ ополченіи князя Игоря? чтобы онъ такъ тонко, такъ зло и такъ забавно насмѣхался надъ какимъ-то прежнимъ поэтомъ, или по школьному, вѣщомъ, vates, дѣйствительнымъ или предполагаемымъ, котораго неизвѣстный авторъ «Слова» называетъ Бояномъ, внукомъ славянскаго Аполлона *? чтобы, поразивъ и опрокинувъ этого противника жестокими сарказмами, онъ показы-

* Слово *Велесъ* однакожъ вовсе не славянское, а готское. На скандинавскомъ Veli, на восточно-готскомъ Veles, Velus, Vels, собственно «велій, великій», было обыкновеннымъ титуломъ Солнца, Аполлона, «скотія бога».

валъ и училъ, какъ слѣдуетъ разсказывать старыя дѣла по *былинамъ*, по преданіямъ того времени, а не по *концептамъ* почтеннаго Аполлонова внука *? Если бы самъ г. Гербель вздумалъ сочинить это прославлённое «Слово», онъ не написалъ бы его ни развязнѣе ни лучше, дѣйствуя со всѣмъ своимъ искусствомъ въ духѣ новѣйшей юмористической критики и современной прозотворной поэзіи.

Нѣтъ! такой писатель не можетъ быть древнимъ русскимъ писателемъ, если бы даже не было ни другихъ явныхъ признаковъ, ни его собственнаго признанія, что онъ вовсе не древній. Но гдѣ же это признаніе? скажетъ г. Гербель, который переводилъ книгу и этого не замѣтилъ. Оно находится, я смѣло отвѣчу, въ самыхъ первыхъ словахъ подлинника. Авторъ пишетъ на языкѣ, на которомъ писали наши всѣ грамотѣи во вторую эпоху, перемѣшивая русскія слова и формы съ славянскими; онъ даже, сказать правду, пишетъ чисто по-русски, только придавая русскимъ словамъ славянскія окончанія; и, между-тѣмъ этотъ

---

* Въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ нѣтъ къ сожалѣнію слова, соотвѣтствующаго словамъ *концептъ*, *замышленіе*, которыми, какъ сказано, выражалось итальянское concetto. Поэтому очень трудно передать настоящій смыслъ выраженія въ сказаніи о походѣ Игоря. Приблизительно оно значитъ, *затѣйливая мысль*, хитрая выдумка. Злоупотребленіе итальянскихъ concetti сдѣлало слово «концептъ» смѣшнымъ и саркастическимъ въ польскомъ языкѣ. По смыслу, *хитросплетеніе* довольно близко къ нему, но по употребленію оно далеко не равносильно ни *концепту* ни *замышленію*, которое также употреблено авторомъ сказанія явственно съ насмѣшливымъ и саркастическимъ намѣреніемъ.

свой книжный языкъ онъ называетъ *старымъ*. Стало-быть, онъ писалъ уже въ то время, когда зародилось и существовало понятіе, что можно писать и безъ *старыхъ* окончаній, когда уже писали и на чистомъ новомъ языкѣ, безъ примѣси *трудныхъ* (изысканно изящныхъ) славянскихъ украшеній? А этого понятія, въ первую эпоху, при господствѣ византійскихъ образцовъ, никто не могъ и въ голову допустить. Тогда всѣ были увѣрены, что такая смѣсь языковъ стараго съ новымъ вовсе — не *старая* метода сочиненія; что такъ писали всегда, и будутъ такъ писать вѣчно; что книги не могутъ быть писаны иначе. Мысль о возможности употребленія новыхъ языковъ для книжныхъ писаній явилась уже послѣ Возрожденія, и ученые только вначалѣ шестнадцатаго столѣтія стали изъявлять на нее свое согласіе. «Не прекрасно ли было бы, «братія, *начать* (латинское incipere; въ смыслѣ написать — incipit liber) объ ополченіи Игоревомъ, Игоря «Святославича, *старыми словами трудныхъ повѣстей* (твореній)?» Да вѣдь это — чистое латинское difficilium fabularum, словесныхъ твореній, писанныхъ изысканнымъ или высокимъ слогомъ: difficillimus auctor, *претрудный* писатель, употреблялось и употребляется въ латинской фразеологіи, не въ укоръ, а въ похвалу, для означенія особенной красоты слога. *Легкіе* писатели, удобопонятные для всякаго, почитались слишкомъ простыми, неумѣвшими писать отборно, годными только для толпы, и не уважались. Требовалось — прочесть разъ пять-шесть, сообразить, призадуматься, пока поймешь весь смыслъ: тогда это признавалось

изящно написаннымъ. Весь Востокъ слѣдуетъ до-сейпоры этому понятію объ изяществѣ, распространенному александрійскими и византійскими Греками на весь грамотный міръ и отъ котораго Западъ и мы отреклись только въ прошломъ столѣтіи. Выраженіе *легкій* писатель, *легкая* книга, удержаны донынѣ и въ литературѣ, на всѣхъ новѣйшихъ языкахъ, въ томъ же невыгодномъ смыслѣ.

Но вотъ сейчасъ явится другое слово, не менѣе замѣчательное по прикосновенности своей къ нашимъ новѣйшимъ понятіямъ, къ нашей новозданной фразеологіи, и равномѣрно обнаруживающее въ авторѣ записнаго литератора, совершенно свыкшагося съ техническими выраженіями латинскихъ и польскихъ поэтовъ: это — *пѣснь* (латинское cantus, польское piesn) въ значеніи, не пѣсни для пѣнія, а поэтическаго творенія, котораго пѣть невозможно. «Не прекрасно ли «было бы, братія, начать (то есть написать) объ ополченіи Игоря Святославича старыми словами отборныхъ твореній; да начать (написать) *ту пѣснь*, по «сказаніямъ сего времени (времени Игоря Святослава «вича), а не по хитросплетеніямъ Баяновымъ (concetto concerptus)?» Это начало приводило всѣхъ переводчиковъ въ большое затрудненіе и самъ г. Гербель не одержалъ очень блистательной побѣды. Безъ короткаго знакомства съ латинскимъ языкомъ, дѣйствительно нѣтъ возможности понять его. Въ томъ же положеніи будетъ необходимо и тотъ, кто, при всемъ знакомствѣ своемъ съ этимъ языкомъ, не примѣтитъ съ первой страницы, что авторъ думаетъ по-латыни

и говоритъ совершенно манерою и тономъ новоклассическаго и новолатинскаго писателя. Я думаю, что теперь это начало ясно. Каждый видитъ, что̀ такое значитъ *начать ту пѣснь*, въ сочиненіи, писанномъ въ прозѣ: значитъ просто — *описать то поэтическое преданіе*. Для метафорической «пѣсни» стихи вовсе не нужны. Начало этого ученія извѣстно. Оно явилось впервые послѣ изданія Фенелонова «Телемака». Энтузіасты этого творенія и особенно враги «Генріады» и ея автора стали доказывать, что «Телемакъ» — настоящая *эпопея* и первая *поэма* французской словесности, что *поэмы* могутъ быть написаны и въ прозѣ, что эпическая *пѣснь* вовсе не требуетъ стихотворной оболочки. Вліяніе французской литературы и критики скоро сдѣлало моднымъ это странное ученіе, которое сначала строгіе классики отвергали какъ неслыханную и небывалую ересь въ литературныхъ вѣрованіяхъ грамотнаго міра. Но мало-по-малу всѣ къ нему привыкли; *поэзія* и *пѣснь* въ прозѣ — несомнѣнный фактъ эстетической критики, которымъ всѣ вопятъ и который многіе употребляютъ во зло. Если поклонникамъ «Слова» будетъ сдѣланъ вызовъ — показать малѣйшій слѣдъ подобныхъ понятій въ какой бы то ни было литературѣ прежняго времени, примутъ ли они его серіозно? Я не думаю.

Намекъ, который я сдѣлалъ на насмѣшки и на сарказмы автора «Слова», составитъ, я полагаю, совсѣмъ неожиданное извѣстіе для удивленныхъ переводчиковъ его; но удивленіе ихъ не составитъ для меня никакой неожиданности. При видѣ того печальнаго положенія,

въ какомъ находится нынѣ текстъ этого «Слова», несмотря на множество изданій и переводовъ, должно заключить, что большая часть мѣстъ текста и огромное число словъ его понимаются ими лишь приблизительно — какъ-нибудь — и что никто изъ нихъ еще не добился до прямаго и полнаго смысла сочиненія. Въ разныхъ мѣстахъ замѣтили они безсвязность словъ и мыслей и, очень удобнымъ образомъ, взваливаютъ это на древность языка и сочиненія, объявляютъ такія мѣста необъяснимыми, прибѣгаютъ къ произвольнымъ направленіямъ, и переводятъ на-удачу. Прямое слѣдствіе этой системы то, что ни одинъ изъ переводовъ не представляетъ строгаго логическаго смысла. Путаница — противорѣчія — хаосъ странныхъ мыслей и странныхъ выраженій. И все это приписывается *древности* творца и его творенія или особенному духу этой *народной эпической поэзіи* — какъ будто древность или эпичность освобождаютъ кого-либо или что-либо отъ логики!... И все это не принимается и не ставится въ счетъ: напротивъ, торжественно провозглашается высокими красотами и великимъ искусствомъ, какъ-будто красота или искусство могли быть тамъ, гдѣ нѣтъ логики!...

Здѣсь не худо указать на коренное правило искусства переводить: когда вы переводите писателя, въ которомъ видите или чувствуете дарованіе, и переводъ вашъ не представляетъ строгаго послѣдовательнаго и яснаго смысла, будьте увѣрены, что виноватъ не писатель, а вы, его переводчикъ — что вы ошиблись — что вы не поняли его. Я смѣло утвер-

ждаю, что въ «Словѣ о полку Игоревомъ» долженъ быть вездѣ — и дѣйствительно есть вездѣ — строгій, послѣдовательный и ясный смыслъ. Такъ почему же нѣтъ его въ переводахъ этого «Слова» Я думаю, что нѣтъ никакой нужды толковать причину. Она логически слѣдуетъ изъ правила, сейчасъ здѣсь изложеннаго. А почему эта причина имѣетъ мѣсто, почему не понимаютъ прямаго смысла текста — это объясняется очень просто — недостаточною оцѣнкою подлинныхъ значеній словъ въ самыхъ важныхъ мѣстахъ «Слова», гдѣ рѣшаются его тонъ, духъ и направленіе.

Если нуженъ примѣръ, то стоитъ лишь указать на одну изъ первыхъ строчекъ вступленія, въ которой сказано: *Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то* растекашется *мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы.* Можно ли этотъ покрой фразы, эту походку мысли, этотъ тонъ сужденія, совершенно литературнаго, эстетическаго, критическаго, принять за явленія древнѣйшей эпохи нашей образованности и какой бы то ни было народной поэзіи? Я же хочу обратить здѣсь вниманіе только на слово *растекается*, и на то какъ хорошо оно приведено въ ясность въ нашей филологіи, когда Пушкинъ предлагалъ читать вмѣсто *растекашется мыслію по древу*, «растекашется *мышью* по древу», и когда эта поправка текста нашла у нѣкоторыхъ одобреніе. Явственно, что ему, какъ и другимъ переводчикамъ, казалось, будто *растекается* значитъ *разбѣгается*, бѣгаетъ. По мнѣнію г. Гербеля, *растекается* значитъ *носится*, но какъ *носиться*

неприлично по одному дереву, то *древо*, превратилъ онъ въ *дебри лѣса* для полученія «приблизительнаго» перевода. Между-тѣмъ *растекается* или *затекается*, слова польскія и червлено-русскія, значатъ — *поетъ* усердно, съ жаромъ, выводя голосомъ безконечные пассажи и трели — совершенно то же самое, что велико-русское *заливается*, — и употребляется преимущественно о соловьяхъ. *Растекаться* также — разглагольствовать многорѣчиво и обширно, доказывать лишнее; *затекаться*, просто, или *затекаться мыслію* — углубляться, доходить до тонкостей, *растекаться* и *затекаться* голосомъ въ пѣніи — дѣлать фіоритуры, пѣть до задышки; *втекаться* — пѣть или кричать бѣшено, бѣситься. Другіе глаголы того же происхожденія, относящіеся къ разнымъ родамъ птичьяго пѣнія — *щекотать*, говорится также о соловьяхъ, подобно великорусскому «щелкать», но болѣе насмѣшливо, потому-что собственно этотъ глаголъ принадлежитъ сорокамъ; *рокотать*, *роковать*, *токовать*, говорится о тетеревахъ, голубяхъ, и проч. Эти слова встрѣчаются тоже въ «Словѣ» и заслуживаютъ большаго вниманія, такъ-какъ оттѣнки ихъ характеризуютъ тонъ сочиненія. Никогда бы не вздумали мы превращать *мысль* въ *мышь*, ни *мысленное дерево* въ *дебри и лѣса*, если бы филологія наша, прежде чѣмъ допустить пылкія воображенія къ сужденіямъ о загадочномъ твореніи и къ переводамъ, позаботилась хладнокровно изслѣдовать и объяснить намъ источникъ и смыслъ словъ *растекаться*, *затекаться*, *щекотать*, *рокотать* и множества другихъ, непонятныхъ на сѣ-

верной Руси; если бы мы знали, что *растекается мыслію по древу* значитъ чисто и просто—*соловьинымъ пѣніемъ заливается* по *дереву мысленно*, идеально. Форма *мыслію* употреблена здѣсь въ видѣ нарѣчія мысленно. И неопровержимое доказательство тому, что въ этой формѣ нѣтъ ни неправильности, ни описки, ни ложнаго чтенія, служитъ другое мѣсто текста, гдѣ та же мысль повторена тѣми же словами, но болѣе подробно и опредѣлительно. Страницы черезъ три найдете: «О! *Бояне*!..» Кромѣ столь классическаго, гораціанскаго восклицанія, я желаю повергнуть на общее благоусмотрѣніе горькій сарказмъ этого мѣста, бойкую и глубокую насмѣшку, съ какою авторъ «Слова» *раскритиковалъ* впухъ соловья стараго времени, съ тѣмъ, чтобы ученый переводчикъ рѣшилъ самъ, до какой степени все это принадлежитъ къ эпопеѣ или знаменуетъ какую бы то ни было поэзію, народную или ученую... «О! Бояне! соловью стараго времени! какъ бы ты эти ополченія *ущелкалъ* (въ подлинникѣ: *ущелкоталъ* — какъ сорока), *скача славно по мыслену древу*, *летая умомъ подъ облакы*!.... Замѣтилъ ли ученый переводчикъ это юмористическое *славно*? И какъ бы онъ думалъ? къ какому времени и къ какой степени образованности могутъ принадлежать этотъ развязный русскій языкъ, чуть-чуть подкрашенный нѣсколькими школьно-славянскими окончаніями, и этотъ щегольской покрой фразы, въ которомъ любой нынѣшній профессоръ изящной словесности не нашелъ бы ничего переправить?

Того, что̀ до-сихъ-поръ сказано, уже почти доста-

точно, чтобы, не возбуждая большаго удивленія, опредѣлительно означить точку, съ которой мое посильное изученіе «Слова о полку Игоревомъ» заставляетъ меня смотрѣть на это странное произведеніе. Мой слабый разумъ не позволяетъ мнѣ видѣть въ немъ ничего болѣе того, что оно, какъ мнѣ кажется, есть въ самомъ дѣлѣ — очень хорошее въ своемъ родѣ произведеніе питомца львовской академіи изъ Русскихъ, или питомца кіевской академіи изъ Галичанъ, на тему, заданную по части риторики и піитики, и я не могу никакъ понять, чтобы оно было древнѣе временъ Петра Великаго. Гораздо скорѣе отнесъ бы я его къ началу царствованія Станислава-Августа въ Польшѣ, то-есть къ той эпохѣ, когда страсть къ славянской миѳологіи, къ славянской старинѣ, къ славянскимъ изслѣдованіямъ, была сильно возбуждена въ той сторонѣ и порождала множество мелкихъ произведеній въ этомъ направленіи—въ томъ числѣ и поддѣлокъ. Цѣлыя лѣтописи были сочинены около этого времени, и такъ искусно, что впослѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ были изданы обманутыми любителями славянской древности. «Слова о полку Игоревомъ» я не хочу причислять къ этому неблагородному разряду: оно можетъ быть, и должно быть, въ-самомъ-дѣлѣ, добродушнымъ и честнымъ произведеніемъ; но, для меня, оно по языку, тону, слогу, оборотамъ, пріемамъ, чувствамъ, мыслямъ, по всему, что только въ правильной филологической критикѣ составляетъ характеръ и печать литературнаго явленія, явственно и несомнѣнно—произведеніе литератора, и притомъ очень недавняго, или

по-крайней-мѣрѣ трудъ человѣка, получившаго литературное воспитаніе. По многимъ особенностямъ текста, я готовъ признать сочинителя Галичаниномъ, переселившимся въ Россію или получившимъ образованіе въ Кіевѣ. Львовское происхожденіе сочинителя уже достаточно подтверждалось бы этимъ множествомъ червлено-русскихъ идіотизмовъ и польскихъ словъ, не совсѣмъ искусно передѣланныхъ на русскій ладъ съ неизбѣжною приправою славянскихъ окончаній: напримѣръ, *истягну* (лъ) вмѣсто *стягну* (лъ), собралъ войско (отъ польскаго *сцьонгнонлъ*, стянулъ; *наведе*, вмѣсто *поведе; конецъ поля, конецъ копья* вмѣсто «у поля, возлѣ копья»; *жалость* въ значеніи — желаніе, не совсѣмъ точно, взамѣну слова «сожалѣніе», *потятый*, въ значеніи изрубленный; *повиты* въ значеніи — рождены; *болванъ* въ значеніи — морская волна, и проч. Я беру первыя слова, которыя попадаются мнѣ на глаза на раскрытыхъ страницахъ. Но еще болѣе замѣчательны двѣ формы слова «богатырь», *буйтуръ*, и *яртуръ*, прописанныя въ текстѣ съ особеннымъ филологическимъ толкомъ — *Буй-Туръ*, *Яръ-Туръ* — съ явнымъ притязаніемъ на корнесловіе. Разсужденіе объ этихъ формахъ, сохраняющихся донынѣ у венгерскихъ Славянъ, продлили бы черезъ мѣру нашу бѣглую бесѣду.

Нельзя однакожъ умолчать, что г. Гербель, буйтура принимаетъ за *буйнаго тура*; *Буй-туръ*, надо ему доложить, у Персіянъ, Турковъ, Татаръ, Монголовъ, называется *Батуръ*, *багатуръ*, *бегадуръ*, *бегадиръ*, изъ чего мы сдѣлали наше слово *богатырь*; у

Венгровъ — *буйтуръ* и *бутуръ*, откуда — *Бутурли*. Туры, Thur, въ древней миѳологіи Сѣвера были гиганты, силача, герои. Это слово произносилось *туръ*, *тюръ*, *дюръ* и *диръ*. *Бага* или *мага*—слово древне-персидское и значитъ—великій; *бага туръ*, *ба туръ* или *мага туръ* — великій гигантъ, великій герой. У Готовъ bog, boy, bo значило также великій; а bog thur или boy thur — великій герой. *Яръ-туръ* есть буквально то же самое слово, что Arthur, Ar Thur или Har Thur, ярый гигантъ, яростный герой. Но *буй*, *буйный* въ Галиціи и въ Польшѣ совсѣмъ не то же самое, что у насъ *буйный*: тамъ эти слова означаютъ—великій, огромный, и въ этомъ смыслѣ авторъ «Слова» иногда ихъ употребляетъ. *Буять* значитъ — возвеличиваться и также ходить широкими шагами, ширять; *выбуять* — вырости до огромной величины.

Между-тѣмъ какъ мѣста, совершенно правильныя и ясныя подвергаются переправкамъ по прихоти переводчиковъ, мѣста явственно обезсмысленныя описками или ложнымъ чтеніемъ, идутъ за правильныя и ясныя и переводятся съ самоувѣренностью. Именно потому, что эти мѣста требуютъ опытности въ филологіи и критикѣ текстовъ, которая не легко пріобрѣтается, поклонники творенія на нихъ и не останавливаются: подаютъ видъ, будто не находятъ ничего особеннаго и идутъ далѣе, отдѣлавшись отъ несообразностей въ текстѣ пустопорожними фразами въ переводѣ. Напримѣръ, прилагательная форма *умій* въ значеніи умственный, которую сочинитель сокращаетъ на славянскій ладъ въ форму *умь*, подобно

формамъ *птиций и птиць*, вмѣсто «птичій», эта форма не склоняется въ текстѣ и совершенно выходитъ изъ характера языка сочиненія. Вотъ одно мѣсто, въ которомъ оно употреблено: «До *нынѣшняго* Игоря (заставляетъ авторъ говорить Бояна), *иже истягну умь крѣпостью своею и постри сердца своего мужествомъ»*. Зачѣмъ, спрашивается, *умь* оставлено здѣсь безъ творительнаго окончанія, когда другія прилагательныя формы склоняются какъ слѣдуетъ? Зачѣмъ не написано—*иже истягну умью крѣпостью своею*? (который собралъ, или стянулъ полкъ, войско, умственною крѣпостью своею и поострилъ мужествомъ сердца своего). Мнѣ кажется, что надо находиться въ заблужденіи, чтобы въ составѣ и родѣ этой мысли, въ симметріи этого словорасположенія, въ употребленіи и повтореніи мѣстоименій *своего*, въ цицероновской перестановкѣ словъ и падежей не видѣть школьнаго риторическаго труда. Дѣло однакожъ въ томъ, что вмѣсто *умь* слѣдовало поставить въ текстѣ *умью*, чтобы возвратить нормальный смыслъ предложенію. Если творецъ или пѣвецъ — какъ принято величать автора «Слова»—сочинялъ добросовѣстно, для себя или для своего профессора элоквенціи, то онъ долженъ былъ написать *умью*. Если же написалъ *умь*, то критика имѣетъ полное право объявить его поддѣльщикомъ—faussaire—который искусственною трудностью, невозможнымъ словосочиненіемъ, ищетъ придать творенію видъ глубокой древности и обмануть читателя. Но авторъ очевидно не думалъ употребить здѣсь форму *умій* или *умь*, которая вышла здѣсь случайно, изъ

описки: онъ навѣрное написалъ *ума своего*, потому-что во второй части своей симметрической фразы написалъ онъ *своего сердца*. Если бы тамъ хотѣлъ онъ сказать *умію*, тутъ сказалъ бы онъ *сердцімъ*. Слѣдовательно, нужно возстановить это мѣсто такъ: *иже истягну ума крѣпостью своего и поостри сердца своего мужествомъ*: смыслъ будетъ правильный и предложеніе, теперь несообразное и хромое, войдетъ совершенно въ общій слогъ «Слова» , такъ великолѣпно риторическій. Чтó же касается до перевода, то мнѣ кажется, онъ вовсе не нуженъ какъ въ этомъ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ «Слова». Стоитъ лишь уничтожить школьныя украшенія простымъ устраненіемъ славянскихъ окончаній, и вы получите языкъ и фразы совершенно нынѣшнія. Посмотрите: я только измѣню окончанія въ словахъ, выставленныхъ курсивомъ и вмѣсто *иже* поставлю *который*, слово употребляемое безъ зазрѣнія въ другихъ мѣстахъ текста: «Почнемъ же братья, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, *который стянулъ* (полкъ) ума крѣпостью своего и поострилъ сердца своего мужествомъ». Кому этотъ цицероновскій періодъ можетъ казаться невиннымъ цвѣткомъ народной поэзіи или прозаическомъ чадомъ двѣнадцатаго, тринадцатаго или, пожалуй, и четырнадцатаго столѣтія, того, я полагаю, надо оставить спокойно наслаждаться возлюбленною и дорогою мечтою, которой блаженство совѣстно и безполезно было бы смущать разсужденіемъ. Въ «Словѣ» о полку Игоревомъ можно на-

брать безъ труда цѣлую сотню такихъ же *красныхъ* цицеронизмовъ: нѣкоторые мы еще увидимъ.

Вотъ другое мѣсто съ тѣмъ же прилагательнымъ *умій* или *умь*, требующее также критическаго исправленія: «*Спала князю умь похоти* и жалость ему «знаменіе заступи искусити Дону великаго»—или, за устраненіемъ классической латино-польской перестановки словъ, допущенной вмѣстѣ съ польскою формою *жалость*, въ смыслѣ «странное желаніе» и —«жалость «искусити Дону великаго заступи ему знаменіе»,и желаніе вкусить Дону великаго (собственно, и сожалѣніе о томъ, что не вкуситъ Дону великаго) заслонило отъ него знаменіе, то есть случившееся въ это время затмѣніе солнца, худое предзнаменованіе при началѣ похода. Но изъ словъ *спала князю умь похоти*, въ томъ видѣ, какъ они выставлены въ печатномъ текстѣ, нельзя рѣшительно извлечь никакого полезнаго смысла. Поставьте, если угодно, *умъ* или *въ умъ*, вмѣсто *умь*, читайте *умья* или *умьи*, читайте *похоти* или *похоти*, не получите ничего сообразнаго со слогомъ и тономъ сочиненія. Положимъ, что *спала* польское *спадла*, упала съ неба — то же что̀ *спало*, а *спало* — тоже что̀ наше *вспало*, вздумалось. Можно читать: *спала князю, умъ похоти*—«Вспало князю, умъ позахотѣлъ, и жалость или жаль вкусить Дону заслонила отъ него худое предзнаменованіе». Но глаголъ *вспало* не можетъ быть отдѣленъ логически отъ слова *умъ*: слѣдовательно это чтеніе невозможно. Можно читать: *спала князю въ умь похоть* или *спала князю умья похоть*, то есть умственная страсть: нейдетъ; исправле-

ніе слишкомъ значительное для простой описки. Можно наконецъ читать: *спали князю умьи похоти*, то есть упала на князя съ неба или напали на князя *умственныя* вожделѣнія: исправленіе послѣдуетъ въ двухъ мѣстахъ: чтеніе сомнительно; но одно оно вполнѣ согласуется съ изысканнымъ тономъ слѣдующей фразы и съ особеннымъ направленіемъ разума писателя, который только-что заливался *мысленными* трелями и черезъ нѣсколько строчекъ сбирается торжественно насадить вамъ *мысленное дерево*.

Вотъ третье мѣсто, явственно требующее критическаго исправленія. Дѣло идетъ опять о худыхъ предзнаменованіяхъ походу князя, и творецъ «Слова» отпускаетъ вамъ фразу, по смыслу, по обороту и по выраженію, чистую латинскую, въ лучшемъ виргиліевскомъ стилѣ: *Уже, во бѣды его*, пасетъ *птиць* (то есть, *птицій*, птичій)!.. Какъ не видѣть, что *пасетъ* описка копіиста или опечатка перваго печатнаго изданія, вмѣсто — *полетъ птиць*? Jam, in omina ejus, volutus volucrum! Я не стану утруждать читателей вопросомъ, находятъ ли они эту классическую идею и этотъ усовершенствованный риторическій оборотъ приличными «пѣвцу» первой эпохи нашей образованности. Всякій, ядумаю, въ томъ числѣ и самъ г. Гербель, почувствуетъ это безъ моего указанія. Но я вижу на той же страницѣ два словечка, которыхъ не могу не подхватить кстати: «*Кричатъ телѣги* полу-«нощны, *рци* (словно) *лебеди* роспущены: *Игорь къ* «*Дону вои ведетъ!*» Языкъ и покрой фразъ—нынѣшніе; но оставимъ это. Давно ли мы выучились тако-

му употребленію и выбору эпитетовъ, каковъ напримѣръ: *телѣги полунощныя?* И у кого мы этому выучились? Есть ли малѣйшій слѣдъ подобной фразеологіи у самыхъ старинныхъ нашихъ писателей? И зачѣмъ творецъ «Слова», какъ видно, не только риторъ, піитъ, но и географъ, называетъ малороссійскія телѣги *полунощными* или сѣверными, когда походъ вышелъ изъ южныхъ областей, направлялся къ востоку и Россіи тогда еще не было на сѣверѣ? Я думаю, что въ этомъ эпитетѣ «вдохновенный пѣвецъ» далъ страшнаго маху и что, когда эти полунощныя *закричали* подъ его перомъ, Сѣверъ и Россія были уже синонимы и Петербургъ давалъ ассамблеи и балы, въ которыхъ, подобные пѣвцу *Русичи*, привыкнувъ думать дома иногда на иностранныхъ языкахъ, позволяли себѣ маленькіе солецизмы въ родѣ «*кричали* телѣги», les télégas criaient — вмѣсто «телѣги *скрипѣли*». Погодите... я вспомнилъ... мнѣ кажется, я могу даже указать, откуда почтенный пѣвецъ взялъ эту красную фразу? Да она выписана изъ Овидія! Помнится, въ Овидіевыхъ Tristitiae, читалъ я о скиѳскихъ телѣгахъ: *Crepitant* Scytharum vehicula—или Vehitur Scytha *crepitante* curriculo—или что-то въ этомъ родѣ: *скрипятъ телѣги* скиѳскія, ѣдетъ Скиѳъ на *скрипучей телегѣ...* Словъ съ точностью не припомню: а справляться некогда; да и не стóитъ. Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ мы приведемъ въ достодолжную ясность эти *полунощныя* телѣги, которыя думаютъ по-латыни, а *кричатъ* по-французски. Нуженъ ли переводъ этого мѣста? Хотя оно писано,

кажется, ясно, чистымъ нынѣшнимъ языкомъ, я увѣренъ однакожъ, что вы, *руи* переводчики, не понимаете въ немъ одного очень любопытнаго словечка. *Роспущены* значитъ вовсе не то, что̀ вы полагаете, или какъ полагаетъ г. Гербель. *Роспущены* значитъ—занимающіеся сердечными пустяками, взбалмошно-влюбленные: такіе лебеди, разумѣется, кричатъ пуще всякихъ другихъ—*руи* телѣги полунощныя. Это—опять польское слово. Но, мнѣ кажется, оно въ польскомъ языкѣ — очень недавнее, и у прежнихъ писателей не встрѣчается. Прежде, я думаю, въ этомъ смыслѣ употреблялись исключительно слова *розвьозли*, *розвьозлосць;* а *роспущены*, *роспусты*, *роспуста*, принадлежатъ прошлому столѣтію. Желательно, чтобы свѣдущіе польскіе литераторы подали объ этомъ словѣ и о многихъ другихъ, свое обстоятельное мнѣніе. Оно много прояснило бы вопросъ.

Наконецъ четвертое мѣсто — все на тѣхъ же первыхъ страницахъ—но это уже послѣднее, для нынѣшняго случая: здѣсь, къ сожалѣнію, виноватъ не текстъ, который совершенно правиленъ, но г. Гербель, который разбилъ его на коротенькія строчки, выдаваемыя за стихи малороссійскаго размѣра, и разбилъ такъ неудачно, что, на основаніи этихъ злополучныхъ строчекъ, недоброжелатели могутъ подумать, будто онъ вовсе не понимаетъ разбиваемаго и переводимаго сочиненія. Вотъ онѣ: «*Тогда*.... Но надо замѣтить, что *тогда* у автора «Слова» — не нарѣчіе, а союзъ; что онъ употребляетъ его не въ русскомъ, а въ польскомъ значеніи, какъ употребляется *тэды*, которое въ тоже

время и русское *тогда*, и латинское tandem; то есть въ значеніи—*и такъ, такимъ-образомъ*.

Тогда вступи Игорь князь
Въ златъ стремень
И поѣха по чистому полю.
Солнце ему тьмою
Путь заступаше;
Нощь стонущи ему
Грозою птичь убуди;
Свистъ звѣринъ въ стазки;
Дивъ кличетъ вверху древа.

Ничего не понимаю!.... Что̀ это *за гроза птичья?* и зачѣмъ *грозою птичь*, а не *птичью?* Да и какіе это *звѣри*, которые производятъ *свистъ?....* Я очень хорошо понимаю, что *нощи* (а не *нощь:* переписчикъ или первый издатель безпрестанно ставитъ *ь* вмѣсто окончаній, которыхъ разобрать не умѣетъ; этого мы уже дважды видѣли подозрительные примѣры въ словѣ *умь*, а здѣсь имѣемъ явную улику въ этого рода невнимательности съ его стороны; авторъ никакъ не могъ написать *нощь;* должно стоять—*нощи*, по закону греческаго словосочиненія, равно принятаго въ Кіевѣ какъ и въ Римѣ)... понимаю очень хорошо, что *нощи стонущи ему грозою* — прекрасная латинская фраза (nocte imbribus illi gemente), которая значитъ: «*между-тѣмъ какъ* ночь вокругъ его стонала грозою....» Но этотъ *звѣринъ свистъ* рядомъ съ этою *грозою птичій*, приводятъ мои понятія о звѣряхъ, птицахъ и человѣческомъ словосочиненіи въ ужасное разстройство. Съ позволенія г. Гербеля и не въ оби-

ду «малороссійскому размѣру», я попробую разбить это на строчки простаго размѣра логическаго:

“Нощи, стонущи ему грозою,
“Птичь убуди свистъ;
“Звѣринъ въ стазкѣ дивъ кличетъ вверху древа.„

ПЕРЕВОДЪ *(если нуженъ)*:

Ночью, стонущею вокругъ него грозою,
Птичій убылъ свистъ;
Звѣриный въ чащѣ дивъ кличетъ вверху древа.

Да вѣдь это совсѣмъ ясно и даже, очень просто!... несмотря на отлично *изящныя* (elegantissimae) цицероновскія перестановки отборныхъ словъ *ритма ради*, propter numerum, которымъ очень дорожили классическіе риторы, римскіе и варшавскіе. Если бы было время и если бы дѣло стоило труда, я рѣшился бы на огромный подвигъ—совершенно разувѣрить г. Гербеля въ тайномъ присутствіи, въ «Словѣ», стихотворнаго размѣра малороссійскаго и, напротивъ, убѣдить его положительно, что эта академическая *элукубрація* писана риѳмическою прозою цицероновской школы, господствовавшей въ польской литературѣ отъ ея начала до недавняго паденія классицизма. Теперь, кажется, этотъ родъ прозы совершенно оставленъ польскими писателями. О *звѣриномъ дивѣ* или ночномъ пугалѣ звѣрей я спорить не стану. Можетъ-статься онъ и сова; можетъ-быть и *удодъ*; а вѣроятнѣе всего та самая птица, о которой какъ-то писали въ «Сѣверной Пчелѣ», какъ о пернатомъ, издающемъ ночью странные звуки, котораго поймать нигдѣ не могутъ, и которое у поселянъ нашихъ служитъ основаніемъ раз-

ныхъ суевѣрныхъ предположеній. Какъ форма *дивъ*, dziw—чистая польская, то о «звѣриномъ дивѣ» нужно справиться у польскихъ орнитологовъ, преимущественно въ Галиціи, съ которою сочинитель «Слова» кажется очень коротко знакомымъ.

Теперь я считаю нужнымъ представить имъ краткое résumé моего скудоумнаго понятія о многоупоминаемомъ «Словѣ» и буквальный переводъ« Вступленія» въ него. Это потому, что г. Гербель, кромѣ разбивки на строчки, *стихами* называемыя, разбилъ еще текстъ на двѣнадцать главъ, называемыхъ имъ *пѣснями*, такъ, чтобы изъ «Слова о полку Игоревомъ» сдѣлать русскую «Энеиду», и въ первой *пѣсни* своей хотѣлъ помѣстить все «Вступленіе». А между-тѣмъ выходитъ на повѣрку, что «Вступленіе» оканчивается только въ половинѣ второй его пѣсни, такъ, что посредствомъ своей эпической операціи, стоившей ему конечно огромнаго труда, онъ только распилилъ по-поламъ предисловіе и сдѣлалъ сочиненіе еще болѣе страннымъ.

Въ сочинителѣ «Слова о полку Игоревомъ» нельзя не видѣть ритора съ большимъ дорованіемъ, но, въ полномъ смыслѣ слова, *ритора*, который вездѣ ищетъ словесныхъ цвѣтковъ, и часто находитъ очень хорошіе. Онъ хотѣлъ сочинить рѣчь, рацею, *слово*, о древней Руси и это удалось ему въ примѣчательной степени. Онъ явилъ себя, попеременно—то изящнымъ, живымъ, бойкимъ, живописнымъ повѣствователемъ, то—восторженнымъ и увлекающимъ декламаторомъ. У него много огня, много души, порой даже много красноречія. Онъ горячій патріотъ, пламенно любитъ ста-

рую Русь, но говоритъ объ ея дѣлахъ уже какъ человѣкъ обнимающій отечественную исторію въ цѣломъ, уже какъ судья отдаленный, хотя и пылкій, которому извѣстны послѣдніе результаты эпохи междоусобицъ и «крамолъ». Живи самъ онъ въ эту эпоху, въ этихъ междоусобицахъ и крамолахъ, онъ принималъ бы въ нихъ самъ дѣятельное участіе—вражды и пристрастія его были бы современно мѣстныя, личность его обозначилась бы почти въ каждомъ обстоятельствѣ; самъ бы онъ дрался и ссорился съ сосѣдями, если не вещественно такъ мысленно. Во всѣхъ своихъ историческихъ понятіяхъ и сужденіяхъ онъ—Русскій прошедшаго столѣтія, человѣкъ уже занимающійся отечественною исторіей ученымъ образомъ. Какъ литераторъ, онъ вовсе не чуждъ вкуса, но вкусъ его, мысль, его языкъ, его слогъ, его чувства—совершенно новѣйшіе, недавніе, ничѣмъ не отличающіеся отъ нашихъ собственныхъ. Не употреби онъ, съ этимъ языкомъ и этимъ слогомъ, славянскихъ окончаній, порой славянскаго словосочиненія и, по-времени, вспомогательныхъ славянскихъ словъ, которыя придаютъ ему видъ почтенной сѣдины и отливъ стараго времени, мы прочитали бы его твореніе какъ нынѣшняго, или не очень недавняго писателя, и не обратили бы особеннаго вниманія. При таинственныхъ обстоятельствахъ происхожденія и перваго изданія этой рѣчи, при искреннемъ энтузіазмѣ, которымъ окружили ея открытіе и ея обнародованіе, при литературной важности, приданной ей цѣнителями, обильнѣе надѣленными прекраснымъ чувствомъ патріотизма чѣмъ хладнокровіемъ

проницательной и осторожной критики, языкъ этого сочиненія не могъ не возбудить въ русскомъ читателѣ особеннаго любопытства, и даже сильнаго интереса, именно тѣмъ, что, благодаря искусному введенію латинскихъ оборотовъ и выраженій, и примѣси множества словъ, русскихъ по наружности, но польскихъ по смыслу, языкъ этотъ кажется въ одно и то же время отлично-русскимъ и вовсе не-русскимъ, яснымъ, легкимъ, даже красивымъ съ перваго взгляда, и чрезвычайно труднымъ и темнымъ при ближайшемъ разсмотрѣніи. Я желалъ бы душевно — но весь мой разумъ противится желанію—признать его, не только древнимъ, но и посредственно стариннымъ русскимъ писателемъ. Стариннаго въ немъ ничего нѣтъ. Онъ нашъ, нашего десятка, и, мнѣ кажется, онъ между-прочимъ знаетъ Шлецера. Явственно, воспитанъ онъ въ семинаріи или духовной академіи: объ историческомъ предметѣ онъ берется написать, не сочиненіе свѣтскаго покроя, но *слово*, и даетъ труду своему форму *слова*—начинаетъ обращеніемъ къ *братьи* и, истощивъ все свое риторическое искусство на перорацію, пропозиціи, экспозиціи, адмониціи, репетиціи, дисгресіи, конклюзіи, оканчиваетъ словомъ *аминь*. Не многимъ изъ русскихъ филологовъ извѣстно, что, въ прошломъ столѣтіи, въ католическихъ земляхъ, сочиняли во множествѣ подобныя «слова» съ соблюденіемъ этой формы— я разумѣю «слова», на темы, вовсе не духовныя. «Слово» о полку Игоря,—одно изъ нихъ положительно и несомнѣнно; такъ же какъ и то что оно сочинено въ полное владычество классицизма и

подъ вліяніемъ его идей! Можете ли вы представить себѣ русскаго человѣка, русскаго писателя тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтія, который, начавъ разсказъ или разсужденіе обращеніемъ къ братіи и выводя на сцену славныя и печальныя дѣянія, счастливыхъ и неудачныхъ дѣятелей, скорбя, плача, порицая, наставляя, нигдѣ не упоминаетъ о христіанскомъ Богѣ, о помощи Божіей, о Божіемъ наказаніи или Божіей наградѣ? который тщательно скрываетъ свои христіанскія чувства и даже свой санъ христіанина—и гдѣ же? —въ дѣлахъ съ нехристями!—и только на послѣдней страницѣ косвенно обнаружнваетъ то, что самъ онъ не изъ числа нехристей? который, въ эпоху самой горячей вѣры, самаго сильнаго отвращенія ко всему поганому, вводитъ въ разсказъ свой языческихъ боговъ, Велеса, Позвизда, Даждь-бога, Стрибога, Хорса? который православнаго князя заставляетъ перебѣгать дорогу сѣверному Марсу?...

Одни уже эти обстоятельства, такія странныя и такія характеристическія, должны были сдѣлать сочинителя «Слова» очень подозрительнымъ въ глазахъ первыхъ поклонниковъ его генія и обнаружить въ немъ закоснѣлаго классика. Но немудрено, что они не были примѣчены въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго: первые поклонники сами были отчаянные классики, сами, во всѣ болѣе или менѣе поэтическія изображенія новѣйшихъ дѣлъ и чувствъ, замѣшивали Юпитера, Аполлона, Марса, Венеру, Вулкана, Грацій и паркъ, фурій и сиренъ, и разумѣется, они думали, что со стороны истинно великаго писателя, это такъ

и должно быть, что человѣку съ такимъ талантомъ и вкусомъ иначе быть нельзя. Чѣмъ сочинитель «Слова» отличается отъ классиковъ восемнадцатаго вѣка? Только тѣмъ, что, въ потребномъ случаѣ, вмѣсто Юпитера онъ упоминаетъ Даждь-бога, вмѣсто Аполлона—Велеса, вмѣсто Марса—Хорса? Но не одинъ онъ, и навѣрное не первый онъ позволялъ себѣ это нововведеніе. Попытки замѣнить въ поэзіи и цвѣтистой прозѣ греческую миѳологію славянскою неоднократно проявлялись въ польской литературѣ того времени. Страсть къ миѳологіямъ и нужда въ нихъ были такъ велики, что во всѣхъ училищахъ и пансіонахъ миѳологія преподавалась на-ряду съ главными класными предме- Это очень естественно; нельзя было ни сочинять стиховъ, ни читать ихъ, ни даже бывать въ театрѣ, не зная этой *науки*. Кто въ ней обладалъ обширнѣйшими свѣденіями, тотъ почитался образованнѣе и ученѣе.

Теперь, какъ миѳологія уже не въ модѣ и даже миѳологическія разъисканія сдѣлались чужды литературамъ, можно разбирать странности классицизма съ бо́льшимъ хладнокровіемъ. Теперь всякаго, нѣсколько знакомаго съ этими дѣлами, должно сильно поражать то обстоятельство, что авторъ «Слова о полку Игоревомъ» миѳологъ совсѣмъ не простой, а ученый, читавшій разныя археологическія по этой части разъисканія. Зачѣмъ онъ не пишетъ *Волосъ, Дажъ-богъ, Хорсъ*, какъ писалъ Несторъ и, слѣдовательно, какъ говорилось на днѣпровской Руси въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ, когда еще въ народѣ помнили на-

званія бывшихъ боговъ? Зачѣмъ поправляетъ лѣтописца и ставитъ у себя формы, болѣе правильныя по этимологіи, готскія неиспорченныя формы *Велесъ* и *Хорсъ* и карпатскую или словацкую форму *Даждъ-богъ*? Стало-быть онъ уже знаетъ, что сѣверные славянскіе язычники произносили названія своихъ боговъ не совсѣмъ правильно и довольно невѣжественно, такъ какъ *Дажбогъ* есть дожденосный Юпитеръ, Jupiter imbricus Римлянъ, а *дождь* по-словацки *даждъ* и южная словянская форма права—надо писать *Даждъ-богъ*. На днѣпровской Руси, въ первыя христіанскія времена, думали, по свидѣтельству Нестора, что *Волосъ* былъ *богъ скотоводства*. Но авторъ «Слова» читалъ въ Гомерѣ о быкахъ Аполлона и онъ знаетъ, что поэзія и скотные дворы принадлежали къ одному и тому же олимпическому вѣдомству: на этомъ основаніи, древняго *вѣща*, *пѣснотворца* или піита Бояна дѣлаетъ онъ *внукомъ* бога, Волоса, котораго называетъ безошибочно *Велесомъ*. Онъ, право, слишкомъ уменъ для русскаго «пѣвца» тринадцатаго вѣка! Его миѳологическая ученость совершенно въ пору отличнѣйшему классику временъ Расина и Вольтера.

Онъ *критикуетъ* Бояна, и — это самый важный пунктъ филологическаго вопроса объ его «Словѣ». Этимъ только онъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны археологической критики. Хвали онъ Бояна, восхищайся онъ имъ, это разрушило бы весь интересъ. Для воображенія, нѣсколько поэтическаго, ровно ничего не значитъ представить себѣ *мысленнаго* соловья, идеальнаго *пѣснотворца*, и восхищать-

ся имъ несказанно. Но чтобы насмѣхаться надъ нимъ, чтобы порицать его, нужно, кажется, по естественному порядку вещей, имѣть его книгу предъ глазами. Перорація «Слова» или, какъ г. Гербель называетъ ее, «Вступленіе», дѣйствительно написана такъ, какъ-будто творенія Бояна лежали передъ риторствующимъ авторомъ. Онъ приводитъ слова Бояна — дѣлаетъ какъ-бы выписки изъ него — позволяетъ себѣ сарказмы насчетъ его странной поэтической манеры, его лебедей, его соколовъ и соловьевъ, его подобострастія, лести князьямъ, склонности превозносить похвалами ту и другую сторону. Думая о римскихъ военныхъ, гражданскихъ и поэтическихъ *вѣнцахъ*, русскій риторъ говоритъ, что Боянъ *свивалъ обополные*, то-есть, взаимные вѣнки *славы своего времени*, и объявляетъ намѣреніе показать своимъ примѣромъ, какъ должно безпристрастно воспѣвать русскую старину, которой онъ — пламенный обожатель. Въ хорошихъ произведеніяхъ воображенія, и въ хорошихъ поддѣлкахъ, всѣ неправдоподобія правдоподобны до дѣйствительности: искусство и состоитъ въ томъ, чтобы совершенно сбить съ толку читателя и заставить его вѣрить вымыслу какъ осязательной истинѣ, какъ событію, совершившемуся передъ его глазами. Мастерское твореніе серіозное, и мастерская поддѣлка, не стоили бы своей славы, съ одной стороны у знающихъ, съ другой у добродушныхъ и разсѣянныхъ, если бы сочинителей можно было легко поймать въ обманѣ и лжи. Для искуснаго писателя, творящаго изящное со вкусомъ и толкомъ, въ правду

или въ ложь, я нимало не отвергаю возможности вообразить и представить небывалаго поэта такъ подробно и отчетливо, съ такими подлинно-образными выписками и цитатами изъ его книги, съ такими обстоятельными сужденіями объ его произведеніяхъ, что читатель будетъ совершенно увѣренъ въ дѣйствительности существованія и особы и книги этого поэта. Ему даже покажется, будто самъ онъ читалъ нѣкогда книгу, которую искусство создало и разобрало въ воздухѣ для очарованія его безкорыстно или для извлеченія изъ него ожидаемой пользы. При всемъ томъ, я никакъ не рѣшаюсь думать, чтобы авторъ «Слова о полку Игоревомъ» не имѣлъ въ рукахъ своихъ на-самомъ-дѣлѣ какихъ-то *Бояновыхъ* и *Когановыхъ* твореній, какого-то сборника старинныхъ червлено-русскихъ пѣсней, сказокъ или сказаній, приписываемыхъ *Бояну* и *Когану*, въ числѣ которыхъ находилась также словацкая сказка о Троянѣ-Богатырѣ, смѣшиваемомъ часто, и совсѣмъ понапрасну, съ римскимъ императоромъ Траяномъ. Конечно, я не принимаю этихъ именъ, *Боянъ* и *Коганъ*, за дѣйствительныя имена какихъ-нибудь народныхъ или надворныхъ поэтовъ. *Боянъ* и *Коганъ* также баснословны какъ и Троянъ. Ни такихъ лицъ, ни такихъ собственныхъ именъ, быть не могло въ исторіи русской поэзіи. *Баянъ*, по-русскому выговору *Боянъ*, было именемъ одного аварскаго царя, пападавшаго на восточно-римскую имперію; *Каганъ* или *Коганъ* — титуломъ того же царя. Титулъ *каганъ* — нѣсколько поважнѣе обыкновеннаго титула *ханъ*, и

главнѣйшіе ханы того времени между Волгою и Дунаемъ охотно принимали его. Да и самъ Чингисханъ носилъ этотъ титулъ. Изъ имени знаменитаго *Баянъ-Кагана* развязные сказочники наши или скорѣе, галицкіе, сдѣлали два имени, *Боянъ* и *Коганъ,* для двухъ баснословныхъ пѣснедѣловъ, которымъ, какъ водится, каждый приписывалъ пѣсню своего издѣлія или неизвѣстнаго сочинителя. Изъ нихъ-то, вѣроятно, состоялъ сборникъ, раскритикованный авторомъ «Слова». Понятно, что подобныя пѣсни сочинялись всѣ на одинъ ладъ — что въ каждой были тѣ же соловьи, лебеди, соколы, галки, волки, всѣ тѣ же куріозы тогдашней пѣснодѣльной фразеологіи, — что въ сборникъ попали пѣсни pro и contra, въ похвалу той и другой сторонѣ, во славу правымъ и неправымъ, злымъ и добрымъ, побѣдителямъ и побѣжденнымъ. Сочинитель «Слова», вѣрившій, что онѣ дѣйствительно принадлежали Бояну, имѣлъ нѣкоторое право не быть довольнымъ нравственностью этого *соловья стараго времени,* котораго и соловьемъ величаетъ онъ не совсѣмъ безъ насмѣшки, создавъ для него эту постоянную кличку, какъ кажется, по поводу слишкомъ частаго и оглушительнаго *щекотанія* соловьевъ въ пѣсняхъ, такъ-называемыхъ, *бояновыхъ.* Изъ всего видно, что онъ очень мало цѣнилъ этого рода произведенія; и не мудрено: въ его время еще не было приказанія отъ Гердера покланяться грубымъ издѣліямъ грубыхъ воображеній и искать эпопей на сѣновалахъ. Жаль, что этотъ сборникъ уничтожился — если только настоящій сборникъ былъ составленъ —

если это не были летучія тетрадки, оставшіяся случайно отъ прежняго болѣе-пѣсеннаго времени, которыя драли на оберточныя бумажки для перцу и соли въ жидовскихъ лавочкахъ. Какія чудеса извлекали бы мы теперь изъ этого сборника! Сочинитель «Слова» приводитъ изъ него отрывки: но это не можетъ замѣнить драгоцѣнной потери, ни даже дать объ ней понятія. Не должно думать, что такой классическій риторъ станетъ изъ бояновой чепухи выписывать съ дипломатическою точностью: онъ перескажетъ это своими словами и своимъ краснымъ слогомъ. Притомъ же пѣсни, которыя онъ зналъ подъ названіемъ «бояновыхъ», были, разумѣется, сложены на народномъ языкѣ, всегда современномъ, а онъ *льпости ради* находитъ нужнымъ сказать «Слово» о походѣ Игоря *старыми словесы*, съ славянскими окончаніями, и отнюдь не по *замышленію боянью*, не по его страннымъ concetti.

Кажется, мы теперь можемъ прочитать перорацію «Слова» въ переводѣ. Этотъ переводъ будетъ въ высшей степени буквальный. Я только возвращу словамъ русскія окончанія. Гдѣ придется цѣлое славянское слово замѣнить рускимъ, тамъ оно будетъ выставлено курсивомъ. Къ словамъ, принятымъ въ латинскомъ или польскомъ смыслѣ, я прибавлю переводное ихъ значеніе, въ скобкахъ. Впрочемъ большая часть словъ и мѣстъ, требующихъ особеннаго объясненія, уже достаточно объяснены, и, гдѣ смыслъ легко угадывается, я постараюсь избѣжать и пояснительныхъ скобокъ. Такимъ образомъ мы обойдемся

безъ текста, для котораго нѣтъ и мѣста, и окончимъ поскорѣе это разсужденіе, уже слишкомъ утомительное. Оно поглотило все мое лѣтописное время. Хотѣлъ я говорить еще о другихъ новыхъ книгахъ, но теперь уже не успѣю. Вотъ этотъ переводъ: въ немъ не пропущено и не переставлено ни одного слова подлинника:

ПЕРОРАЦІЯ.

Не *прекрасно* ли будетъ, братья, начать, старыми словами трудныхъ повѣстей (изящныхъ твореній), о полку Игоревомъ, Игоря Святославича? *да* начать ту пѣснь (красный разсказъ) по былицамъ сего (Игорева) времени, а не по *хитросплетеніямъ* Бояновымъ; потому-что Боянъ вѣщій (піитъ), когда хотѣлъ кому пѣснь творить, то растекался (соловьемъ заливался) мысленно по дереву — сѣрымъ волкомъ по землѣ — сизымъ орломъ подъ облака *; упомянетъ въ рѣчи первыхъ временъ усобицу, *да и* ** пущаетъ десять соколовъ на стадо лебедей; который долетитъ, тотъ

* Польскія значенія глагола *растекаться* или *затекаться* позволили автору обойтись безъ особенныхъ глаголовъ для волка и для орла; въ то же время какъ *пѣть съ жаромъ* и *соловьемъ заливаться*, этотъ глаголъ значитъ *забрести*, *забраться*, *пробраться*, *проникнуть*: слѣдовательно, къ волку въ переводѣ нужно было бы, по распространенному смыслу общаго глагола, прибавить *пробирается*, а къ орлу *проникаетъ*. Rosciek, *растекъ*, означаетъ — жидкость, все что льется и течетъ. Zaciek, *затекъ*, глубокое или далекое прониканіе.

** Тогда — tedy, tandem.

(лебедь) прежде пѣсню поетъ — Старому Ярославу— Храброму Мстиславу — что̀ зарѣзалъ Редедю передъ полками касожскими — Красному Роману Святославичу, Боянъ же, братья, не (самъ) десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ, но свои вѣщіе (піитическіе) *персты* на живыя струны возлагалъ; онѣ же сами князьямъ славу рокотали (ворковали, и вотъ какъ): «Почнемъ «же, братья, повѣсть сію (сказалъ бы Боянъ), отъ «Стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, который «стянулъ (рать) ума крѣпостью своего и поострилъ «сердца своего мужествомъ; наполнившись ратнаго «духа, навелъ (направилъ) свои храбрые полки на «землю половецкую за землю русскую *. *Тутъ* Игорь «*посмотрѣлъ* на свѣтлое солнце и увидѣлъ отъ него «тьмою все свое войско покрытымъ, и сказалъ Игорь «дружинѣ своей: «Братья и дружина! лучше же потя- ««ту (изрублену) быть, нежели полонену быть. А вся- ««демъ, братья, на свои борзые кони, да *посмотримъ* ««синяго Дону»! Вспали князю умственныя вожделѣ- «нія и жалость (страсть) — ему *предзнаменованіе* за- «ступила (заслонила) — вкусить Дону великаго. «По- «тому-что хочу, *сказалъ*, копье преломить ** у поля ««половецкаго съ вами, Русичи (сыны Руссовъ), хочу ««голову свою приложить: а любо испить шлемомъ***

---

* Г. Гербелю показалось, будто «Вступленіе» оканчивается въ этомъ мѣстѣ, и здѣсь положилъ онъ конецъ своей *первой пѣснѣ* и начало второй.

** Rompre les lances — выраженіе, принадлежащее турнирамъ французскаго рыцарства.

*** Выраженіе латинскихъ поэтовъ: leo aquam haurire.

««Дону»»! О! Боянъ! соловей стараго времени! какъ бы ты сіи ополченія ущекоталъ (ущелкалъ), скача славно по мысленному дереву, летая умомъ подъ облака, сливая славы обопольныя (на обѣ стороны) сего времени, рыща къ трону Троянову черезъ поля на горы! Было (то есть пришлось ли бы) пѣть пѣснь Игорю, того Олега сыну *: «Не буря соколы занесла черезъ поля широкія (запѣлъ бы ты), а (полки какъ) «галичьи стада бѣжатъ къ Дону великому. Чили (польское, вмѣсто — или же) вспѣлъ бы ты, піитъ Боянъ, «Велесовъ внукъ: ««Кони ржутъ за Сулою; звенитъ ««слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новгородѣ, сто- ««ятъ стяги въ Путивлѣ; Игорь ждетъ милаго брата, ««Всеволода, и говоритъ ему богатырь Всеволодъ: ««Одинъ братъ, одинъ свѣтъ, свѣтлый ты Игорь! Оба ««вы Святославичи! Сѣдлай, братъ, свои борзые кони, ««а мои-то готовы, осѣдланы; у Курска, впереди. А ««мои-то Куряне — свѣдомые (знающіе) молодцы **, ««подъ трубами повиты (рождены), подъ шлемами

---

* *Олегъ*, *Олегъ* есть скандинавское и готское, очень обыкновенное, имя, Helg, которое значило «святой». Несторъ говоритъ, что русскіе Славяне назвали *Олега*, то есть перевели его имя, словомъ *Вѣщій*. Слѣдовательно, *вѣщій* значило нѣкогда «святой», то же что Helg (heilig). Но говоря о стихотворцахъ, авторъ «Слова», который знаетъ это значеніе, не можетъ думать о святости: онъ употребляетъ его въ смыслѣ польскаго классическаго слова *вѣщъ*, поэтъ.

** *Кмети*, въ средней латыни cmethones, готское gemeteis, нѣмецкое Gemiethe, собственно наемники; свободные люди земледѣльцы, которые допускались служить въ ополченіяхъ и при дворахъ за жалованье, наравнѣ съ *гриднями*, или жало-

««взлелѣяны, у копья вскормлены; пути имъ вѣдомы; ««яруги (овраги) имъ знаемы; луки у нихъ напряже- ««ны; тульи (колчановъ) отворены; сами скачутъ какъ ««сѣрые волки въ полѣ, ищущи себѣ чести, а князю ««славы». (Конецъ перораціи, или «Вступленія).

ЭКСПОЗИЦІЯ.

«Итакъ вступилъ Игорь князь въ *золотой* стремень и поѣхалъ по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступило (закрыло) *. Ночью, стонущей ему (вокругъ его) грозою, птичій убылъ свистъ; звѣриный въ чащѣ дивъ кличетъ вверху дерева, велитъ послушать землѣ незнаемой, Волгѣ, и Поморью, и Посулью, и Суражу, и Корсуню, и тебѣ, тмутараканская волна (морская). А Половцы неготовыми дорогами побѣгли къ Дону великому.

«Кричатъ (crient) телѣги полунощныя, словно лебеди роспущенные (взбалмошные). Игорь къ Дону войско ведетъ. Уже — во бѣды его полетъ птицъ. Подобно (птицамъ) и волки грозу̀ ворожатъ по яругамъ.

ванниками, отъ готскаго greida, жаловать. Solidatus, получавшій по одному солиду (деньга) въ день, значило въ средней латыни почти то же самое: отсюда французское soldat.

* Вотъ вторично рѣчь о затмѣніи. Въ переводѣ и раздѣленіи г. Гербеля, это, ничѣмъ неоправданное и необъяснимое повтореніе, производитъ страшную путаницу. Такого отсутствія логики предположить невозможно у автора «Слова», который, какъ всѣ видятъ, пишетъ бойко и прекрасно въ своемъ риторическомъ родѣ. Теперь мнѣ кажется, все ясно, все въ порядкѣ. Повтореній нѣтъ, какъ и быть ихъ не должно, когда хорошій текстъ хорошо понятъ переводчикомъ.

Орлы клекотомъ на кости звѣрей зовутъ. Лисицы брешутъ на красные щиты *. О! русская земля! уже ты за Шеломанемъ!...

«Долго ночь меркнетъ. Заря, свѣтъ запали. Мгла поля покрыла. Щекотъ (щелканье) соловьиный уснулъ, Говоръ галичій убылъ, Русичи великія поля красными щитами перегородили, ищущи себѣ чести, а князю славы....» и прочая, и прочая.

Ну! если это писатель тринадцатаго вѣка, такъ всѣмъ намъ, господа, надо изломать перья, опрокинуть чернилицы и перестать писать. Онъ лучше нашего пишетъ нашимъ нынѣшнимъ языкомъ и ловче нашего владѣетъ нашими нынѣшними мыслями и фразами. На четырехъ страницахъ — *старыхъ словесъ трудныхъ повѣстей,* словесъ собственно славянскихъ, всего только семь: *лѣпо*, *иже*, *воззре*, *позримъ*, *рече*, *знаменіе* и *златъ*. Все остальное русское новѣйшее, съ незначительнымъ числомъ славянскихъ окончаній и съ примѣсью немногихъ словъ червлено-русскихъ и

---

* Красные щиты были принадлежностью Красной или Червленой Руси. Авторъ «Слова» по видимому самъ Червленорусинъ, увлекаясь риторическою потребностью звучныхъ эпитетовъ, навѣрное ошибается, когда прочимъ областямъ приписываетъ красные щиты для краснаго стиля. Волынь, Украйна и Сѣверская Земля были часто называемы Черною Русью, конечно, по цвѣту тамошнихъ щитовъ — Щитъ, въ характеристикѣ этихъ странъ и въ ихъ раздѣленіи, составлялъ чрезвычайно важную черту, потому-что и самое названіе Скиѳіи, правильнѣе *Скютіи,* происходитъ отъ skjölt, щита, и самое слово *Русъ*, rus, rys (чистый *рюсъ*), значитъ также — щитъ: готское и скандинавское названіе главнаго изъ девяти родовъ щита.

польскихъ, принятыхъ въ новѣйшемъ ихъ смыслѣ. Взялся писать *старыми словесы*, и — не выдержалъ! Да и мудрено выдержать, когда въ душѣ такъ сильно кипятъ новѣйшая мысль, новѣйшее чувство изящнаго и новѣйшая литературная фраза.

Виноватъ: хотѣлъ написать о «Словѣ» три-четыре листка, и написалъ цѣлое *мысленное древо.* Пора проститься съ вашимъ терпѣніемъ.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ

ВЪ СОБРАНІИ СОЧИНЕНІЙ СЕНКОВСКАГО.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Ч.

Ш.

Э.

Я.

Ѳ.

